

ИНДЕКС 73375 (Роспечать)
51845 (МАП)

СЕВЕР
9 + 10

СЕВЕР

9 + 10
сентябрь-октябрь
2014
ISSN 0131-6222

20
14

В номере:

- За чертой милосердия. К юбилею Д. Гусарова
- Тайны истории: герои забытой войны
- Обитель зла? О новой книге Захара Прилепина
- «Синие звезды Европы...» Роман Л. Басовой

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1940 ГОДА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛИ: ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ,
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ПОЭЗИЯ

Геннадий ГОЛЯДКИН	«СТАРЫЕ ФОТО, (12+) МГНОВЕНЬЯ БЫЛОГО...»	3
Ольга ФЕДОРОВА	«Я УЧИЛА ТЕБЯ (12+) НЕ ПЛАКАТЬ...»	49
Борис ОРЛОВ	«ЛИСТОПАДОМ (12+) ОКРУГУ НАКРЫЛО...»	90
Армас МИШИН	«А МЫ С ТОБОЙ (12+) НОВОБРАЧНЫЕ...»	160
Геннадий МИХЛИН	«ПРОЗРАЧНО ЛЕТО (12+) ПО УТРАМ...»	220

Литературный конкурс журнала «Север» СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

Сергей РАФАЛЬСКИЙ	(12+) СТРАННЫЕ РЫБЫ, <i>рассказ</i>	5
Диана АРЕХАНОВА	ЖЕЛТЫЕ ХРИЗАНТЕМЫ (12+) НА СЕРОМ ПЕСКЕ, <i>рассказ</i>	84

ПРОЗА

Надежда ВАСИЛЬЕВА	ГАГАРА, <i>повесть</i> (12+) (<i>окончание</i>)	10
Людмила БАСОВА	СИНИЕ ЗВЕЗДЫ ЕВРОПЫ, ЗЕЛЕННЫЕ ЗВЕЗДЫ АЗИИ, <i>роман</i> (16+)	111

ПРОЗА

Вениамин СЛЕПКОВ	ПРИНЦ ХОСТИНПУРА, (12+) <i>повесть-сказка (продолжение)</i>	183
Виталий МОРОЗОВ	СВЕКРОВЬ И НЕВЕСТКА, <i>рассказ</i> (16+)	226

ПО РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ

Юрий ЛИННИК	(12+) МОНРЕПО, <i>окончание</i>	34
--------------------	------------------------------------	-----------

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Константин ГНЕТНЕВ	(12+) ЗА ЧЕРТОЙ МИЛОСЕРДИЯ	51
---------------------------	-------------------------------	-----------

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Юрий ШЛЕЙКИН	(12+) ГЕРОИ ЗАБЫТОЙ ВОЙНЫ	60
---------------------	------------------------------	-----------

ДЕБЮТ В «СЕВЕРЕ»

Людмила СОЙТУ	«СЕМЕНА УГАСАЮЩЕЙ СКАЗКИ...», <i>стихи</i>	71
Андрей ТЮКОВ	(12+) ОТЕЦ ВАСИЛИЙ, <i>рассказ</i>	78

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Владимир БОНДАРЕНКО	ВЛАСТЬ СОЛОВЕЦКАЯ (<i>О романе З. Прилепина</i> «Обитель») (12+)	72
----------------------------	---	-----------

СЕВЕР

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

Александр ЕРШОВ (12+) СНЫ О ПРОШЛОГОДНЕМ ЛЕТЕ **92**

МОНПАНСЬЕ

РАЗНЫЕ СЛУЧАИ (12+)
ИЗ ЖИЗНИ МАЛЬЧИШЕК:
БЕЗУМНЫЙ СЕНЕЧКА; СЛАБАК;

Михаил ГРИШИН РЕАЛЬНЫЕ ПАЦАНЫ; ОШИБКА
ПРЕДСКАЗАТЕЛЯ, рассказы **162**

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

Вадим БАДАНОВ (12+) ЗЕМСКАЯ МЕДИЦИНА
НА РУССКОМ СЕВЕРЕ **168**

ИНТЕРВЬЮ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

Ольга ГЕРМАНОВА, (16+)
Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН ЗОНА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ДОВЕРИЯ **222**

Э С С Е

Панко АНЧЕВ (12+) ДИАЛОГ КУЛЬТУР И / ИЛИ
СИМФОНИЯ КУЛЬТУР **234**

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Алексей КУЗЬМИН, (12+) ЧЕЛОВЕК,
ПОСТРОИВШИЙ КАРЕЛИЮ **237**
Александр ВОРОНИН (12+) ПЕРЕКЛИКАЯСЬ С ВЕЛИКИМИ **239**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ **240**

На обложке – фото М. Шкрыкина
«река Руоскеала. Осень»

Журнал «СЕВЕР»

идет по подписке во все регионы России.

Журнал поступает в администрации
областей и республик Северо-Запада.

Содержание журнала не обязательно
отражает точку зрения редакции
на затронутые темы.

За точность фактов и цифр
ответственность несут авторы.

Редакция пока не имеет возможности
платить авторский гонорар.
Авторам высылаются журналы
с их публикациями.

Редакция оставляет за собой право
не вступать в переписку с авторами,
произведения которых не будут
опубликованы.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

При использовании материалов,
опубликованных в журнале, просим
непрерывно ссылаться на «СЕВЕР».

☎☎ (8142)

гл. редактор **78 47 36**
отв. секретарь. **78 47 36**
отделы: **78 48 05**

прозы,
поэзии,
публицистики

E-mail:

sever@karelia.ru

Для рукописей:

sever-journal@mail.ru

Наша страница в Интернете:

<http://sever-journal.ru>

Адрес редакции: **185035, г. Петрозаводск,**
Пушкинская, 13, журнал «Север»

© АУ редакция журнала «СЕВЕР»

Геннадий ГОЛЯДКИН

окончил факультет журналистики ЛГУ (1990).
 Работал в редакции газеты ГУВД Ленинграда
 и области «Ленинградская милиция» (1984-2001),
 с 2003 г. — главный редактор журнала «Вестник
 Санкт-Петербургского университета МВД России».

Публиковался в поэтических сборниках
 «Васильки на погонах» (1995),
 «Музы в милицейском доме» (2008),
 «Откройте, полиция!» (2013).

Автор поэтических сборников «Стихи.ру» (2013),
 «Лента рецензий» (2013), «Эль рубаят» (2014).
 В журнале «Север» публикуется впервые.

**Геннадий
 ГОЛЯДКИН**
 г. Санкт-Петербург

*«Старые фото,
 мгновенья бывшего...»*

В НАШЕМ ДОМЕ

В нашем доме ковры и хрусталь не в чести,
 Но зато сюда можно друзей привести.
 Пусть к изысканным яствам наш дом не привык —
 В нем достанет на всех кофе, песен и книг.

В нашем доме всегда снятся лучшие сны,
 Три звезды из окошка на кухне видны.
 Спит в стакане вчерашних ромашек букет
 В нашем доме...
 Которого нет!

В нашем доме на стенах — картины друзей,
 Мы танцуем под шепот осенних дождей,
 Над кроватью детской склоняясь, не дыша,
 Мы на спящего долго глядим малыша.

Крепко-накрепко он наши судьбы связал,
 А вчера свое первое слово сказал!
 Долго-долго еще не узнает он бед —
 Наш ребенок...
 Которого нет!

В нашем доме сумбурно от птиц и котят,
 В нашем доме любую обиду простят,
 В нашем доме и окна, и души чисты,
 В нашем доме все самое ценное — ты!

В нашем доме не любят ключей и замков,
 Уважают своих и чужих стариков.
 Освещен дом любовью и счастьем согрет —
 Нашим счастьем...
 Которого нет!

* * *

Старые фото, забытые фото...
 Рядом с тобой неопознанный кто-то —
 Кто-то, когда-то знакомый хороший,
 Нынче же ни на кого не похожий...

Кто эти люди и где они ныне?
 Чей это взгляд, преисполненный сини?
 Чьи это губы улыбку не прячут?
 Жесты какие-то... Что они значат?

Все это было — и все это всплыло,
 Разом нахлынуло — и завалило!
 Старые фото, мгновенья бывшего...
 Я изучаю их снова и снова.

Люди — никак не могу наглядеться!
 Город — в котором прошло мое детство.
 Вещи — друзья и помощники мысли.
 Дом — он меня приготавливал к жизни.

Листья — что вскоре опали и сгнили.
 Книги — что самыми лучшими были...
 Натуго свернута пленка рулоном:
 36 кадров с весельем и стоном,

36 кадров давнишней картины —
 Мушки, погибшие на паутине...
 Старые фото, забытые фото...
 В жизни без них не хватает чего-то...

* * *

Сюда ты ходишь часто. Без друзей.
И сердце начинает биться глухо,
Когда ты открываешь дверь в Музей —
Великую Сокровищницу Духа.

Ты точно знаешь здесь, куда идти —
Туда, где вам ничто не помешает.
Там, в завершение твоего пути —
Отчаянная девочка на шаре.

И ты стоишь, не чувствуя времен,
И больше ничего уже не надо...
И хочется все длить и длить тот сон,
Стоять, не отводя от взгляда взгляда,

И сердце греть в струящемся тепле,
И отвечать ему волною жара,
И чувствовать подошвами туфель
Поверхность неустойчивого шара,

И нервно балансировать на ней,
Ловя с картины удивленным взглядом
Взгляд женщины — той, что зашла в музей...
Опять... стоит и смотрит... что ей надо?

Она и ты... Разны — и так похожи...
Вы грезите в одном и том же сне...
И если б не задел плечом прохожий —
Ты так бы и осталась в полотне...

СНЫ ПРОЛИВАЮТСЯ ВСЕГДА...

...И после слез (или утех —
Кому как в жизни подфартило)
Сны проливаются на тех,
С кем в этой жизни что-то было,

Кто хоть о чем-то, но мечтал,
Кто хоть куда-нибудь, но ездил,
Кто хоть однажды, но устал,
Кто сочинял стихи... кто грезил...

Сны проливаются на тех,
Кому темно и больно было,
Кого порою грел и снег,
Кому и темнота светила.

* * *

Как нам хочется быть королевами —
Королями-принцессами-принцами,
Чтобы нас обожали-лелеяли
И за нас бились насмерть бы рыцари.

Как нам хочется быть самолучшими,
На обложках красивиться глянцевах,
Чтобы туфли от Гуччи бы — кучами,
От Армани бы платья — гирляндами.

Только ведь суждено нам пожизненно
Наряжаться в иные обновочки:
Вместо платьев — в протертые джинсики,
Вместо Гуччи — в простые кроссовочки.

Все возможно! Мечтания детские
Вдруг взрываются свежими красками:
Вот и джинсы — вполне королевские,
И кроссовки — поистине царские!

И не стоит возиться с коронами,
С соболями-песцами-лисицами —
Надо только глазами влюбленными
Посмотреть на девчонку российскую.

**Сергей
 РАФАЛЬСКИЙ**

г. Киев

рассказ

1

В последний раз Лида со своей старшей сестрой и сыном приезжали ко мне больше десяти лет назад. Тогда я повел их на пляж через озеро. Это даже не озеро, а огромная яма, наполнившаяся подземными водами. Ступали осторожно, шли по колено в воде, цепляясь руками за стволы деревьев, видневшиеся над поверхностью. Лида вела Максима за руку, чтобы он не бултыхнулся в воду, зацепившись ногой за камень или корягу, я же развлекал Ригу, она шла, схватив меня под локоть.

Я полюбил Лиду и ее сестру с тех самых пор, как мы познакомились на побережье у дома отдыха. Компания туристов из столицы, добравшись до южной оконечности страны, остановилась именно здесь; я был отправлен им в помощь домом отдыха для того, чтобы молодые люди смогли развести костер, не оставили после себя мусор и, в общем, чтоб не случилось никаких непредвиденных ситуаций. Но

ко мне не отнеслись как к чужому: пригласили к себе, напоили горячим вином, я попытался озябшими пальцами сыграть несколько песен на гитаре для всей компании.

Большая часть ребят, устав от долгого перехода, быстро разошлась по палаткам, чтобы на следующее утро отправиться дальше по приморским дорогам. Возле костра остались лишь мы втроем: я, Лида и Рига.

Лида, слегка захмелевшая, смотрела на взлетавшие к чистому звездному небу мелкие щепки, которые отлетали от трескучих, гаснущих и вновь разгорающихся веток; мы же с Ригой болтали об их спелеосекции, о пещерах, горах, реках и долинах.

Я, парень чуть старше их, не получивший толкового образования, но знавший о жизни на побережье абсолютно все, пытался удивлять девушек, и они удивлялись. Рига смеялась над моими мальчишескими историями, а я пытался уходить от ответа либо отшучиваться, когда речь заходила о моей семье. Тогда я думал, что не стоит рассказывать о моей матери, что на

три-четыре месяца в году, когда к морю стекаются туристы, становится хозяйкой мелкой продуктовой лавки прямо в нашем доме; именно это помогало нам сводить концы с концами зимой. Рига заливистым смехом реагировала на мои рассказы о том, что я сын пирата и кухарки, хотя это было не так далеко от истины.

Лида лишь слегка улыбалась, обнажая белые ровные зубы — светлое пятно на загоревшем лице. В эту-то улыбку я и влюбился.

За нескончаемым потоком разговоров наступило утро: серость заглотила в себя звездный шатер, а затем пространство начало набухать тонами восхода солнца — от бледно-красного до золотого. Я помог ребятам убрать мусор, собрать палатки и спальники, уложить нехитрое туристическое снаряжение. Рига и Лида по очереди обняли меня, мы обменялись адресами, они дали мне свой городской номер телефона.

Следующие полтора месяца я провел на том же пляже, помогая другим туристам и выполняя работы в кемпинге, но ни с кем больше не сблизился за то лето так, как с Лидой и Ригой.

2

Зима наступила с холодным степным ветром, ежедневной моросью и скользкими дорогами, ставшими практически непреодолимым препятствием в тот самый момент, когда пришла необходимость частых поездок в поселок за лекарствами для матери. Ежедневно я садился за руль полуразвалившегося «Москвича» и ехал в поселок на старую почту, где тетя Валя, почтальонша, хорошо знавшая еще мою бабушку, отдавала мне приходящие от Риги письма. Рига писала, что ее сестра уехала в горы со своим новым другом, а она сама заняла должность руководителя спелеоклуба.

Рига звала меня приехать в столицу, я отвечал ей, что не смогу оставить нездоровую мать одну, но очень бы хотел увидеться с сестрами, когда Лида вернется с гор; приглашал летом к себе, но Рига, ссылаясь на занятость и планы на лето, изменить которые она была не в силах, отказывалась несколько раз.

Той весной я почувствовал, что количество дней в Крыму, которые по-настоящему можно назвать весенними, сократилось практически до нуля. Сразу за зимой наступает лето; за несколькими днями, когда с трав сходит хрупкий лед, сразу же идет пора палящего солнца, которое наполняет соками землю и многочисленных насекомых, ящериц, птиц...

Мать начала поправляться, возникли ежедневные хлопоты перед началом сезона. Я снова стал ездить в поселок, но уже на велосипеде. Так хотя времени уходило больше, но теперь я не боялся за поломку машины в пути. Я цеплял маленькое радио к багажной сетке велосипеда, подпевал по пути знакомым песням, не замечая течения минут.

Приезжая в поселок, я сначала выполнял все поручения матери, заходил на рынок съесть караимский пирожок, выпить стакан освежающего лимонада, послушать толки базарных торговцев, лишь затем шел на почту. Иногда она оказывалась закрыта, поскольку я приходил слишком поздно, тогда я чувствовал, будто камень упал с души: Рига продолжала регулярно писать, но почти не упоминала в письмах о Лиде. Я же стал реже отвечать, мне стало как-то неловко в каждом письме спрашивать о судьбе ее сестры. Все равно мои вопросы оставались без ответа либо сталкивались с сухими отговорками о том, что Лида жива, но сестры не виделись с тех пор, как младшая вернулась с гор.

Однажды я приехал домой из поселка, переделал все вечерние дела. Когда настало время забыться во сне, не обращая внимания на жужжание мух и скрип сверчков в хрупкой пожелтевшей траве за окном, я начал методично упорядочивать в своей голове сведения о жизни моих подруг, двух сестер, с которыми мы накрепко связались той странной летней ночью. Не замечая, как проходят получасы, не следя за едва уловимым хрустом секундной стрелки, я раз за разом приходил к выводу, что мне необходимо следующим же днем, когда отправлюсь в поселок, попытаться позвонить по домашнему номеру Риги, перебороть свой страх перед кажущимся сопротивлением и ее нечуткостью в письмах, нежела-

нием упоминать о сестре. В полусонном метании на пропитанных потом простынях я понял, что за все это время, пока мы были разлучены с Лидой и Ригой, я необратимо вдавливал их в свою жизнь.

Я проспал каких-то два часа, а потом помог матери открыть магазин; по улице от моря уже уходили рыбаки, а им навстречу шли отдыхающие с полотенцами и плавательными кругами. Я не помню, как тогда добрался до поселка. Как прежде, включив радио, я сосредоточился на дороге, но на этот раз не подпевая, даже не подсвистывая мелодиям.

Первым делом я отправился на почту и попросил у тети Вали соединить меня с номером, который год назад оставили мне сестры. Закрыв за собой дверь телефонной кабинки, слушая протяжные гудки связи, я будто бы снова вернулся в закатное зарево и в волны первых слов, сказанных мне Лидой и Ригой.

Трубку взяла Рига, я точно знал, что это она, в мозгу пронеслось импульсом: мы вовсе и не расставались, сегодня лишь следующий день после знакомства. Ее слово «алло» было составлено из множества звуков, которые обволакивали меня в те часы, когда сестры были рядом. Но мой язык прилип к нёбу, в горле пересохло, в ответ я не вымолвил ни слова, прежде чем она снова произнесла: «Алло!»

На заднем плане в трубке раздался требовательный крик — так плачут новорожденные или совсем маленькие дети. Я оторвал мокрый пластик от уха и уже не слышал тысячи ее «алло»; повесил трубку на крючок, вышел из кабинки, положил две бумажки в маленькое блюдечко за окошком почты, где сидела тетя Валя, и вышел из здания.

3

Моя мать слегла осенью и умерла на следующее лето после того, как я позвонил Риге. Я похоронил ее в поселке и почти каждую неделю приезжал на могилу. По привычке так же заходил на почту, но после нескольких писем без ответов Рига перестала писать. Меня мучило чувство обиды, я спрашивал се-

бя: «Почему Рига скрыла от меня, что Лида родила ребенка?» А в том, что это был именно ребенок Лиды, я не сомневался. Разве она могла побояться потерять нашу дружбу из-за этого, я был бы всегда рад увидеть их всех у себя в доме на побережье Черного моря, встретить их снова, узнать, как они живут. Но теперь я остался совсем один, собственноручно изолировав себя от неизбывного предательства. Да, именно так я и называл внутри себя нежелание Лиды гордиться своим ребенком. Построив себе песчаный остров из своих иллюзий и страхов, став жить как дикарь, добывая себе пропитание из морской пучины, я постоянно пребывал во вселенском монологе перед самим собой.

Между тем с моих губ монотонно слетали фразы о том, что они забыли меня, они не испытывали тех глубоких чувств, которые испытывал к ним я, и, следовательно, никогда не смогли бы ответить мне взаимностью; но я быстро уничтожал эти фразы, раскусывая до крови губы, не желая больше произносить этих слов, а тем более — верить в них.

Прошло еще одно лето, я стал реже ездить в поселок, моя машина сломалась, я не пытался ее чинить или просить помощи у соседей. Я жил на деньги, вырученные с улова, отдавая их соседскому мальчику, который приносил мне раз в несколько дней мясо, молоко и хлеб.

Поздней осенью я все-таки кое-как попытался привести себя в порядок. Остриг бороду и волосы, надел белую рубашку и черные брюки, в которых последний раз был на похоронах матери, и поехал на велосипеде в поселок. Дни стояли теплые — такое нередко случается у берегов, когда ветер дует с юга, неся с собой покой и размеренность. Я ехал в поселок около двух часов, хотя мой обычный путь занимал немногим более получаса.

В поселке я увидел обычно пустую для сезона базарную площадь, только несколько торговцев под выгоревшими зонтами стояли возле почты с ящиками и коробками, наполненными овощами.

Я зашел в здание почты с велосипедом и улыбнулся тете Вале, она радостно встретила меня, широко улыбнувшись. Женщина при-

несла мне письмо со словами: «На прошлой неделе пришло». Я мгновенно выхватил его из рук почтальонши и засунул конверт в карман рубашки.

Выйдя на улицу, я вытащил письмо и взглянул на адрес: тот же город, улица, дом, но имя — Лиды. Внутри меня что-то кольнуло, я хотел оторвать ленту и прочитать все строки, которые я так ждал эти годы. Тетя Валя не соврала, штемпель о прибытии значился прошлой неделей, я успел понять какие-то далекие намерения, затронуть струны расстояний, почувствовать волю судьбы...

Через неделю мой ответ был готов, я долго собирался с духом, искал нужные слова; письменные принадлежности я попросил у того же соседского мальчика.

Наша переписка с сестрами обрела второе дыхание; в самые лютые степные морозы я просил соседей привозить мне письма из поселка, несколько дней раздумывал над ответом и от чистого сердца писал Лиде обо всех своих переживаниях. Те письма были написаны довольно сумбурно, но в каждом из них я оставлял часть себя, которая была погасшей искрой костра той ночи.

Они приехали после все такой же короткой весны: Рига, Лида и ее сын Максим.

Лида почти не изменилась, лишь немного поправилась, у ее глаз появились морщины от слез. Все та же полностью обнажающая белые зубы улыбка заставила улыбнуться и меня, когда я встретил их рейсовый автобус в поселке на площади.

4

Мы вчетвером вышли из моря. На ступни налип песок, моим ногам стало щекотно от теплых солнечных лучей. Я сказал, что возьму Максима на руки и перенесу его через дорожку с мелкими камешками. Он обхватил руками мою шею, Лида ушла вперед, а я шагал вместе с Ригой.

— Она ищет отца своему ребенку. Им мог бы стать и ты. — Рига окинула меня взглядом, а затем снова поглядела вдаль.

— Ну и кто отец Максима? — спросил я, когда мы уже добрались до пляжа и Лида с сыном бросились играть к воде, а мы с Ригой расстелили прорезиненное полотенце там, где ковер растительности переходит в песок.

— Сама практически ничего о нем не знаю, — сказала девушка, дернув плечом и сощурившись от закатного солнца, — несколько раз он приезжал к нам домой, но я была в отъезде. После рождения Максима Лида стала еще более замкнутой. Она работает в центре помощи женщинам — брошенным и изнасилованным.

Мы вернулись с пляжа в сумерках, а на следующую день после моей утренней ловли и совместного обеда наша прогулка повторилась. И так продолжалось всю неделю: Максим с каждым днем все крепче обнимал меня за шею, я рассказывал ему про обитателей моря, дальше мы садились с Ригой на одном и том же месте, указателем которого нам служил обглоданный ветром ствол дерева. Длинных разговоров с Лидой не было, будто бы это не она писала письма зимой и весной с объяснениями своего молчания, рассказами о сыне; будто это не она выдала мне страшную тайну пережитого насилия, не она рассказала, что Максим — подарок злого случая, от которого девушка не смогла защититься.

Я исписывал тысячи страниц ее именем, наименованиями чувств, похожими на ярлыки аптечных банок, — то, что хотел бы передать по воздуху, земле, воде телеграфными и электрическими проводами; но ни разу в письмах не сумел узнать, мечтала ли она, помнила ли она, волновалась ли она... И это так и осталось запертым в шкатулке, куда я складывал наиболее красивые раковины, отполированные водой стеклышки, засохшие кусочки плавника; из шкатулки пахло морем, из нее виднелся оранжевый блин небесного светила. Я часто перебирал эти раковины, выкидывая надоевших мне обитателей шкатулки в мешок возле дверей. Все это я делал для того, чтобы освободить деревянное пространство для подарков от новых приключений моего разума; так я наполнял шкатулку песком, отбитыми камнями, разной трухой.

Они уехали втроем именно в тот момент, когда и должны были уехать, не оставшись ни на день дольше. Я почти не помню часа нашего прощания — время с того момента, когда Лида, Рига и Максим вышли из моего дома, и до того момента, как они скрылись в пыли дороги, скомкалось в липкую летнюю секунду.

И именно тогда, как мне думалось, я перестал для них существовать.

Множество раз после этого мне казалось, что их приезд был просто знаком уважения, признательности за мою самоотверженность, но точно об этом я, вероятно, так никогда и не узнаю.

5

Большее десяти лет назад. Ни много и ни мало. Ничего не изменилось, кроме того, что теперь, когда я забирал письма с почты от Лиды или Риги, то складывал возле печки, топившейся зимой, так и не вскрыв. Сестры грели меня огнем, который я не получил в течение всех ночей, когда они оставались далеко отсюда.

За последние два года я получил лишь три письма. Их отдала мне новая почтальонша.

Сидя этими жаркими днями еще одного лета, я бы хотел вернуть свое молодое тело и наполненный жизнью разум в ночь нашего знакомства. Я хотел бы, чтобы в пыли, которую поднимает северный ветер, показалась фигура моего приемного друга, настоящего найденного сына Максима, чтобы он сказал мне: «Возвращайся!», обняв меня за шею. Он, уже выросший и обходящийся без меня, спросил бы, зачем я храню раковины возле двери в мешке, почему я до сих пор не приехал к ним; попросил бы еще раз рассказать про всех странных рыб, которые живут в море, окружающем мой остров.

Я и умру здесь; соль вьется в мои глаза, призраки разрушат идиллию этого места, жучки проникнут в полости деревянных стен; рыбы будут плавать в проемах комнат, а остров перестанет существовать.

Вечно только ожидание.

□

Сергей РАФАЛЬСКИЙ

родился в Евпатории.

Пишет рассказы.

В 2011 году вошел в лонг-лист независимой литературной премии

«Дебют» в номинации «Малая проза».

Публиковался в журналах «Дніпро», «Коло», «Більше».

Лауреат конкурса «Северная звезда-2013» в номинации «Проза».

Живет в Киеве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Надежда ВАСИЛЬЕВА

г. Петрозаводск

Гагара

повесть

* * *

Илона прочла. Но особых чувств история Ибедной Лизы у неё не вызвала. Как-то уж больно сентиментально, а потому верится с трудом. И зачем Алла Ивановна стала это читать в классе? Лучше бы на дом задала, а потом уж обсуждали на уроке. Не такой уж у неё актёрский дар, чтобы подражать голосу юной особы из прошлых веков. И все эти слащавые эмоции в мясорубке Аллушкиных ругательств превратились в совершенно безвкусный винегрет!

Люба Прохина, самая, пожалуй, начитанная девчонка в их классе, утверждала, что многие хлёсткие выражения Аллушка придумывает сама. Мол, у неё, как у носителя словесности, на этот счёт редкое природное дарование. Но мужское самолюбие мальчишек эти «творческие изыски» классной дамы не принимало. И на это её «природное дарование» им было, прямо скажем, глубоко наплевать. Любе Прохиной нравился Тарасов. Правда, ничем таким она себя не выдавала, но всё же однажды Илона поймала её восхищённый взгляд, брошенный в Борькину сторону. И задумалась. По стати они, конечно, друг другу подходили. Любка везде и всегда держалась королевой. Но! И осанка, и лебединая шея, и медленные, полные величия повороты головы, и даже её заумные фразы... – всё это плыло мимо Борькиного внимания. Илона часто ловила на себе Любкины ревностные взгляды.

– Нет, Чижик! – вернул к действительности голос Сашки Кравченко. – Пусть бы лучше Аллушка копыто сломала! Тогда бы не неделю, а несколько месяцев отдыхали. Вот бы расслабились!

– Зачем зла человеку желать?! – возмутилась Света. – Самим же потом хуже будет. Проболеет, а потом начнёт по программе гнать как сумасшедшая. Вы же её знаете. У Аллы Ивановны гипертрофированное чувство ответственности.

– Светка права! – поддержал её самый мелкий в их девятом «Б» классе Вовка Денисов. –

Окончание. Начало в журнале «Север» № 7-8, 2014 г.
Повесть «Гагара» вошла в число лучших произведений для детей и подростков по итогам Международного конкурса имени С.М. Михалкова.

Аллушка потом всех действительно загонит. Сейчас нас на замену ей математикой до одури накормят, а потом каждый день будем сочинения по ночам строчить. Так что, как говорит мой мудрый дед, «хрен не слаще редьки»!

Про Вовку Денисова следует рассказать отдельно.

Он появился в их классе как-то неожиданно, посреди учебного года. Пришёл на урок вместе с Аллой Ивановной.

— Денисов Владимир — ваш новый одноклассник. Прошу любить и жаловать! — представила она его классу. — Он приехал к нам из Воркуты.

— Ух ты! Из Воркуты! — хохотнул Чижиков, делая ставку на удачную рифму «ты» — «Воркуты». — И каким же ветром его к нам занесло?

— Чижиков! Перестань паясничать! — пристрожила Витьку учительница.

— Алла Ивановна, — подхватил хохму Тарасов, — а он случайно классом не ошибся? Уж больно ростом маленький. Может, ему не в восьмой, а в пятый надо?! — и закрутил головой, ловя взгляды одноклассников. Оценят ли его остроумие? Но классу нападать на новенького явно не хотелось. Что-то было у него во взгляде такое, что вызывало невольное уважение. Илоне долго было не понять, что именно. И только потом дошло. В глазах новенького не было страха. Потому и вёл он себя так, будто не чувствовал на себе любопытства тридцати пяти пар глаз.

— Уймись, Тарасов! — погрозила Борьке пальцем Алла Ивановна. — И вспомни русскую народную поговорку: «Мал золотник, да дорог!» И наоборот: «Велика фигура, да ...» Она не договорила, за неё договорил Кравченко:

— «...да дура!» Это про тебя, Бульба!

— Заткнись! — рявкнул Борька.

— Борис, это домыслы Саши Кравченко. Я не тебя имела в виду. Кстати, в характеристике у Володи написано, что он имеет большие способности к математике. Сядешь на вторую парту, — кивнула она головой в сторону Илоны. — Надеюсь, Илона не будет возражать?

Илона пожала плечами, мол, а мне-то что, и подвинулась, давая новенькому место. Из-за спины донёсся ядовитый Борькин шёпот:

— С ней рядом сидеть опасно. Она своих

приближённых на тот свет быстро отправляет!

Много подколок глотала от Тарасова, но тут вдруг чаша терпения переполнилась. Встала и, подойдя к Борьке, изо всех сил хлёстко вмазала ладонью по щеке. От неожиданности Борька на минуту «завис». Девчонки ахнули. Парни почти в голос протянули: «Вот это да-а-а-а!»

— Ну, Гагара! Перед новеньким выпендриваешься?! — наконец опомнился Борька. — А не боишься, что сдача замучает?!

Но Илона уже садилась на своё место и сделала вид, что не слышит.

— Прекратите немедленно! Что за мафиозные разборки?! — опомнившись, закричала классная. — Развели тут на уроке неизвестно что! Не класс, а сборище хамов! Хоть бы новенького постеснялись! И это при классном руководителе! Вот возьму и соберу экстренное родительское собрание! Не мам, а пап! И, пока все папы не придут, не буду вести уроки!

— Мне повезло, у меня бати нет! — зевая во весь рот, оповестил всех Лёня Туз.

— Дай бог терпенья! — как на убогого, посмотрела на Лёньку Алла Ивановна. И, выпустив, что называется, пар, классная, как это делала обычно, всё-таки перешла к проверке домашнего задания.

Новенький вёл себя так спокойно и естественно, что очень быстро стал в классе «своим в доску», хоть голос свой подавал редко. Видно, был из тех, кто хорошо знает цену словам. И к нему прислушивались. Хоть ростом он был Тарасову по плечо, а Тузу — и вовсе по грудь, на все Борькины подколки отвечал с таким юмором и достоинством, что часто ставил Бульбу в тупик, а другим ребятам это удавалось крайне редко. Илоне особого внимания Вовка не уделял. Как однажды выразилась Светка, «дышал в её сторону спокойно». И очень скоро Борька потерял к нему сопернический интерес.

Вот и в тот день Вовкины слова заставили класс задуматься. Стоит ли недобрым посылом «ломать Аллушке ноги». Всё-таки мысли материальны.

— Вообще-то, Аллушка не такой уж и злыдень, — как всегда беспристрастно констатировал Лёня Туз. — Бывают учителя в сто раз хуже её. Взять хотя бы математичку. Улыбаясь,

будет единицы в пятки вшивать. А на вид — сама доброта. У нашей же Аллушки слова впереди мыслей скачут. Вот в чём её беда.

Илона озадаченно склонила голову набок. Однако!.. Неужели все толстые люди такие добрые? Лёньку ей всегда было почему-то жалко. Ещё в детском саду ребята часто щипали его за бока и хором кричали: «Жир! Жир! Жир!» И даже Тамара Петровна, видя его неумный аппетит, стучала по руке: «Тузов! Пореже ложкой работай! Пореже!» А бабушка Лара, как врач, объясняла это так: «Сахарный диабет. Нарушен обмен веществ. Бедный ребёнок!»

— Но с обзывками классной как-то всё-таки надо бороться! — вывел Илону из задумчивости вкрадчивый голос Катьки Федотовой. — Только как?! Вопрос!

Ну, Катька! Тихоня тихоней, а тоже вон как воду мутит! Видно, Аллушкины эпитеты всех уже достали. И вдруг осенило:

— А что если после самой первой обзывки всем классом встать?! В знак протеста! — быстро заговорила Илона. — Просто молча встать, и всё! Может быть, тогда она поймёт и укоротит свой язык?

— Мысль неплохая! — закрутил головой Чижиков, ища поддержку у парней. — Молодец, Гагара! Иногда котелок у тебя варит.

— Да уж «варит»! Какая ты умная, Гагара! — сразу же наехал на неё Борька. — Ну, встанем, а дальше что? Так и будем, как истуканы, стоять целый урок? Нафиг это надо!

— Почему целый урок? — не сдавалась Илона. — Попросим её извиниться. А после того как извинится, сразу сядем.

— Да ладно тебе, Гагара, лапшу нам на уши вешать! Жди! Извинится она! Нашла дуру! Будет Аллушка подрывать свой педагогический авторитет! Что-нибудь такое придумает — мало не покажется. Первая сдрейфишь и сядешь как миленькая. Аллушка знает, чем, кому и как пургу нагнать! — не сдавался Борька.

— Борис прав! — поддержала Тарасова Любка Прохина. — По-детски как-то!

Но тут раздался тихий голос Вовки Денисова.

— Зря ты, Бульба, идею Гагары на корню режешь, — задумчиво, как бы сам с собой, стал вслух размышлять он. — В этом что-то есть! Представьте картину. Аллушка: «Бездари!», а

мы — хоп: и все как один дружно встаём. У неё язык от неожиданности отнимется. Точняк!

— А кто извинения требовать будет? — ехидно улыбнулась Люська Ершова. Полные плечи её так и затанцевали, так и заподпрыгивали. До чего ж коварная! Вон как по классу глазами стреляет. Выискивает жертву. А сама, как всегда, останется в стороне. Это уметь надо!..

А Люська уже сверлила её острым взглядом.

— Хотя... чья идея — тому и карты в руки. Или ты, Илонка, за пятёрки свои боишься?

— Не боюсь! — решительно трянула головой Илона. — Надо — скажу!

— Посмотрим! — многозначительно подытожила Любка Прохина.

— Замётано! — весело изрёк Борька, потирая руки. — Проведём эксперимент!

— Ох, как головы полетят! — хохотнул Чижиков. — Я с собой видеокамеру принесу. Такое не запечатлеть для потомков — грех!

В коридоре послышались мужские шаги. Все головы в классе разом повернулись к двери. И стало слышно, как жужжит толстая муха на оконном стекле. В дверях показалась голова физрука Геннадия Ивановича.

— Девятый «Б»! На физкультуру. Литературы не будет. Алла Ивановна заболела.

— Ура!!! — зычно раздалось со всех сторон.

— Мол-чать!!! — по-военному рявкнул физрук. — Уроки идут! На площадку выходим и тихо! Кто не понял — в команду по волейболу не войдёт, будет сидеть на скамейке болельщиков.

Но и игра в волейбол не выветрила из голов девятого «Б» идею Илоны противостоять оскорблениям учительницы. И даже Борька Тарасов уже не выискивал аргументы «супротив», а только на всех переменах злорадно подначивал:

— Гагара! Слабо грудью на амбразуру?! А?!

Но Илона, смерив его спокойным и полным достоинства взглядом, молча отворачивалась. После смерти Владика Борька снова стал проявлять к ней повышенное внимание. Уставит на неё свой смеющийся взгляд и гипнотизирует. Правда, близко к ней теперь не подходил. Помнил, наверное, тот хлесткий удар по щеке.

Дружба с Владькой многое изменила в характере Илоны. Самое главное — исчез этот вечный страх. Не только исчез, но более того.

Иногда из неё теперь, как однажды выразился отец, даже «драка лезла».

Подруга Светка как-то однажды призналась:

— Знаешь, Илонка, ты так изменилась, совсем другой стала!

— Какой? — искренне удивилась Илона.

— Как будто у тебя опять тот камень в руке. Ну, помнишь, бойкот в детском саду? Ты ведь тогда камень в руке держала. И мальчишки, даже Борька, боялись к тебе подходить.

Илона не ответила. А что тут скажешь? Было дело. Но камень-то не для защиты держала. А ну её, Светку, пусть что хочет думает.

— Нет, правда! — задумчиво рассуждала подруга. — Просто ты себя со стороны не видишь. У тебя такой взгляд...

— Какой?! — снова пыталась её Илона.

Светлана растерянно пожала плечами.

— Ну, такой... Мне трудно это объяснить. Словно ты человека насквозь видишь. И от этого как-то жутко становится. Твоего взгляда даже учителя смущают. — Илона усмехнулась. — Да! Да! Ты не смейся! Я это замечала. Аллушка, и та перед тобой пасует!

— Да ну тебя, — отмахнулась Илона. Но самолюбию это потрафило.

Аллушка появилась в школе недели через две. Вся она была какая-то домашняя, обмягшая, словно из неё вышел не только вирус гриппа, но и ещё что-то такое, что мучило и донимало её в личной жизни. Класс, настроенный на эксперимент, разочаровался. А Тарасов высказал вслух пошлую догадку:

— Может, мужик у неё завелся?

Парни одобрительно загоготали. И только Вовка Денисов не купился на шутку Бульбы.

— Скорее всего, мысли наши читать научилась, — тихо озвучил он свои предположения.

— Ну, дела! Что, в классе «идиоты», «бестолочи», «придурки» перевелись?! — хохотнул Чижиков.

И только Люська Ершова мыслила иначе.

— Это она после отдыха спокойная такая. Вот пройдёт неделя, другая — посмотрим, как заговорит, — обвела лукавым взглядом лица одноклассниц она. И оказалась права.

Перед самым концом первой четверти Аллушка снова стала лютовать.

— Смотри, Гагара! — напомнил Борька Тарасов. — Если Аллушка кого-то оскорбит и ты не встанешь в знак протеста, при всех в лицо плюну за глупую идею и пустые обещания! Усекла?

Даже спиной Илона чувствовала недобрые взгляды одноклассников. Но отвечать на Борькин словесный вызов до поры до времени не сочла нужным.

И момент настал. Парни, словно сговорившись, стали испытывать Аллушкино терпение. Громко перешёптывались, нарочно с грохотом роняли на пол тяжёлые предметы, и даже кто-то умудрился мяукнуть, да так, что парни в классе зафыркали в кулак.

Аллушка в истерике стукнула указкой по столу так, что деревянный конец её сломался, отлетел и ударился о стекло оконной рамы. И тут же крашенные губки учительницы начали выплёвывать уже позабытые всеми обзывки:

— Гнусные твари! Бездушные и чёрствые!

Илона решительно встала, с шумом отодвинув стул в сторону. За ней как по команде поднялся весь класс. Губы учительницы сомкнулись в гузку. Она даже отпрянула к доске. С минуту в классе царил могильная тишина. А в голове у Илоны проносилось: «Посчитать бы эти словесные изобретения. Интересно, на словарь хватило бы?» И всё-таки есть телепатия, кто бы это ни отрицал. Иначе бы не устремила на неё свой изумлённый взгляд Аллушка! В глазах классной засыл ужас. Илоне почудилось, будто всю школу затягивает в какую-то безмолвную чёрную дыру вселенной. От гробовой тишины, нависшей над классом, стало звенеть в ушах. Но она продолжала в упор смотреть прямо в глаза учительнице.

— Это что, бунт?! — сдавленно прошептала та.

— Извинитесь, пожалуйста, Алла Ивановна! — спокойно и твёрдо произнесла Илона. — И больше никогда нас не оскорбляйте! Накажите того, кто виноват. Навешивать ярлыки всем подряд не надо!

— Да ты что себе позволяешь?! — словно опомнившись, накинулась на неё классная. — Да я... Да я... Да ты знаешь, что я могу с тобой сделать?!

— Что? — спокойно спросила Илона.

— И ты ещё спрашиваешь?! — взвизгнула Аллушка. — Не ожидала от тебя такой наглости! Понимаю: это ты всех подговорила! — И, как дирижёр оркестру, махнула классу сразу двумя руками: — А ну-ка сядьте все! Немедленно!

Но класс продолжал стоять.

— Илона! Прекратите этот глупый фарс!

— Алла Ивановна! Мы уважаем вас, простим и сядем. Только признайте свою вину. Мы вас просим!

Учительница смотрела на неё так, как смотрят на шаровую молнию.

— Я должна просить прощение у вас?! За что?!

— За оскорбления.

— Ах, вот оно что! Простите великодушно! За то, что довели меня до такого состояния, что с языка стали срывать неприличные фразы!

И хоть говорила Аллушка это с явной иронией, но слова прозвучали. Илона села. За ней следом с шумом стали усаживаться остальные. Аллушка машинально поправила рукой причёску, взяла в руки учебник и стала читать. Что? Вряд ли кто из ребят мог бы ответить на этот вопрос.

А после уроков Илона первой вышла из класса. По дороге домой её догнал Борька Тарасов.

— Наивная ты, Гагара! Думаешь, что победила? Фиг там! День-два пройдёт — Аллушка забудет твой урок и снова распустит свой язык. Это у неё в крови. Понимаешь? И что, всякий раз будем, как придурки, вставать? Не жди! Эксперимент удался, но продолжение бессмысленно.

Илона остановилась и внимательно посмотрела в глаза Борьке.

— Ну что ты меня гипнотизируешь?! — взвился он. — Возомнила о себе чёрт знает что! Считаешь себя умнее всех?!

Перекинув школьную сумку на другое плечо, Илона ускорила шаг. За спиной раздалось почти восхищённое:

— Ну, Гагара!!!

Классная держала себя в руках недолго. Оскорбления снова слетели с её губ. Илона встала. За ней поднялось человек семь. Аллушка проигнорировала их протест и продолжала урок, так и не извинившись. Семь человек упорно отстояли

до конца урока, целых полчаса. В дневниках «вольной семёрки» появилась запись: «Вызывающе ведёт себя на уроках русского языка и литературы». В третий раз вслед за Илоной поднялся только Вовка Денисов. То ли замечание подействовало, то ли стоять весь урок ребятам надоело. На перемене Вовка тихо сказал:

— Знаешь, это уже становится смешным. Давай прекратим эту комедию.

Слова его Илона проглотила молча. И бунт перешёл в поединок, за которым весь класс наблюдал с вождленным любопытством.

Однажды Аллушка в гневе попыталась выгнать Илону из класса, но она не двинулась с места. Учительница подбежала к ней и уже хотела схватить за рукав школьного платья, но Илона так взглянула на неё, что рука классной сразу опустилась. А Борька громко прокомментировал: «Руки!»

— Не умничай, Тарасов! — глядя в пол, произнесла Алла Ивановна. И тихо сказала, обращаясь к Илоне:

— После звонка подойдёшь ко мне на разговор!

Это был последний урок в кабинете литературы. Алла Ивановна торопливо заполняла журнал.

— Садись! — кивнула она на первую парту. — Подожди немного.

Илона внимательно следила за лицом учительницы, пока та небрежно строчила ручкой по бумаге. Никогда не замечала, что у Аллы Ивановны под глазами столько мелких морщин. И белые пряди вовсе не мелирование, а обычная незакрашенная седина. Глаза учительницы были такими уставшими, словно она только что одна разгрузила вагон кирпичей. В груди шевельнулась жалость. И уже не представляла, каким может быть этот разговор. Наконец учительница отложила ручку в сторону, подпёрла рукой щёку и долго смотрела ей в глаза.

— Знаешь, ты вообще-то молодец. Личность. Редкое явление в наши дни. И то, что хочешь отучить меня от дурной привычки, тоже похвально. Сама понимаю, что нехорошо это, а вот сдержаться не могу. Устала, что ли? Я ведь в школе работаю уже тридцать пять лет. На пенсию пора. К тому же, если честно, педаго-

гом быть я вообще не хотела. Поступала в театральный! Актрисой хотела стать. Но на экзаменах провалилась. Потому и пошла на филфак, в педагогический. — Она помолчала, задумчиво глядя в окно, будто не видя там ничего, кроме тех своих юношеских дней. А Илоне вдруг наконец стало понятно, почему Алла Ивановна так любила это чтение по ролям. — Извини, — спохватилась классная и стала поспешно собирать тетради. — Домой бежать надо! У меня мама больна. Десять лет уж с постели не встаёт и последнее время совсем умом тронулась. Кто бы только знал, как тяжело мне с ней! Ваш выпуск будет моим последним. Кстати, ты кем хочешь стать?

Илона растерялась. Такого поворота в этой щекотливой ситуации никак не ожидала. А потому ответила не сразу.

— Учителем начальных классов. Или школьным психологом.

— Замечательно! Тогда не раз меня вспомнишь и простишь. Но лучше бы тебе податься в филологию. У тебя такая чуткая душа! И характер сильный. Будешь отличным лидером. Ведь самые большие проблемы — в подростковом возрасте. В начальных классах учитель ещё для ребят — авторитет. А вот с пятого всё и начинается. Знаешь, — вдруг улыбнулась она, — ты больше не вставай, ладно? Дай знак, подними руку. Я увижу, извинюсь. Договорились?

Илона кивнула.

— Вот и хорошо! А теперь иди. Маму обедом кормить надо, а у меня ещё ничего не куплено, ничего не сварено. Вчера до полуночи сочинения ваши проверяла.

Илоне ещё хотелось о чём-нибудь поговорить с Аллой Ивановной, но та уже встала и торопливо укладывала тетради в сумку.

И долго в этот день не хотелось возвращаться домой. Гуляла по парку, загребая ногами кленовые листья. Не хотелось ни о чём думать. Какая разница, кто прав, кто виноват? Произошло то, что должно было произойти. И нужно принимать всех такими, какие уж есть. Как эти кленовые листья. Они ведь тоже все такие разные. Есть чисто жёлтые, есть огненно-бордовые, есть коричневатые с зелёной прожилкой, есть разноцветные, будто кто обтёр об

них кисти разных красок. Есть просто коричневые, засохшие. И Борьку этого по прозвищу Бульба, и самодовольную Любку Прохину, и скомороха Витьку Чижикова, и даже ехидную Люську Ершову — всех нужно воспринимать такими, какие есть, не подстраивая мир под свои взгляды и представления. Ведь в каждом есть что-то хорошее. Вот и Аллушку взять... Не такая уж она злая, как о ней думают ребята. И здесь Лёнька Тузов абсолютно прав. Просто устала от жизненных проблем. Другая бы на её месте мстить принялась, и возможностей таких у неё много, а она... «Молодец», — говорит, — «личность», «редкое явление в наши дни». Вот и пойми тут что-нибудь!

Вспомнилось, как они в восьмом классе поздравляли Аллу Ивановну с днём рождения. О дне рождения догадались по новому платью и бусам, сделанным из семян настурции.

— У вас что, день рождения сегодня? — с явным подвохом спросила Люська Ершова.

— Да, — улыбнулась Алла Ивановна. — Пятиклассники мне эти бусы подарили. А что, не нравятся?

— Нормально! — сдержанно похвалил Борька Тарасов. — Примите наши поздравления! А сколько вам лет исполнилось, если не секрет?

— Да какой там секрет? Пятьдесят семь.

— Ни фиги себе! — присвистнул Витька Чижиков. — Я думал, к восьмидесяти! — И удивление его было настолько искренним, что Алла Ивановна рассмеялась. А Катя Федотова возмутилась:

— Вот дурак! — но почему-то мысль эту развивать не стала.

Пол-урока потом Илона голову ломала над тем, почему такими взрослыми и даже старыми всем кажутся учителя. Бабушке Ларе в прошлом году отмечали шестидесятилетний юбилей. Но выглядит она намного моложе Аллы Ивановны. И одевается моднее. Особенно когда в санаторий на юг собирается. Неужели работа в школе настолько высасывает женщину? Наверное, вырабатывается этакий «учительский стереотип»: учить, ругать, наказывать, требовать. И можно ли этот «стереотип» разрушить?

Работа по воспитанию Аллы Ивановны начала давать свои результаты. Как только её эмоции брали над ней верх и с языка срывалось плохое слово, Илона опускала взгляд в парту и поднимала руку. Алла Ивановна останавливалась в своём «красноречии», тихо произносила: «Вы уж меня простите!» — и продолжала урок. Поднимать руку теперь приходилось всё реже и реже. И как-то однажды учительница подозвала Илону к себе.

— Спасибо, милая! Действительно, очень важно научиться сдерживать себя. Ты мне очень помогла. Знаешь, я ведь себя после всего этого... Ну, сама понимаешь, после чего, всякий раз очень ругаю. И даже, случается, впадаю в депрессию. А теперь себя уважать больше стала. Только прошу тебя, пусть эти мои откровения останутся между нами. Договорились? Ты ведь всё понимаешь, не по годам взрослая. И я очень верю в тебя! Знаешь, может, тебе лучше и правда школьным психологом стать? Хорошая профессия! И перед классом весь день стоять не надо. Подумай.

Илона так и вспыхнула вся. А потом вдруг взяла руку учительницы в свои ладони:

— Спасибо вам, Алла Ивановна! За всё спасибо. Вы... Вы очень хорошая!.. Я не знала даже, что так в жизни может быть!.. Я бы так, как вы, не смогла! Честное слово!

Внутри всё задрожало от какого-то непонятного ей волнения. И даже во рту пересохло.

— Что не смогла? Ругаться, как я, что ли? — грустно пошутила та.

— Да нет, я не об этом! — И покраснела ещё больше.

— Ну вот! Успокойся, милая, и домой иди, — погладила её по плечу Алла Ивановна. И вдруг высказала такие витиеватые мысли, которым трудно было уложиться в голове: — Все мы друг другу в этой жизни учителя. И возраст никакой роли не играет! Мы вас учим, вы — нас. Да, да! Не смотри на меня так. Если сейчас что не поняла, потом поймёшь. Всё приходит в своё время.

А в начале второй четверти на урок литературы вместо Аллы Ивановны пришла другая учительница. На перемене по классу из уст в уста летал слухок: Аллушку «ушли»! Как вы-

яснилось потом, кто-то из родителей пожаловался «куда следует», а кто-то из класса на камеру тот «инцидент» снял. Классной было предложено уйти на заслуженный отдых. Каждый норовил Илону поздравить. Мол, молодец, Гагара! Поделом Аллушке. И только Лёнька Туз грустно вздохнул:

— Рано радуетесь. Как нам Аллушка говорила: «От медведя уйдёшь — на волка нарвёшься».

А у Илоны вдруг ноги отнялись.

Не понимала раньше фразу: «ноги отнялись!» Как это могут отняться ноги?! В тот день на себе испытала, как это случается. После уроков одна сидела в классе, пока дежурные не пришли мыть полы. Не могла встать. Ноги сначала сделались ватными, а потом... Потом и вовсе перестала их чувствовать. И только насмешливый оклик Витьки Чижикова вернул в действительность:

— Ты что, Гагара, расселась, как в предбаннике. Чеси домой давай! Да радуйся: твоя взяла! Аллушке давно на пенсию пора. Теперь какую-нибудь практикантку дадут. Это как пить дать! Будем из неё верёвки вить. И ты нюни не распускай! Всё будет в шоколаде!

Практикантку класс принял с молчаливым равнодушием. Звали её Юлией Юрьевной. За ней сразу закрепилось прозвище ЮЮ.

ЮЮ была ни-ка-кой! Бледное застывшее лицо. Ни красок, ни эмоций. Словно это было не лицо, а посмертная гипсовая маска. Балахонистый, под цвет рыжеватых волос, костюм её скрывал все признаки человеческой плоти. Одним словом, во всём облике ЮЮ не нашлось бы нигде места для души.

И что возьмёшь с «ни-ка-кой»? Даже «верёвки вить» из неё никому не хотелось. Все слова практикантки отлетали от класса как от стенки горох. Что называется, «ни уму ни сердцу». На литературе царствовала тоска зелёная. Даже голос у ЮЮ был каким-то бесцветным. Искося разглядывая практикантку, Илона поражалась тому, как несправедлива бывает природа. Тот же историк на фоне ЮЮ казался пятнышком светлым и потому запоминающимся. Но самым невероятным для всех было то, что ЮЮ была замужем! И муж, инженер, присланный к ним в город на

стажировку, эту мымру чуть ли не на руках носил. Когда они под ручку шли вдвоём по городу, люди оборачивались и невольно смотрели им вслед. Холёный красавец с большими карими глазами и чёрными, ровно подстриженными усиками над верхней губой, всем своим видом показывал, как он обожает свою избранницу.

Только теперь Илона поняла поговорку: «Всё познаётся в сравнении».

Вот уж точно! У Аллушки душа была живая. И даже ругательства её исходили от бессильного желания передать им свои знания, причём все, до последней капельки. ЮЮ была человеком в футляре. Ей было абсолютно всё равно, как к ней относились окружающие, а уж тем более ученики. Оттарабанила своё — и ладно. И на этот случай Аллушка бы сразу напомнила им пословицу: «Петух прокукарекал — а там хоть не рассветай!» Что ни говори, но все слова Аллы Ивановны, равно как и обожаемые ею народные пословицы и поговорки, в память врубались накрепко. А теперь даже русский у всех разом захромал. У кого-то однажды родилась идея навестить бывшую классную, погреть ей душу словами благодарности и попросить вернуться в школу. Но, как выяснилось, похоронив мать, из города Алла Ивановна уехала. Причём куда-то далеко, кажется, к сестре, потому как своих детей у Аллы Ивановны — это они знали точно — не было. Классное руководство было передано физику, которому некогда было разводить с ними «душещипательные» беседы. Геннадий Иванович был сторонником военной дисциплины, когда «приказы не оспариваются». Морально-нравственный климат в подопечном классе его ничуть не волновал. И целых два с половиной года они варились в собственном соку.

Что только не вытворяли они на уроках литературы! И урны на стол ставили, причём с венником да рукояткой вниз. И портреты писателей жёваной бумагой заплёвывали. И учебник по литературе гвоздём огромным к столу прибивали. Ничто ЮЮ «не колыхало».

А однажды Борька выловил в интернетовской помойке статью «Крик души темноклювой гагары». И, включив кинопроектор, вывел на классный экран. Статья начиналась с пот-

рясающего снимка взлетающей гагары. Не обращая внимания на входящую в класс ЮЮ, Сашка Кравченко с деланной выразительностью стал читать почти поэтический текст:

«Доводилось ли вам когда-нибудь слышать заунывную песню темноклювой гагары? В ней и одиночество, и тоска, и необъятность водных просторов. Эта красивая водоплавающая птица — символ американского штата Миннесота. Она также изображена на канадской монете в один доллар».

— Ну, тебя, Гагара, и занесло-о! — протянул Чижиков. — Аж на доллар канадский угораздило попасть!

Илона не шелохнулась. ЮЮ спокойно положила кожаный портфель на стол и села, отодвинув стул в сторону. Тоже стала смотреть на экран.

«Чем же уникальны песни темноклювых гагар? Репертуар их довольно разнообразен. Обычно вечером и ночью их протяжные с подвыванием стоны слышны на много километров вокруг. Менее громкими звуками — гиканьем — гагары подзывают «брачных партнёров», — выделяя голосом значимость последних двух слов, Сашка для пущей важности многозначительно поднял вверх палец, — птенцов, а также других особей на своём озере».

— Запоминай, Бульба! — вслух комментировал Витька.

ЮЮ не реагировала, словно её вообще не было в классе.

— «Единственный звук, издаваемый гагарами в полёте — вибрато, сигнал тревоги, напоминающий хохот. Про тех, кто без удержу смеётся, бывало, говорили: «Сумасшедший, как гагара».

— А это, Чижик, про тебя! — прикрывая зевок ладонью, заметил Лёня Туз. — Только к Илонке не клейся. Бульба тебя в порошок сотрёт.

Тут Люба Прохина громко хмыкнула и включила свет, а Люська Ершова угодливо откинула с окна тёмные шторы.

— Ну, дайте дочитать информацию «Известно ли вам?», — притворно занял Витька Чижиков. И, пристально вглядываясь в уже засветлённый экран, продолжал читать:

— «Скорость полёта гагары во время миграции около ста двадцати километров в час». Вот

это да-а-а! Стало быть, тебе, Гагара, иномарка и нафиг не нужна!

— Так! — поднялась ЮЮ, паузой заставляя всех усесться на свои места. — Кравченко за выразительное чтение ставлю пять. Чижикова прошу вслух прочесть своё эссе.

— Какое ещё эссе?! — забрюзжал Витька, слюнявя палец и листая тетрадку.

— То, что было задано на дом, — невозмутимо пояснила ЮЮ.

«Спокойная как слон! — подумала Илона. — Аллушка бы тут уже ногами топала, а эта... хоть плюй ей в глаза — скажет: «Божья роса».

Но статья про гагару в душу запала. Где Борька её откопал? Решила дома всё до конца прочесть.

И снова перед глазами белые стены палаты. На стуле возле её кровати сидит Сусанна Арнольдовна. Илона молчит. Врач тоже.

— Если бы вы только знали, что творилось в душе у меня в тот день, когда я узнала об увольнении Аллы Ивановны! Но слёз всё равно не было. Словно всё внутри закаменело. Мама пыталась задавать какие-то вопросы, но я отворачивалась — мол, не доставай! Прошу тебя! Ничего не случилось! Просто болит голова. Она трогала мой лоб рукой и вздыхала: «Измерь температуру. Вирус ходит».

И умоляюще посмотрела прямо в глаза женщине.

— Скажите вы мне, почему я становлюсь причиной несчастий других людей?! Почему всякий раз, когда я побеждаю, сразу чувствую свою неправоту?! И даже свою жестокость по отношению к этому человеку! И мне не только жаль его, мне больно! Даже физически. Что делать в таких случаях, скажите?! Вы знаете! Вы можете мне помочь!

Но Сусанна Арнольдовна продолжала молчать. И вдруг Илоне снова почудился шёпот. Он шёл рефреном, сразу со всех сторон, словно пробивался к ней из глубины веков:

«Будь доброй. Ведь добрая улыбка, как лучик солнца, разгоняет любые тучи. Будь спокойной. И любой ветер утихнет у твоих ног, не перейдёт ни в шторм, ни в бурю. Будь гибкой.

И ни один укол, ни одна ядовитая стрела не попадёт в тебя. Будь мягкой. И тогда любое зло пройдёт сквозь тебя, не причинив вреда. Как вода проходит сквозь песок или разомкнутые пальцы».

Шёпот стих. И только шум волн продолжал звучать в ушах, навевая сон. Откинувшись на подушку, Илона незаметно уснула. И снова во сне ощутила себя птицей. Вот она одиноко плывёт по озеру. Время от времени её голова опускается в воду, чтобы вновь гордо вознестись над её поверхностью. Вот расправляет крылья и, громко хлопая ими по воде, силится взлететь, но почему-то не может и плюхается грудью на зеркальную гладь озера, скользя по воде до полной остановки.

— Э-э-й! Просыпайся! — сквозь сон услышала она чей-то тихий голос. — Ты что так руками машешь? Я тебе ужин принесла. Вот он, на тумбочке. Только руками не размахивай больше так сильно, а то тарелку разобьёшь.

Над ней склонилась молодая женщина лет тридцати, худенькая, с короткой стрижкой русых выющихся волос, очень похожая на мальчишку-подростка. Какая у неё приятная улыбка! Интересно, кто это?

— Меня Леной зовут. Я твоя соседка по палате. Слава богу, в эту палату тяжёлых больных не кладут. Так что мы с тобой здесь как в санатории. И с лечащим врачом повезло. Сусанна Арнольдовна — потрясающая женщина! Между прочим, гипнозом владеет. У неё и не захочешь, так всё расскажешь. А это в нашем состоянии — самое главное. Потому как опасно человеку в себе замыкаться.

— Почему? — развернулась к ней лицом Илона.

— Сама подумай. Будет цветок расти в наглухо запертом чулане? Даже если и обильно поливать его водой. Всему живому свет нужен! Так и человек. Без доброго общения быстро зачахнет, как тот цветок без света. Поделишься с добрым человеком своей бедой — сразу легче станет. И мысли тёмные из головы уйдут.

Илона скинула с себя одеяло, села на постели, заправила под заколку спутавшиеся волосы.

— А... А вы... — не зная, как начать разговор, тянула слова Илона.

— Давай на «ты», — предложила Лена. — Не записывай меня в древние старухи. — И улыбнулась всё той же обворожительной улыбкой.

— Хорошо. А почему ты здесь?

— Тоже проблемы были. У меня муж погиб. Не смогла я принять эту смерть! Мы ведь совсем недавно поженились, несколько месяцев назад. Я замуж поздно вышла. Всё принца выбирала. Парней-то много вокруг увивалось. А мне сначала хотелось своё дело завести, независимой стать.

— Получилось? — робко поинтересовалась Илона. Ей было важно это знать. Тоже ведь всегда хотелось стать независимой.

Лена горько усмехнулась.

— Получиться-то получилось, только мне это не надо теперь. Всё бы отдала за то, чтобы Пашку вернуть!

В голосе Лены послышались слёзы. Илона молчала. Ни о чём не спрашивала больше. Зачем любопытством человеку душу травить? Взяла тарелку в руки, стала вяло есть винегрет с рыбой.

Палата и правда была неплохой, даже довольно уютной. Светлые шторы, пластиковое окно, на подоконнике — цветы. И даже линолеум на полу новый.

Через некоторое время Лена снова заговорила, только теперь спрашивала она:

— А родители у тебя есть?

— Да, мама с папой. А что?

— А чего с ними не делишься? Если бы моя мама была жива, разве бы такое со мной случилось?

Илона пожалала плечами. А сама задумалась. У неё и правда не было такой привычки делиться своими проблемами с родителями. Почему? Ну, с папой — понятное дело, а с мамой? Вон Светка Татарина говорит, что мама у неё самая близкая подруга. Что маме она может рассказать буквально всё.

Валерия Сергеевна действительно располагала к откровению. И вела себя с ними так, будто она их ровесница. Сядут, бывало, чай пить, и она так это заговорщицки спросит: «Ну, чего там у вас, девчонки, в классе новенького? Колитесь! Я — могила! Никому не скажу».

И правда, никакая важная информация никогда течи не давала. Повезло Светке! А её ма-

ма?.. Нет, она, конечно, хорошая — добрая, заботливая, утром в стакане чая даже сахар размешает. Но её, Илону, такая опека с её стороны даже злит. Что, у неё у самой рук нет?! Но больше всего раздражали «ценные указания»: это не забудь, то не потеряй, там долго не держивайся. И — главное — боится всего. Что-нибудь скажешь такое, у неё сразу от испуга зрачки во все глаза и даже рукой рот прикроет. Разве после этого будешь ей что рассказывать? К тому же что ни скажи — тут же всё отец узнаёт. А он ещё тот правдолюб. Как говорит мама, «сразу шашку наголо». Не зря, видно, казацких кровей. И понятно, почему она с ним делится. Не дай-то бог ему узнать что-нибудь не от мамы, а из чужих уст! Такое начнётся!.. Словом, подобралась семейка...

— Ты книжки-то, что Сусанна Альбертовна дала, читай. Многое поймёшь, — снова заговорила Лена, кивая на книги, что лежали на подоконнике. — Часами с каждым больным врач говорить не может. Это так только, на первых порах. Знала бы, какие «перцы» в соседней палате лежат. Иногда всю ночь спать не дают. Чего только не наслушаешься. Я твою историю плохо знаю. Когда Сусанна Альбертовна с тобой сеанс начала, меня в коридор попросила выйти. Понятно. Личная жизнь — дело деликатное. Однако земля слухами полнится. Говорят, что ты за попытку изнасилования глаз парню выбила. А теперь мучаешься, изводишь душу свою. Правда? — Илона нехотя кивнула. — А зря. На всё воля божья. Значит, именно такой урок обоим нужен был. — Илона только тяжело вздохнула. Ну вот, уже все и всё знают! Представила, что в школе в те дни творилось. Чижиков, наверное, целые спектакли устраивал. И голосом пародировал, и немой пантомимой за двух действующих лиц всё это показывал. Клоун ещё тот! И снова захотелось провалиться сквозь землю.

Поставила на тумбочку тарелку и снова легла, сомкнув руки под головой.

Почувствовав её удручённое состояние, Лена стала успокаивать:

— Не переживай. В народе так говорят: «Всё пройдёт зимой холодной». Сусанна Альбертовна своё дело сделала. И, как говорится, «результат налицо». Иначе бы к винегрету не

притронулась. Ну а теперь давай спать! — и, подойдя к двери, щёлкнула выключателем.

Однако заснули только под утро. Темнота располагала к откровению. Слово за слово — так разговорились! Никогда и никому ещё Илона не открывалась настолько доверительно. Разве что под гипнозом.

Лена рассуждала так мудро и просто, что в хаосе мыслей Илоны стал вырисовываться какой-то органичный порядок. И колкие, как иглы кактуса, вопросительные знаки уже не бомбили душу, как прежде.

— Мужчины и женщины всегда соперничают, — тихо, полущёпотом, делилась с ней своими соображениями Лена. — Это уходит корнями в глубь веков и во все времена было чревато последствиями. А ведь мы такие разные. Не соперничать, дополнять друг друга надо. Но это, конечно, в идеале. Кричат вон феминистки на Западе про равноправие, а подумали бы, какое там равноправие, если женщина не может по силе своей сравниться с мужчиной. Зато в ней много других достоинств, с которыми мужчина просто обязан считаться. Не о равноправии, а о «равновеличии» говорить нужно. А у нас с самого детства между мужским и женским началом — война. — Помолчала, словно вспоминала что-то, и тихо добавила: — Объединить мужчину и женщину в единое целое может только любовь. А любви-то у нас у всех в душе как раз и не хватает.

— Лен, а у вас с Пашей было это, «единое целое»?

Некоторое время Лена молчала. Видимо, вопрос этот задел за живое.

— Сложно сказать. Но скорее всего — да. Вот потому и хотела вместе с ним уйти. Но не получилось. И слава богу! Великий грех. Теперь понимаю: значит, моя миссия на этом свете ещё не закончилась. Не всё отработала, что предначертано. А может, и вообще передо мной другие задачи стоят. Думаешь, в палате одной мы оказались случайно? Как бы не так! Каждый должен задуматься над тем, зачем ему та или иная жизненная ситуация даётся.

Илона примолкла, задумалась. А им-то с Борькой за что... всё это?

— Понимаю, — тихо засмеялась Лена, — голуво ломаешь! А ты начни не с Борьки — с се-

бя. Задай себе вопросы: «Есть ли гордыня?», «Много ли в душе любви к людям?», «Умеешь ли прощать?»... Ты Борьке этому много раз подружески улыбалась за все эти, как ты говоришь, двенадцать лет твоих мучений?

— Я вообще с ним старалась не разговаривать!

— Вот то-то и оно!

— Легко тебе говорить! Знала бы ты, какой он грубиян!

— Ты ведь женщина! Мудрее должна быть. Не атаки его отбивать нужно было, а за помощью к нему обратиться.

— К нему?! — Илона даже приподнялась на локтях. — Какая мне от него помощь нужна?! С ума ты, что ли, сошла?!

— Вот-вот! А он бы лоб расшиб, чтобы тебе угодить. Ведь любит. А это такая движущая сила! Только нужно было уметь направить её в нужное русло.

Илону заклинило. Как сложно всё. Заворочалась на постели. И на этот бок ляжет, и на тот. Никак не успокоится. Мышцы в руках и ногах сами так и дёргаются, так и просят движений.

— Нет, Лен, я всё-таки не понимаю. Что это за любовь такая варварская? Вот Владька, например, он за меня всё время заступался, помогал. И во взгляде столько нежности было! Знаешь, он мне как-то признался, что в детстве просил у родителей сестрёнку купить. Но у мамы, мол, какие-то проблемы со здоровьем. Вот потому, наверное, и взялся меня опекать. А потом действительно как брат с сестрой стали. Да, если честно, не всегда брат с сестрой ладят так.

— Знаешь, всех людей под одну гребёнку стричь нельзя. Владька — такой вот, а Борька — другой. Неужели у тебя к Борьке, кроме ненависти, в душе ничего нет?

Илона не ответила, только вздохнула. Перед глазами появилось забинтованное Борькино лицо, закрытое рукой, чтобы она не видела слёз. И всё-таки какой он дурачина! Многим ведь девчонкам в классе нравится. В футбол, волейбол, баскетбол ли парни начнут играть, им залюбуешься. Красота, сила, ловкость и чёткость движений и самое главное — столько во взгляде устремлённости и достоинства! Его даже все старшеклассники уважали. Вон Любка Прохина по сей день по нему сохнет.

И опять шевельнулся, давая знать о себе, подленький страх: «Будут теперь в школе со всех сторон в неё пальцами тыкать: мол, сломала парню жизнь, сделала инвалидом».

— Не пойду в школу больше! И экзамены сдавать не буду! — неизвестно к кому обращаясь, заявила она уже вслух.

— Вольному — воля! — не глядя на неё, с явным осуждением произнесла Лена. — Не знала я, что ты такой слабак! Толпы боишься?

— При чём здесь толпа?! — огрызнулась Илона, хоть и понимала, к чему Лена клонит.

— Если ты личность, то слушай свой внутренний голос, верь своим собственным ощущениям, понятиям и правилам. И не оглядывайся на «тётю Мотю», которая там что-то когда-то кому-то сказала! На каждый роток не накинешь платок! Будешь так вот на всякий чужой чих реагировать — быстро с пути собьёшься. Придумала тоже — целый год времени терять! Жизнь может такой крен дать, что все эти соседи, родственники, одноклассники окажутся «за бортом». И думать про них забудешь! Их лица и имена в памяти сотрутся. Так что не дури! Такой тебе мой совет.

Пока раскладывала всё сказанное Леной по полочкам собственного разумения, та уснула. В палате раздалось её лёгкое посапывание.

А Илона ёрзала на постели, пока не сбила в кучу одеяло с простыней. Вскочила, включила свет и стала перестилать постельное бельё. А сама тихонько бубнила себе под нос: «Странная эта Лена. Сама внешне под мальчишку-подростка косит, а рассуждать начнёт — как самая что ни на есть древняя старуха! Откуда столько всего и знает?»

На другое утро не удержалась, спросила у Лены:

— Лен, а откуда ты столько всего знаешь?

— Книжки читать надо! — довольно рассмеялась та, словно ждала этого вопроса.

— И как у тебя времени на них хватает? Тут по программе-то не знаешь, как всю нужную литературу осилить... Ты ведь бизнесом занимаешься, насколько я понял.

— Правильно понял. — И многозначительно подняла палец вверх: — Книжным бизнесом! Я с детства чтением упивалась. А потом решила свой магазин книжный открыть. И продавать

ту литературу, какая, на мой взгляд, полезна людям. В наши дни столько чтива развелось. Ни уму, ни сердцу, ни душе. Воруют драгоценное время человека! А у меня в магазине — что в хорошей библиотеке. Не просто чеки выбиваю, с каждым покупателем о книгах и вообще о жизни беседую. И привожу из Москвы те книги, которые сама читала и ценю.

— Ну, даёшь! — только и могла сказать Илона. — А доход от продажи этих книг какой-то получаешь?

— На жизнь хватает, — грустно усмехнулась Лена. — Зато все покупатели моими друзьями становятся. И это дороже всякой прибыли!

Только теперь Илона догадалась, почему её соседки в дневное время в палате почти никогда не было. Всё время кто-то вызывал.

— Знаю, в наши дни трудно в бескорыстие поверить. Вижу, сомнения тебя одолевают. А потому объясняю. Для того чтобы концы с концами сводить и аренду покрывать, канцтовары привожу.

— И одна со всем этим справляешься?

— Почему одна? Продавцом у меня младшая сестра. Девчонка ответственная, серьёзная, во всем мне помогает. Вот так и крутимся вдвоём, вот так и перебиваемся.

— А по образованию ты кто? — не смогла сдержаться любопытства Илона.

— Филолог, — грустно усмехнулась та. — Целых три года в школе отработала.

— С дисциплиной проблемы были? — поинтересовалась Илона. Представить Лену перед классом почему-то не могла.

— С чего это ты взяла? — улыбнулась та. — Наоборот. С ребятами-то как раз всё и получалось. С этим делом всё просто: естественной, прямой и честной нужно быть. Дети ведь максималисты. У них требования к учителям высокие. Так ведь говорю?

Илона кивнула.

— А уволилась тогда почему?

— С директором конфликт вышел. Живую работу люблю. А вот документация липовая, очковтирательство всякое — не по мне это! К тому же не все программы устраивали. Школьников не только образовывать, в первую очередь душу их воспитывать нужно. И это лучше всего делать

с помощью художественных произведений. Так что программы школьные по литературе давно пересмотреть пора. Ну да ладно, не буду тебе голову морочить, — засмеялась она. — Вон глаза у тебя уже по пять копеек. Сама потом до всего дойдёшь. А в магазин ко мне приходи. У меня для тебя много чего интересного найдётся.

* * *

Выписавшись домой из больницы, Илона погрузилась в чтение книг. И несколько дней в школу не ходила. Родители не доставали. Общалась с ними по-прежнему сдержанно. На все вопросы отвечала коротко и сухо: «да», «нет», «не знаю», в лучшем случае — «буду». Или резкое: «Оставьте меня в покое!» Странное дело, но всё то, что казалось понятным в больнице, дома начало давать сбои. Особенно когда слышала перепалку отца с матерью. Отец настаивал на том, чтобы всё-таки подать на Тарасова в суд. Илона молча злилась. Как всегда, рубит сплеча. Уже однажды схватился с воспитательницей. И чем это для неё кончилось?! Мама утверждала, что от судебных процедур себе дороже будет. Над ней, как всегда, страхи брали верх. Бабушка по телефону поддерживала маму и приводила медицинские аргументы в пользу её доводов. Слыша всё это, Илона горько усмехалась. Похоже, её мнение никто в расчёт брать не собирался! А ведь Сусанна Арнольдовна говорила, что в Борьке бурлит «неразделённая любовь». Мол, Илона грубо отвергла «высокие мотивы» и тем самым дала волю его «низменным порывам». Мудрено, но в этом что-то было!.. Может быть, Борька и правда пригласил её домой не с тёмным умыслом. А просто хотел выразить все свои чувства, во власти которых находился столько лет? И стыдно ему было признаваться в любви среди бела дня, да ещё у прохожих на виду. Ведь не зря говорится: «От любви до ненависти один шаг!» Сусанна Арнольдовна права. Как она там сказала? «Нужно было перевести стрелки чувств с колеи страстей на рельсы ровных дружеских отношений». Записать надо. Умно сказано. Нужно-то нужно! Только как?! Ей ведь не

шестьдесят, а всего шестнадцать лет! У Сусанны Арнольдовны, конечно, логика железная. Для того, говорит, мы и живём на этом свете, чтобы усваивать жизненные уроки. И главная задача каждого — умело выстраивать добрые человеческие взаимоотношения, создавая вокруг себя не ад, а рай. Мудрено. И книги, которые Сусанна Арнольдовна дала ей почитать, тоже слишком заумные, конечно! Илона за один раз осиливала только два-три листа, а потом её начинала одолевать такая зевота, что «рвался рот» от перегруза новой для неё информации. Но, как ни странно, к книгам этим всё равно тянуло, как тянет к тайным местам кладоискателей. Где же зарыт этот кладёзь ответов на все так мучающие её вопросы?

Лежала на тахте поверх покрывала и, как локатор, принимала и отражала всякие мысли. А их откуда только не приносило! Больше всего, конечно, интересовало, будет ли ходить в школу Борька. Как — и главное — каким (!) заявится в класс после всего? Как Кутузов, с чёрной повязкой на глазу? И как встретят её в классе? Кто и на чью сторону встанет? Решила прозондировать обстановку через подругу Свету. Включила позабытый-позаброшенный мобильник и сразу услышала Светкин радостный голос:

— Илонка! Ты?! Я думала, что ты в монастырь подалась! Почему не звонила-то? И главное — телефон «вне зоны действия сети».

— А-а! — отрубилась она. — Что там у вас новенького?

— Скажешь тоже, «новенького»... Болото! К экзаменам натаскивают. Как пальцем в небо — и угадать! Учителей от этого ЕГЭ как в лихорадке трясёт. А ты-то как?

— Нормально. Выписали уже. Только ты об этом в классе не трёкни.— И соврала: — Мне ещё несколько дней в больницу на процедуры ходить.

— Ой, Илонка, не послушала ты меня тогда! Ведь хотела тебя до дома проводить. Так ты упрямая такая...

— Ладно! Что теперь об этом?..

— А Борька как? Ты у него была?

— Да. Ещё не встаёт.

— Слушай, мама говорит, что его папаша на тебя бочку катит. Требуется, чтобы Борька заявление в милицию написал, а Борька ни в какую! Сказал, что сам во всём виноват. А если, мол, папаша давить на него будет, то он, Борька, вообще из дома убежит.

— А папаша что на это?

— Я у тебя как на допросе! — съязвила Светка. — Скажу правду — так ведь расстроишься...

— Ладно, говори давай. Не от тебя, так от других узнаю.

— Ай, ну его! Ты ведь его папашу знаешь! Его заносит! Утверждает, что вы Борьку подкупили, потому он и артачится. Ну и всякую там прочую пургу гонит! Не хочу я тебя этой грязью мазать! Илон! Алло! Ты меня слышишь?

— Слышу, — тихо буркнула она. — А мать его что?

— Известное дело — плачет. Говорит, что Борька теперь видеть левым глазом не будет. Она верит, что он, Борька, не хотел тебе сделать ничего плохого. Просто ты без царя в голове.

— Спасибо, Свет! Ты о нашем разговоре никому не говори, ладно? Я телефон снова отключу.

Нажала на кнопку. Связь с «бранным миром» сразу оборвалась. В груди всё сжалось. Сердце заколотилось так надрывно, словно его, тёплое и мягкое, поместили в ржавую коробку с острыми шипами внутри. И оно бунтовало, пытаясь расширить вокруг себя тесное пространство.

И снова захотелось убежать на край света. Не видеть бы никого сто лет! Жить бы где-нибудь в таком глухом месте, где не ступала нога человека. Писали ведь об одной семье. Жили себе в сибирской тайге, вели натуральное хозяйство. Ничем не болели. Ни телевизоров, ни приёмников не имели. Только то, что сделали своими руками. И детей своих читать, писать, считать сами учили. Интересно, а вот Борька мог бы в такой изоляции от всего мира жить? Так-то он парень рукодельный. По труду одни пятёрки стояли. И когда в восьмом классе деревья вокруг школы сажали, с удовольствием землю копал. Даже Алла Ивановна похвалила. И тут же устыдилась своих мыслей. А Борька-то тут при чём? Ведь это ей, не ему, сквозь землю провалиться хочется. Однако в памяти

застряла сказанная Леной мудрая фраза: «От себя не убежишь! Всякая нерешённая проблема ходит вокруг человека кругами. И до тех пор блокирует путь, пока не получит успешное разрешение». Мда-а-а!

Однажды вечером в дверь позвонили. И она услышала голос Вовки Денисова:

— Здравствуйте! А Илона дома?

Хотелось закричать: «Нет!!!» Но мама уже рассыпалась в любезностях и заглядывала к ней в комнату:

— Илона, к тебе пришли. — Вечно она не в своё дело сунется!

Встать даже и не подумала. Пусть входит. Ей-то что!

— Привет! — как всегда спокойно произнёс Вовка, будто виделись они только вчера. И плотно прикрыл за собой дверь. — К экзаменам готовишься? — кивнул на развёрнутую книжку.

— Да нет, постигаю чужой жизненный опыт из философской литературы, — сыронизировала она.

— В школу скоро придёшь? — Не дожидаясь её приглашения, Вовка удобно расположил себя в кресле, что стояло напротив. Простой, однако. Она бы так в чужой квартире вести себя не могла.

— А ты что, по мне скучаешь? — продолжала ёрничать Илона.

— Конечно! — ничуть не смутился Вовка.

Зато смутилась она. И даже в краску кинуло.

— Ну что там в нашем классном мире деется? — с каким-то вызовом спросила Илона. — Всё мусолите пикантные подробности нашей с Борькой варварской любви?!

— Да брось ты! В жизни всякое бывает. Ну, поговорили два дня и забыли. К экзаменам готовимся. Забот у всех хватает.

Илону задело. Значит, никому до неё дела нет?! Каждый о своей шкуре печётся.

— Рассуждаешь как замшелый старикан! — вдруг взорвалась она. — Честно можешь сказать: осуждают меня или жалеют? Кто и на чьей стороне?!

— Будешь разговаривать со мной таким тоном — уйду! — твёрдо сказал Вовка. А Вовка —

он такой. За ним не заржавеет. Сказал — сделает. — Не за тем пришёл, чтобы твои истерики выслушивать. Ты не пуп земли, чтобы вокруг тебя всему миру крутиться!

— Та-а-к! Вот как ты заговорил! А зачем?! Зачем ты пришёл?! — никак не могла взять себя в руки Илона.

— Я у Борьки в больнице был. Поговорить он с тобой хочет. Знаешь, Бульба очень изменился. Вполне адекватен. Встаёт уже. Сходи к нему. И тебе, и ему легче будет.

— Денисов! Что я слышу?! — продолжала выдвигаться она. — А знаешь, тебе идёт эта роль миротворца! Кто тебя надоумил? Классная? Или его папаша? Он ведь всех пытается убедить в том, что я Борьку подкупила!

— Не знаешь, на кого адреналин скинуть? Разве я похож на отстойник всякой грязи?

Илона молчала. Наконец сделалось стыдно. Правда, в чём он-то виноват? Пришёл как человек, по-дружески, спокойно, а она как с цепи сорвалась. Какое-то время молча кусала губы и пристально рассматривала Вовку. А Вовка разглядывал картины и панно на стенах её комнаты. За эти три года Вовка здорово вырос. Будто кто его за уши тянул. И теперь самым маленьким в классе его назвать было никак нельзя. Да и мышцы изрядно накачал. Его на тренировки Борька надоумил. И теперь вот — «лебшие друзья». Вон как за него горой стоит!

Пауза затянулась. Вовка встал.

— Ладно, я пойду. Вижу, что мои советы тебе не нужны. Миссию свою я выполнил. Борька попросил — я передал. А дальше — дело твоё. Только Борьку и папашу его в одной куче не мешай. Борька тебя никому в обиду не даст. Так и сказал!

Вовка ждал, что ответит она. Но она не ответила, закрыла тему.

— Дети! Идите чай пить! — раздался певучий голос матери из гостиной.

— Спасибо! Я тороплюсь! — откликнулся Вовка и, взявшись за ручку двери, сказал: — Ребята, между прочим, тебе привет передавали. Знай: ждём тебя!

— И ты?! — снова уколола его Илона.

— Я — в первую очередь. И говорю это вполне серьёзно. Как-никак за одной партой три

года сидели. Что ни говори, а ассимиляция — вещь серьёзная и научно доказанная. Кстати, Борьке надо помочь в учёбе. Я по математике его подтяну, ну а ты — по литературе и русскому. Филология — твой конёк. — И, подмигнув ей, добавил: — Поправляйся давай. Пока!

После ухода Вовки на душе сделалось как-то необычно спокойно и даже, можно сказать, прозаично. Как после похорон хорошего человека. Ушёл человек из жизни, а жизнь знай себе продолжается! Завтра георгины высадить надо. Значит, всё-таки Борька хочет, чтобы пришла.

А вот во сне снова мучили кошмары. Приснилось, будто по озеру плывут две гагары. Откуда ни возьмись — Борькин отец. Как обычно, в форме. Целится в птиц из ружья. Она стоит на берегу и видит это. Её охватывает ужас, она кричит и голоса своего не слышит. Тогда, размахивая руками, бросается наперерез, закрывая своим телом дуло двустволки. Ждёт выстрел, но выстрела нет. Борькин отец хохочет и опускает ружьё. А она бессильно оседает на песок и горько плачет. Рядом с ней присаживается и Борька. Пытается отвести её руки от лица и поцеловать в мокрую щёку.

На другой день засобиралась к Борьке в больницу. Родителям ничего не сказала. Не их ума дело! Купила фруктов — и вперёд.

Увидев её в дверях палаты, Борька сразу вскочил. Лицо осветилось такой радостью, словно ему, обречённому на вечную каторгу, вдруг даровали невообразимую свободу. Но тут же обуздал свои эмоции.

— Привет! — и, оглянувшись на соседей по палате, поспешно предложил: — Давай, Илон, в коридор выйдем. — А в коридоре, смутившись, попросил: — Лучше на улицу. Не возражаешь? — Она покачала головой.

Сели на одинокую скамейку, что пряталась за раскидистым кустом сирени. И долго не знали, с чего начать разговор.

— Тебя когда выпишут? — первой нашлась Илона.

— Не знаю, — пожал плечами он. — В Москву направление дают. На ещё какую-то операцию. Надоело мне всё! В школу хочу. Как там наши?

— Не знаю, не была, — вздохнула она.

— А ты-то что?! — искренне удивился он. — Ведь вроде я тебе ничего не поломал...

— Простой ты, Борька, однако! А душа, значит, не в счёт?

Густые Борькины брови поползли вверх.

— Во даёшь! Я думал, тебе всё равно! Один я мучаюсь...

— Скажи мне, что легче: забивать голы или отбивать их?

Борька улыбнулся как-то жалостливо, с мольбой в здоровом глазу:

— Люблю я тебя, Илонка. И ничего поделаться с собой не могу. Не обижайся ты на меня за это, ладно?

Но даже за руку не взял. Горько усмехнулась про себя: урок усвоил.

— Знаешь, Борь, ты любишь меня как интересную игрушку, которую непременно хочешь иметь. Ты — собственник, Борька. И идёшь на поводу своих желаний. А желания наши, как кони, могут привезти и в грязную конюшню! Что ты сделал для того, чтобы во мне проснулись те же чувства? А такое реально могло быть!

— Да ты что?! — вырвалось у него. И даже голос сразу осип. — Это что-то уже из области фантастики! Мой глаз того стоит!!! Да что там глаз! Полжизни бы отдал! Только вот «могло» или «может»?

Она улыбнулась. Погладила его по руке. Он даже глаза закрыл от блаженства. Сидит себе, млеет. Прямо ручным сделался, как котёнок. Вот-вот замурлычет.

— Помнишь, нам в детском саду сказку читали... Про солнце, мороз и ветер. Кто быстрее разденет человека. И в результате — что? Солнце, Борь! Оно оказалось сильнее. А ты всё действовал грубой силой. Вот и приплыли!

— Давай, Илон, забудем об этом! И никогда не будем вспоминать! Ладно? — На лице у Борьки отразилась такая боль, что захотелось прижаться щекой к его груди. И от мысленного порыва этого даже в жар бросило.

— Давай, — тихо согласилась она, обхватив ладонями пылающие щёки. — Тебе по русско-му помощь нужна?

— А как же! — снова весь засветился он. — Вот уеду в больницу, буду тебе письма писать.

Подчёркивай мои ошибки и с комментариями высылай обратно. Идёт?

— Договорились!

Лёгкий ветерок пахнул на них ароматом сирени. Странно. Ещё не расцвела, а так благоухает! И это солнце!.. До чего ж приятно ласкает лицо. Интересно, чувствует ли это Борька? И, взглянув на него, засмеялась. Он тоже, как и она, с самым блаженным видом тянулся носом к солнцу. Было так хорошо, даже говорить не хотелось. Сидеть бы так целую вечность! Никогда ей не было так спокойно в Борькином присутствии.

— Знаешь, — тихо произнёс Борька, — а Вовка Денисов — отличный парень! Мы с ним крепко скорешились! Он ведь ко мне первым в больницу пришёл. До чего ж у него голова светлая! Книг, наверное, много читает... Хотя, может, он такой от рождения. В генах заложено. Как думаешь?

Не успела она ответить, как Борька вдруг задёргался и потемнел лицом. И даже солнце в испуге спряталось за тучу. На крыльце больницы стояли его родители. Отец поворачивал свои могучие плечи то в одну, то в другую сторону, искал взглядом сына. «Интересно, почему у него шея не вертится?» — пронеслось у Илоны в голове. И дурнее мысли не придумает!

— Вот блин! Везёт как утопленнику! — в сердцах ударил себе Борька кулаком по колену. И скривился, как от зубной боли: — Только предков мне сейчас и не хватало! До чего ж некстати! Ну всегда всё испортят! — И почти зарычал: — Это уметь надо!

И только тут до Илоны вдруг дошло: чего стою-то? Бежать нужно! Быстро поднялась и торопливо подала Борьке руку.

— Пока. Я ещё приду! Поправляйся, ладно?! — и для приличия, слегка кивнув в сторону Борькиных родителей, исчезла за кустом. Только её и видели.

По пути домой шла и сама себе улыбалась. Господи! До чего ж оказалось всё просто! И это надо было двенадцать лет копыя ломать?! Совсем не злой он, Борька! Когда улыбается, и вовсе как ребёнок. Губы тоже по-детски толстые, пухлые. Усики топорщатся смешно. И

почему всё это разглядела только сегодня? Почему раньше взгляд на него боялась поднять? Гагарой перестал звать. Почему? Она ведь не обижается. Ей даже очень идёт!

Мимо кустов черёмухи проходила не торопясь. И то место, где топтался в тот злосчастный вечер Борька, поджидая её, уже не казалось таким зловещим.

А вечером к ним домой заявился Борькин папаша. Услышав его зычный голос в прихожей, окаменела от страха и недобрых предчувствий. Видно, сон в руку!

Тарасов-старший требовал, чтобы ему позволили поговорить с Илоной, как он выразился, «приватно». Мать с отцом стояли насмерть: мол, дочь и так много перенесла из-за вашего взбалмошного сына.

Обстановка накалялась. И неизвестно, чем бы это всё закончилось, но тут Илона, пересилив страх, потянула на себя ручку двери и тихо вышла в прихожую.

Борькин отец был в форме и при всех своих внушительных регалиях. Про себя отметила: вырядился как на парад!

— Ну, здравствуйте, — с ног до головы окидывая её строгим и каким-то даже оценивающим взглядом, произнёс он. — Я бы хотел поговорить с вами, так сказать, с глазу на глаз. Да вот родители ваши возражают. Может быть, нам лучше выйти на улицу?

— Нет! — встал в дверях отец. — Этого я не позволю! У вас нет такого права — врваться в наш дом и травмировать дочь, которую только что выписали из больницы!

— Мы будем жаловаться! — в тон ему испуганно кричала сквозь слёзы мать. — Думаете, раз вы работаете начальником милиции, вам всё позволено?!

— Да ничего я не думаю! — повысил голос Тарасов-старший. — Пришёл с дочерью вашей поговорить! — И с сарказмом добавил: — Заметьте: без оружия, понятых и санкций на обыск.

— Мам! Пап! Ну что вы?! — укоризненно посмотрела на родителей Илона. — Пройдите в мою комнату, — тихо пригласила она и толкнула локтем дверь.

Мать с отцом переглянулись и, казалось, на-

долго лишились дара речи. Тарасов-старший поспешно протиснул широкие плечи в дверной проём. Илона плотно прикрыла за ним дверь и указала на кресло:

— Присаживайтесь, пожалуйста.

— Благодарю, — кивнул головой он. — Вас, кажется, Илоной зовут? — И строго приподнял на неё одну бровь.

— Кажется, Илоной! — в тон ему ответила она. И сама не поняла: сострила ли или от растерянности машинально повторила фразу за Борькиным отцом.

Устроившись в кресле, Тарасов-старший какое-то время молчал, ощупывая комнату внимательным взглядом. Но вряд ли он осознавал то, что видел. Скорее всего, это было профессиональной привычкой. На самом деле просто приводил в порядок мысли. Наконец, вытерев взмокший лоб носовым платком, как-то устало произнёс: — Я не знаю, что там между вами и Борисом в тот день произошло, но факт налицо: сын остался без глаза. Он инвалид! На всю жизнь. Вы это понимаете?! — Илона кивнула. — Мне, как отцу, это больно сознавать. — Голос у него дрогнул.

— Понимаю, — тихо выдавила из себя она. — Я могу чем-то помочь?

Он вскинул на неё удивлённый взгляд. И Илона уловила в этом взгляде что-то до боли знакомое, Борькино. И неожиданно для себя улыбнулась.

— Вам смешно?! — прохрипел Борькин отец.

— Нет, извините, — заторопилась объяснить она. — Просто Борис очень на вас похож. Я только сейчас это заметила...

Тот крякнул, но проглотил.

— Не ходите к нему в больницу больше, умоляю вас! — мрачно произнёс он. Теперь у него уже тряслись губы. И опять трудно было понять, от гнева ли или от раздирающих душу чувств.

— Так Борис просил? — В горле у Илоны тоже запершило.

— Нет! Мы, родители, вас об этом просим!

Илона опустила глаза.

— Вы думаете, так для него будет лучше?

— Уверен! — Борькин отец произнёс это с таким чувством, что даже шея у него побурела. — Конечно, он никогда не признается в этом да-

же себе, не только вам. Я допускаю, что у него к вам были... какие-то юношеские симпатии, но после всего этого!.. — Он снова достал платок, вытер потное лицо и продолжал теперь уже торопливо, словно опасаясь, что ему помешают высказать всё то, важное и главное, ради чего он пришёл сюда. — Перестаньте мучить его! Сын и так поступил слишком благородно. Не позволил мне дать ход следственной процедуре и взял всю вину на себя. Неужели вам и вашим родителям этого недостаточно? — Последние фразы он произнёс срывающимся шёпотом. И при этом посмотрел на дверь, за которой стояла подозрительная тишина.

— Если вы считаете, что мои визиты доставляют ему боль, я обещаю больше этого не делать. — И, наклонившись ближе к его лицу, словно хотела в чём-то удостовериться, тихо спросила: — У вас... всё?

Он растерянно кивнул, поспешно встал и вышел. Мать с отцом по-прежнему стояли с двух сторон у входной двери. Они готовы были в любой момент заслонить собой дверной проём. Однако, увидев дочь живой и невредимой, расступились, освобождая дорогу незваному гостю.

А у Илоны снова началась хандра. Вспомнила светящиеся Борькины глаза в тот момент, когда он увидел её в дверях палаты, его радость, когда она пообещала писать ему в больницу, его далеко не шуточные слова: «Мой глаз того стоит! Да что там глаз! Полжизни бы отдал! Только вот «могло» или «может»?». И то, как почернел лицом, увидев на крыльце родителей...

Ни мать, ни отец вопросов ей больше не задавали. Это было чем-то новым в их поведении. Илону такой расклад дел очень устраивал.

Интересно, слышали они или нет их разговор? А впрочем, какая разница!

Потом стала ломать голову над тем, как дать знать Борьке, что она не приходит к нему не по своей воле. Ведь пообещала — значит, он будет ждать. И тут вспомнила про Вовку Денисова. Ну, конечно же, он поможет ей! И сразу позвонила ему. Очень просила рассказать обо всём только Борису и больше никому. На что Вовка изрёк: «Обижаешь, однако!..»

А на другой день за ужином мама, переводя напряжённый взгляд с отца на Илону, вдруг сказала:

— Тарасов Борис, говорят, из больницы убежал. Везде его ищут. Никто не знает, где он. Родители с ног сбились...

Вилка так и застыла в руках Илоны. И к ужину не притронулась. Выскочила из-за стола и закрылась в своей комнате. Сквозь стену было слышно, как отец кричал на мать. Мол, запрещает упоминать эту фамилию «Тарасов», где их сын — дело родителей. Говорил, что очень сожалеет о том, что не выпихал Тарасова-старшего из их дома. Но больше всего резанула слух фраза: «По таким, как этот отпрыск тарасовский, давно тюрьма плачет!»

А у Илоны всё тряслось внутри. Борька — шальной! От него всего можно ожидать. Только бы не сделал с собой чего!.. Если его отец говорил с ним так же, как с ней... Можно представить Борькино состояние! Господи! Ну откуда это всё сыплется на её бедную голову?!

И снова схватилась за мобильник.

— Вовка, привет! Говорить можешь?

— Сейчас, — буркнул он, видимо, на всякий случай выходя из дому.

— Ты у Борьки в больнице был? — не дождалась она его ответа.

— Был. Всё рассказал, как ты просила. — Говорил Вовка так сдержанно, словно боялся выронить из своей умной головы лишнее слово. Вытягивать информацию приходилось почти по-иезуитски, что всегда так раздражало Илону.

— Ну, а он что?!

— Не знаю, — сухо оборвал Вовка.

— Врёшь! — взорвалась Илона. — Где он сейчас, говори!

Но Вовка молчал. Вот идиот! Только бы трубку не бросил.

— Вов, ну... — тут же сменила она тон. — Прощу как человека, скажи хотя бы, с ним всё в порядке?

— Вот пристала! Нормально всё! И больше не тяни за язык. Надоели вы мне все!

И отключил телефон. Но и этой информации хватило. От сердца отлегло. Скорее всего, этот фарс был придуман Борькой не для неё —

для родителей. Вовка явно был в курсе всего. И ничего страшного с Борькой не случилось. Прячется в каком-нибудь сарае. По ночам уже не так и холодно. Короче — партизанит. И Вовка у него типа связного.

Прошло мучительных два дня. Она снова набрала Вовкин номер. И, стараясь говорить как можно равнодушнее, спросила:

— Вов, привет! Ну что там о Борьке слышно?

Но тот отрубил все вопросы двумя жёсткими фразами:

— Понятия не имею. Извини!

Тогда решила подъехать к матери. И после ужина, помогая ей вытирать посуду, тихо, чтобы не слышал отец, поинтересовалась:

— Мам, чего там про Тарасова на работе у тебя говорят?

Мама, тоже оглянувшись на спину отца, который в гостиной смотрел телевизор, шёпотом сказала:

— Ой, Илон, народ будет языками трепать! Только ты никого не слушай. Про экзамены думай. Сколько уж уроков пропустила!

Понятно. Сговорились. Ограждают её от всякой информации. Что же придумать-то? Как-то надо мать всё-таки разговорить. И, сделав обиженный вид, произнесла:

— Пеняешь, что ничего вам не рассказываю. А сами-то? Вон Светка Татарина с мамой — как две подруги, а ты всё стенку между мной и собой ставишь. Ни о чём с тобой не поговорить! Всё маленькой меня считаешь?

Мать покачала головой. Видно, нажала ей всё-таки на любимую мозоль.

— Ну что я буду передавать сплетни разные! — Помолчала, но недолго. Оборвать паутинную нить редкого откровения всё-таки не решилась. — Отец Тарасова — деспот, каких поискать! Сын с ним на ножах. За мать заступается. Не раз уж в драку схватывались. Жаль женщину! Как только терпит такого... всю жизнь?! У него вон шея бычья, а она — от ветра шатается.

— А Борька никому ничего об этом не говорил...

— Ну и правильно. Хоть это делает ему честь. Порядочные люди сора из избы не выносят. Тем более что этим ничего не изменишь. Мать больна очень. На инвалидности. Нигде не ра-

ботает. А значит, от мужа материально зависит. Сына-то на ноги поставить надо.

— А что с ней? — отложила в сторону посудное полотенце Илона. И села, как старушка, сложив руки на коленях. Вся ушла во внимание.

— Точно не знаю. Операция на сердце была. Расстраиваться ей совсем нельзя. Только где тут! То муж, то сын вот теперь... — ни тот, ни другой ведь горя не убавят. — Она вздохнула. — И что этот Борька от тебя не отстанет?! С детства в семье насмотрелся всего. И вот он, результат!

Взглянув на неё, мать вытерла руки о передник, обняла, присела рядом, прижала к себе.

— Ты за Борьку не переживай. И с ним не сближайся. У него в генах отцовское наследие. Тоже, видать, весь мир вокруг своей ноги крутить хочет. Ему такой урок полезен. Нельзя всякой скотине позволять над собой издеваться! А глаз искусственный родители сыну вставят. У них есть на что!

— Ну, мам, и язык у тебя! — вскочила Илона.

— А что не так сказала-то? — искренне удивилась та.

— Зачем Борьку скотиной назвала?

— За звериные инстинкты! Видишь, что придумал! Силой девчонку брать!

— Да ну тебя! — тряхнула головой Илона и быстро пошла в свою комнату.

Легла на тахту вниз лицом. Ну вот, пооткровенничали! И всегда так.

Готовы Борьку с потрохами съесть! В генах, говорит, отцовское наследие. А почему тогда Борька за мать заступается? Шутка ли — с отцом схватиться?! Представила — и жутко стало. У папаши его плечи шире шкафа. В дверной проём вон еле влез. А Борька хоть и здоровый парень, но кулаки-то всё равно не кувалды, как у его папаши. И вспомнилось, как однажды Борька в школу с синяком пришёл. На все вопросы пацанов отшучивался: «Шёл, упал, проснулся — в гипсе!» Или: «С быком здоровкался!» И при этом растягивал щёки руками в стороны. Дурацкая привычка! Но смешно.

А перед глазами — Борькино лицо, закрытое от слёз рукой, каким видела в больнице. Зачем мать его скотиной-то назвала? На своего бы мужа посмотрела. Характерец-то тоже не пода-

рок. А Борькин папаша, судя по их разговору тогда, не такой уж и хам. Хотя, может, только с чужими так? А со своими — как Кабаниха из пьесы Островского «Гроза»: «...нищих оделяет, а домашних заела совсем!» А Борька-то хоть бы что кому по секрету сказал. Ему только в ФСБ работать! Понять-то его, конечно, можно — мигом бы по городу разлетелось. И папашина репутация — вдребезги! Откуда мать её всё это знает? На работе, наверное, за чаем судачат. Может, кто-нибудь из соседей слышал. Ведь шила в мешке не утаишь. Тем более в их маленьком городке. Знала бы раньше про Борьку такое, не стала бы ему на каждом шагу грубить. Права Лена: от женщины многое зависит.

Встала, подошла к шкафу с зеркалом. Что там у тебя, голубушка, в глазах? И обхватила щёки руками. Боже мой! Взгляд как у заезженной лошади! И никакой силы, одна мучительная тревога. Ну где же он может быть? Хоть бы позвонил, что ли! И Вовка — хорош гусь. «Понятия не имею. Извини!» — передразнила она Денисова. И попробовала улыбнуться, как Борька, растягивая щёки в стороны. Но смешно не было. Наоборот. Губы сами по себе начали кривиться. А что если Светке позвонить? У неё мать много чего знает. Со Светкой делится. А ведь это идея!

Та долго не брала трубку. Где может быть? Или разговаривать не хочет? Только поздно вечером Светка наконец откликнулась:

— Привет, Илон. Когда в школу придёшь? — А в голосе столько фальши. Что-то знает, но хочет увильнуть от разговора.

— Свет, ты мне про Борьку правду скажи!

Подруга вздохнула и долго молчала. Как обычно, набрав в лёгкие воздуха, теперь задерживала дыхание.

— Ну уж колись, а?! — поторопила она.

— С отцом у него в больнице какой-то скандал вышел. Что-то там опять тебя касалось. Ну а Борька, ты же его знаешь, за тебя грудью на амбразуру ляжет! Словом, сбежал он из больницы. Никто не знает куда.

— Это я знаю! — оборвала Илона. — Неужели нигде не объявился?

Светка засопела в трубку. Точно знает что-то, просто сказать боится.

— Свет, подруга ты мне или нет? Знаешь ведь, скажи! Неизвестность эта, как червь, гложет!

— Ну, смотри, только в обморок не упади!

— Да ладно тебе! — И опять пошло на подругу раздражение. Что важничает?

— Короче, вниз по течению реки труп утопленника нашли. Молодой парень, Борькиной комплекции. Лицо обезображено. Кто такой — не узнать. Тарасов-старший туда рванул на опознание. Мать на «скорой» увезли. С сердцем плохо стало. В школе тоже только об этом и говорят. Словом, весь город лихорадит. — Говорила, как отстукивала азбуку Морзе. — А ты-то что думаешь? Мог он такое?

— Не знаю! — прошептала Илона. — Пока! — А у самой даже в глазах потемнело.

В эту ночь не могла уснуть до самого утра. В воображении вырисовывались разные картинки. Одна страшнее другой. Представляла Борьку мёртвым. И внутри всё сжималось до стога. Но стонать боялась. Чего доброго, услышат родители. А в ушах слова Лены: «Неужели у тебя к Борьке, кроме ненависти, в душе ничего нет?» И по щекам потекли слёзы. Уткнулась носом в подушку и вдруг прорвало: «Борька! Боренька! Это же я во всём виновата! Я!!! Господи! Прости меня!» И затряслась всем телом.

И тут за окном раздался непонятный шорох, будто кто-то легко перепрыгнул через забор. Потом почудилось, кто-то водит рукой по подоконнику. Подняла голову, прислушалась. Увидела тень прильнувшего к стеклу лица. И внутри всё зазвенело: Борька! Это он!!!

Отдёрнула штору и, стараясь хоть как-то сдержать возбуждённое дыхание, осторожно и тихо раскрыла окно.

— Борька! Миленкий! — в порыве обняв его за шею, прошептала она. — Слава богу! — И больше ничего не могла говорить, душили слёзы.

А он, дурачась, по привычке растягивал в улыбке щёки руками.

— Глупенькая! Что ты?! Я в порядке! Пришёл вот за тобой, позвать рассвет встречать. Пойдём?

Ещё спрашивает! Легко перекинула ноги через подоконник. И оказалась в крепких Борькиных

объятиях. Сколько стояли так — кто бы мог ответить?! А кому и отвечать, когда весь мир замер и блаженно закрыл глаза. Не дремали одни соловьи, которые стали весёлой трелью будить заспанный рассвет. Держась за руки, они с Борькой крались через палисадник к забору. С внутренней стороны изгороди выбраться на дорогу было несложно. А когда вышли на тропинку, что вела к реке, Борька приобнял её за плечи.

— Дрожишь-то как вся! — и, сняв с себя джемпер, заботливо, как малого ребёнка, укутал её. А она, стыдливо прикрывая грудь руками, растерянно прошептала:

— Ой! Я ведь в ночной рубашке!

— Ну и что! — тихонько засмеялся он. — Ты мне в любой одежде нравишься. К тому же сейчас всего четыре утра. В такую рань все спят. А как солнышко встанет, верну тебя домой! Целую и невредимую! — И легонько прижал к себе. — Сейчас я самый счастливый человек на свете! Ты мне веришь?

Она кивнула. Но от слёз ничего сказать не могла. Каждое прикосновение его рук вызывало во всём теле блаженный трепет. Вот он, оказывается, какой, Борька!

А Борька осторожно целовал её в висок. И душа ликовала. Невольно мелькнула лукавая мысль: хоть бы солнце подольше не всходило, что ли!

И потом так же, в обнимку, сидели на крутом берегу реки. Наблюдали за тем, как из-за леса встаёт солнце. Илона никогда не думала, что оно поднимается так быстро. Сначала розоватые шупальца его обласкали кудрявые головы сосен, потом показалась красная тюбетейка самого светила. И вот уже весь огненный шар запылал, пританцовывая, на лазури неба, и алые лучи на глазах стали наливаться золотом.

— Смотри! Смотри! — вдруг восторженно зашептал ей на ухо Борька. Илона проследила за его рукой и увидела на реке двух плывущих гагар. Вернее, плыла одна гагара, а рядом в уже свитом гнезде, как в лодке, сидела другая. В это было трудно поверить! Они даже привстали и подошли к самому обрыву, чтобы лучше рассмотреть это уму непостижимое зрелище.

— Куда это они переезжают? — шёпотом спросила она.

— Не знаю, но знак добрый! — улыбнулся ей Борька и крепко сжал её в своих объятиях.

А через несколько часов Борька подждал её у кустов черёмухи, чтобы вместе пойти в школу. Домой не ходил. Отложил встречу с родителями до вечера.

У одноклассников, у всех до одного, челюсти отвисли. Ведь они не просто улыбаясь предстали перед классом, явились, крепко держась за руки!

— Вот это да-а-а! — присвистнул Чижиков. — Это называется: «Явление Христа народу!» — Ох уж этот Витька. Где только таких фраз находил!

Любка Прохина от ревности так и выгнулась вся.

— Милые ругаются — только тешатся! — А взгляд такой, вот-вот разревётся.

— Тебе, наверное, Бульба, ради такой любви и глаза не жаль?! — подала свой ехидный голосок Люська Ершова.

— Как ты угадала! — рассмеялся Борька, слегка сжимая руку Илоны. — И, подойдя к Вовке Денисову, попросил: — Давай поменяемся местами. Я с Илоной сяду. У меня учебники дома остались.

Вовка без лишних слов собрал в кучу свои школьные манатки и перешёл на галёрку, на излюбленное Борькино место.

— Ну, Бульба, весь свет затмил! — хохотнул Сашка Кравченко. — Скоро шире Туза в плечах будет! Что только «любоф» с человеком делает!

— Ты, Борька, про глаз не думай. Нынче медицина чудеса творит, — подал свой ленивый голос Лёня Туз. — Я бы весь свой жир на один твой пропавший глаз запросто променял. А если ещё и с Илонкой в придачу...

— Ну, будет вам потешаться! — по-взрослому серьёзно урезонил говорящих Вовка Денисов. — Хуже малолетних! Поглазели — и хватит!

Это подействовало. На какое-то время парни их оставили в покое. А вот девчонкам всё было никак не уняться. Снова начали шушукаться. Катька Федотова вслух озвучила:

— Ну, Гагара, какую «крышу» отхватила! С Бульбой и в омут головой не страшно! Это тебе не Эраст из «Бедной Лизы»!

— А ну закрыли рты! — миролюбиво scomандовал Борька. И класс замер. Знали: дважды Борька повторять не будет. И только Чижииков был в своём репертуаре.

— Гля, как Бульба свою Гагару оберегает! — цинично коверкая слова, хохотнул он. — А ведь ещё Горький писал: «...И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает». Но ты, Илонка, не из пугливых. Вон как...

Он не успел договорить, Борька одним прыжком оказался у его парты. И, как мелкому и сопливому, слегка смазал Чижику по затылку. Тот икнул и заткнулся. А в дверь уже, как всегда стремительно, входил физрук. Нулевым уроком был классный час.

— У-у-у! Кого я вижу! — заулыбался он, глядя на вторую парту. — В наших танковых частях прибыло! Только придёт к вам, ребята, назад пересест. А то классу будет не настроиться на работу.

Не сговариваясь, они с Борькой встали и перешли на Вовкино место.

Сидели тихо-тихо, соприкасаясь только локтями. Но и от этого лёгкого прикосновения душа наполнялась тихим восторгом. Никогда Илона не сидела на последней парте. Понравилось!

Домой из школы пришла в этот день поздно. Трудно было расстаться с Борькой. Стояли у кустов черёмухи в обнимку битых два часа, а то и больше. Казалось, оторвись они сейчас друг от друга, налетит ураганный ветер и навсегда разлучит, разнесёт по разным сторонам.

— Ты, Борь, к матери в больницу сходи, ладно? — тихо напомнила ему Илона.

— У-гу-у! — мычал Борька. — А ты мне вечером позвонишь?

— У-гу-у! — в тон ему мычала она.

И, как малые дети, хохотали, сами не зная почему.

Мать вернулась с работы чернее тучи. Такой её Илона ещё не видела. Молча прошла в спальню, даже не взглянув на неё. Чего это она? Неужели что-нибудь видела? Ну, как они с Борькой через палисадник крались... Да нет, не

может быть. В окно ведь влезла тихо. Если бы мать что услышала — притворяться бы не стала. И отец храпел. Встали ровно по будильнику. И утром всё как обычно: каша, чай, дежурные вопросы. И даже поцелуи — по этикету.

— Мам, ты чего такая? — не удержавшись, спросила она, войдя следом.

— Какая?

— Смурная, как однажды выразился один мой знакомый.

— Какой знакомый? — насторожилась та.

— Да нет, я так просто, — не могла сдержать счастливой улыбки Илона. — На работе что случилось? Или с отцом по телефону из-за чего-нибудь поцапались?

Мать повернула голову и, глядя куда-то в сторону, тяжело выдохнула:

— У Борьки мать умерла!

— Как это?! — так и села на табурет Илона. С ужасом смотрела на мать, надеясь услышать: мол, прости, пошутила. Но та продолжала мрачно смотреть куда-то в пол. — С чего ты взяла? Может, наболтали? — и, как старушка, прикрыла рот рукой. — Быть такого не может!

— В больницу звонила. Этим, знаешь, не шутят. Что за напасть такая?! Всё время почему-то жалела эту женщину. Не могу объяснить тебе, но увижу её — сердце сжимается. Каково ей было в последнее время?! Сначала сын пропал, теперь вот сама умерла. Как проклятье на семье какое!..

— Мам, Борька жив, в школе был, — осторожно дотронулась Илона кончиками пальцев до руки матери. — У нас с ним всё хорошо. Меня проводил и домой пошёл. — И закрыла лицо руками: — Господи! Что с ним сейчас будет!!!

— Говоришь, домой пошёл? — резко повернулась к ней мать. И неожиданно быстро схватила куртку с вешалки.

— Одевайся давай, пошли!

— Куда? — не поняла Илона.

— На Кудыкину гору! — неизвестно почему рассердилась та. — К Тарасовым! У них ведь и родственников здесь нет. Помочь людям надо! К тому же отец у Борьки знаешь какой. Не дай бог что опять случится!..

До Борькиного дома шли молча, как на гильотину. Каждый в себе искал какие-то слова, которые говорят в утешение. Но слова не на-

ходились. И ноги с каждым шагом деревенели.

– Ты знаешь, в какой квартире он живёт?

Илона покачала головой. Дома у Борьки бывать не приходилось. Денисов наверняка знал. Послала Вовке эсэмэску. Говорить по телефону не могла. Тот откликнулся цифрами. Видно, ещё ничего не знал.

Дверь в квартиру была почему-то открыта. Вошли без стука. Борька сидел на стуле в гостиной, обхватив голову руками, отец — на полу, прислонившись тучной спиной к дивану. Глаза у него были закрыты, лицо воспалённое, мокрое от слёз. Форменный пиджак расстёгнут, галстук сбился на сторону. На рубашке не хватало первых двух пуговиц. Дрались они, что ли?! Сначала Илона подумала, что Тарасов-старший просто пьян. Потянула носом. Но водкой в комнате не пахло. Картина эта так потрясла Илону, что она тихонько толкнула мать в бок, показывая глазами на дверь, мол, может, всё-таки позвонить надо было. Но мать отмахнулась. Кивнула на Борьку. Илона поняла. Подошла, обняла его за спину. А мать в это время тронула за плечо Тарасова-старшего.

– Примите наши соболезнования. Понимаем, слова тут бессмысленны, но позвольте остаться помочь в чём потребуется.

Борька, не поднимая головы и не стесняясь родителей, благодарно прижался мокрыми губами к шее Илоны. Его отец тоже открыл глаза, но взгляд был невидящим, бессмысленным. Однако, услышав чужой голос, всё же начал приходить в себя, тяжело и неуклюже подниматься с пола. Широко расставив ноги, остановился посреди комнаты и растерянно водил крепкими, как воинский щит, плечами. И был сейчас так похож на Лёню Тузова, смотревшего так же, когда кто-нибудь из парней, пробегая мимо, больно бил его кулаком в спину, между лопаток. Провел рукой по лицу, словно хотел таким движением освободиться от свалившегося на него горя. Наконец его блуждающий взгляд остановился на них с Борькой. Илона съёжилась и хотела убрать Борькину руку со своего плеча, но не тут-то было. Борька упрямо демонстрировал отцу их отношения. А тот продолжал буравить их своим пристальным, но каким-то неосмысленным взглядом. Потом, осознав наконец, кто перед

ним, обхватил голову руками и застонал, да так отчаянно, что и они с Борькой, и мама разом сорвались с места. Но Борькин отец резко остановил их движением рук.

– Простите меня! Я... сам... я сейчас...

Шатаясь как пьяный, направился в кухню. Мать — за ним. Они с Борькой наконец остались одни. Сели на диван, прижались друг к другу головами.

– Вот и доигрался я, Илонка. — Голос у Борьки сорвался. — Ты знаешь, какая у меня мамка добрая была! И всех всегда понимала.

Слушала его и молчала. У неё, как тогда в детском саду, язык будто отсох. И хотелось что-то сказать, и не могла. Наконец выдавила:

– Все мы, Боря, в этом виноваты!

И вздрогнула от громкого звука неожиданно раздавшейся музыки. Это соседи открыли окно. До боли знакомая песня ворвалась к ним в комнату через открытую форточку.

Летела гагара, летела гагара на вешней заре...

И Борьку прорвало. В груди у него всё затряслось. Чтобы она не видела его слёз, зарылся лицом в её волосы.

Господи! Ещё песня эта душу рвёт! Кто и зачем музыку включил? Хотя вряд ли соседи знают, что тут у них творится. Хотела встать, постучать в бетонную стену, но Борька не выпускал её из своих объятий. В голове сновали горькие мысли: «Вот жизнь устроена как! В одном доме — горе, в другом — радость. Выходит, что смерть и песня уживаются рядом...»

Из кухни доносились тихие голоса — не двоих, троих. Прислушалась. Как отец-то умудрился их с матерью найти?! Когда вошёл — не слышала. Наверное, как и они с мамой, в открытую дверь, без звонка. И сразу на голоса пошёл, в кухню. Сидят, говорят: спокойно, обыденно, тихо. Обсуждают похоронные дела — здраво, без слёз, по-деловому. Подумать страшно!

Нежно погладила Борьку по волосам. Тот тихо и ровно посапывал. Заснул, что ли? Хотя что тут удивительного? Ведь не спали всю ночь. Борька, может, и больше. Где-то ведь пропадал несколько суток.

А женский голос, молодой и сильный, выводил с надрывом:

*Кричала гагара,
 кричала гагара над крышей моей,
Кричала гагара,
 что солнце проснулось и море поёт,
Что море проснулось,
 что месяц гуляет, как юный олень,
Что месяц гуляет,
 что море сияет, что милый мой ждёт.¹*

* * *

Прозвенел звонок на урок. Первоклашек как ветром сдуло. Видимо, учительница действительно была строгой и к порядку малыши были приучены. И лишь курносая девочка с птичьим прозвищем Сорока всё прыгала и прыгала вверх по ступенькам на обеих ногах без помощи рук.

— Сорока! — звонко раздалось в коридоре.

Илона обернулась. В дверном проёме показалась лохматая голова крупного парня, того самого, что на перемене показывал девочке кулак.

— Ты чего на урок не идёшь?! Допрыгаешься сейчас! Опоздаешь — учительница ругаться будет! — Смущённо взглянув на Илону, он забот-

ливо протянул девочке руку. — Иди давай! — И миролюбиво пообещал: — Я после уроков тебя прыгать научу!

Через минуту-другую шаги их стихли. Школу заботливо окутала тишина. Илона уткнулась лбом в холодное стекло. Дождь прекратился. Ветер тоже успокоился. Золотые листья кружились уже не в бешеном, а в плавном завораживающем танце. Откуда-то из-за туч выглянуло солнце. Солнечные лучи, заигрывая друг с другом, пробежались по плывущим на горизонте облакам.

От её горячего дыхания стекло запотело. И в голове созрела озорная идея. Улыбнувшись своим мыслям, стала водить по стеклу пальцем. На туманном фоне окна появилось размашистое слово: «Гагара!» Однако очень скоро прозрачные буквы «распустили нюни». Крупные капли их остывающих слёз медленно ползли вниз, стекая на подоконник. Слово растаяло быстро и незаметно. Что слово? Вон как быстро пролетели в мыслях целых двенадцать лет. И что тут удивительного? В жизни, как говорится, всё течёт, всё изменяется.

□

¹ Песня на стихи Николая Тряпкина «Летела гагара». Музыка Александра Морозова.

Надежда Борисовна ВАСИЛЬЕВА —

автор двенадцати книг: «Живой души потемки» (1992 г.), «Судите сами» (1998 г.), «Под созвездием Кассиопея» (2004 г.), «Етишкина жизнь!..» (2006 г.), «По прозвищу Гуманоид...» (2007 г.), «Про Стасика, Дашу и бабушку Машу» (2007 г.), «Ральф в гостях у Кристи» (2008 г.), «Сказ об эльфийской принцессе» (2010 г.), «Жили-были...» (2011 г.), «Когда ангелы поют» (2012 г.), «Жу-Зи» (2012 г.), «Боба Теремков» (2013 г.).

Произведения писательницы печатались в журналах и сборниках Германии, Норвегии, Финляндии, Швеции.

Автор является лауреатом республиканских, всероссийских и международных литературных премий («Сампо», «Добрая лира», «Русский стиль», «Славянские традиции», премии журнала «Север»).

Сборник повестей для взрослых читателей «Когда ангелы поют» вошёл в финал Бунинской премии 2013 г.

Финалист Международного конкурса им. С. Михалкова.

Юрий ЛИННИК

г. Петрозаводск

ОСТРОВ МЁРТВЫХ

Готический роман – и английская неоготика: между ними есть корреляция. И ведь какая! Они возникают одновременно – в одном месте – волей одного человека.

В 1747 г. молодой граф Хорас Уолпол купит на берегу Темзы скромное поместье – и сразу же переименует его: *Строберри-Хилл* – земляничный холм. Под таким названием оно войдёт в историю архитектуры – означит существенную веху её эволюции.

В переустройство усадьбы новый хозяин вложит и немалые средства, и богатую фантазию. Вскоре она превратится в подобие средневекового замка.

Сегодня можно прочесть: *Строберри-Хилл* – начало английской неоготики.

Здесь Хорас Уолпол создаст новый литературный жанр – готический роман. Популярнейший «Замок Отранто» изобилует ужасами: вот кровоточит статуя предка – вот упавший с неба шлем убивает принца – вот герою явлена призрачная гигантская рука.

Хорас Уолпол сочетал в себе два таланта – архитектурный и писательский.

Удивительно, что этот редкостный случай вскоре повторится: Уильям Томас Бекфорд будет писать готическую прозу – по его наброскам Джеймс Уайет спроектирует Фонтхиллское аббатство, самый невероятный каприз в истории зодчества. Как определить суть замысла? Создать гиперболу готики – пафосно выразить её эйдос – сконцентрировать её дух.

У.Т. Бекфорд решит использовать в качестве материала древесину и цемент.

Технологическая ошибка!

Труд почти тысячи людей пойдёт насмарку – 90-метровая башня будет дважды обрушиваться. Циклопическую постройку закончат в 1813 г. Последний вариант башни погибнет в 1826 г. Очень скоро всё сооружение превратится в руины.

Фонтхиллское аббатство осталось только на рисунках.

Бывал ли там Ч.Х. Тэтам? Между его капеллой на Людвигштайне и фантазмагорией Бекфорда-Уайета наличествуют интереснейшие структурные переклички.

А вот Бродвейская башня Дж. Уайета (1797). Она похожа на бинокляр. Мысленно припав к нему, я снова вижу Людвигштайн – и здесь тоже имеются аналогии. Их можно усилить, поставив творение Дж. Уайета перед зеркалом – удвоение ещё более подчеркнёт сходство с шедевром Ч.Х.Тэтама: теперь оба сооружения тетрагональны в схеме.

Полнота изоморфизма достигнута!

Вид на Людвигштайн с капеллой мистериален. Отрывая нас от всего обыденного, он будто раздвигает некий занавес – и высвечивает потусторонние измерения. Притягательная перспектива! Завлекая нас, она не сулит обратного возвращения – мы оказываемся у порога своих экзистенций.

К феноменологии острова: такое исследование я хотел бы написать.

Обособленностью острова – его отдельностью, отторгнутостью – создаётся антитетическое отношение.

Островное противопоставляет себя материку-материку.

Островное – это уже *иное*.

Не случайно именно на дальние острова человечество искони проецирует свои сокровенные чаянья.

Элизиум!

Это о нём сказано в гомеровской «Одиссее»:

*Где пробегают светло беспечальные дни человека:
Где ни метелей, ни ливней,
ни хладов зимы не бывает;
Где сладкошумно летающий веет Зефир Океаном,
С легкой прохладой туда посылаемый
людям блаженным.*

Это там Е.А. Баратынский надеется увидеться с А.А. Дельвигом:

*О Дельвиг! слёзы мне не нужны;
Верь: въ закоцитной стороне
Приём радушный будет мне.*

Гениально образ Элизиума – *Острова блаженных* – воссоздаёт Лев Самойлович Бакст. Абсолютный покой – совершенная релаксация – блаженная отрешённость! Иногда мне кажется: если однажды я ступлю на землю Людвигштайна, то мгновенно проявится скрытое – и я окажусь на Елисейских полях.

Остров Цирцеи!

Отсюда по наущению волшебницы Одиссей отправился в Аид. Здесь от прорицателя Тиресия он узнал о будущих испытаниях. Вспомним, что коварная островитянка превращала людей в животных – наперекор ей творцы Софиевки создают остров *Анти-Цирцеи*: там происходит обратный метаморфоз.

Гекзаметр Гомера сейчас отзовётся в гекзаметре А.А. Фета:

*Блажен, о Цирцея, кто в черные волны забвенья
Гирлянду завядшую дней пережитых кидает...*

Эти волны обступают и Людвигштайн.
Но плывём дальше.

Панхайа!

Этот остров открыл Эвгемер, философ-киренаик. Установка мыслителя на высвечивание в образах религии исторических прототипов называется эвгемеризмом. Фрагменты его травелога мы находим у Диодора Сицилийского: «*Стоит там и большой храм из белого камня длиной в два плетра и соответствующей длине шириной, с высокими и толстыми колоннами*».

Разве не похоже на Людвигштайн?

Сейчас ветер дует на Запад.

Что за сказочный замок прорезался в тумане?
Авалон!

Остановившись перед склепом короля Артура, мы задумаемся: где видели нечто подобное? Конечно же, на Людвигштайне! Оба острова кажутся заколдованными.

Чары наводит Фата Моргана.

Звучат стихи Константина Бальмонта:

*Правда ль тут будет, неправда ль обмана,
Только роскошной цветной пеленой
Быстро возникнет пред ним над волной
Фата Моргана.*

Теперь сворачиваем на Север.

Ультима Туле!

Пифей в IV в. до н.э. открыл её не так уж и далеко отсюда. Где точно? Координаты размыты. Они даются в разбросе от Исландии до Оркнейских островов. Одно несомненно: мореплавателю достиг широты белых ночей – ощутил на себе их очарование. Плиний пишет: «*Самым дальним островом, о котором нам известно, является Туле, где вообще нет ночей в середине лета, а именно когда Солнце проходит через созвездие Рака, и наоборот, вообще нет дней в середине зимы – оба эти периода, как полагают, делятся по шесть месяцев*».

Современные мистагоги помещают на Туле столицу Гипербореи.

Валерий Брюсов писал:

*Вымерли конунги, здесь что царили когда-то,
Их корабли у чужих берегов затонули.
Грозно безлюдье вокруг, и молчаньем объята
Ultima Thule.*

Это символ крайнего, запредельного.

Людвигштайн близко? Да. И одновременно – тут парадокс – в бесконечной дали. Он кажется недоступным, как Ультима Туле.

Примечательная деталь: владельцы ликвидируют мост, соединявший остров с материком, и заменяют его паромом. Вроде как частность. Но разрыв усилен! И ведь радикально: в моём субъективном пространстве – до бесконечности. Этим подчёркивается трансцендентность острова-некрополя. Композиция ландшафта самоорганизуется так, что возникает ощущение: Людвигштайн – недостижим.

Возле Монрепо расположился целый архипелаг мифических островов. Пусть появится ещё один – быть может, главный. Это «Остров мёртвых» Арнольда Бёклина.

В набросках Осипа Мандельштама к «Египетской марке» мы находим такие слова: «*Должно быть, барон Николай знал и ценил художника Бёклина, потому что соорудил у себя в парке самый настоящий «Остров мёртвых». Для сообщения с фамильным склепом он выстроил паром, вполне исправный, как бы дежурящий в ожидании свинцового гроба, но вот уже двадцать лет отдыхает эта греческая переправа.*»

Не будем упрекать поэта в хронологической неточности. «Остров мёртвых» – первый его вариант – был написан в 1880 г. Людвигштайн старше картины как минимум на полвека.

Ассоциацией поэта создаётся особый хронотоп. Используя бахтинское понятие, специально уточним: время – всё хрональное – в нашем случае преодолено. Мы попадаем в *хронотоп вечности*. Это словосочетание противоречиво? Но оно отражает сущность феномена. Вечность не знает ни «до» и «после» – ни «здесь» и «там».

Всё рядом – всё сейчас – всё едино.

Ассоциации гениев создают новую реальность. Ставя удалённые явления во взаимосвязь, они образуют наипрочнейшие сцепления, которые уже невозможно разрушить.

Монрепо – и Оссиан: это нерасторжимо. Спасибо Д.С. Лихачёву.

Бёклин – и Монрепо: это навечно. Спасибо О.Э.Мандельштаму.

«Остров мёртвых» оказал гипнотическое воздействие на европейскую культуру. Несколько его вариантов – вовсе не дубли: каждому задаётся своя тональность. В этом царит безнадежность – в этом доминирует меланхолия – в этом означалась просветлённость – в этом звучит смирение.

Что главное в картине?

Гениально выраженная тема Предстояния!

Мы ещё не в мире теней – мы возле границы с ним.

Ваянья *оттуда* всё ощутимее.

Озаботились ли взять медный обол для расплаты с Хароном?

Встречающий нас остров вполне предметен – и вместе с тем он похож на призрачные кулисы, которые раздвинутся в последний миг. Пока они непроницаемы.

Что нас ждёт за этими кипарисами?

Куда уводят порталы, прорубленные в скалах?

Обречённость – и неопределённость, уныние – и патетичность, ожидание – и неизвестность: сколько регистров задействовано в картине!

У бёклинского «Острова мёртвых» есть реальный прототип.

Это остров Святого Георгия в Адриатике.

Поразительное сходство!

Как если бы свою фантазию А. Бёклин писал с натуры.

Или – наоборот – натура возникла под влиянием живописи.

Как и Людвигштайн, остров Святого Георгия называют «Островом мёртвых» – воздействие картины на топонимику тут несомненно.

С творением А. Бёклина сопоставляют ещё и остров-кладбище Сан-Микеле близ Венеции. Там покоятся Сергей Дягилев, Игорь Стравинский, Иосиф Бродский, Пётр Вайль, Эзра Паунд.

Сан-Микеле переключается с картиной А. Бёклина своими кипарисами.

Тогда как скалы Фаральони около о. Капри стараются внушить нам: это именно они высятся в полотне швейцарского мастера – и вносят в него что-то инобытийное, томящее наш дух.

Вопрос о том, отталкивался ли А. Бёклин от каких-то географических реалий или нет, остаётся открытым. Тогда как у Людвигштайна вполне мог быть прототип. Конечно, не буквальный: речь идёт скорее о своеобразной подсказке – она навела Л.Г. Николаи на мысль о создании островного некрополя в Монрепо.

Речь идёт о Тополином острове в Эрменонвиле.

Этот изумительный парк маркиз Рене Луи де Жирарден посвятил Жан-Жаку Руссо. Мало сказать: посвятил. В своём детище сановитый парко-строитель стремился выразить мироощущение великого мыслителя. Эрменонвиль моделировал космос Ж.-Ж. Руссо – адекватно выражал его энтелехию: слияние с природой – растворение в ней.

Здесь мы можем посетить Храм философии.

И постоять у Алтаря мечтаний.

А вот искусственный дольмен! Это дань кельтам – не свидетельствует ли она о том, что маркиз был задет влиянием оссианизма?

Жан-Жак Руссо провёл в Эрменонвиле последние 42 дня своей жизни. Они были счастливейшими для него. Какие возможности для пополнения гербария!

В ночь на 4 июля 1778 г. при свете факелов состоялись похороны Ж.-Ж. Руссо.

Гроб по направлению к пруду несли на плечах простые крестьяне.

Потом прах поместили на лодку.

И переправили на Тополиный остров.

Рисунок на саркофаге был сделан по эскизу Гюбера Робера. На южной его грани выгравировали такие слова: «Здесь покоится человек *Природы и Правды*».

Через 16 лет, игнорируя протесты маркиза, Ж.-Ж. Руссо перезахоронят в Пантеоне.

Людвигштайн не раз ассоциировался с Тополиным островом.

Урна-кенотаф в память Ф.Г. Лафермьера, подаренная императрицей Марией Фёдоровной и установленная перед капеллой, усиливала сходство двух минорных островов.

Неожиданная встреча с Тополиным островом нас ожидает в парке Дессау-Вёрлиц. Его точной копией мы обязаны князю Леопольду III Фридриху Францу фон Ангальт-Дессау, убеждённому руссоисту. Сколько тут параллелей с Монрепо! Снова мы включаемся в диалог классицизма и неоготики. А китайские мостики? У немецкого князя и русского барона были одинаковые эстетические пристрастия.

Л.Г. Николаи лично знал Ж.-Ж. Руссо.

Бывал ли он в Эрменонвиле или Дессау-Вёрлиц?

Вероятность подобных посещений весьма высока.

Но вот неоспоримый факт: позднеримская гробница, прославшаяся – по причине красивого недоразумения – *саркофагом Гомера*, была установлена в Строгановском саду с таким расчётом, чтобы его хозяин Павел Александрович мог в полном

блаженстве предаваться воспоминаниям о пребывании в Эрменонвиле, который его потряс.

Вернёмся в Дессау-Вёрлиц.

Поклонником парка был И.-В. Гёте.

Вот его отзыв: «Словно ты просто бесцельно бредёшь куда-то, словно тебе рассказывают сказку, совершенно в характере Елисейских полей, где одно в своём разнообразии переходит в другое; ничто не цепляется за твой взгляд, ты бредёшь, не задаваясь вопросом, откуда ты идёшь и куда».

Это можно отнести и к Монрепо, и к Софиевке.

Вспомним, что в своём имении Потоцкие сотворили символическое замещение Елисейских полей – вот ещё топонимы Софиевки, отсылающие нас к хтонике: *Ахерусийское озеро*, *р. Коцит*, *р. Стикс*, *р. Мнемосина*, *р. Ахеронт*, *р. Флегетон*, *р. Лета*.

Тема смерти беспокоила создателей оссианических – шире: романтических, философических – парков. Они единодушно воспроизводили древнейший архетип: топос смерти связывали с островом – отдаляли от материка.

В наш обильно ветвящийся ассоциативный ряд мы должны ввести ещё и датский остров *Борнгольм*. Он мифологизирован и романтизирован в одноименной повести Н.М. Карамзина. Это прекрасный образчик русской готической прозы.

Под текстом – дата: 1793 г.

Л.Г. Николаи уже шесть лет владеет Монрепо. Он вынашивает замыслы пересоздания усадьбы. И вот ему попадает в руки карамзинский альманах «Аглая» с публикацией «Острова Борнгольма» – барон читает строки, которые могли откликнуться в замысле Эрихштайна. Напомним: на будущем Острове мёртвых Л.Г. Николаи поначалу хотел воссоздать подобие замка-темницы, где по воле его фантазии томился опальный шведский король Эрих XIV.

Читаем у Н.М. Карамзина:

– *Несчастный! Как дерзнул ты пристать к нашему острову? Разве не бледнеют плователи при виде гранитных берегов его? Как дерзнул ты войти в страшное святилище замка? Разве ужас его не гремит во всех окрестностях? Разве странник не удаляется от грозных его башен? Дерзкий! Уми за сие пагубное любопытство!*

Замысел Л.Г. Николаи претерпел известное нам изменение.

Вместо символического узилища на скалистом острове появился вполне реальный некрополь.

Эрихштайн преобразился в Людвигштайн.

Отринув тень пленника, остров принял другие тени – упокоившихся Николаи.

Иногда кажется: Осип Мандельштам прав – только причинная связь у него инверсировалась.

Будущее поменялось местом с настоящим.

Так бывает в пространстве Морфея.

А вдруг Паулю Николаи приснилась картина А.Бёклина?

И он оплотнил этот сон?

О таком обращении причинности пишет Р. Желязны в своём фэнтэзи: *«В самом сердце планеты, которая могла бы стать вторым Эдемом, много лет тому назад я воздвиг Остров Мёртвых, и он настолько врезался в моё сознание, что я не мог ни на мгновение забыть о нём всё это время».*

«Остров мёртвых» А. Бёклина вдохновил Р. Желязны на одноименную книгу.

На Введенском кладбище в Москве имеется захоронение Георга Леона (1863–1909) и Александры Рожновой (1849–1912). Декор захоронения – цитата из А. Бёклина: «Остров мёртвых» – этот живописный *Marche funebre* – наплывает на нас из кладбищенского сумрака.

Россия долго находилась под гипнозом бёклинского шедевра. О его успехе с иронией пишет Тэффи: *«В продолжение приблизительно десяти лет, куда бы я ни пошла, всюду встречал меня этот «Остров мёртвых». Я видела его в гостиницах, в примерочной у портнихи, в деловых кабинетах, в номере гостиницы, в окнах табачных и эстампных магазинов, в приёмной дантиста, в зале ресторана, в фойе театра».*

Арсений Тарковский вспоминает своё детство:

Где «Остров мертвых» в декадентской раме?

Где плюшевые красные диваны?

Где фотографии мужчин с усами?

Где тростниковые аэропланы?

Многое прошло, кануло.

Но это останется: Людвигштайн баронов Николаи и «Остров мёртвых» А. Бёклина – в их нерассторжимом ассоциативном сопряжении. Будто одна идея явилась нам в двух своих воплощениях! Оба прекрасны.

ПАМЯТИ БРАТЬЕВ БРОГЛИО

В1811 г. Пауль Николаи бракосочетался с воспитанницей Смольного института Александриной Симплицией де Броглио. За год до этого события он восторженно пишет о своей избраннице

С.Р. Воронцову: *«От своих родителей она унаследовала честь, благородство; её характер совершенно соответствует моему, она естественна и скромна и кроме того обладает силой духа, которая в её 22 года отличает её от многих сверстниц».*

Вместе Пауль и Александрина прожили тринадцать лет. У них было шестеро детей. При рождении седьмого ребёнка – Симплиции – Александрина скончалась. Пауль тогда произнёс такие слова: *«Половина солнца для меня угасла».*

Спустя три года после смерти супруги на Левкадской скале появится обелиск памяти братьев Александрины – Огюста и Шарля.

Приведём хронологическую канву:

1805 – двадцатидвухлетний Огюст-Сезар де Броглио погибает в битве при Аустерлице.

1813 – имея двадцать пять лет от роду, Шарль-Франсуа де Броглио не вернётся с поля сражения в Ульме.

1824 – уходит из жизни Александрина.

1827 – по проекту Ч.Х. Тэама, автора капеллы на Людвигштайне, воздвигается мемориальный обелиск.

О чём говорит эта колонка цифр?

О качествах человеческой души, которые ныне кажутся безвозвратно потерянными.

Сколько благородства в жесте П. Николаи!

Спустя много лет после того, как пали в наполеоновских войнах братья его супруги, овдовевший барон выказывает пиетет перед ними.

Оба Николаи – и отец, и сын – негативно относились к Наполеону, равно не приемля его и республиканскую, и императорскую ипостаси.

В поэме Л.Г. Николаи есть такие строки:

*Гельвеция! Тебя гнетёт ярмо
Тираном возглашаемой свободы.
Но здесь, под Александровым щитом,
На Балтике народ чухонский мирный
Хранит в покое собственность свою.*

Гельвеция-Швейцария понесла сильнейший урон в результате наполеоновской экспансии. Когда бы Павел I не свёл на нет суворовский триумф в Альпах!

Вскоре и Сен-Бернар, и Сен-Готард – экстремальные перевалы – окажутся в поле нашего внимания. На этих высях решались судьбы Европы. В отношении к коллизиям эпохи Л.Г. Николаи показал себя сторонником либеральных ценностей.

У франко-итальянской аристократической семьи де Броглио были все основания ненави-

деть Наполеона. Он сделал невозможной их жизнь на родине.

Де Броглио – эмигранты.

Отец Александрины умер – есть версия, что сложил голову на гильотине – ещё в 1795 г. Её дед – последний маршал дореволюционной Франции – нашёл убежище в России: сюда семья переселилась в 1798 г.

Все три брата де Броглио участвовали в антинаполеоновских войнах.

Участь двух – младшего и старшего – нам уже известна.

Средний – Альфонс-Габриэль Октав – бился в Бородино и Тарутино, Люцене и Бауцене, Кульме и Лейпциге. Под Фридрихландом его ранило в ногу. Был награждён Георгием 4-й степени и золотой шпагой за храбрость. В 1816 г. – после восстания во Франции монархии – вернулся вместе с матерью на родину.

Помянем Огюста-Сезара де Броглио.

Что натворил Александр I в Моравии, оттеснив М.И. Кутузова на вторую роль? После разгрома под Аустерлицем русский царь дрожал и плакал. Вот деталь из истории битвы: Ф.Ф. Буксгевден был вынужден отступать по замёрзшим прудам. Наполеон дал приказ: бить ядрами по льду. Много русских солдат потонуло.

Помянем Шарля-Франсуа де Броглио.

Читаем в мемуарах М.И. Муравьева-Апостола – речь идёт об Альфонсе-Габриэле Октаве: *«18-го августа рано утром товарищи пришли его навестить и увидели князя в палатке спящего возле убитого брата. Ночью князь Броглио, терзаемый мыслью, что тело брата его брошено на съедение зверей, отправился отыскивать убитого брата. Для него самого было непонятно, каким образом он мог его отыскать: ночи в последних числах августа темны».*

Тогда в Ульме был пленён генерал Д.Ж.Р. Вандам.

Якобы Александр I оскорбил генерала – тот парировал: *«Я не грабитель и не разбойник, но в любом случае в истории я не останусь отцеубийцей».*

Надо ли смотреть на русскую историю сквозь розовые очки?

В 1796 г. А.В. Суворов сказал о Наполеоне: *«Далеко шагает, пора унять молодца».* Так случилось, что напрямую два полководца – русский и французский – не столкнулись. Во время победоносного Итальянского похода А.В. Суворова Наполеон проводил свою Египетскую кампанию. Зачем подался на юг? Хотел перекрыть путь Англии в Индию.

Это была *idée fixe* у Наполеона – унижить и сокрушить Альбион. В лице императора мы видим фана-

тичного и лютого англофоба. Зачем он самоубийственно пошёл на Россию в 1812 г.? Нет, совсем не для её завоевания – преследовалась единственная цель: вбить клин между Россией и Англией.

Почему мы об этом вспоминаем сейчас – рядом с памятным знаком в честь братьев де Броглио, ставших жертвами грандиозных по масштабам, но где-то в сути своей болезненных капризов и амбиций?

Имеем в виду обе стороны.

26 сентября 1799 г. А.В. Суворов перевалил Сен-Готард. Сколько солдат сорвалось в пропасть! Но победа была в руках.

Имелись все возможности навсегда пресечь поползновения Наполеона.

Что помешало?

Дилетантизм Павла II и его ревность к гениальному полководцу.

18 мая 1800 г. А.В. Суворов умер.

В этот день Наполеон пересек Сен-Бернар, хорошо ему знакомый по эпохее 1796 г. – и вскоре дезавуировал все достижения А.В. Суворова.

Вот впечатляющая картина А.И. Шарлеманя «Торжественная встреча А.В. Суворова в Милане в апреле 1799 г.». Апофеоз! И что же? В июне 1800 г. Наполеон отбивает Милан.

Разные это были люди – А.В. Суворов и Наполеон.

Но была у них общая страсть: любовь к Оссиану.

С томом песен кельтского барда оба не расставались в своих походах.

В 1802 г. Анн-Луи Жироде написал мистериальную картину «Тени французских генералов, встречаемые в Елисейских полях Оссианом». Сколь дерзко тут смещены исторические и мифические реалии!

Оссиан – в Элизиуме.

Оссиан умиряет и упокаивает слетающиеся к нему тени военачальников, убиенных в другую эпоху – и в странах, которых ещё не было при жизни певца.

Небывалый реквием производит эффект, который греки называли *катарсисом* – трагедийное звучание полотна высветляет и возвышает наши души.

Назовём ещё две картины, написанные по заказу Наполеона:

– Франсуа Жерар. Оссиан, вызывающий призраков (1801)

– Жан Огюст Энгр. Сон Оссиана (1813)

Уже названия указывают на двуплановость мира, явленного нам в «Песнях Оссиана» – реальное и ирреальное, явственное и сновидческое здесь уравниваются в своём онтологическом статусе.

Усадьба Наполеона Мальмезон, для которой пи-

сались эти картины, была своеобразным оссианическим храмом. Творение Дж. Макферсона возбуждало и вдохновляло императора. Что любой допинг перед экстазами поэзии? Можно сказать так: свои самые яркие победы Наполеон одержал в синергии с Оссианом – благодаря его незримой поддержке.

Книгу Дж. Макферсона переложил на русский язык безбытный и неприкаянный Ермил Иванович Костров, поэт-выпивоха, чьи житейские минуты кажутся ничтожными в свете его несомненного таланта (ок. 1750–1796).

Полный перевод оссиановых песен, изданный в 1792 г., Е.И. Костров посвятил имениному полководцу, своему кумиру. Дарение двухтомника препровождалось «Одой его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому»:

*Где он, там каждый строй и каждый полк – стена,
Все – твёрдый адамант, и все единодушны;
Нам гладок путь – холмов кремнистых крутизна...*

Хорошо чеканится стих!

И вот что интересно: в третьей строке явственно проступает оссиановский ландшафт – разве не возникает ассоциация с альпийской Швейцарией? Проверял на друзьях: все говорят – это про Сен-Готард. А ведь Е.И. Костров скончался за три года до высокогорной героики А.В. Суворова.

Провидческие стихи!

Читаем донесение фельдмаршала – описывается Сен-Готард: «*На каждом шаге в сем царстве ужаса зияющие пропасти представляли отверстия и поглотить готовые гробы смерти; дремучие, мрачные ночи, непрерывно ударяющие громы, лиющиеся дожди и густой туман облаков при шумных водопадах, с камнями с вершин низвергавшихся, увеличивали сей трепет. Там является зрению нашему гора Сен-Готард, сей величающийся колосс гор, ниже хребтов которого громоносные тучи и облака плавают...*»

Это оссианизм чистой воды.

Проведём сравнительный анализ перевода Е.И. Кострова.

Английский оригинал – фрагмент из книги «Картон»: «*Who comes so dark from ocean's roar, like autumn's shadowy cloud? Death is trembling in his hand! His eyes flames of fire*».

Н.М. Карамзин – с английского: «*Кто идёт так страшно от шумного моря? Подобен он облаку осени мрачной. Трепещет смерть в его руке; как огонь, как пламя взор его!*»

Е.И. Костров – с французского перевода Пьера

Летурнера (1736–1788): «*Кто сей страшный ратоборец, текущий от шумящих волн Океана, как мрачный облак? В деснице его смерть, взор его как яркий пламень*».

Ю.Д. Левин – новейший перевод оригинала: «*Кто это мрачный идёт с океана ревущего, как тёмная туча осенняя? Смерть дрожит в его длани, очи его – огни пламенные*».

«Картон» пользовался особым успехом в России.

Процитируем зачин книги: «*Повесть времён старинных! Деяния минувших лет!*» Он отозвался в знаменитых пушкинских строчках:

*Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.*

Вслушиваясь в перевод Е.И. Кострова, мы констатируем: он не передаёт оркестровку оригинала – экспрессия коротких отрывистых фраз тут как бы погашена. Стиль стал несколько расплывчатым, стужённым. *Staccato* перешло в *legato*. На романтический слух это звучит лучше. Что тут поделать? Е.И. Костров ответил – скорее бессознательно – на эстетические потребности эпохи.

Упрекать поэта в том, что он пошёл на поводу П.Летурнера?

И более того: превзошёл его в произвольной подгонке текста к новым канонам?

Как бы то ни было, но перевод Е.И. Кострова стал фактом русской культуры – импульсы от него получили десятки русских стихотворцев.

Костровский Оссиан был с А.В. Суворовым в Альпах.

Помощник полковника Е.Б. Фукс записал за ним такие слова: «*Оссиан мой спутник, меня воспламеняет; я вижу и слышу Фингала в тумане на высокой скале сидящего и говорящего: «Оскар, одолей силу в оружии! щади слабую руку». – Честь и слава певцам! – Они мужают нас и делают творцами общих благ*».

Русский любимец Марса благоволил русскому питомцу Полигимнии.

Тронутый посвящением перевода, А.В. Суворов думал, как лучше облагодетельствовать поэта: выписать ему единожды 500 рублей – или выплачивать по 100 рублей ежегодно.

Получив от поэта «Эпистолы его сиятельству, графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому на взятие Варшавы» (1795), полководец пожаловал ему разом 1000 рублей. Да что деньги? К премии были приложены стихи самого Александра Васильевича:

*Вергилий и Гомер, о если бы восстали,
Для превосходства бы твой важный слог избрали.*

Высочайшая оценка!

А.В. Суворов понимал толк в поэзии. Ему приписывают уничижительную рекомендацию, якобы данную им на смертном одре Дмитрию Ивановичу Хвостову – будто бы графоману: «*Митя, ведь ты хороший человек, не пиши стихов. А уж коли не можешь не писать, то, ради Бога, не печатай*».

Не было таких слов.

Наклеив на Д.И. Хвостова ярлык бездаря, молва показала и свою силу, и свою беспощадность. Не отодрать! Торжества справедливости порой приходится ждать долго. Сегодня говорят – не без элементов эпатажа: Д.И. Хвостов – предтеча русского модернизма. Спорно? Но где-то справедливо.

В 1789 г. Д.И. Хвостов женился на племяннице А.В. Суворова Аграфене Ивановне Горчаковой. Полководец души в ней не чаял. Он и умер в её доме – на Крюковом канале, 23.

А.В. Суворова и Д.И. Хвостова связывала теснейшая дружба. Их переписка уникальна. Слог полководца в его посланиях к приятелю иногда напоминает кручёныховскую заумь. Игра словом! Порой она становится рискованной – трудно уловить смыслы и значения. По мнению А.Е. Махова, в поэзии Д.И. Хвостова отразились «*особенности стиля Суворова: его лаконизм, доходящий до невнятицы, его пристрастие к односложным словам*».

Спустя 27 лет после смерти друга Д.И. Хвостов вспоминает генералиссимуса в послании «Николаю Михайловичу Языкову» (1827):

*Новграда бард, не медли боле!
Представь премудрость на престоле,
Греми Екатерины меч;
На Альпы стань, когда Суворов,
Герой молниеносных взоров,
Вещал устами грома речь!*

Д.И. Хвостов содействовал контактам между А.В. Суворовым и Е.И. Костровым. В благодарность и за конкретное посредничество, и за общую расположенность последний сочинил «Стихи на день рождения Д. И. Х.»:

*Любимец чистых муз, друг верный Аполлона,
Тебе согласие приятно лирна тона;
Парнас тебе знаком, Кастальски воды пьёшь
И славу русского Тюренна ты поёшь.*

Примечание: Анри де Ла Тур д'Овернь Тюренн (1611–1675) – прославленный французский полководец. Кто в России подобен ему? Ответ однозначен.

Существенная для нас деталь: А.В. Суворов читал костровского Оссиана, находясь на службе в Финляндии. Вот его Выборгский адрес: Крепостная, 8.

Именно сюда адресовал Е.И. Костров свою благодарность: «*Получить похвалу от Героя и от справедливого дарований судии есть счастье, для всякого завидное*».

Неужели Александр Васильевич ни разу не заглянул в Монрепо?

Впрочем, сам Выборг – с точки зрения геоморфологии местности – есть явление сугубо оссиановское. Вдохновляясь и Дж. Макферсоном, и окружающей природой, А.В. Суворов пишет нечто подражательное – это фрагмент его Выборгской прозы: «*Странствую в сих каменомшистых местах, пою из Оссиана. О, в каком я мраке! Пронзающий темноту луч денного светила дарит меня*».

И ещё: «*Скоро ли меня перенесут орлы в те медомлечные страны, где я толико упражнялся с браненосцами, и где бы я тонкий воздух, наполненный зефирами, приятно разделил хоть на роге мира*».

Стилистика «Песен Оссиана» усвоена адекватно. *Оссиановский* Выборг предвосхищает *оссиановские* Альпы.

В этом сближении нет ни произвольности, ни субъективности.

Оба ландшафта запечатлели творческое мановение ледника.

Начала эволюционной гляциологии закладываются Ж.Л. Агассисом в Швейцарии.

В поисках подтверждения своих концепций учёный едет в Шотландию, страну Оссиана. Там независимо от него ледниковую гипотезу формулирует А. Гейки. Вот красивый пример параллелизма в генерации идей!

Решающие аргументы в пользу этой гипотезы дадут русские, шведские, финские учёные – природа Выборга будет поставлять для их исследований бесценный материал.

Швейцария – Шотландия – Скандинавия – Финляндия: *оссианический* дух, давая разные преломления, царит в ландшафте этих стран.

Картина «Переход Наполеона через перевал Сен-Бернар в Альпах» написана несравненным Жак-Луи Давидом в 1801 г.

Какая патетика!

Конечно же, где-то она переходит в наигран-

ность, но это для классицизма – норма, обыкновение. Парадно-помпезное берёт верх над жизненно-достоверным. Однако героическая нота захватывает и воодушевляет.

Иные обертона звучат в картине В.И. Сурикова «Переход Суворова через Альпы» (1899). Картина поражает своим трагическим напряжением, достигающим абсолютно максимума – и вместе с тем разрешающимся в победительный оптимизм. Вот вершина мировой баталистики!

В биографиях Наполеона и А.В. Суворова два легендарных перевала переключаются друг с другом.

Сен-Бернар: со времён Римской империи он связывал Северную Италию с Центральной Европой. Его высота – 2469 м.

Сен-Готард: имея высоту в 2106 м, он окружён величайшими пиками – среди них назовём *Пиццо Ротондо* (3197 м) и *Мутгорн* (3103 м). Для перехода Сен-Готард сложнее Сен-Бернара. Эти гиблые пропасти! Они забрали 2000 русских жизней. Чего стоил штурм Чёртова моста? Он находится в 12 км от Сен-Готарда.

Этюды для картины В. И. Суриков писал на перевале *Паникс*. Его высота 2407 м. Одна крутизна жутче другой! Здесь на ту же тему в 1860 г. создаёт могучее полотно А.Е. Коцебу. Ещё две его работы связаны со швейцарским походом – на одной перед нами распаивается Сен-Готард, на другой нас устрасает Чёртов мост.

Надо вспомнить и мозаику А.Н. Попова «Переход Суворова через Альпы» – она украшает фасад музея, посвящённого полководцу.

Со всем основанием мы вправе сказать: оссианизм в русской живописи реализовал себя через суворовскую тематику.

Приведём отрывки из переписки В.И. Сурикова: «*Льды, брат, страшной высоты. Потом вдруг слышно, как из пушки выпалит, что значит какая-нибудь глыба рассыпалась. Эхо бесконечное.*».

Впечатляющая обстановка!

Ещё штрихи: «*Я ездил в Альпы, зарисовывал с натуры места перехода. Какой ужас там. Не верится, чтобы даже Суворов мог перейти Альпы в этих местах. А всё же перешёл.*».

Бесконечное – невозможное – ужасное: это то, что питает чувство возвышенного – это словарь оссианизма.

На подвиг А.В. Суворова одой «Переход в Швейцарию чрез Алпийские горы российских императорских войск под предводительством Генералиссима» откликнулся Г.Р. Державин.

Что прорисовалось поэту в снежной мгле?

На фоне Сен-Готарда внезапно появляется кельтский певец:

*Но что? не дух ли Оссиана,
Певца туманов и морей,
Мне кажется под луной Морана,
Как шел он на царя царей?*

Странное наложение планов? Оно вполне понятно в нашем контексте. Г.Р. Державин отдал дань оссианизму. И ведь сколь щедрую!

Я. К. Грот в статье «Поездка в Петрозаводск и на Кивач» (1863) пишет о Г.Р. Державине: «*Ни одно из его произведений так не проникнуто духом величественной поэзии Оссиана, как «Водопад».*».

Эхо карельского Кивача гулко отдаётся в альпийской оде поэта:

*О радость! – Муза, дай мне лиру,
Да вновь Суворова пою!
Как слышен гром за громом миру,
Да слышит всяк так песнь мою!
Побед его плененный слухом,
Лечу моим за ним я духом
Чрез доли, холмы и леса;
Зрю – близ меня зияют ады,
Над мной шумящи водопады,
Как бы склонились небеса.*

Приведём примечание, сделанное Я.К. Гротом к этим строкам: «*Адами поэт называет неизмеримые пропасти в Альпах, а наклонившимся небесам уподобляет те страшные водопады, под которыми можно проходить, как под сводами.*».

Вот как начинается «Ода на победы над Французами в Италии, одержанные фельдмаршалом графом Суворовым Рымникским 1799 года» – впереди русского войска идут барды:

*Ударь во серебряный, священный,
Далеко-звонкий, Валка! щит,
Да гром твой, эхом повторенный,
В жилище бардов восшумит.
Встают. – Сто арф звучат струнами,
Пред ними сто дубов горят,
От чаши круговой зарями
Седые чела в тьме блестя.*

Валки – это, вестимо, *Валькирии*: не они ли под музыку Р. Вагнера взмахивают крыльями над Сен-Готардом? Поэт считает необходимым дать здесь такое пояснение: «*Древние северные народы, или Варяго-Руссы, возвещали войну и сби-*

рались на оную по ударению в щит. А Валками назывались у них военные девы или музы».

Н.А. Львов приветствовал стихи друга. Однако счёл возможным выразить своё смущение: «*вот беда только для меня твоё норвежское богословие*». Далее следуют иронические стихи:

*Так Грации плясали –
И Грации теперь в печали.
Он шайку Маймистов привёл;
Под песни их хрипучи, жалки,
Под заунывный жалкий вой
Не Муз сопляшет строй, –
Кувыркаются Валки.*

Кто такие Маймисты? В причудливой транскрипции Н.А. Львова – *эвремейсы (Auråmõiset)*; приведём энциклопедическую справку: «*устоявшееся русское название, согласно финско-русской практической транскрипции – зурямейсет – исчезнувший коренной народ западной части Карельского перешейка. Одной из версий происхождения названия является языческий бог земледелия Экряс (фин. Åkräs), упоминаемый Агриколой. Часть эвремейсов, переселившись в XVII веке в Ингерманландию, составили там, наряду с савакотами, основу этногенеза ингерманландских финнов*».

Что получилось у Н.А. Львова? Котёл народов и культур!

Смешение кажется случайным. Хочется сказать: тут наличествует путаница. Но по весьма существенным параметрам она изоморфна как реальной Ойкумене, где подвижные племена образуют прихотливый узор, так и субъективным ассоциативным сетям, возникающим в нашем сознании. Н.А. Львов не различает скальдов и рунопевцев? Однако в подобной индифферентности – повторим сказанное раньше – нам видится некоторый позитив. Поэзия едина.

Всё же Н.А. Львов заслуживает упрёка: он отставал от своих современников в освоении духовных богатств Севера – нордическая нота могла бы обрести у него более внятное и сильное звучание. Вот бодрое вступление: «*Блаженны при дворе Фингалы хладнокровны*». Стихи обращены к Г.Р. Державину. Заявленная тема не получила развития. Чего никак не скажешь об адресате: Г.Р. Державина тянуло к высоким широтам – он чувствовал их красоту.

*С белыми Борей власами
И с седою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжимал рукой.*

Всегда интересно слушать диалог, осуществляемый в поэтической форме. Тем более, если на одной стороне – не профессиональный литератор, а великий полководец.

Нам уже знакома мусическая переписка Е.И.Кострова и А.В. Суворова.

А вот как граф Рымникский отвечает на комплименты Г.Р. Державина, прозвучавшие ещё при жизни почитаемой ими императрицы – он галантно переадресует их Екатерине II:

*Царица, севером владея,
Предписывает всем закон;
В деннице жезл судьбы имея,
Вращает сферу без препон.
Она светила возжигает,
Она и меркнуть им велит;
Через громы гнев свой возвещает,
Через тихость благость всем явит.*

Образ Фелицы написан с воистину вселенским гиперболизмом. Вы только подумайте: она изображается как демиург – зажигает звёзды и вращает мир.

А сколь философична антитеза грома и тихости!

Для нас ещё и то важно, что универсум А.В. Суворова явлен в сполохах полярного сияния – Север тут не просто фон, но и энергетическая среда, питающая грандиозные замыслы.

Стихотворный ответ Г.Р. Державину препровождается такой ремаркой: «*Гомеры, Мароны, Оссианы и все доселе славящиеся витии умолкнут перед вами. Песни ваши как важностию предмета, равно и красотою искусства, возгремят в наипозднейших временах*».

На протяжении пятнадцати лет – и лишь только один год вместе с А.В. Суворовым – Россия участвовала в наполеоновских войнах.

Сколько воинов полегло!

В Бородинской битве отечество потеряло блистательного генерал-майора Александра Ивановича Кутайсова. Ему было 26 лет.

Подумать только: пятнадцатилетний отрок – уже гвардии полковник!

Дарование А.И. Кутайсова развивалось стремительно.

Это был широко образованный человек. Точные математические формулы он подвёл под свои «Общие правила для артиллерии в полевом сражении». Баллистику А.И. Кутайсов знал отменно. Процитируем его последний приказ, данный накануне Бородинского сражения – впечатляет вра-

зумительная простота и строгость отточенных фраз: «Сказать командирам и всем офицерам, что, отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно только достигнуть того, что неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции. Артиллерия должна жертвовать собою; пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор, и батарея, которая таким образом будет взята, нанесёт неприятелю вред, вполне искупающий потерю орудий».

Вот что вспоминает П.Х. Граббе о последней встрече с А.И. Кутайсовым – жить ему оставалось 12 дней: «В Вязьме я зашёл к графу Кутайсову под вечер. Он сидел при одной свечке, задумчивый, грустный: разговор неодолимо отзывался унынием. Перед ним лежал Оссиан в переводе Кострова. Он стал громко читать песнь Картона. Приятный его голос, дар чтения, грустное содержание песни, созвучное настроению душ наших, приковали мой слух и взгляд к нему. Я будто предчувствовал, что слышу последнюю песнь лебедя».

А.И. Кутайсов погиб при попытке отбить батарею Н.Н. Раевского.

Тела воина не нашли.

Ни могилы, ни кенотафа.

Тень героя предстала перед Оссианом?

Валгалла давно примирила французов и русских.

МОРЕНА В ЛУННОМ ОСВЕЩЕНИИ

15 июля 1820 г. в Санкт-Петербурге состоялось торжественное собрание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Слово предоставили Ф.Н. Глинке. С явным удовольствием он зачитал стихи своего собрата по перу А.А. Никитина:

*Почто ж, о смертный, ты чертоги воздвигаешь,
Когда в отверстый гроб безвременно вступаешь?
Ты наслаждаешься счастливою судьбой;
Но смерть всему конец, и всё умрет с тобой!*

Это вольное переложение оссиановского «Картона».

Ф.Н. Глинка не минул влияния кельтского барда. Со всей очевидностью оно проступает в его карельских стихах. Однако прямых отсылок мы не находим. Впрочем, лакуну восполняет его старший брат – С.Н. Глинка. Для своего домашнего театра он написал пьесу «Маскарад», где воссоздаётся – в интервале одного-единственного действия – чуть ли не вся Ойкумена.

Кто внемлет Оссиану?

И Езоп, и Шакеспир!

В кругу слушателей мы находим представителей разных народов – как европейских, так и азиатских.

Не забыты и американские индейцы.

Утопия?

Фантазмагория?

Апофеозу поэзии задаётся воистину глобальный масштаб.

На сцене внук ослепшего Оссиана обращается к деду с такими словами:

*Вспомни песнь к луне: сколь сладостна она!
Ты в ней бессмертие своё сам предрекаешь.
Душа твоя всегда нежнейших чувств полна;
Во тьме твой взор, но ты – душой своей сияешь.*

Бард отвечает, говоря в третьем лице о себе самом – сопоставляет лунное и человеческое:

*Ужель, как Оссиан, тоскуя и скорбя,
В чертог уныния скрываешь ты себя,
Дщерь милая небес! ужель и ты скорбь знаешь?*

Утончённый параллелизм!

Типично романтическую манеру живописи мы обнаруживаем в стихотворении П.С. Кайсарова «Луна. Отрывок из Оссиана»:

*Багровы рёбра облаков
Тобой посребрены блистают.*

Краски кажутся взятыми с палитры Э. Делакруа. Отталкиваясь от приведённых нами строк, скажем со всем основанием: Дж. Макферсон вдосталь напитал русскую поэзию *лунным светом* – привнёс в неё нечто *меречащее, сомнамбулическое*.

Вот цитата из стихотворения В.К. Кюхельбекера «Оссиан. Воспоминание о картине Жироде»:

*Тихо; по звёздному своду
Ходит немая луна;
Ночь обаяла природе
Маками мёртвого сна.*

Лунный наркоз в полной мере испытал на себе и Ф.Н. Глинка. Его ставшая народной «Песнь узника» входит в состав поэмы «Дева карельских лесов». Однако первые мазки чарующей картины были положены ещё в Петропавловской крепости. Тщательно и долго поэт подыскивал предмет, на который лучше всего лягут ночные лучи. *Штык часового*

утвердился в последнем варианте. Ему предшествовали главы подкрестные церквей. А вот ещё один набросок – стихотворение «Повсеместный свет»:

*На своде неба голубого,
Реки в волнистом серебре,
На трубке в жёлтом янтаре
И на штыке у часового –
Повсюду свет луны сияет!
Так повсеместен свет иной,
Который ярко позлащает
Железный жребий наш земной!*

Свет иной – свет, побуждающий к трансцендированию, к пересечению грани между *посю-* и *потусторонним*: именно такое излучение исходит от оссиановской Луны. Более полувека она светила и в небе русской поэзии.

На озере Онего – в окрестностях Повенца – Ф.Н.Глинка увидел пейзаж, поразительно созвучный тому эпическому фону, с которым в нашем сознании нераздельно связан легендарный бард:

*Торчат как призраки огромныя скалы,
Природы древние обломки.
Зачем уснули вы, кипящие валы!*

Для нас весьма существенно примечание, сопровождающее процитированные строки: «*Полагают, что это обломки первосозданных гор, разрушенных движением великих вод, которых следы везде запечатлены на почве здешних полей, нагруженных камнями, песком и раковинами*».

Поэт касается вопроса о происхождении северного ландшафта. *Великие воды* – это, конечно же, Всемирный потоп: якобы он отшлифовывал бараньи лбы – и будто бы переносил за тысячи вёрст от коренных месторождений огромные глыбы, отколотые от массива. Они известны как *эрративные* – то бишь бродячие – *валуны*.

Можно сказать так: поэт ищет разгадку увиденной картины, опираясь на господствовавшую тогда *дилювиальную теорию* – парадоксы северного ландшафта она связывает с глобальным катаклизмом: уровень Мирового океана круто взметнулся вверх – и бурные потоки переиначили лик Земли.

Откуда взялась вода?

Одна из гипотез того времени гласила: её принесли обрушившиеся на Землю кометы – их так и хочется спроецировать на созвездие Водолея.

Космическая фантастика!

Сколь ни наивны подобные представления, но они верно схватывали главное: размах катастрофы.

Не на это ли событие Ной ответил построением ковчега?

Не его ли считает Платон ответственным за гибель Атлантиды?

Первым о геологических последствиях Всемирного потопа сказал в 1779 г. Орас Бенедикт де Соссюр. Невероятный напор воды! Громоздкие валуны перекатывались по планете как мелкие камушки. Леопольд фон Бух даже пытался рассчитать максимальную скорость неукротимых потоков. У него получилось такое значение: 5391 м/с.

В 1823 году Вильям Бакленд вводит понятие *дилювия*. Латинское *diluvium* означает как раз *потоп*.

Из чего образовалась морена?

Кто рассыпал валуны?

Всё это – *осадок* потопа: так называемые *дилювиальные отложения*.

Мы знаем о прорывах ледниково-подпрудных озёр – они стали рассматриваться как подобия древних планетарных бедствий.

Нам знакомы явления, обозначенные в запоминающемся понятии: *гляциальный суперпаводок*.

Всё это грозные, но вполне понятные феномены. Геология первой трети XIX века зависила их значимость для формирования облика Земли.

Космогоническая мощь Всемирного потопа!

Её почувствовал не только Ф.Н. Глинка, но и Л.Г. Николаи – в поэме «Монрепо» он заявляет себя как сторонник нептунизма:

*Не только у подножия Олимпа
Титанов и богов зажглась война.
От полюса до полюса мятеж
Ярился, но особенно был дик
Здесь, на краю земли. Тебе о том
Расскажет вид на поле жуткой битвы
В чудовищных останках валунов,
Бесчисленных, разбросанных нелепо
И понапрасну. Сокрушил Нептун
Трезубцем мощным дамбы побережья...*

К стихам барон даёт такой комментарий: «*Это действительно господствующий облик Финляндии, в котором к тому же можно найти бесспорные следы отступившего моря*».

Греческий Посейдон – и римский Нептун: это олицетворение водной стихии.

Аналогию к воззрениям двух поэтов мы обнаруживаем в поэме Ж. Делиля «Сады»:

*Вот возвышаются седые валуны.
Они хранят следы принесшей их волны.*

Дилювиальная теория оказалась ошибочной. Но вот её плюс: рисуемые ею картины пробуждали в поэтах подъём чувств – вдохновляли их на стихи величественного звучания.

В поэме Ф.Н. Глинки «Дева карельских лесов» мы находим своего рода аллюзию Всемирного потопы.

Подобная сорванному с якорей судну, хижина таёжных отшельников уносится в неведомую даль – и находит причал лишь после успокоения стихии:

*Клубиться воды перестали,
Луна зарделась в их стекле,
И мы, спасённые, к скале,
У тихой заводи пристали.*

Неправдоподобное зрелище!

Однако оно вполне соответствует поэтике романтизма, для которого гипербола – определяющая черта мироощущения.

Ф.Н. Глинка и оба Николаи перекликаются в своём интересе к фольклору Суоми. Раньше других россиян они ощутили на себе магию древних песнопений.

В 1827–1828 гг. Ф.Н. Глинка переводит финские руны.

В 1831 году П. Николаи воздвигает в Монрепо памятник Вяйнямёйнену.

Значительное созвучье!

Оба опережали время: ведь Э. Лённрот ещё не собрал и не издал «Калевалу».

Освоению Ф.Н. Глинкой местного фольклора содействовал А.М. Шёгрэн. Поэт уведомляет об этом читателя, помещая под стихотворением «Рождение арфы» такое примечание: *«Известный профессор Шёгрэн два раза проходил скалистую Финляндию и олонецкие леса с целью исследования языка финских племён. По зимам заходил он отогреться в Петрозаводск и словесно переводил мне некоторые из финских стихотворений, имеющих свой особенный размер без рифм, но звучный и приятный»*

Вслушаемся в рунический хорей Ф.Н. Глинки:

*Сам наш старый Вейнамена,
Сам ладьи изобретатель,
Изобрёл и сделал арфу.
Из чего ж у арфы обруч?
Из карельския берёзы.
Из чего колки у арфы?
Из калёных спиц дубовых.
Из чего у арфы струны?
Из волосьев бурных коней.*

Если в «Деве карельских лесов» кантеле будет названо *шведскими гуслими*, то здесь оно преобразовано в арфу. Это ведь любимый инструмент Оссана! Не будем упрекать поэта в спорных трансформациях хорошо знакомого нам инструмента.

Напомним: Вяйнямёйнен, изваянный Готтхельфом Борупом, играл вовсе не на кантеле – в его руках была небольшая лира. Он скорее походил на Аполлона! Конечно, в этих абберациях сказало отсутствие опоры на этнографический материал – он только начинал накапливаться. Думается, что скульптор не стремился к точности – скорее ему хотелось вписать финского певца в мировую традицию, раскрыть соприсущее ему орфическое начало.

Лира, арфа, гусли, кантеле: это струнные инструменты – они или связаны между собой через общий генезис, или имеют конвергентное сходство. Это одна семья – один таксон. Разные культуры научились независимо друг от друга использовать вибрацию струн для выражения сложнейших состояний души.

Арфа резонирует в кантеле!

Интересно, что на острове, который впоследствии будет назван Людвигштайном, была установлена Эолова арфа. Это цитата одновременно и из греческой, и из кельтской культуры.

Ассоциативное пространство Монрепо отличается предельной насыщенностью и разнородностью. В нём сходилось – и пересекалось, переплеталось – множество смысловых нитей.

Вернёмся к факту общения между Ф.Н. Глинкой и А.М. Шёгреном. Так хочется представить обстановку, в которой они вели свои беседы! Красоту загадочных рун раскрыл перед русским поэтом выдающийся учёный. Кто доскональней Андрея Шёгрена знал финно-угорский мир? От зырян – до ливов, от лапландцев – до удмуртов: в этом широчайшем охвате он вёл углублённые исследования, призванные доказать смелый для своего времени тезис: языки этих народов имеют общий исток.

Тождественны ли Пермь и Биармия?

Когда обрусела заволоцкая чудь?

Какую роль в новгородской колонизации сыграли Холмогоры?

Вот лишь некоторые вопросы, на которые ответил А.М. Шёгрэн.

А вклад учёного в познание кавказских языков?

А его статистические, топографические, этнографические, климатологические штудии?

Таинственная весь – она же легендарная чудь: А.М. Шёгрэн доказал, что это не предание, а жи-

вой этнос. Доселе близоруко не замечаемый, в составе России вдруг обнаруживается целый народ, имеющий своеобразнейшую культуру. Капитальное обретение!

Речь идёт о вепсах.

Вот что о своём открытии пишет сам учёный: «...я открыл особое племя, доселе вовсе неизвестное учёным, и тем более заслуживающее внимания, что оно и поныне у соседственных россиян именуется чудью. Сия чудь говорит особым наречием, приметно отличающимся от смежного олонечно-карельского; ибо сходствуя по существу своему с соседственным финско-карельским, оно приближается к южному главному наречию финнов».

Много А.М. Шёгрэн сделал для познания Ингерманландии. Развивая лингвистические намётки В.Н. Татищева, он стремился показать: в названии края эхом звучит имя Ингигерды – жены Ярослава Мудрого.

Сегодня эта этимология оспаривается.

Тем не менее она сохраняет определённую ценность – ведь в её основе лежит аллитерация: игровое сближение слов, которое само по себе – факт поэзии.

17.01.1845 года А.М. Шёгрэн был назначен директором Кунсткамеры. На этой должности он оставался до конца своих дней.

Личность ренессансной мощи!

Уместно вспомнить: А.М. Шёгрэн работал в Выборгской губернии. Он очень органично смотрит на фоне Монрепо. А вдруг и впрямь туда заезжал? С П. Николаи его связывает увлечённость поэтическим творчеством финнов и карел. В ретроспективе видится: они – и Ф.Н. Глинка вкупе с ними – предвосхищают триумф «Калевалы».

Вот ещё примеры оссианической поэзии в творчестве Ф.И. Глинки.

*...Безлюдный, хладный
Залёг, как в гроб, в обломки гор
Сей край с своими валунами;
Он весь колючими стенами
И цепью обнесён озёр.*

К этим строкам поэта даётся пояснение. Приведём его полностью: «Валунами называются камни, часто огромной величины: это обломки первосозданных гранитных гор, принесённые сюда каким-то великим движением вод».

Сегодня мы уверенно скажем: поэт описал ледниковый ландшафт. Ёмкий термин! Став эмблематическим обозначением самой сути северной природы, он точно и кратко раскрывает её родосло-

вие – высвечивает исторические корни явления.

Во время карельской опалы Ф.Н. Глинка идея оледенения ещё не сформировалась.

Но она витала в воздухе!

В 1837 г. ботаник К. Шимпер напишет поэму «Ледниковый период».

Стержневое для нас понятие войдёт в словарь ноосферы через поэзию!

Мы не подгоняем факты в интересах развития темы. Но вот реальность: именно в Монрепо ледниковая гипотеза станет теорией – новое наполнение ей даст П.А. Кропоткин.

Откроем первый – к сожалению, оставшийся последним – том «Исследований о ледниковом периоде» (СПб., 1876). На стр. 13 П.А. Кропоткин утверждает: «В Выборге, как я уже писал в путевых письмах, можно, почти не выходя из города, ознакомиться в общих чертах со всем арсеналом доказательств ледниковой гипотезы».

Ошибочно утверждение, что автор этой гипотезы – П.А. Кропоткин. Нет, у него были предшественники – прежде всего Ж.Л. Агассис. Но вот заслуга русского учёного: укрепив как фактами, так и анализом гипотезу оледенения, он свёл на нет её предшественницу и соперницу – крайне влиятельную тогда *дрифтовую гипотезу*.

Наследница дилювиальной гипотезы, новая концепция была сформулирована в 1833 г. Ч. Лайеллем: валуны транспортировались вовсе не потоками воды – это делали айсберги.

Красивая модель!

И очень зрелищная: представьте, как с высоких гор на замёрзшее море скатываются каменные глыбы – при таянии лёд раскалывается, образуя своеобразные плоты – ветер их гонит по всем направлениям вместе с валунами.

Вскоре льдины растают – и валуны опустятся на дно.

А потом снизится уровень Мирового океана.

И мы увидим столь привычную нам картину: валунные поля – живописнейший элемент северной морены.

Ничего не скажешь – изящное построение.

Когда бы разброс валунов был случайным! Ну мало ли где произойдёт их погружение – тут всё зависит от произвольной игры вероятностей.

Ан не так!

В композиции валунов чётко просматриваются так называемые *веера рассеивания*.

Планки стягиваются в северо-западном направлении.

Оттуда двигался ледник.

Этот вектор имеет массу подтверждений: от об-

щей разлинованности территории с её озами, сельгами, цепочками озёр – до штриховки на скалах.

Зачем компас?

Всей своей морфологией местность помогает нам верно выделить и закрепить ориентиры.

Грот желаний в Монрепо – весьма популярный объект. Он помог П.А. Кропоткину укрепить его аргументацию.

Верхний камень скатился с высоты? Однако тогда были бы следы обломов. Да и требуемая высота поблизости отсутствует.

Валун сброшен – как уже непосильный груз – оставшей льдиной? И в этом случае нельзя избежать деформаций.

Какое мягкое опускание!

П.А Кропоткин выражает принципиальное несогласие с тем, что валуны, образовавшие арку, «свалились сверху и суть чисто-местные продукты разрушения».

Дадим слово учёному: «Относительно упоминаемых ак. Гельмерсеном трёх валунов, образующих ворота, уже не может быть никаких сомнений. Верхнему камню, во-первых, и неоткуда было свалиться, а во-вторых, нужно видеть, как нежно положен этот валун на свои подпорки: его острые рёбра, которые, конечно, поломались бы вдребезги при падении, не потерпели ни малейшего повреждения». И далее: «принесённый из соседних окрестностей льдом, при медленном уменьшении ледников, он опускался мало-помалу и лёг таким образом в это оригинальное поло-

жение, свойственное вообще всем посаженным валунам».

Грот желаний в Монрепо – и *Грот страха и сомнений* в Софиевке: тектонически они очень схожи.

Но сколь разный генезис!

Первый – игра природы, второй – искусный артефакт.

Ледниковая теория даёт нам ключ к пониманию оссианического ландшафта. Где ещё наша фантазия получает столь могучую поддержку от природы? Воображение играет на двух уровнях: в стихии камня – и в нашем сознании. Можно ли одно строго отделить от другого? Это один творческий процесс.

Нет более благоприятной среды для того, чтобы развивать в себе чувство возвышенного – возвращать пантеистическое мировосприятие – культивировать романтизм.

Каприччио скал и валунов!

Оно отрывает от привычных схем – и побуждает не только искать, но и созидать новизну.

Это радость: получать от Монрепо эвристические импульсы – и претворять их.

Юрий Владимирович ЛИННИК

родился в 1944 году в Беломорске.

Ученый, доктор философских наук,

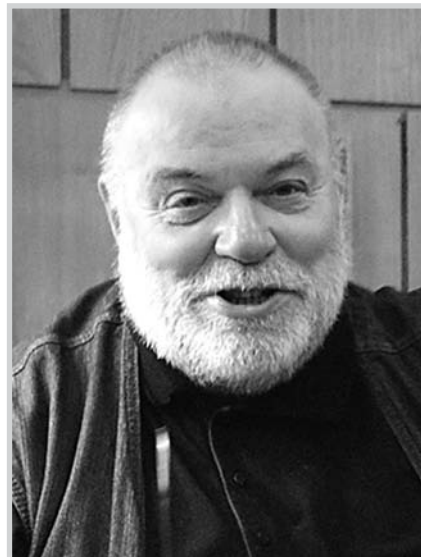
профессор КГПА,

автор многих книг стихов и прозы, искусствоведческих книг,

книг для детей о природе.

Член Союза писателей с 1970 года.

Живет в Петрозаводске.

ЛУННЫЙ ГРОШ

Горсть искрящихся камней:
Ночь рассыпала огни.
От меня, а не ко мне
Второпях бегут они.

На лазоревой траве
Дремлет звёздная метель.
Только в буйной голове
Сеть сплетает дикий хмель.

И забвенья не дает,
И не пустит на порог.
На запястье от нее
Мне на память узелок.

Амулет, суму и нож
Я оставил в кабаке...
Мой последний лунный грош
В неба чёрном кошельке.

ЗА МНОЙ

не ходи за ним следом
с дыханьем тяжёлым
скрыв лицо капюшоном
острокосая смерть
на висках серебро
плащ, годами прожжённый
дети, бывшие жёны
буйных дней круговерть

и шепнула я:
смерть,
он тебе неуютен
он одет не по моде
и весною больной
и ответила смерть:
пусть идёт...
он свободен

и теперь она бродит
словно тень, вслед за мной

ЛЪЕЖ

я жила и вдыхала холод
схоронила давно надежду
и на тёмном экране пола
стыли тени города Льежа

он ко мне постучал под вечер
молчалив был и странно сдержан
я узнала тогда, как лечит
осмелевшая злая нежность

будто кот к подушке хозяйки
приносил трофеи небрежно
все стихи и тайные знаки
окровавлено-белоснежны

всё забыла... и глаз не помню
он сказал: «ты мне сердце режешь»
и ушёл в кровавую полночь
в сладкий сумрак города Льежа

телеграмма горит в ладони
«я люблю и навек повержен
принесу тебе к изголовью
сотни жизней мужчин и женщин»

и рассвета алые метки
я забуду... не буду прежней
бьюсь как рыба в солнечной сетке
я в плену у города Льежа

Константин ГНЕТНЕВ

г. Петрозаводск

За чертой милосердия

4 октября 2014 года партизану-добровольцу Карельского фронта, народному писателю Карелии Дмитрию Яковлевичу ГУСАРОВУ исполнилось бы 90 лет.

Он родился в некогда большом и богатом псковском селе Тулубьево, в 25 километрах от Великих Лук, в семье, соединившей два наиболее состоятельных крестьянских семейства Гусаровых и Котковых. Однако в родном селе он прожил всего восемь лет. Его отец, кузнец и председатель ревизионной комиссии местного колхоза Яков Гусаров, в конце 1933 года вместе с женой и детьми вынужден был бежать от очередной волны раскулачивания и высылки за Урал.

О скитаниях семьи по Псковской и Ленинградской областям, о жизни в начале Великой Отечественной войны в эвакуации в городе Ирбите Свердловской области, о боевой юности писателя в партизанском отряде и работе в Карелии после войны написал в биографической книге «**Дмитрий Гусаров. Раненый ангел**» наш давний автор, писатель Константин Васильевич ГНЕТНЕВ.

Имя Дмитрия Яковлевича Гусарова особенно дорого для нас. Приняв в 1954 году руководство маленьким петрозаводским журналом («На рубеже»), он вывел его на уровень наиболее известного и яркого регионального литературного издания Советского Союза. Главный редактор литературно-художественного журнала «Север» с 1954 по

1990 год, Д. Я. Гусаров заложил традицию отбора произведений, основанных на правде, несущих традиционные ценности народа – справедливость и добро. Этой традиции неуклонно придерживается и сегодняшнее поколение «северян».

Мы представляем одну из глав новой книги К.В.Гнетнева. Писатель был хорошо знаком с Д.Я.Гусаровым, работал под его началом в редакции журнала. Мы узнаем, как Д.Я. Гусаров работал над главным произведением своей жизни – романом-хроникой «За чертой милосердия». Работа эта, сделавшая имя писателя известным в СССР, стала для него настоящей драмой.

Полностью с биографической книгой К. Гнетнева «**Дмитрий Гусаров. Раненый ангел**» можно будет познакомиться скоро: она выйдет к концу нынешнего 2014 года. Автор обстоятельно, на основании данных архивов и свидетельств современников раскрывает перед читателем этапы становления Д.Я. Гусарова как личности, его семейную историю, детство и отрочество, его творческую, писательскую судьбу. Автор показывает атмосферу писательского сообщества Карелии 60-90-х годов, становление Союза писателей Карелии в послевоенный период и повседневную жизнь одного из ведущих региональных журналов России – журнала «Север».

*Такова была обстановка, такая была задача!
И никто не считался с потерями.
Такова была война.*

Дмитрий Гусаров

В 1969 году Д. Я. Гусаров приступил к работе над книгой о походе первой партизанской бригады под командованием майора И. А. Григорьева на Поросозеро. Примерно год он собирал и систематизировал материалы, а осенью 1970 года начал писать, не прекращая, впрочем, архивных разысканий.

В том рейде по тылам противника сам он не участвовал. В июне-августе 1942 года, когда партизаны, преодолевая страшные лишения и неся громадные потери, воевали в глухой карельской тайге, 18-летний Дмитрий Гусаров еще только учился в спецшколе в Сегеже.

1

Бригадный поход чрезвычайно интересовал Дмитрия Гусарова. Первые попытки делать записи на эту тему, основываясь на рассказах старших товарищей, он делал еще в архангельском госпитале. Рукопись он назвал так: «Воспоминания о партизанской борьбе отряда «Боевые друзья» и I партизанской бригады КФССР». Тогда 19-летний командир отделения разведки весь поход бригады уместил на 2,5 страничках рукописного текста, исполненного примерно таким стилем: «Путь обратно был сплошным кошмаром...»

Через 33 года, 11 декабря 1977 года, передавая документы в Национальный архив Карелии, Д. Я. Гусаров сделал на титуле своих «воспоминаний» такую ремарку:

«У этой записи есть лишь одна ценность – она сделана весной 1944 года. Даты, цифры, эпизоды – во многом неточны, они писались по памяти с юношеским стремлением приукрасить скудность партизанских будней».

Лучше многих знавший истинное значение архивного документа, Дмитрий Яковлевич предупредил будущих исследователей: будьте начеку!

Теперь же, приступая к работе, известный писатель Д. Я. Гусаров думал, что знает о рейде больше всех. Ему казалось, что большая повесть листов на 15, где главным героем станет молодой партизан Вася Чуткин (единственный вымышленный персонаж в книге), позволит сказать правду о трагедии и героизме бойцов бри-

гады и о той тайной лесной войне, которую он познал сам.

Он хорошо начал, и бригада под его пером пошла к линии боевого охранения финнов, теряя товарищей на минных полях. Однако, к удивлению автора, путь этот с каждым километром порождает и порождает вопросы, на которые ни у командования тогда, ни у писателя теперь ответов не было.

Работа завязла на первых же главах. И Гусаров понял, что ошибся...

Он осознал вдруг, что никакой литературно-художественной повести на тему похода у него не получается. Он не знает ответов на множество чрезвычайно важных вопросов, а фантазировать и гадать не имеет права. За каждым именем, названным им в книге пусть даже единожды, стоят реальные люди. Матери, дети и внуки этих людей больше тридцати пяти лет ждут правды и только правды...

Но эту правду еще только предстояло открыть...

«...Я не стал писать, как гибнет весь взвод (*взвод А. Бузулуцкого. – Прим. К. Г.*), хотя вначале собирался это сделать, – позже в газетном интервью рассказывал писатель о работе над книгой. – Но потом понял, что беру на себя чрезвычайно большую ответственность... Нашлись жена и сын Бузулуцкого, они живут в Кривцах. Весной я читал по радио отрывок из романа. И вот пришло неожиданное письмо от сына Андрея Бузулуцкого. Он писал, что мать слушала радиопередачу и вдруг чуть не упала в обморок...»¹

Дмитрий Гусаров не знал и другого, может быть, самого важного для себя, – какую долю обнаженной, подчас кроваво-жестоким военной правды может себе позволить.

«... Вещь, к которой внутренне готовился, можно сказать, всю жизнь, оказалась для меня непосильной. Материал диктует такие решения, что рука, привыкшая к редакторскому карандашу, не в состоянии писать это.

Всякая бесчеловечность противна моему нутру, и я не способен найти для неё какие-либо смягчающие обстоятельства. А без этого – дикий, жестокий натурализм, который никому не нужен, а главное, – он не будет соответствовать тому прекрасному и возвышенному настрою, которым жили в те годы мои партизаны...» (*из письма З. А. Богомолловой от 4 декабря 1971 года*).

¹ Газета «Комсомолец», 1976, 25 сентября.

Он был опытным писателем, чтобы догадаться: впереди чудовищно трудная и – постоянно думал об этом! – непроходимая через цензурные рогатки работа.

И Дмитрий Яковлевич отложил повесть в дальний ящик стола...

2

В анализе писательской работы над произведением часто помогает авторская датировка. Она существует и у Гусарова. Однако датировка романа-хроники «За чертой милосердия» лукава: «1970 – 1976». В пространстве шести лет работа над книгой распределилась очень неравномерно. В течение первых пяти лет Гусаров не написал и полутора сотен страниц – меньше трети всей книги.

...Мы никогда бы не прочитали романа-хроники «За чертой милосердия», как не узнаем десяток крупных повестей и романов, оставленных Дмитрием Гусаровым в самом начале работы. И теперь он остановил работу на 140-й странице, безо всякой надежды на продолжение...

Бригада в повести к тому времени самовольно изменила утвержденное штабом направление движения и пошла к славному поселку Тумба, где сохранились бани. Партизаны впервые столкнулись с серьезными затруднениями – их «атаковали» вши. Осложнились отношения между комбригом И. А. Григорьевым и комиссаром Н.П. Аристовым. Перед автором встал такой ком проблем, что Гусарову стало ясно: никакая повесть вместить их не сможет...

...Когда рушится первоначальный замысел, на писателя осиным роем набрасываются сомнения. Сомнения бьют по рукам, порождают уныние и неверие в свои силы. В такое время спасительным может стать только одно – доброе и душевное участие человека, которому всецело доверьешь.

И такой человек нашелся...

Когда-то давно, в конце сентября 1954 года, на II съезде писателей СССР Дмитрий Гусаров познакомился с филологом, начинающим литературным критиком и преподавателем Ставропольского пединститута Зоей Богомоловой. Знакомство переросло в дружбу и поддерживалось нечастыми письмами...

В апреле 1971 года З.А. Богомолова, уже изве-

стный ученый, педагог и литературный критик, приехала в Петрозаводск для участия в работе VI съезда писателей Карелии. Как члена правления, Дмитрия Яковлевича «прикрепили» к госте. Все три дня они провели вместе, удивляясь и радуясь редкому совпадению взглядов на литературу и современный литературный процесс. С той поры и почти до самой смерти в 1995 году Д.Я. Гусаров и З. А. Богомолова вели активную переписку, встречались на съездах и пленумах Союза писателей СССР, на отдыхе в домах творчества и санаториях и помогали друг другу в творческих делах.

Зоя Богомолова – это и есть тот друг, которого часто вспоминает в дневниковых записях Дмитрий Яковлевич, кого благодарит за важные для него подсказки и помощь. Широко образованная, рассудительная и необыкновенно обаятельная женщина убедила Гусарова открыть повесть «Партизанская музыка» «Рассказом о раненом ангеле», эпиграфом к которому стало пронзительное четверостишие Майи Борисовой:

*Кем ранен ты, мой светлый ангелок?
Застыл ты обессиленно и немом...
Каков же дикий вихрь тебя совлёк
С высокого и солнечного неба?*

Рассказ написан Гусаровым раньше как самостоятельное произведение, предназначавшееся в финал повести. Но, став первой главой, он не только приобрел более глубокий смысл, но и задал всему произведению высокую и печальную ноту.

Однако главное, что сделала эта мудрая женщина, состоит не в конкретных подсказках. На долгие годы она стала моральной опорой, настоящей исповедницей для Дмитрия Яковлевича.

«Я все чаще думаю, что если бы не Вы, Ваше отношение к моей работе, не было бы ни «За чертой милосердия», ни «Партизанской музыки», – писал он. – Как нужно нам, пишущим, внимание и доброта!»

Именно Зоя Богомолова сумела вывести Гусарова из творческого ступора. Она прочла первые главы, на которых «забуксовал» писатель, и во время встречи в Гаграх в 1975 году нашла нужные слова, чтобы подтолкнуть Гусарова к продолжению работы...

«...Ни одна строка, начиная с пятой теперь главы, не написана без Вашего внимания. Боже мой, как мне дорого и свято было Ваше отношение к этой рукописи! И Вы отнеслись к ней так душев-

но-умно, как не мог бы, наверное, никто! Это да-
ло мне силы закончить её...»

З.А. Богомолова опубликовала письма Д.Я.Гу-
сарова, написанные им в период с 1971 по 1994
год.² Их в сборнике без малого полторы сотни.
Очевидно, это только часть эпистолярного на-
следия писателя, которую она сочла нужным пре-
дать гласности.³

3

Вновь принявшись за работу, Дмитрий Яков-
левич больше не употреблял определение
«повесть» применительно к будущей книге. Но и
роман он писать не собирался. Точнее, не мог
писать...

Позже, когда начнется широкое обсуждение в
прессе его новой книги, избранный Гусаровым
жанр поставит многих рецензентов и критиков в
сложное положение. Те, кто хотели видеть в про-
изведении роман, обвиняли автора в отсутствии
психологизма и непререкаемых отступлений, объ-
ясняющих мотивы поступков главных героев.

Знаменитому в те годы писателю-фронтовику
Константину Симонову хотелось «яснее предста-
вить себе предысторию командира бригады», и
он аккуратно упрекал Гусарова в том, что в книге
«не до конца в этом смысле прописано...». Петро-
заводский критик, доктор филологических наук и
автор единственной книги-очерка о Гусарове
Юрий Дюжев⁴ также видел в книге роман и также
советовал автору «...в воссоздании духовной
жизни героев, вероятно, можно было с большей
свободой и смелостью довериться своему худо-
жественному вкусу и фантазии».

Известный советский писатель Сергей Залыгин,
размышляя о природе жанра книги Дмитрия Гусаро-
ва «За чертой милосердия», выводит своё опреде-
ление – «роман-свидетельство». Но тут же поправ-
ляется: «...А так как нет такого жанра – «роман-сви-
детельство», он (*Гусаров. – Прим. К.Г.*) и принимает
другое примечание – «хроника», под которым как
бы уже само собою разумеется свидетельство...»

Более определен в своих требованиях критик
Ю. Андреев, который заявил прямо: там, где Гу-
саров описывает боевые операции, «начинает
самодовлетать событие вне его отношения к людям
и их характерам, там изложение начинает про-
буксовывать, роман-хроника превращается в
протокол...»

Такая прямота в оценке литературного произ-
ведения всегда сомнительна.

Критик Н. Куницын в «Нашем современнике»
по-своему попытался объяснить позицию автора:
«...Писатель дал как бы результат происшедше-
го, описал больше само движение, событийную
сторону и меньше то, что принято называть «диа-
лектикой души». Бывшая студентка филфака Пет-
розаводского университета рассказывала мне,
как преподаватели на лекциях взахлёб говорили
о новом романе Гусарова. А студенты читали и
откровенно смеялись: где, мол, они увидели ро-
ман, что там романного?»

Девчонок-хохотушек с филфака, «хорошисток»,
освоивших жанровые определения и набор реко-
мендованной классики, в те годы мог поставить в
тупик не только Дмитрий Гусаров. В 70-80-е годы
писатели, хлебнувшие войны полной мерой, вы-
пустили целый ряд произведений, жанр которых
казался непривычен и даже «низок» в сравнении
с уже сделанным. Они предприняли попытку ис-
следовать человека, оказавшегося в самых дра-
матических обстоятельствах войны, с помощью
новых изобразительных средств...

Основываясь не на свободном художественном
вымысле, не на сюжете, а на документе, на жи-
вом рассказе непосредственного участника и
свидетеля событий, они пытались понять, что оз-
начали на войне такие человеческие качества,
как самоотверженность, жертвенность, самоот-
речение. И не просто во имя некой отвлеченной
цели, но ради сохранения обычного человеческо-
го достоинства и чести.

Едва ли студентки могли совладать с жанровым
определением пронзительной в своей обыден-
ной и безыскусной трагичности книги «Я из ог-
ненной деревни». Её авторы А. Адамович,
Я.Брыль и В. Колесник в течение нескольких лет
ходили по белорусским деревням из зоны быв-
шей немецкой оккупации и просто записывали
рассказы жителей о пережитом в войну. А как оп-
ределить жанр «Блокадной книги» Д. Гранина и
А.Адамовича? К какому жанру отнести докумен-
тальные произведения С. Алексиевич, С. Смир-
нова и П. Сажина?

² Литература в письмах. Из переписки З.А. Богомоло-
вой (сост. З.А. Богомоловой). – Ижевск: Удмуртия, 2010,
сс.30-33;105-188.

³ З. А. Богомолова скончалась 13 октября 2012 года на 90
году жизни, так и не успев осуществить заветное желание
побывать с дочерью Ларисой на могиле Д. Я. Гусарова в Пет-
розаводске.

⁴ Дмитрий Гусаров. Очерк творчества. – Петрозаводск:
Карелия, 1984.

Даже о такой динамичной, наполненной психологическим напряжением книге «В августе сорок четвертого», по которой снят уже не один боевик, её автор, писатель Владимир Богомолов, говорил как о сугубо документальной. Автор-фронтовик настаивал: «В ней... нет ни одной сочиненной мною фразы или даже слова... и нет ни одного придуманного мною термина или детали...»

4

Но кого-кого, а Д. Гусарова не нужно было учить писать романы – и «Боевой призыв», и «Цена человеку» – полноценная художественная романная проза. А вот «За чертой милосердия» – это что-то другое...

Что?

Юрий Андреев отнес роман-хронику к художественной документалистике. Сегодня говорят еще и о «документальной прозе», о «литературе факта»; в мировой практике для определения такого рода литературы используют термин «non fikshen»...

Что это за явление – сказать трудно...

Казалось бы, два этих слова – художественная и документалистика, – будучи поставленные рядом, существовать не могут. Они антиподы. Но тогда к какому жанру отнести целый ряд прекрасных биографических книг, вышедших в последние годы? Среди них выделяются великолепные работы питерца Николая Коняева – о Н. Рубцове, В. Пикуле, Д. Балашове, митрополите Иоанне и других известнейших деятелях России. Исполненные первоклассной прозы, они документально выверены и точны, ставят перед читателем злободневные личностные и общественные проблемы, оказывая сильнейшее влияние на ум и душу.

Художественная документалистика...

Хотя, вероятно, это не самое главное для нас сегодня в оценке писателя-фронтовика. Принимаясь за прерванную работу после нескольких лет простоя, Дмитрий Яковлевич, конечно, чувствовал, но едва ли до конца понимал, какие трудности она сулит впереди. Эволюцию рабочего настроения той поры лучше всего можно проследить из его писем Зое Богомоловой:

Письмо от июля 1975 года: «...Все время мечусь между Сциллой документалистики и Харибдой желанья дать волю фантазии. Так и мечусь из стороны в сторону, ищу какую-то равнодействующую линию, которая вряд ли возможна...»

Август: «Работа постылеет мне все больше и

больше. Сейчас в самую бы пору бросить её, но уже не могу этого сделать: увяз по уши...»

«Как жалею я теперь, что не взялся за свободный роман на эту тему, что связался с документальностью! Я был бы волен и никому ничем не обязан: только художественной правде...»

Осень: «...Рано или поздно я закончу эту мучительную вещь, вздохну с облегчением и никогда больше не возьмусь за документалистику, а буду волен писать так, как хочется и пишется. Это будет самая радостная и счастливая пора».

А вот настроение зимы всё того же 1975 года: «Скорей бы, скорее всё закончилось! Как надоело, как устал я! Даже не верится, что конец когда-нибудь будет...»

Снова и снова Дмитрий Яковлевич натывается на конкретные вопросы из лета 1942 года, оставляет рукопись на столе и идёт в архив. Правды и только правды – вот что требует он от себя...

Д.Я. Гусаров до мельчайших подробностей изучил отчет Н.П. Аристова о походе. С сохранившейся штабной карты сделал кальку-схему маршрута, на которой отмечал все более-менее значимые события в жизни бригады и каждого отряда в отдельности, узнавая о них из документов, дневников и воспоминаний партизан.

Чтобы лучше представить себе события лета 1942 года, он побывал на берегу Елмозера, в том месте, где происходила трагическая переправа, и на дороге в Кузнаволоку, где партизаны принимали бой. Только в Национальном архиве Карелии Д. Я. Гусаров перелопатил 64 «дела» со многими сотнями документов в каждом, касающихся партизанского рейда в июне-августе 1942 года...

Он понимал: как ни маскируй книгу жанром романа-хроники, ни говори о ней в интервью как о попытке именно художественно-исторического исследования, придётся давать ответ за каждую оценку, за каждый эпизод или приведенный факт...

«Так и живу. Сижу, мучаюсь под перекрестным огнем двух вполне реальных в будущем, но пока еще мнимых батарей: со стороны ветеранов и со стороны литераторов. Временами чувствую, что сильнее бьют по мне ветераны, временами – литераторы. А практически может случиться, что те и другие ударят разом».

20 марта 1976 года все 460 машинописных страниц романа-хроники «За чертой милосердия», отредактированные и перепечатанные в четырех экземплярах, лежали на редакторском столе. Через четыре дня, наполненных томлением и

тревогой, с немалым смятением в душе Дмитрий Яковлевич отдал рукопись на прочтение коллегам. Отдал, чтобы уже через два дня принимать поздравления с оглушительной, а для многих, и прежде всего для себя самого, – неожиданной творческой удачей...

«Батарей», которых он втайне боялся все шесть последних лет, орудия так и не расчехлили...

5

В конце зимы 1976 года Дмитрий Яковлевич еще не знал, что роман-хроника «За чертой милосердия», начавшая победное шествие по стране, и не только (многомиллионные тиражи «Роман-газеты», многократные выпуски в московских и местных издательствах, в Финляндии, Венгрии, Чехии...), станет его звездным часом⁵.

Гусаров строит новые творческие планы.

Он убежден, что главная книга еще впереди...

Главной книгой своей жизни он видел роман о женщине-современнице, богатой душой, умом и чувствами, прекрасной и непростой по характеру. «Писать её я буду с близкого расстояния от оригинала. Так никогда еще не пробовал...»

С кого собирался писать роман Дмитрий Яковлевич, догадаться нетрудно...

Однако сестра за работу не позволяют обстоятельства. Издательство попросило подготовить к переизданию роман «Боевой призыв», и Гусаров страдает над ним, не имея возможности переписать старую книгу от строчки до строчки. «По теперешнему моему пониманию и умению я мог бы дать этой книге новую и, может быть, значительную жизнь...»

Мешает и старая проблема...

«Как ни странно, но я снова должен поверить в себя. Это бывает со мной каждый раз с каждой новой вещью».

Чтобы вернуть себе уверенность, он решил написать две маленькие повести-были – «Гармонь» и «Айра». Первую начал еще летом 1973 года, в период творческого простоя в работе над романом-хроникой. «Айра» – так называли королю у близкой и любимой родственницы Дмитрия Яковлевича, тети Фроси – Ефросиньи Михайловны Филипповой, приютившей после войны семью Гусаровых в своем маленьком доме в Любани. Он хотел написать о том дорогом для него времени, когда они выросли и «становились такими, какими стали»...

Планы пришлось пересматривать...

На Дмитрия Яковлевича разом навалились хроническая усталость и, как закономерное следствие, – болезни. Просто удивительно, как они не настигли его раньше...

В 1976 году Дмитрий Яковлевич попал в больницу, перенес две тяжелейших операции. Он почти девять месяцев провалялся попеременно то на больничной, то на домашней койке. К тому времени счет хирургическим операциям на его теле достиг четырех, а шрамов на обеих ногах, спине и животе насчитывалось уже десятки. Это давало повод грустно шутить в письмах к друзьям-партизанам: «Сам иногда удивляюсь тому, что живу, хожу и даже продолжаю работать...»

В этот самый тяжелый для него час Гусаров услышал ободряющее и целительное слово Константина Симонова...

Для современного читателя нелишним будет отметить тут, чем было для Гусарова и его поколения это имя. Константин Симонов – самый известный, самый знаменитый военный корреспондент Великой Отечественной войны, фронтовой писатель, очерками, стихами, прозой которого, начиная с Халхин-Гола, зачитывалась вся воюющая страна, глазами которого оценивала положение на фронтах от Баренцева моря до Крыма. Независимый, свободный, всемогущий, знающий всё и обо всех, К. М. Симонов был для миллионов солдат, партизан и всей читающей страны где-то там, на вершине. И с вершины этой было рукой подать и до Кремля, и до границы.

Небожитель!

На вершину славы он взлетел во время войны и оставался там, когда война закончилась: секретарь Союза писателей СССР, вписанный в состав руководства писательского союза рукой Стали-

⁵ О популярности романа-хроники Д. Я. Гусарова можно судить и по следующему факту. В 1987 году в серии «Библиотека советского романа» издательство «Советский писатель» выпустило том самых читаемых и обсуждаемых произведений десятилетия. В книгу вошли: роман Д. Гусарова «За чертой милосердия», повести В. Распутина «Живи и помни» и В. Быкова «Знак беды». Повесть В. Распутина была удостоена Государственной премии СССР, повесть В. Быкова получила Ленинскую премию. Но открывал том роман Д. Гусарова...

Приказом Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли весь 100-тысячный тираж книги, у которой даже не было общего названия, предназначался для поощрения книголюбов и в свободную продажу почти не поступил.

на, главный редактор «Нового мира» и «Литературной газеты»...

Не только маршала Советского Союза Г. К. Жукова и других крупных военачальников, но и многих писателей поносили тогда в прессе – по решению «хозяина» И. В. Сталина «ставили на место». Громили не просто популярного, – это слово не подходит к автору «Василия Тёркина» Александру Трифоновичу, – знаменитого и всеми любимого Твардовского. Злобно, мелочно, несправедливо и больно клевали в газетах и с трибун А. Фадеева и других.

К. М. Симонова не ругали.⁶

Может, еще и поэтому именно на него надеялся вчерашний партизан и студент филфака Дима Гусаров, когда со всех сторон на его повесть обрушился поток несправедливой брани...

Шапочно познакомилась она в 1954 году в Белоруссии на III съезде писателей. Сидели рядом, здоровались за руку да однажды сыграли на бильярде – вот и всё общение. Вторая встреча произошла летом 1970 года. Чтобы подтолкнуть ход реконструкции Кондопожского ЦБК, ЦК партии прислал в Карелию выездную редакцию газеты «Правда». С редакцией приехал и Константин Михайлович Симонов. Симонова, его жену Ларису Алексеевну и фронтового друга фотокорреспондента Халдея поселили в правительственной резиденции в Шуйской Чупе.

Константин Михайлович не скрывал, что в Карелию его привело желание вновь побывать в местах, где он начинал творческий путь первой творческой командировкой на Беломорканал. На торжественном обеде, когда И. И. Сенькин предоставил слово Гусарову, тост оказался не первым, «и в голове уже весело шумело». Дмитрий Яковлевич коротко рассказал об истории своей первой повести и как в тяжёлые для себя месяцы по-мальчишески надеялся на участие и поддержку Симонова.

Константин Михайлович воспринял сказанное очень серьёзно.

– Я готов исправить своё упущение и прочесть вашу повесть сейчас, – сказал он.

Все рассмеялись...

Тем летом Д. Гусаров работал над первыми главами романа-хроники «За чертой милосердия».

В декабре 1972 года К. М. Симонов снова приехал в Карелию. Были встречи с читателями, долгие разговоры о литературе. Дмитрий Яковлевич вспоминал о радости, что возникла от совпадения взглядов на литературный процесс, о

душевной приязни, которая родилась между ними тогда...

В марте 1976 года рукопись романа обсудили в Союзе писателей Карелии, её прочли и одобрили все члены бюро Карельского обкома КПСС. Решено было опубликовать роман в №7, 8 и 9 журнала «Север»⁷.

Летом того же 1976 года Дмитрий Яковлевич неожиданно встретился в Москве с К. М. Симоновым. Встреча произошла в Большом Кремлевском дворце во время перерыва на VI Всесоюзном съезде писателей. Гусаров вспоминает, что Симонов обрадовался встрече. Многих писателей в Карелии он уже знал, читал их книги, передавал приветы...

– Как вам работаете? Пишется ли? Находите ли для этого время? – спрашивал Симонов. Уж он-то хорошо знал, сколько времени остаётся у главного редактора журнала для личного творчества.

– Помните, Константин Михайлович, вы выразили готовность с опозданием на 20 лет прочесть мою первую повесть?

Симонов улыбнулся:

– Да, помню.

– У вас есть случай исполнить своё обещание.

– С удовольствием.

– Я написал документальный роман, он сейчас печатается в «Севере», не согласитесь ли вы прочесть его, если пришло журналы?

– Обязательно прочту...

⁶ Справедливости ради, следует сказать здесь, что даже авторитета К. М. Симонова часто не хватало в борьбе с цензурой – его работы также запрещали и уродовали. Были запрещены к публикации книга «Сто суток войны» и заметки «К биографии Г. К. Жукова», а экранизация романа «Солдатами не рождаются» была настолько изуродована, что Константин Михайлович вынужден был снять из титров название романа и свою фамилию. Доклад «Уроки истории и долг писателя», сделанный К. М. Симоновым в 1965 году к двадцатилетию Победы, удалось опубликовать только через 22 года, в 1987 году.

⁷ При обсуждении рукописи романа-хроники Д. Я. Гусарова «За чертой милосердия» в Союзе писателей Карелии жёсткое возражение против публикации высказал только Иван Михайлович Петров (Тойво Вякя). Видимо, душа легендарного чекиста, полковника КГБ в отставке, с молодости застёгнутая на все пуговицы в мундир офицера спецслужбы, никак не могла согласиться с тем уровнем правды о лесной войне, которую позволил себе в книге его литературный наставник и друг Д. Я. Гусаров.

*Дмитрий Гусаров. 1945 год**Дмитрий Гусаров. 50-е годы**Дмитрий Гусаров. 80-е годы*

В сентябре все три журнальные книжки с романом Д. Я. Гусаров отправил в Москву. Самого же через месяц на скорой увезли в больницу с жесточайшим приступом боли, увезли, чтобы немедленно уложить на хирургический стол...

На этот раз и в больнице Дмитрий Яковлевич долгожданного облегчения не получал. Его лечили, выписывали из одного отделения, чтобы сразу же перевести в другое, из другого в третье. Но и там, и там, и там страдания только нарастали. Желчный пузырь, бронхиальная астма, пузырь мочевого, радикулит... Все эти годы болезни накапливались в его организме и, казалось, только ждали, когда он закончит свой роман. И теперь набросились хищной стаей...

«Это было ужасное состояние, когда нормально живёшь, мыслишь и чувствуешь лишь после укола, да и то часа два, не больше, – вспоминал он. – Нервы у меня были уже на пределе, я плохо себя контролировал и временами плакал втихомолку от горечи и бессилия».

И в это самое время ему принесли большое письмо К. М. Симонова.

«...Вы сдержанно, без выкриков, без демагогических вопросов пишете жестокую правду того времени...»

Письмо было большим, по-товарищески прямым и честным, без той снисходительной комплиментарности, свойственной знаменитым в оценке своих коллег. Симонов очень высоко оценил роман Гусарова. И словно бы гора спала с души раздавленного болезнью писателя:

«...Я сразу оказался словно бы уже не на земле, не в хворобе и отчаянии, а где-то на седьмом небе. По слабости и измотанности души даже читать не смог, глаза застилала слёзы, и я тихо заплакал. Боже, какое письмо написал мне Константин Михайлович!»

Такого Дмитрия Яковлевича Гусарова никто из самых близких и друзей не только никогда не видел, но даже представить себе не мог. О нём, плачущем, узнали только из публикации дневниковых записей в журнале «Север»⁸. Гусаров был боец и всегда помнил об этом.

6

Суждения Константина Михайловича Симонова о романе-хронике «За чертой милосердия» оказались по-настоящему целительными. Вскоре после очередной плановой поездки в больницу Дмитрий Яковлевич поправился и смог продолжить работу и в журнале, и за писательским столом.

Между тем роман-хроника, как мы уже говорили, вышедшая в сборнике Госкомиздата СССР, по его оценке, в «лестной» для Гусарова компании с Василём Быковым и Валентином Распутиным, и опубликованная многомиллионным тиражом «Роман-газетой», вызвала целый поток ре-

⁸ Север, 1996, № 6, с. 84-89.

цензий в прессе и личных писем. Любопытно, как одинаково высоко, но по-разному писали о книге Гусарова именитые литераторы. Каждый подмечал то, что особенно дорого именно для него.

Автор пронзительных книг о войне Василь Быков писал из Белоруссии:

«Я должен Вам сказать, что Вы написали прекрасную книгу, что её значение в современной советской литературе еще не оценено по достоинству (хотя оценено высоко), что этим своим романом Вы поднимаете нашу литературу о войне на новую, до сих пор никем не достигнутую ступень, что главный герой Вашей книги – скромная, тихая, но очень глубокая правда...»⁹

Писатель и фронтовик Виктор Петрович Астафьев так оценивал роман Д. Я. Гусарова:

«...Я представляю, сколько и чего осталось за «бортом» книги! Вот так, постепенно, мало-помалу и будет написана картина войны. Приближенная к действительности, нисколько не убавляющая сделанного нашим народом и правду воскресающая, эту правду, от которой волосы дыбом...»¹⁰

Известный советский литературный критик Игорь Золотусский:

«Давно я не читал книг столь напряженно-честных и безыскусно-горьких, как Ваша книга. После повестей Константина Воробьева, которые дошли до нас, по существу, в семидесятые годы, не читал...»¹¹

Не удержался от мнения и автор «Севера», начинавший в ту пору путь в литературе, знаменитый спортсмен, тяжелоатлет, многократный

чемпион мира Юрий Власов. Самый сильный человек планеты, некогда гордость страны, а теперь забытый властью, переживший чудовищную личную трагедию, потерю здоровья и жены и, как казалось окружающим его людям, оставшийся без какого-либо созидательного будущего, он по-своему оценил книгу Дмитрия Яковлевича Гусарова:

«...Зла много, зло слишком часто торжествует. Для жизни, добра, для утверждения достоинства, справедливости и чести нужны такие книги, как Ваша. Среди потока официального слюнтяйства, лизоблюдства и откровенного вырождения радостно встретить сильную и умную книгу».¹²

За роман-хронику «За чертой милосердия» и многолетнюю и плодотворную работу в литературе Совет министров Карельской АССР присвоил Дмитрию Яковлевичу Гусарову почётное звание «Народный писатель Карелии».

Фото из Национального архива РК и домашнего архива Д. Я. Гусарова.

9 НА РК, Ф.470, оп.1, ед.хр.105, л.58

10 Там же, л.27.

11 Там же, л. 127

12 Там же. л. 71

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ

родился в 1947 году,

окончил факультет журналистики

Ленинградского государственного университета

и более 30 лет работал в периодических изданиях Карелии.

Член Союза писателей России,

автор очерковых и публицистических книг,

заслуженный журналист Республики Карелия,

лауреат премии Республики Карелия

в области культуры, искусства и литературы 2008 и 1014 года.

Юрий ШЛЕЙКИН

г. Петрозаводск

ГЕРОИ

забитой войны

Штрихи к портретам
жителей Олонецкой губернии —
участников Первой мировой войны

Столетие начала Первой мировой войны – лето 2014 года – совпало по времени с другим юбилеем – 70-летием освобождения Карелии от оккупации в годы Великой Отечественной войны, которая была частью Второй мировой. Не за горами и 70-летие Великой Победы.

Эти военно-исторические даты – уместный повод вспомнить забытую войну – Первую мировую, которую в России в 1914–1917 годах называли не только «германской», но второй Отечественной. Первой, как известно, была Отечественная война с Наполеоном.

Вторая Отечественная на многие годы оказалась словно в «исторической тени» нашего Отечества. Ее битвы, победы и поражения, ее героев затенили события Октябрьской революции и Гражданской войны в России.

Историки, писатели, журналисты, рассказывая, например, о знаменитых командирах и героях Красной армии, скупно и как-то стыдливо, скороговоркой упоминали, что почти все они были «родом» из старой русской армии, воевали на фронтах Первой мировой. Не принято было гордиться той царской армией – службой в ее рядах, ее званиями и чинами, наградами, полученными за боевые заслуги. И сами участники той войны, выжившие в кровавых битвах, чаще всего умалчивали об этих наградах, не сообщали о них в анкетах и автобиографиях. Как в советское время можно было гордиться царской медалью или орденом?!

Вот только два имени наших земляков – офицеров русской армии, участников той войны. Командир дивизии Красной армии Федор Миронов, который после Великой Отечественной войны недолго был директором Карельского государственного краеведческого музея, и Петр Васильев, ученый-экономист, возглавлявший сектор экономики Карельского филиала Академии наук,

а в 1973 году ставший почетным гражданином Петрозаводска. Оба имели не по одному ордену за Первую мировую (у Миронова их было 5!), но об этом не знали даже их сослуживцы и коллеги... Тысячи и тысячи наших земляков – жителей Русского Севера – ушли на ту забытую войну. Сколько их погибло, сколько было ранено, попало в плен? Ответа в исторических книгах не найти. Не принято было изучать историю той войны.

Нынешний год и столетний юбилей начала войны несколько изменили ситуацию в стране и в регионах. Выходят книги, фильмы, телепередачи о Первой мировой, организуются выставки. В Петрозаводске, например, музей-заповедник «Кижы» открыл выставку «За Веру, Царя и Отечество!», посвященную жителям Олонецкой губернии – участникам Первой мировой. Готовит выставку и Национальный музей РК, а Национальный архив РК выпускает сборник документов и материалов по этой теме.

Для меня история Первой мировой не только повод прикоснуться к интересным судьбам земляков и рассказать о них читателям, но и часть биографии моих предков. Оба моих деда – Василий Шлейкин и Михаил Растрепин – были участниками войны. Василия Мокеевича, жившего в Туле, я не застал в живых. Он умер еще в 20-х годах. А деда по матери, сибирского охотника и красного партизана, воевавшего в Гражданскую в отрядах легендарного Лазо, знал хорошо. Был у него в гостях в Чите после окончания ПГУ в 1971-м. До сих пор себя ругаю, что я, историк и журналист, не расспросил его о той войне, когда он был пулеметчиком на Западном фронте... Эти заметки – дань памяти всем российским воинам, участвовавшим в забытой войне...

ИХ «ОРУЖИЕ» – СКАЛЬПЕЛЬ

Рассказ об участниках войны начнем с тех, кто прошел эту войну, но в их руках были не винтовки, а хирургические инструменты.

Михаил Иссерсон и Василий Баранов. Учитель и ученик. Эти имена навечно вписаны в историю медицины Карелии. Хирурги наивысшей квалификации, организаторы здравоохранения нашего северного края, наставники, воспитавшие многих учеников, общественники... Их титулы, звания, награды можно было бы перечислять долго. Об их жизни есть многочисленные газетные и журнальные очерки, есть книги. Готовится еще одно издание о династии медиков Иссерсон – Барановых...

Михаил Давыдович Иссерсон родился в марте 1874 года в семье земского врача. Окончил отделение естественных наук Санкт-Петербургского университета и медицинский факультет Киевского университета. Работал в одной из больниц Киева. Участвовал в Русско-японской войне. В 1904–1905 годах он был хирургом одного из военных госпиталей в Порт-Артуре. О той первой

своей войне, когда он увидел голод и цингу в осажденном Порт-Артуре, написал научную работу, затем, спустя годы, интересные воспоминания.

Летом 1908 года М.Д. Иссерсон приехал в Петрозаводск, и с этого времени его жизнь была неразрывно связана с Карелией. Он работал заведующим хирургическим отделением Петрозаводской земской больницы, стажировался за границей в клиниках Швейцарии, Германии, Франции. По его инициативе и активном участии в городе было построено в 1912 году новое здание хирургического отделения земской больницы

(ныне детская поликлиника на ул. Кирова), появился в губернии первый рентгеновский аппарат.

С началом Первой мировой войны хирург Иссерсон вновь в действующей армии. Он был хирургом в госпиталях Северо-Западного фронта. Четыре года войны – это многие сотни операций, это спасенные жизни русских солдат и офицеров, это бесценный опыт, который пригодится ему в мирной жизни.

После окончания войны Михаил Давыдович вновь работал в Петрозаводской больнице заведующим отделением, с 1934 года – главным врачом хирургической лечебницы.

В годы Великой Отечественной войны М.Д. Иссерсон работал в Беломорске – военной столице республики, был директором Станции переливания крови. На денежные средства, собранные при его активном участии медиками и донорами Карельского фронта в 1943 году, был построен самолет-истребитель «Карело-финский донор».

Сохранились уникальные документы – его письмо Сталину о собранных донорами средствах и благодарственная телеграмма вождя.

М.Д. Иссерсон внес большой

вклад в развитие специализированной хирургической помощи в республике и Службы крови. Он награжден орденами Ленина, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени. Избирался депутатом Верховного Совета Карело-Финской ССР. Его имя было присвоено Хирургической лечебнице в Петрозаводске.

Его ученик, Василий Александрович Баранов, родился в 1896 году в семье санитаря Пудожской уездной больницы. Мальчишкой часто приходил

*М.Д. Иссерсон.
Порт-Артур.
1904–1905 гг.*

*В.А. Баранов.
1915 г.*

*В.А. Баранов,
М.Д. Иссерсон
г. Петрозаводск,
1951 г.*

к отцу на дежурство. И уже в детстве у него зародилась мечта – стать врачом. Но это было непросто. Семья – восемь человек, а зарплата у отца небольшая. Но Василию повезло. В 1912 году его старший брат начал работать в качестве фельдшера, и Василий поступил в Петрозаводскую фельдшерскую школу. Учился старательно, особенно увлекался хирургией.

В 1915 году, завершив учебу, он начал работать фельдшером в д. Ундозеро Пудожского уезда. Уже шла война, и его вскоре призвали в армию в качестве ротного фельдшера. Начались тяжелые дни работы в боевой обстановке. Почти три года Василий Баранов был на фронте. Сотни раненых воинов получили его неотложную помощь. Огромный опыт, который он получил на своей первой войне, стал для него, как будущего хирурга, прекрасной школой.

С 1918 года В.А. Баранов начал работать в Петрозаводской городской больнице. Спустя несколько лет, в 1923 году, стал учиться в Институте медицинских знаний в Ленинграде, а после его окончания в 1927 году вновь работал в Петрозаводской городской больнице, но уже врачом-интерном, ординатором, с 1938 года – заведующим травматологическим отделением.

В годы Великой Отечественной войны возглавлял хирургическое отделение Беломорской больницы. После возвращения в Петрозаводск вновь работал заведующим травматологическим отделением городской больницы, в 1945–1950 годах был главным врачом хирургической лечебницы имени М. Иссерсона.

В 1950 году В.А. Баранов стал первым главным врачом республиканской больницы. Спустя пять лет он был назначен главным врачом больницы Министерства здравоохранения Карельской АССР, одновременно являлся главным хирургом Минздрава КАССР.

Василий Александрович произвел тысячи хирургических операций, спас жизни многим и многим жителям Карелии. Он был председателем научно-общества врачей-хирургов республики, членом правления Всесоюзного общества хирургов. Имел почетные звания заслуженного врача КАССР и РСФСР. Он был награжден орденами Ленина и Знак Почета, медалями. В 1973 году ему присвоили звание почетного гражданина Петрозаводска.

С 1979 года республиканская больница в Петрозаводске носит имя В.А.Баранова. Дочь Василия Александровича Баранова и Зинаиды Михайловны Иссерсон Людмила Васильевна Баранова многие годы возглавляла Республиканскую станцию переливания крови.

КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА СВЯТОГО ГЕОРГИЯ

Орден Святого Георгия был высшим воинским орденом в русской армии. Получить его – высочайшая честь и награда для боевого офицера. Были ли среди наших земляков кавалеры этого ордена? Конечно, были, но как и где узнать и найти их имена...

Впервые это удалось сделать при подготовке художественного альбома «Три века Петрозаводска», который мы с группой авторов выпустили к 300-летию столицы Карелии. Наши многочисленные помощники-краеведы предоставили тогда документы и фотографии о двух героях войны. Вот их имена – Николай Гурьев и Федор Миронов.

Николай Николаевич Гурьев родился в многодетной семье (14 детей) бухгалтера Валазминского чугунного завода. Окончил Олонецкую гимназию, затем военное училище в Москве. С 1906 года начал службу в чине подпоручика в стрелковом полку в Финляндии. В 1911 году его перевели в город Никольск-Уссурийский Приморской области. Когда началась Первая мировая война, вместе со своим полком был направлен на Западный фронт. Вскоре был назначен командиром батальона. За успешно проведенные бои в начале ноября 1914 года со значительно превосходящими силами противника был представлен к награждению орденом Святого Георгия 4-й степени.

Через месяц, 5 декабря, штабс-капитан Николай Гурьев в ходе боя получил ранение в руку, но после перевязки вернулся в строй и вновь продолжил командование батальоном. Бой с немцами продолжался. Гурьев получил новое ранение – на этот раз смертельное...

Указ о его награждении орденом был подписан в апреле 1915 года. Информацию об этом опубликовала газета «Олонецкое утро». Именно эту газету с заметкой о подвиге Н. Гурьева, который был ее родственником, спустя многие десятилетия нашла Г.А. Андерсон, известный педагог, почетный гражданин Республики Карелия. Галина Александровна была не только замечательным учителем, знаменитым директором 10-й средней школы г. Петрозаводска, но и неутомимым исследователем-краеведом. О своей династии – Гурьевы-Москалевы-Андерсон – она собрала гигантский по объему материал. В том числе и об офицерах русской армии Гурьевых, о судьбах их родных.

...Жена Н.Н.Гурьева, Варвара Константиновна, получившая прекрасное образование в Институте благородных девиц в Санкт-Петербурге, скон-

Н.Н. Гурьев, 1912 г.

М.Н. Гурьев, 1912 г.

*Полковник М.Н. Гурьев
с внуком Александром*

чалась в больнице от нервного потрясения, связанного с потерей мужа и сына. Нина – дочь Николая Николаевича, долго хранила письмо брата отца Михаила, где были такие слова о Николае Николаевиче: «Ты не представляешь, какой это был хороший, умный, радушный, добросовестный, весёлый, добрый, большой Человек! И погиб так рано, в самый разгар молодости...»

Интересна и судьба младшего брата Н.Н.Гурьева, Михаила Николаевича. Он тоже стал профессиональным военным. Службу начал в 1912 году в крепости Свеаборг после окончания пехотного училища в Санкт-Петербурге. Когда началась война, его часть направили на Западный фронт. В 1915 году во время боя получил контузию и в бессознательном состоянии попал в плен. В Германии пробыл до 1918 года в нескольких лагерях, в том числе в лагере, который размещался в баварской крепости Ингольштадт на Дунае. Немцы содержали здесь не только русских, но

и французских офицеров-пленных. Среди русских офицеров в крепости находился и будущий маршал Советского Союза Михаил Тухачевский. А в одной комнате с Тухачевским некоторое время жил капитан французской армии Шарль де Голль – будущий президент Франции.

(Когда эти интереснейшие факты выявила Г.А.Андерсон, она рискнула начать поиск во Франции, написала первые письма, но довести до конца этот поиск не успела...)

...После освобождения из плена и возвращения на родину М.Н. Гурьев стал служить в Красной армии. Впереди у него было еще три войны – Гражданская, Советско-финляндская и Великая Отечественная. Затем полковник М.Н.Гурьев был на преподавательской работе.

Удивительно яркая судьба у другого кавалера ордена Святого Георгия – Федора Галактионовича Миронова. Он родился в большой крестьянской

Ф.Г. Миронов, Петрозаводск 1917 г.

*Ф.Г. Миронов –
один из первых кавалеров ордена
Красного Знамени.*

*Художник
В. Сварог. 1923 г.*

*Военрук Ф.Г. Миронов
с внучкой Маргаритой.
1939 г.*

семье в д. Митькино Петрозаводского уезда. С 1903 года служил в Петрозаводском батальоне. В 1909 году сдал экстерном экзамены за курс гимназии и поступил в Виленское пехотное училище.

Желание стать офицером было связано не только со стремлением быть профессиональным военным. Таково было решение родных девушки-гимназистки, в которую он влюбился в Петрозаводске. Выдавать дочь замуж за простого солдата им не хотелось. Так гласит семейная легенда Мироновых. И крестьянский сын Федор Миронов стал блестящим офицером.

После окончания училища он служил в Иркутске в 25-м Сибирском стрелковом полку, затем учился в военной академии.

С августа 1914 года в действующей армии командовал ротой, батальоном, полком на германском фронте. Особенно отличился при штурме вражеских позиций под Кальварией в марте 1915 года. За воинский подвиг был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Получил в период Первой мировой войны еще четыре ордена, в том числе британский Военный орден от союзников. В конце войны имел звание подполковника, преподавал в Полтавском военном училище.

Чудом сохранилась фотография, где он – сильный красивый офицер с орденами снят с отцом и братьями.

В 1919 году Миронов вступил в Красную армию. Командовал 56-й Московской стрелковой дивизией, которая воевала на Украине, в Польше, в Карелии в боях с белофиннами. Был награжден орденом Красного Знамени. Его портрет в те годы создал художник-баталист Василий Сварог.

В 1922 году вынужден был оставить воинскую службу, несколько лет бедствовал. В 1930-е годы жил в Петрозаводске, работал в Осоавиахиме, военруком в средних учебных заведениях. В 1940 году организация Осоавиахима Школы связи г.Петрозаводска, где военруком был Ф.Г.Миронов, была признана лучшей в Карело-Финской ССР.

Летом 1941 года командовал народным ополчением в Петрозаводске. В 1942 году был начальником штаба местной противовоздушной обороны в г. Каргополе. После войны вновь работал военруком в техникумах, некоторое время руководил Карельским краеведческим музеем.

Его внук Георгий Ефимович Миронов – известный историк, доктор наук, автор многих книг по российской истории, а также исторических романов.

КОМДИВЫ И КОМАНДАРМЫ

Среди участников той забытой войны есть известные советские генералы – наши земляки и те, кто воевал здесь во время Великой Отечественной, кто служил в Карелии в послевоенные годы. Вот несколько имен.

Валериан Александрович Фролов, генерал-полковник. Командующий Карельским фронтом с сентября 1941 по февраль 1944 года. Прошел четыре войны. На Первой мировой был старшим унтер-офицером, командовал взводом. Имя Фролова носит одна из улиц Петрозаводска.

Филипп Данилович Гореленко. Генерал-лейтенант. Командующий 7-й армией на Карельском фронте. Герой Советского Союза. Это звание получил за личное мужество в период Советско-финляндской войны. Его имя носит школа в Суоярви.

Владимир Яковлевич Колпакчи. Генерал армии. Командующий Северным военным округом в 1954-56 годах. Герой Советского Союза.

Свое особое место в этом списке у Александра Петровича Дорофеева. Его имя в числе наших земляков – Героев Советского Союза, а его портрет можно увидеть в центре Петрозаводска в Галерее Героев. В годы Великой Отечественной войны А.П.Дорофеев командовал 295-й стрелковой дивизией, воевавшей в составе 3-го и 4-го Украинских фронтов.

Родился А. П. Дорофеев в карельской семье в нынешнем Медвежьегорском районе. Его отец был приказчиком лесопильного завода. Когда Саше было 10 лет, их семья переехала в Петербург. Александр окончил начальное училище, затем гимназию. Работал сортировщиком леса на железнодорожной станции, лесорубом. Был крепким и сильным парнем, и не случайно, когда в 1914 году его призвали в армию, он попал в лейб-гвардии Волынский стрелковый полк.

На фронте Александр Дорофеев показал себя храбрым и мужественным воином. За смелость и отвагу трижды был награжден Георгиевским крестом.

В жестоких и кровавых боях 1914–1915 годов русская армия практически потеряла низший и средний состав офицерского корпуса. Остро не хватало младших офицеров. Грамотных и способных воинов направляли на ускоренную учебу в военные училища. Дорофеев по праву оказался в числе таких воинов и в 1916 году получил чин прапорщика. В конце войны он стал командиром стрелковой роты.

А.П. Дорофеев был участником Февральской и Октябрьской революций. Он командовал Петер-

*Герой Советского Союза
Александр Петрович Дорофеев*

гофским отрядом Красной гвардии при штурме Зимнего дворца. В годы Гражданской войны служил в Красной армии – командовал батальоном, полком, был начальником штаба бригады. Затем служил на командных должностях в воинских частях на Украине и Северном Кавказе.

В первые месяцы Великой Отечественной войны, когда Красная армия отступала и вела тяжелые оборонительные бои, Дорофеев показал себя волевым и опытным командиром. Войну он начал в звании капитана на должности начальника разведки дивизии. В тяжелейших боях под Киевом сумел вывести из окружения большую группу воинов. В конце 1941 года в звании полковника командовал стрелковой дивизией, которая воевала в Донбассе и на Северном Кавказе. Звание Героя Советского Союза было присвоено А.П.Дорофееву за личную отвагу и умелое руководство войсками при форсировании Днепра и взятии города Херсона 13 марта 1944 года.

В годы войны генерал Дорофеев шесть раз был ранен, трижды – тяжело. Его 295-я дивизия в составе 5-й Ударной армии завершила боевой путь в Берлине. А.П.Дорофеев был награжден орденами Ленина (дважды), Боевого Красного Знамени (трижды), Кутузова и Отечественной войны. До 1955 года служил в Советской армии. В 70 лет вышел в отставку. Активно занимался военно-патриотическим воспитанием молодежи. Умер и похоронен в Москве.

ВОИНЫ И СВЯЩЕННИКИ

Судьбы двух земляков, о которых сейчас расскажем, удивительны и уникальны. Один родился и вырос в Петрозаводске, другой – в Пудожье. Оба были хорошо образованы. Оба стали воинами-офицерами. Первая мировая и революция в корне изменили их жизнь. Они оказались за границей, стали священниками. Один нашел упокоение в православном монастыре в США, другой похоронен в Канадах...

Имя генерал-лейтенанта Павла Эмильевича Вильчевского сравнительно недавно стало известно в Карелии. Прежде земляков-офицеров русской армии в таких чинах наши историки и краеведы не знали.

Он родился в 1874 году в Пудожье в семье местного провизора. Его предки – поляки, но семья была православной. Павел Вильчевский окончил Олонецкую гимназию в Петрозаводске. В 20 лет начал воинскую службу в 204-м Свирском резервном пехотном батальоне рядовым на правах вольноопределяющегося 1-го разряда. В том же 1894 году его направили в Московское пехотное юнкерское училище. По окончании училища в 1896 году произведен в подпрапорщики в 19-ю артиллерийскую бригаду. Вскоре стал подпоручиком. В 1899 году зачислен слушателем в Николаевскую академию Генерального штаба и успешно окончил ее. В 1902 году произведен в штабс-капитаны. Служил в 165-м пехотном Луцком полку, командовал ротой. В 1904 г. переведен в Генеральный штаб с назначением старшим адъютантом штаба 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии.

Павел Вильчевский участвовал в Русско-японской войне. В 1905 г. был назначен начальником штаба Западного отдела обороны полуострова Муравьева-Амурского, служил также в штабе Владивостокской крепости. В 1906 году награжден орденами Святого Станислава 3-й степени и Святой Анны 3-й степени. Затем служил в главном управлении Генерального штаба.

Начало Первой мировой войны П.Э. Вильчевский встретил в должности командира батальона в 54-м пехотном Минском полку. Позже его перевели в штаб 4-й армии. С мая 1915 года по февраль 1916 года полковнику Вильчевскому доверили командовать элитным полком российской армии. Этот полк был сформирован в 1790 году великим полководцем Суворовым из гренадеров северо-западных губерний Российской империи. Полк прославил свое боевое знамя при штурме крепости Измаил в 1790 году, в битве при Боро-

Павел Эмильевич Вильчевский

дино в 1812 году, в Русско-турецкой войне при освобождении Болгарии в 1878 году.

7 июля 1915 года воины полка под командованием П.Э.Вильчевского проявили мужество и отвагу в бою с немцами. В высочайшем приказе говорилось, что полковник Вильчевский, «состоя командиром 11-го гренадерского Фанагорийского Генералиссимуса Князя Суворова, ныне Его Императорского Высочества Великого Князя Дмитрия Павловича полка и будучи выдвинут с полком из корпусного резерва, 7 июля 1915 г., к лесу южнее д.Эгерсдорф, атаковал противника, занимавшего этот лес, выбил его и отбросил к д.Скржинец и г.дв. Боров, причем полком было захвачено в плен 543 нижних чина и 15 офицеров. Руководя в дальнейшем боевыми действиями полка, не считаясь с очевидной опасностью и неся потери в личном составе, удерживался на позиции, пока все резервы не были исчерпаны и не последовало разрешения отойти на вторую линию обороны».

За этот воинский подвиг П.Э. Вильчевский был награжден Георгиевским оружием. Ранее был награжден орденами Святого Владимира 4-й и 3-й степени с мечами.

С февраля 1916 года Вильчевский служил в штабе 6-й армии. В сентябре 1917 года он получил звание генерал-майора. Во время Гражданской войны Вильчевский стал участником Белого движения на юге России. Он получил звание генерал-лейтенанта. В марте 1920 года был назначен главным начальником снабжений Вооруженных сил юга России, затем армии Врангеля. Под его началом были гигантские средства и ресурсы. Искушений у людей, близких к таким богатствам, может быть немало, но современники, знавшие Вильчевского, в том числе писатель Александр Куприн, высоко ценили его честность и порядочность.

После эмиграции из Крыма у Вильчевского началась новая жизнь во Франции. В 1941 г. рукоположен в священники. Служил настоятелем церкви св. Георгия Победоносца в Марселе, окормлял также церковную общину в Тулоне. Умер в 1958 году и похоронен в Каннах.

Сравнительно недавно в Москве один из антикварных домов продавал большую коллекцию документов и вещей Павла Эмильевича. Среди наиболее ценных документов – письмо барона Врангеля с характеристикой Вильчевского и аттестат Павла Вильчевского об окончании Олонецкой гимназии. Попытки найти спонсоров, чтобы приобрести эту коллекцию для Карелии, не удалось...

К судьбе Андрея Яковлевича Елпидинского, который со временем стал архимандритом Андроником, я прикоснулся случайно. При подготовке одной биографической книги ко мне попали несколько старинных открыток. Они направлялись из разных городов России в Петрозаводск по одному адресу: «Зарека, Лососинская набережная, Елпидинским».

Выяснилось, что это семья известного историка Русской Православной Церкви Якова Семеновича Елпидинского, а направлял эти письма его сын Андрей. Начался поиск, в ходе которого в биографии героя мелькали города и страны – Симферополь, Казань, Румыния, Финляндия, Франция, наконец Индия и США...

Андрей Елпидинский родился в 1894 году в Петрозаводске. Сыновья священника Я.С. Елпидинского шли по его стопам. Андрей тоже учился в Петрозаводске в духовном училище, затем в семинарии. По состоянию здоровья в 1914–1915 годах ему пришлось поехать в Крым в Таврическую духовную семинарию. По дороге в Крым, а потом из Симферополя он часто направлял родным почтовые открытки (вот, оказывается, откуда их происхождение). Потом он вновь вернулся в Петрозаводск.

*Андрей Яковлевич
Елпидинский,
Петрозаводск, 1910-е гг.*

*Архимандрит Андроник
в Индии*

*Могила
отца Андроника*

После окончания Олонецкой семинарии в 1916 году Андрей отправился в Петроград и был назначен сотрудником Земского союза на Юго-Западном фронте, где заведовал тыловыми питательными пунктами в Румынии и Галиции. Там он вплотную соприкоснулся с жизнью русских солдат на фронте.

В начале 1917 года А. Елпидинский вернулся в Петроград. Армия в это время крайне нуждалась в младших офицерах. Подчищались все резервы, и Андрей Елпидинский был направлен в Нижегородский студенческий батальон при Казанском военном училище. Через 4 месяца он получил звание прапорщика и добровольно направился на Западный фронт во 2-й Туркестанский полк.

В своих воспоминаниях он писал: «Как в запасном батальоне, так и на фронте я делал доклады, за что офицерским собранием был избран заведующим образованием полка. Дело у меня шло хорошо, но фронт в это время разваливался, шла демобилизация, начались беспорядки, и я тоже демобилизовался...»

Выпускник духовной семинарии, вчерашний офицер вернулся в Петрозаводск и начал искать

работу. В губернской администрации ему дали назначение – заведовать отделом дошкольного образования в Лодейном Поле, но поработал он там только три месяца... Потом он некоторое время был в Петрограде, затем работал на Мурмане учителем русского языка. А потом эмигрировал в Финляндию, переехал в Германию, с 1923 года жил во Франции. В 1925 году на Сергиевском подворье под Парижем Андрей Елпидинский был пострижен в монашество, затем рукоположен во иеромонаха.

В 1931 году отец Андроник направился миссионером на юг Индии, где жили так называемые малобарские христиане. Ему принадлежит особое место в развитии отношений между Русской Православной Церковью и индийскими христианами. «Восемнадцать лет в Индии» – так назвал он свою книгу воспоминаний о подвижнической жизни миссионера в этой стране.

В 1949 году отец Андроник по приглашению архиепископа Иоанна (Шаховского) переехал в США. Последние годы жизни был настоятелем Свято-Тихоновского монастыря в штате Пенсильвания. Умер в 1959 году.

В 2012 году издательство Сретенского монастыря (г. Москва) переиздало книгу его воспоминаний. Ее текст можно найти и в Интернете. Удивительно читать в этой книге об Индии, впервые изданной в 1959 году на русском языке в Буэнос-Айресе (?!), такие строки: «... Я родился в Петрозаводске. Наш дом стоял на берегу реки Лососинка...»

В Петрозаводске живут потомки династии Елпидинских.

*М. И. Тюрин Франция, 1916 год
М. И. Тюрин в последние годы жизни*

*И. А. Рыбаков в годы Первой мировой войны
И. А. Рыбаков в день 80-летия. 1978 год*

*Памятник воинам Русского экспедиционного корпуса, воевавшим во Франции в 1916–1918 годах.
Открытие прошло в июне 2011 г. Скульптор В. Суворицев. Париж*

РУССКИЕ СОЛДАТЫ ВО ФРАНЦИИ

В центре Парижа в 2010 году был установлен прекрасный памятник всем русским воинам – участникам Первой мировой войны. Это памятник и нашим соотечественникам, кто сражался под боевыми знаменами Русского экспедиционного корпуса во Франции.

История этого корпуса малоизвестна и трагична. В 1916 году по просьбе союзников во Францию через Дальний Восток и Архангельск были направлены части русских войск, которые и составили экспедиционный корпус. Этот корпус, состоявший из 4-х бригад (в каждой по два полка), по соглашению с союзниками был направлен во Францию и сражался на Западном и Салоницком фронтах.

Мужество и смелость русских солдат не раз отмечали союзники, поручая им порой самые трудные боевые задачи. Русские солдаты сражались храбро и мужественно, защищая Францию от немецких войск. Это отмечали и представители военного командования Франции в годы войны, а также историки после войны.

После Октябрьской революции 1917 года судь-

ба многих воинов Русского экспедиционного корпуса сложилась трагически. Одни смогли вернуться в новую Советскую Россию. Другие тоже попали в Россию, но воевали на стороне Белой армии. Третьи оказались во Франции в концлагерях, из которых можно было вырваться, только записавшись во Французский иностранный легион, воевавший в Африке. Именно такой жребий выпал нашему земляку – Ивану Александровичу Рыбакову.

Он родился и жил в д. Ютнаволок Шуньгской волости Олонецкой губернии. В крестьянской семье Рыбаковых было 8 детей. Иван был старшим среди четырех братьев, помогал отцу по хозяйству. Когда подрос, отправился, как многие земляки, на заработки в столицу – Санкт-Петербург.

В 1916 году его призвали в армию. Волей судьбы попал в стрелковый полк, который вошел в состав Русского экспедиционного корпуса. Полк, в котором служил Рыбаков, был переправлен во Францию на пароходах из Архангельска. Так началась многолетняя французская эпопея заонежского крестьянина-воина Ивана Рыбакова.

Волей судьбы после боев в Европе с немцами

он попал в Африку, в Алжир. Потом смог вернуться во Францию, работал таксистом в Париже.

Лишь в 1924 году каким-то чудом он вернулся в Россию и сразу направился в родную деревню, где его давно уже похоронили. По домашней легенде, когда он в кожаном пальто с огромным чемоданом вошел в родной дом, увидел мать и поздоровался с ней, она потеряла сознание...

Потом Иван Рыбаков вновь из Заонежья поехал в Северную столицу. Был в Ленинграде шофером, рабочим на прядильной фабрике «Веретено». Когда началась Великая Отечественная война, Иван Рыбаков вновь был призван на военную службу, но на этот раз попал на флот. Служил матросом в Кронштадте, на острове Лавенсаари. Его ратный труд отмечен главной солдатской медалью «За отвагу», другими медалями. Братья Ивана – Яков и Дмитрий – тоже были на фронте. Дмитрий погиб в 1941-м.

После войны Иван Рыбаков уехал с семьей на север Карелии, в Чупу, к брату Василию. Позже жил с сыном в пос. Надвоицы, где и умер.

Одна из сестер И.Рыбакова – Мария – была замужем за Степаном Синявиным, знаменитым краснодеревщиком, руководителем артели «Карельская береза».

Сын И.А. Рыбакова – Виктор Иванович Рыбаков (родился в 1931 г.) – стал известным гидроэнергетиком Советской Карелии, строил каскад Выгских ГЭС, затем многие годы был директором этого каскада. Он активно участвовал в военно-пат-

риотическом воспитании молодежи, был инициатором создания памятника Герою Советского Союза Н.Варламову в Сегежском районе, а в 2013 году по его инициативе этот памятник перенесен и установлен в Петрозаводске. В 2010 году В.И.Рыбакову присвоено звание почетного гражданина Республики Карелия.

Во Франции довелось воевать и земляку Рыбакова по Заонежью Михаилу Тюрину, который вернулся на родину в 1919 году.

Офицером Русского экспедиционного корпуса был и Петр Александрович Васильев. И ему тоже довелось воевать во Французском иностранном легионе. В 1953–1958 годах он возглавлял отдел экономики Карельского филиала Академии наук. В 1973 году ему было присвоено звание почетного гражданина Петрозаводска. О том, как он воевал во Франции, П.А.Васильев рассказал 40 лет назад в своих воспоминаниях в журнале «Север» (1974 год, №10).

...Сто лет отделяют нас от трагической даты – 100-летия начала Первой мировой войны. Забытой войны. Но живы дети, внуки ее участников. И значит, память о ней все-таки будет жить.

Фото предоставлены автором

Юрий Викторович ШЛЕЙКИН

родился в 1947 г.

Работал с 1966 г. в республиканских газетах.

Автор и редактор книг по истории и культуре Карелии.

В настоящее время главный редактор издательства «Острова».

Заслуженный журналист Республики Карелия.

Людмила СОЙТУ

окончила психолого-педагогический факультет
РГПУ им. Герцена.

Автор сборников стихотворений

«Шкатулка» (1996), «Другая» (2003),

двухтомника «Оттиск сна»/«Стаккато» (2013).

Соавтор поэтических книг «Единственная нить» (2006)

и «Меняя строчки на распястье» (2006).

Лауреат Международной премии

«Адмиралтейская звезда»-2012.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Людмила СОЙТУ

г. Гатчина

«Семена
угасающей сказки...»

**ПОЭТУ АЛЕКСЕЮ ГАНИНУ
(1883–1925)**

Мне не дали дожить до смерти,
Постоять на вершине счастья.
Скажут, умер я сам – не верьте,
Я успел только крикнуть: «Здрасьте!»

Поприветствовать дом васильковый,
Пригубить золотистого хмеля
И рассыпать лучистое слово
В дорогих жемчугах апреля.

Запалить скороспелые звёзды,
Оживить изумлённые краски,
Подложить в голубиные гнёзда
Семена угасающей сказки...

СТРОЧКИ С НЕБЕС

...Если мне золотую карету
Ранним утром
К крыльцу
Подадут,
Я уеду, уеду, уеду,
Где под ветром качается
Дуб.
Где хохочет колдунья
В избушке,
А вокруг – заколдованный
Лес;
Где звенят бубенцы –
Погремушки
И спускаются строчки
С небес...

26.06.2011

ОТРАЖЕНИЕ ТВОЁ

Георгию Иванову

Отраженьем полон мир,
Безвоздушный тот эфир,
Где ни голоса, ни лиц,
Ни коней, ни кобылиц,
Где ни запаха, ни цвета,
Где равны зима и лето.

...Отражение твоё
Вижу я,
Всмотрись в моё...
Так веками друг за другом
С очарованным испугом
Входит в царствие Поэт...
Нет конца, и края нет!

Чем была для России XX века Соловецкая обитель? Это обитель зла? Или же обитель преображения? Это узилище или уникальная лаборатория по переделке человека? И что за власть царила на этом диковинном острове в двадцатые годы? Красная? Но почему на всех важных постах находились или белогвардейцы, или священники? Карательная? Но почему в Соловецком лагере особого назначения работали два театра, играли три оркестра, выходил уникальный литературно-художественный журнал «Соловецкие острова», почему на территории лагеря находились музеи, шла научная работа? Максим Горький постарался возвысить этот лагерь, воспел его. Александр Солженицын заклеил его, особо не разбираясь в деталях, по его мнению, из Соловков вырос весь ГУЛАГ. Так ли это?

Спустя почти сто лет писатель Захар Прилепин попытался именно художнически, через образную систему восприятия мира, рассказать нам не просто о Соловецкой обители, а на примере жизни СЛОНа (Соловецкий лагерь особого назначения) обо всем русском XX веке, о русском челове-

ке как таковом, на конкретном, с одной стороны, уникальном, с другой стороны, наиболее типическом, примере жизни Соловецкого лагеря. Он взялся решить почти невозможную задачу. Свести вместе добро и зло, а поле битвы – сердца людей. Правые возмущались: ты хочешь воспеть советские лагеря? Левые негодовали: зачем ты полез в это солженицынское болото, опять клеймить советскую власть? Но не случайно же реальным девизом и надзирателей, и лагерников на Соловках в те годы было: у нас власть не советская, у нас ВЛАСТЬ СОЛОВЕЦКАЯ! Что же это такое?

Мне посчастливилось одним из первых прочитать роман Захара Прилепина «Обитель». Не рядовое явление в современной русской литературе. И даже не только в русской. Думаю, смолкнут голоса визжащих завистников и справа, и слева. Ибо роман этот не политика – это большая русская литература, это погружение в жизнь человеческую, в трудную и всегда трагическую русскую действительность, в судьбы своего народа. И одновременно это наслаждение русским словом, наслаждение художественностью,

гармонией, интереснейшей и круто заверченной русской историей. Любование характерами людей. Об этом когда-то мечтали Серапионы – насытить русскую высокую прозу увлекательным сюжетом. Взгляд в самое высокое небо, и прыжок оттуда вниз, в чувственную, чавкающую, плотскую жизнь. Это еще и история огромной человеческой любви. Сложной, трудной, трагической и предельно достоверной. Это история революции, от начала до конца. Те, ранние Соловки, прокрутили задолго до перестройки всю возможную историю развития революции. Предугадали её неизбежный трагический конец. Не случайно главный герой Артем, не из палачей, не из невинно осужденных, не из революционеров или контрреволюционеров, простой русский парень, заслуженно, за бытовую драку, закончившуюся убийством, получивший свой срок на Соловках где-то в конце двадцатых годов.

Я боялся, сумеет ли Захар оторваться от солженицынской глыбы «Архипелага...», от его влияния. Еще как сумел. Совсем иная, не «лагерная проза». И герои совсем иные. Не впал он и в горьковскую оправдательную публицистичность. Он искренне стремился понять, что же происходило в двадцатые годы на этом чудо-острове?

Думаю, так же, а может быть, и более трагично, можно описать жизнь Соловецкой обители века семнадцатого. С теми же казематами, теми же героями, монахами, святыми и грешниками. Читал и погружался в свою молодость. Помню, еще студентом, в 1967 году, впервые попал на Соловки, помню, как в Карельской публичной библиотеке откопал комплект журналов «Соловецкие острова», выходявших в двадцатые годы в СЛОНе. Да и самый первый мой очерк, опубликованный в 1967 году в ленинградской газете, был о Соловках. Читал откровения о самом лагере в прозе Солоневича, Бориса Ширяева, в стихах Александра Ярославского. И вдруг всё это соловецкое лагерное бытие, лишь мельком задетое в солженицынском «Архипелаге...», крупным планом предстало в романе яркого прозаика нового поколения Захара Прилепина.

Среди героев второго плана, как я понимаю, реальный прадед Прилепина – Захар. Захар взял себе имя своего прадеда, потому что во всем хочет быть похожим на него, гордится им. И как блестяще родословная канва в романе «Обитель» переплетается с ярким и образным художественным вымыслом. Чудо-роман. Вот он – национальный русский канон в современной русской литературе.

Меня поражает, как художественный вымысел, образное видение существует в литературе отдельно от конкретной жизни писателя, вроде бы и отталкиваясь от бытовых реалий, от истории написания, и

уходя куда-то ввысь, в иное метафорическое мистическое измерение. Так когда-то Михаил Лермонтов между делом, на ходу сочинял «Белеет парус одинокий», как бы и не догадываясь о будущей классической судьбе этого паруса. Так и реальный Захар Прилепин рассказывает о том, как на него вышли люди, желающие снять некий фильм о Соловках, все равно какой эпохи, некий почти коммерческий заказ. По его словам: «Несколько лет назад мой товарищ Саша Велединский предложил мне доехать до Соловков – потому что нашлись люди, которые хотят фильм с участием монастыря, причем не важно, какой эпохи. Мы прожили там неделю, раздумывали, в какое время поместить действие текста, который я, возможно, напишу. Основных вариантов было два: XVII век – я немножко больной по XVII веку, мне кажется, там какие-то важные вещи просматриваются для понимания, пышно говоря, русского пути, – ну и, естественно, сразу всплыли советские лагеря. Итоговый выбор был обусловлен тем, что я с детства увлечен Серебряным веком. Я оттуда возвожу свою генеалогию – и человеческую, и литературную, я помешан на поэзии декадентов, символистов, имажинистов, это пространство моего словаря, это мое время, мои титаны, полубоги и демоны. После того как мы туда съездили, я стал заниматься другими вещами, но однажды приехал в Москву, остался у Саши ночевать, и он меня спрашивает: «Ну что, придумал что-нибудь?» И я с лету, почти не размышляя, говорю: «Да, придумал», – и совершенно экспромтом выдаю некий сюжет. Его канва в итоге в книге и осталась».

Примерно так, по заказу, и сочиняются сценарии бесчисленных криминальных сериалов, нашлись бы люди с деньгами, а качество не важно.

Здесь же остается благодарить этих людей, пожелавших снять хоть какой-то фильм с видами Соловецкого монастыря, благодаря им русская современная литература обогатилась настоящим шедевром. Помните, писала Анна Ахматова: «Когда б вы знали, из какого сора Растут стихи, не ведая стыда. Как желтый одуванчик у забора, Как лопухи и лебеда...»

Вот так возник и роман «Обитель», на сегодня один из самых значительных романов, на мой взгляд, русского двадцать первого века. Писатель влез в историю Соловецкого монастыря, желая написать поначалу какую-то новеллу, сценарий, маленькую повесть, в результате возник роман на 750 страниц. Таких глыб Захар еще не двигал, таких эпических творений не писал. Сначала погрузился в былое, обложив себя книгами об истории монастыря во все века и выдавая на гора только легкие и яркие интервью на любую тему, чтобы читатель о

нем не забыл. Завистники радовались: спекся Захарка, иссяк. Те, кто знал, чем занимается Прилепин, тоже придумывали свои фантастические версии. Как же так: Захар Прилепин пишет роман о Соловецком лагере особого назначения? Значит, Прилепин или пошел путем Максима Горького, восхвалявшего лагерь по перековке нового человека, или путем Александра Солженицына, проклинающего все советские репрессии?

Насколько я знаю, Дмитрий Быков спрашивал у своего приятеля: «Пишешь роман? Собрался лагерь оправдывать?» А это было как раз после «Письма товарищу Сталину». «Бог с тобой», – отвечает Прилепин. Быков дальше: «Ну чего тогда, это будет последний аккорд Серебряного века?»...

Вот так и стал, если верить прилепинской легенде, с легкой руки либерала Быкова роман называться «последним аккордом Серебряного века». Тем более, сам Захар Прилепин большой поклонник Серебряного века. К тому же и впрямь, как говорит писатель: «Все это первое поколение советских лагерников – оно, конечно, во многом из московских и петербургских салонов. Это люди, которые сначала переместились в хаос гражданской войны, а потом – например, на Соловки».

Но я и это серебряновековое утверждение Прилепина отношу уже к его собственному мифу. Может быть, он и впрямь так думал, обойтись легкой серебряновековой модернистски-изящной обманкой. Получилось гораздо круче. Опять, согласно версии Анны Ахматовой:

*Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен.
На радость всем и мне.*

Так поэтесса пишет иносказательно о сложных, противоречивых путях рождения любого художественного произведения. И у Захара Прилепина из перчитанного Варлама Шаламова, Александра Солженицына, Бориса Ширяева, Бориса и Ивана Солоневича, из их таинственной лагерной плесени и сердитых окриков критических надзирателей, из влюбленности в персонажей Серебряного века, и впрямь переехавших в двадцатые годы XX века из петербургских салонов прямо в монастырские казематы, из полной растворенности в подробностях раннего этапа Соловецкого лагеря особого назначения, сложился свой убедительный законченный художественный мир. К тому же наполненный русской мелодичностью, музыкальной гармонией. Своя соловецкая цивилизация, вбирающая в себя опыт не только XX века, но и тысячелетнего русского пути.

А цивилизация эта, считает Прилепин, крайне важная. «То, что писали Солженицын, Шаламов, – это немного другое, там и контингент лагерей другой, и время другое. А лагеря 20-х годов – это такой «последний исход» Серебряного века. Туда попадали люди из элитарных артистических салонов, поэты, духовенство и в то же время блатные из одесской мифологии, актеры. Получилось такое странное варево. Они выпускали журнал, там было два театра, три оркестра». Там и начальники лагерей назначались из уникальных людей.

Тот же реальнейший Федор Эйхманис не случайно стал одним не просто из главных героев романа, но и из самых любимых героев. Он впрямь из лагеря сделал какого-то уникального диковинного СЛОНа, идущего в истории своим путем. Своими разнообразными экспериментами Эйхманис увлекает и Захара Прилепина. Следя за характерами героев, ведя свой авантюрно-приключенческий сюжет, прописывая и философское осмысление эпохи, Прилепин то и дело спотыкается на конкретные занимательные подробности: «Дорожки внутри монастыря были посыпаны песком, повсюду стояли клумбы с розами, присматривать за которыми были определены несколько заключённых. Артём иной раз на разные лады представил себе примерно такой разговор: «На Соловецкой каторге был? Чем занимался? – Редкие сорта роз высаживал! – О, проклятое большевистское иго!»

На одной из центральных клумб был выложен слон из белых камней.

Слон означал: Соловецкие лагеря особого назначения...»

«Обитель» – это не исторический роман и не антиутопия, это концентрированное выражение русского XX века. Да и герой романа – это, пожалуй, герой нашего русского времени, если брать это время широко, в пределах эпохи, целого века. Такой Артем Горяинов вполне представим и в годы революции, и в гражданскую войну, и в Отечественную войну, да и в наши перестроечные дни. Природный русский человек, подчеркнuto не идеологичный человек, в отличие от прилепинского же Саньки, не идеальный человек, совершивший бытовое убийство, казнящий себя этим, но остающийся нормальным русским человеком при самых разных условиях. Читатель может удивляться живучести героя, не раз попадающего в почти безвыходные ситуации, но чудом ускользающего. Впрочем, такие фартовые ребята и в самой жизни встречаются. Да и потом, к сожалению, ближе к финалу фарт заканчивается, почти все герои погибают. Такова соловецкая жизнь.

Автор поставил своего героя в исключительное положение. Защищая мать от пьяного голого от-

ца и его подружки, Артем нечаянно убивает горячо любимого им отца. Какие могут быть оправдания? Это уже тема романа Фёдора Достоевского «Преступление и наказание». И потому сама лагерная тема становится сразу же вторичной. Такой сюжет мог разыграться и во Франции, в Италии, в Америке, в России семнадцатого столетия. Тем более, что и другие герои-лагерники сидят не безвинно, старший друг Артема по бараку Василий Петрович работал в белой контрразведке, тоже не сказки детям рассказывал, поэт Афанасьев организовал игорный притон, и так далее. Безвинных нет. С другой стороны, многие из них обаятельные, задушевные люди. К примеру, белый контрразведчик Василий Петрович. «В представлении Артёма Василий Петрович представлял собой почти идеальный тип русского интеллигента – который неведь ещё выживет ли в Советской России – незлобивый, либеральный... с мягким юмором... единственным ругательным словом у него было неведомое «шморгонцы»... слегка наивный и чуть склонный к сентиментальности... но притом обладающий врождённым чувством собственного достоинства».

Вроде бы и безгрешных нет, но как найти живую душу у грешного человека? И что дальше с ней делать? При том запасе пассионарности, которой обладает Захар, он заставил почти всех своих читателей полюбить почти всех героев романа. А что делать, если одни из героев убивают других? На чьей стороне правда? На стороне помощника Эйхманиса из заключенных жесткого Бурцева, в тот момент, когда он избивает Артема? Или на стороне чекистов, расстреливающих того же Бурцева, бывшего белогвардейского карателя, пытавшегося поднять бунт?

Писатель делает смелую попытку создать обобщенный образ русского человека. Что такое в наше время быть русским? В чем заключаются особенности русской души? Захар Прилепин считает: «Равнодушие к собственной судьбе. Такая амбивалентность, когда страсть и бесстрастность, богохульство и внутренняя религиозность существуют одновременно – и в разных обстоятельствах проявляется разное. Мир не является объектом его рефлексии, он просто в нем существует. Русский человек как типаж не пребывает в том состоянии, которое описано в романах Достоевского. Люди – они... плывут. И ведь никакого перерождения русского человека вследствие этой чудовищной гулаговской истории не произошло. Это же один из самых страшных воплей либеральной общественности: гребанный народ, ты столько пережил, тебя гнобили в лагерях, били, кромсали, а ты снова пребываешь

в тех же иллюзиях и не собираешься меняться. Я думаю, что русская история статична. Русский человек неизменен – в этом и есть залог его существования. И в бессердечии, направленном в первую очередь к самому себе. Это можно назвать жертвенностью, если ты любишь русских людей, если не любишь – можно назвать нецензурным словом».

Как писал Михаил Лермонтов: «Гонимый миром странник... с русской душой». Вот и Артема гонит по всему миру. Только миру особенному – соловецкому. Из барака в барак, как из материка на материк. То лес валит, то лис разводит, то служит сторожем, то под командой реального лагерника Бориса Солоневича готовится к лагерной олимпиаде по боксу. На Соловках в двадцатые годы и впрямь были сконцентрированы все слои русского общества, все разнообразные герои и злодеи, романтики и циники, палачи и монахи.

Достаточно подвижный, амбивалентный и потому находящий общий язык и с бывшими белогвардейскими офицерами, и с православными священниками, и с чекистами, Артем стабилен в проявлении человеческой порядочности, доброжелательства, в сострадании слабым. Он мало заботится о себе, незгоистичен, может быть, поэтому и спасается. Он ведь и от вербовки в осведомители, даже во имя спасения собственной жизни, отказывается. Чем, наверное, и покоряет молодую и красивую чекистку, возлюбленную самого коменданта Соловецкого лагеря Фёдора Эйхманиса Галину Кучеренко. И начинается внутри лагерного эпоса, внутри плутовского романа, внутри калейдоскопа самых разных судеб реальных и вымышленных героев, внутри лагерной одиссеи самого Артема, еще и одна небывалая, почти неправдоподобная и к тому же почти реальная любовная драма двух главных героев с разных берегов бытия. Она и Он. Начальник и заключенный. Стратег и страстный романтический одиночка.

Насколько я знаю, у Артема и Галины есть свои реальные прототипы. Любимый прадед Прилепина Захар – сам сидел в тех самых Соловках, много рассказывал о них позже деду и отцу писателя, так до нашего Захара докатилась история о необыкновенной любви красивой чекистки Галины Кучеренко и заключенного Артема Горяинова. Дальше уже подключился вымысел. Думаю, писатель и от идеологии героя отказывается (что необычно для такого писателя, как Прилепин, и политика, и идеолога нашего общества), для того, чтобы увидеть более широкую панораму русской жизни, которую могли бы не принять ни его Санька, ни герои его чеченских рассказов. Может быть, и в жизни своей, от дружбы с Дмитрием Быковым до контактов с Алексеем Навальным, он осознанно расширяет свой го-

ризонт, чтобы увидеть большую панораму нашего общества? Но я рад, что в русской прозе двадцать первого века уже образовалась группа сильнейших лидеров, как на сочинской Олимпиаде: Захар Прилепин, Алексей Иванов, Сергей Шаргунов, Александр Терехов, Михаил Елизаров... И каждый со своим взглядом на русский мир.

В самом Прилепине, я уверен, сидит его Санька, но для пластичности он по-восточному принимает и ставит в центр соловецкой жизни образ внеидеологичного Артема, который искренне может всем сердцем полюбить чекистку Галину и одновременно искренне дружить с бывшим белогвардейским контрразведчиком и карателем. Нынешний повзрослевший Прилепин уверен, что не одна идеология определяет русскую жизнь.

И доказывает это положение всем своим романом «Обитель». Соловки двадцатых годов включали в себя всё: ад и рай, большевистскую убежденность в преобразовании мира, и православное смирение, имперский монархизм, и полную анархию. В интервью Павлу Басинскому Прилепин сказал о романе: «Однако оптика, которая у нас имеется сегодня, достаточно проста: есть жертвы, которые сидели, и есть палачи, которые охраняли. В целом все так, но всегда остается какое-то количество вопросов: далеко не все жертвы были настолько невинны, как может теперь показаться, а палачи, помните, как в стихах – «мученики догмата» и «тоже жертвы века». Тот же, в конечном итоге, народ. Наконец, в случае Соловецкого лагеря 20-х годов эта ситуация просто доведена до абсурда: там ведь практически царило самоуправление, все производства возглавляли сами заключенные, они же были командирами рот, взводными, отделенными и десятниками – причем в основном руководящий состав был из числа бывших белогвардейцев. Но это не избавило лагерь от несусветного зверства. Надо что-то делать с этим знанием, да?»

Вот уж верно: власть в лагере особого назначения была не советская, а соловецкая. Роман даже начинается (прямо как у Льва Толстого) на французском языке. Разговаривают начальник лагеря Фёдор Эйхманис и бывший белогвардеец, дворянин Василий Петрович. Вряд ли такое можно представить где-нибудь на Колыме в 1937 году. Вот уж на самом деле «последний акт Серебряного века».

Да и любовь, живую, подлинную, между важной чекисткой и заключенным в более поздние времена тоже трудно изобразить.

Как и положено большому роману, он вбирает в себя всё: любовную драму и плутовской роман, документальную хронику и остросюжетный детектив, босхианскую метафоричность и набоковскую

чувственную выразительность. Из этой мешанины, из этого соловецкого варева и впрямь вырастает загадочный образ России.

«Артём, всё время представления смотревший в стол, скептически пожевал пустым ртом, но на Василия Петровича всё это мало действовало.

– Наши Соловки – странное место! – говорил он. – Это самая странная тюрьма в мире! Более того: мы вот думаем, что мир огромен и удивителен, полон тайн и очарования, ужаса и прелести, но у нас есть некоторые резоны предположить, что вот сегодня, в эти дни, Соловки являются самым необычайным местом, известным человечеству. Ничего не поддаётся объяснению!.. О, наш начальник лагеря очень любит флору и фауну. Знаете, что здесь организован Соловецкий биосад и есть биостанция, которая изучает глубины Белого моря? Что по решению Эйхманиса лагерники успешно разводят ньюфаундлендскую ондатру, песцов, шиншилловых кроликов, чёрно-бурых лисиц, красных лисиц и лисиц серебристых, канадских? Что здесь есть своя метеорологическая станция? В концлагере, Артём! На которой тоже работают заключённые!..»

В романе нет ни назидания, ни осуждения, ни воспевания, есть погружение в тайны человека и в тайны духа. Из цитат романа можно выстроить любую модель России, но жизнь всегда опровергает однолинейность. Прилепин-писатель возвышается над Прилепиным-политиком. Хотя при желании из публицистических отрывков романа можно выстроить тоже целую книгу.

И все-таки Захар Прилепин не ищет оправдания своим отнюдь не безгрешным героям, не ищет оправдания русской истории, тем же Соловкам.

Соловецкая мистерия – это богатейший русский миф, в котором есть свои Гераклы и Перуны, свои Меркурии, свои черти и бесы. Роман безбрежен, как безбрежна и сама Россия. Он старается прочувствовать весь мир в полноте. Ничего не теряя.

Соловецкая одиссея Артема и его друзей проходит до самого финала. Не мог такой колоритный, многолюдный, заселенный, как Ноев ковчег, самыми неожиданными персонажами, долго существовать в системном государстве. И черные демоны Льва Троцкого, и утонченный эстет из латышей Фёдор Эйхманис, и театры, журналы, музеи в концентрационном лагере, бывшие белогвардейцы, командующие бывшими чекистами, – всё это явления полноводной России. Но с неизбежностью вода идет на убыль, русского человека ставят в строй, в систему, в формат. Так до нового полноводья.

Захар Прилепин мог и на самом деле написать роман о русской жизни семнадцатого века, было бы то же самое. Свой карнавал, страшноватый для ев-

ропейцев, но для нас, русских, привычный. Свои святые, свои юридические, свои преступники, свои палачи, свои Ромео и Джульетты. Вот уж, на самом деле, шекспировский размах. Василий Аксенов писал свой «Остров Крым», предвидев развитие событий, Антон Чехов писал «Остров Сахалин», тоже проецируя его на всю Россию, у Захара Прилепина Россия суживается (или, наоборот, раздувается) до Соловков. Как считает писатель: «Русскому человеку себя не жалко: это главная его черта. В России всё Господне попущение...» Василий Белов по сути на ту же тему и написал свое «Привычное дело». Такие герои, как Эйхманис или Троицкий, (или Руслан Хасбулатов в 1993 году), лишь добавляют новые краски, будоражат кровь русского человека, но как заметил тот же Фёдор Эйхманис: «Россия опять извернулась и становится сама собой. Она как соловецкий валун: внутрь её не попасть... Дело большевиков – не дать России вернуться в саму себя. Надо выбить колуном её нутро и наполнить другими внутренностями». Кто уж только не выбивал за последние 200 лет, не получается. И опять шуба швами наружу... Привычное дело.

Была ли польза от Эйхманиса на Соловках? Несомненная. Он со всей своей свитой не только организацией труда заключенных занимается, но и изучает острова архипелага, ведет научную работу. Во главе Соловецкого общества краеведения, конечно же, стоит сам Эйхманис.

Казалось бы, «картинный злодей», соловецкий палач, Федор Эйхманис увлекает за собой и героя романа Артема Горяинова, и его возлюбленную, чекистку Галину Кучеренко, и многих других эзков и

надзирателей. Увлекает, завораживает калейдоскопом своих деяний самого Прилепина. Эйхманиса критик Андрей Рудалев сравнил с булгаковским Воландом. А если мы еще вспомним его поколение Арктики, вайгачскую экспедицию и неизбежный для таких людей, неотвратимый 1937 год.

Собственно, роман «Обитель» и написан о России с 1917 по 1937 год. Потом пошла другая история. Или же с 1991-го по нынешнее время. Всё та же шуба швами наружу.

Жить в это время в такой России крайне интересно, но не безопасно.

Вот и наши все любовные, детективные, исторические, мистические истории в романе приближаются к своему финалу, к концу. Писатель избегает голливудского хеппи-энда. Галина из чекистки превращается в заключенную, потом её амнистируют, и она благополучно исчезает в российской глубине. Артема Горяинова летом 1930 года зарезали блатные в лесу. Борис Лукьянович вместе со своим братом Иваном все-таки сбежали в Финляндию и дальше в Европу. Алексей Ногтев, еще один руководитель лагеря, как и почти все остальные соловецкие чекисты, получил свою пятнашку.

После лесных хождений по сюжету в романе образовалось так много места, что читатель может и оглохнуть с непривычки. Ибо, с одной стороны, как итог романа, мы приходим к выводу, что «человек тёмный и страшен», но с другой стороны, по прочтении того же романа мы становимся уверены, что «мир человеческий и тёплый». Значит, можно жить и дальше.

□

Владимир Григорьевич БОНДАРЕНКО

родился в 1946 году в Петрозаводске.

Начинал печататься в журнале «Север».

Работал в «Литературной России», в журналах «Слово»,

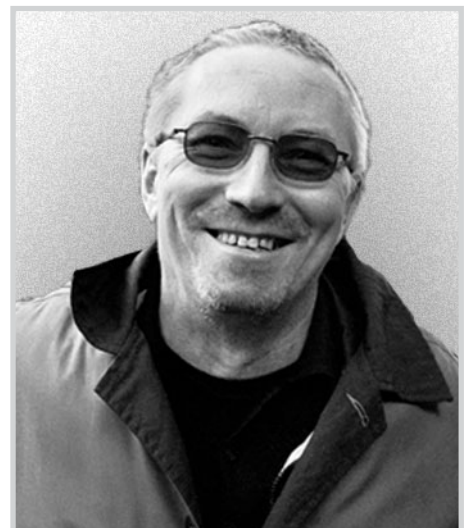
«Октябрь» и «Современная драматургия».

Автор 27 книг о литературе, искусстве, политике.

Один из ведущих критиков России,

публицист, редактор.

Живет в Москве.

Андрей ТЮКОВ

г. Петрозаводск

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ

рассказ

— «Для невозрастных детей кушать два раза в сутки томительно»... Томительно, — повторяет вкусное слово отец Василий.

Пошевелив белыми от сметаны усами, он продолжает чтение.

Отец Василий ужинает. По привычке он читает за едой, отчасти скрашивая словесной приправой известную скудность постного угощения. Это «мурцовка»: мелко порезанные свежие огурцы, числом две штуки, политые сметаной и по вкусу отца Василия обильно посыпанные крупной серой солью, с добавкой покрошенного в тарелку репчатого лука. Отец Василий большой охотник посолонцеваться, хоть это и бесполезно ему.

«Мурцовка» вкушается с чёрным ржаным хлебом. Одним глазом батюшка нацелился в книгу, раскрытую на коленях. Другим отец Василий подмечает, где в тарелке остался лук... Маленькая и ехидная луковая долька не хочет идти в ложку... приходится гоняться за ней, как хоккеист за шайбой... томительно! Ложка попадает в усы именно в ту минуту, когда другая рука переворачивает страницу.

Книга чудная, замечательная, полная слов из позапрошлого, девятнадцатого века: «томительно»... «самонатурно»... Слова эти были в диковинку уже в прошлом веке, двадцатом, откуда родом сам отец Василий. Сегодня, увы, и они, и читатель милы и понятны только друг дружке, как одинаковые анахронизмы, сухие ветки, каким-то чудом избежавшие стали садовника. «Каковой вид раки приходящим богомольцам несколько прискорбия наносит...»

Пока отец Василий подкрепляется, тихо замирая от восторга почти над каждой страницей, мы успеем бегло описать внешность нашего героя, впрочем, не слишком примечательную.

Отец Василий малого роста, худощав, широк в плечах. Свои длинные и наполовину седые волосы он запускает за уши, а иногда стягивает чёрной аптечной резинкой. Очки в роговой

дымчатой оправе вздеты на нос. Если отец Василий не занят чтением, то обычное выражение лица у него немного ехидное и даже, можно сказать, задиристое. Впрочем, быстротекущее время уже довольно размыло острые места, сгладило грани. Ехидство отца Василия чисто внешнее и обманчивое, как и видимая глазом худоба. А так батюшка добр и благоприятен, это всем известно, но обладает изрядной силёнкой и знает бой. В том однажды и убедились залётные хулиганы, когда вздумали было покуражиться над сублильным очкариком: отец Василий, не говоря худого, отломал бока буюнам и с позором прогнал. Правда, они, красные от унижения и обиды, потом ещё швырялись в него камнями с безопасного расстояния...

Прикончив «мурцовку», отец Василий с наслаждением пьёт горячий чай, обмакивая в кружку разломленные надвое овсяные печеньки. Откусывать он не в состоянии: у него не хватает двух верхних передних зубов, поэтому всё, что отправляется в рот, должно предварительно размачиваться или размачиваться.

Вот и это печенье. Никогда не любил отец Василий овсяное печенье. А теперь полюбил и дня не проживёт без него.

Толстая кошка весёлой расцветки уж неоднократно приходила на кухню. Увидит, что отец Василий ещё кушает, скудоумится и уйдёт. Кошка дожидается той минуты, когда хозяин закончит вечернюю трапезу, пойдёт в комнату и приляжет отдохнуть... Тогда она пристроится ему под бок, прикумышится — и уснёт крепким, но чутким сном.

Покушав, отец Василий моет тарелку, ложку, чашку и всё это ставит сушиться в объёмистую миску.

— Ну, пойдём поваляемся, — наконец говорит он.

Кошка ведёт его в комнату... Как и всегда, не успев оказаться у хозяина под боком, она тут же засыпает. Отец Василий не спит, думает... «Я говорю людям, которых ум не этого века и пожелание отыскать чистое, а этого нет...» Заворочавшись от восхищения, он повторяет эти удивительные и неизвестно откуда пришедшие слова и чувствует, что волосы принимаются у него на макушке, как трава инеем...

Кошка во сне потянулась во всю свою долготу и лапой заехала в лицо, прямо в нос отцу Василию.

— Э, э, — осторожным шёпотом, чтобы не испугать, укорил кошку отец Василий, — что ты, сонная тетеря!

Эти слова неожиданно вызвали в душе воспоминание... Прежде чем вернуться туда, в то время, откуда прилетела «тетеря», отец Василий вытащил из волос резинку, которая стягивала вольную гриву в пучок, и не без облегчения распустил волосы назад, на спину... Он осторожно, чтобы не вскобыхнуть спящую, поворожался, ложась на бок, устраивая свою скрипучую поясницу и больные ноги. Слава тебе, Господи. День прошёл, и ладно. Отец Василий сладко-сладко зевнул. Темнота улыбалась ему со всех сторон, закрыв свои блестящие глаза, как некая толстая кошка. Ещё минута, и добрая предсонница укрывает батюшку одеялом, мягким и невесомым, как пух...

Он снова мальчик. Отец читает ему вслух сказку про Конька-Горбунка: «Эй вы, сонные тетери! Отпирайте брату двери...»

— Отпи'айте, — шёпотом повторяет мальчик, и чудесный восторг охватывает его крыльями, щекочущими, шерстяными.

Мальчик болеет. Он лежит на спине, укрыт до самого подбородка. Жгучие горчичники уже разгораются на груди и на спине, как блины на горячей сковороде. Отец сидит у кровати с раскрытой книгой на коленях.

А на той неделе они выходили вечером вдвоём погулять «на сон грядущий». Снег так звонко отзывался новым валенкам Васи, как будто встречал своих хороших знакомых, припевал и подпрыгивал под ногами... Деревья, дома, забор, все в белом, морозном, стояли в темноте совершенно неподвижно. Темнота обтекала их отовсюду и уплывала куда-то вверх, туда, где в железнодорожном депо, далеко, упрекал кого-то одинокий вечерний паровоз. И над этим над всем, если запрокинуть голову, высоко-высоко текла огромная звёздная шапка Земли.

Умиротворённый, отец Василий незаметно засыпает в этих лёгких, тёплых валенках воспоминаний.

«— Звезда! Открой имя! — Аладдин, сын Маруфа...» А перед тем как спросить, злой старик, магрибский колдун, захватил полной

пятью волшебный порошок и бросил порошок прямо в небо... Чудеса.

Отец Василий ворочался и не слышал, как недовольная кошка встала и ушла от него на другой конец дивана.

Злой старик обернулся к нему, отец Василий узнал усы в крошках сметаны, но не успел удивиться. Он уже выступает в защиту икон на Вселенском соборе. Почему-то все противники отца Василия чёрные и маленькие, как горох. Их много, они ругают его идолопоклонником и обвиняют в язычестве! «Сжечь, закопать!» — кричат эти черныши. Шум стоит ужаснейший! Отец Василий говорит им: икона не кумир, икона — антизеркало, в котором не отражается сей мир, икона отсекает человека от мира, икона представляет образ мира другого, и через это человек соединяется с тем, другим миром. Чернецы не слушают: наступают, грозятся отцу Василию, потрясают седыми бородами. Потом из них вышла жена и сказала: «Готовься стать Богородицей». Как же Богородицей, что ты, что ты, хотел сказать ей потрясённый отец Василий. И проснулся.

Проскрипев диваном, он сел и задумался: с чего бы привиделся сон такой странный, несообразный? Нужно будет сходить на могилку, решил отец Василий.

Сна уже не было. Решив попить холодного чайку, батюшка направился на кухню, не зажигая свет. На кухонной стене постукивали часы-ходики. Отец Василий сидел за столом и прихлёбывал мелкими глотками холодный вчерашний чай. Он вспомнил, как, бывало, вот так же сидел ночами за чаем и записывал всякие всячины в тетрадку. Где же теперь эти записи? Много было тетрадок...

— Да, много было, — вслух повторил он.

Случайное чайное воспоминание на миг воротило отца Василия в те молодые и давно ушедшие годы, когда он, сильный, здоровый мужик, ожидал от жизни больше того, что она могла дать. И даже сильнее, чем ноющая боль в ногах и колючая — в спине, уколола его мысль, что теперь он состарился, как и те позабытые давным-давно тетрадки. Отец Василий вздохнул.

— Ну что же поделаешь. Да. Значит, так и надо. Он воротился в комнату. Кошка уснула так

крепко, сердешная, что не слышала его возвращения, как не услышала ухода.

Луна, прежде ходившая где-то за двором, тут заглянула в форточку. Длинной холодной дорожкой дотянулась она до спящей на диване кошки — и вдруг вспрыгнула кошке на самый нос. Кошка мигом открыла глаза: никого... Села. Ах, так это вот кто! И вот сидят, перемигиваясь через отца Василия, ночные подружки. Одна дома, в тепле на диване, вторая на чёрт-те знает какой, недостижимой высоте...

Утром отец Василий, как всегда, положил кошке рыбки на блюдечко.

Покушав, она вспрыгнула на диван. Отец Василий присел рядом и завёл привычный, приятный для них обоих разговор:

— Ну что? Наелась? Заморила червячка? Эх ты! Скоро и ходить не сможешь... кережа заонежская. Экая толстуха. Дай-ка я глазки кошке почищу. Не цапайся. Скоро грязью зарастёшь, не стыдно тебе, а? Что, лучше жить грязнулькой?

«Грязнулькой лучше», — соглашается хитрая кошка. Прижмурив разбойничьи жёлтые глаза, она «топчется»: выпускает острые коготки и тут же втягивает их обратно в меховые тапочки. Из самого естества кошачьего, зарождаясь в глубине глубочайших звериных пещер, неудержимо рвётся наружу низкий, хриплый, булькающий звук...

— Смешной человек — кошка! — убеждённо произнёс отец Василий, поднимаясь с дивана и оставляя кошку с мурлыканьем погружаться в ночь своего происхождения. — Ну, спи-отдыхай.

Поднимался он всегда так: сначала упрёт ладони в колени, наклонится вперёд, а потом одним движением, оттолкнувшись от коленей, разогнётся, и так, чтобы в один приём. А иначе может «вступить в спину». Что уже и случилось за последние годы несколько раз и дважды доходило даже до «скорой»... Причину врачи так и не сумели определить, да отец Василий и не домогался этого: он почему-то знал, что «спина» дана ему за грехи, в первую очередь — похоть очей и похоть ума, и что «спина» отпустит его только перед некоторым важным событием.

Отец Василий оделся и вышел из дому. Во дворе его внимание привлёк серый кот на заборе. Этот кот был известен отцу Василию. Серый похаживал к его толстухе, но кошка

его не подпускала. Отец Василий со всей строгостью погрозил коту пальцем:

— Смотри у меня! Ух!

Кот даже не шелохнулся. Он знал прекрасно, что отец Василий только пальцем грозит, а ни камнем, ни палкой в него не запустит. Добрый человек, безопасный. Можно иметь дело.

День был тихий, почти безветренный. На огородах жгли высохшую картофельную ботву. Отец Василий шёл по дорожке. Он вышел мимо развалившегося клуба к бывшей ферме, пустые окна которой таили воспоминания чужой жизни, миновал скелет забытого трактора, который «комары съели»; поднялся на светлый берёзовый угорышек, спустился с него к бочажине, где утонула собака Чайка в прошлом году, и вышел к полю.

Здесь дорога двоилась. Направо — отцу Василию, налево — к шоссе. Здесь она и окликнула его, та женщина:

— Молодой человек! Не поможете?

Удивлённый, отец Василий повернулся.

Маленькая, тщедушная, ребёнок на руках...

— Вы не поможете? — повторила она.

Отец Василий покорно подставил руки, чтобы принять на них тяжёлую и неудобную для него люльку-переноску.

— Не тяжело? — спросила женщина.

Теперь, когда они были рядом, запах алкоголя, который до сих пор бытовал как предположение, стал реальностью. Запах старый, может, утренний, а может, и вчерашний...

— Не тяжело, — сказал отец Василий. — Не томительно. А вам куда?

— Мне к шоссе, поймаю «грача» какого-нибудь, — пояснила она.

— А ехать?

Она сказала...

Отец Василий искоса подивился на неё: спортивная куртка, тёмные брюки. Прямые волосы висят крыльями, лицо круглое. Он вздохнул. Он знал этих женщин, знал, что у неё, скорее всего, и денег-то нет в кармане... и что спина наверняка загудит потом от такого его «подвига». Ничего, дам крюк, потом тем же путём обратно...

— Стойте, — сказал вдруг отец Василий. — Подержите...

Женщина взяла у него ребёнка. Отец Василий вынул деньги и отсчитал две сторублёвки:

— Вот, возьмите...

Женщина отскочила назад, как будто он протягивал ей змею или мышь.

— Берите, не бойтесь!

Почти силой всучил ей эти бумажки, снова завладел заплакавшей люлькой и зашагал к шоссе, оно уже показалось впереди.

— Офигеть, — женщина шла рядом, поспевая за его размашистыми шагами. — Какие люди бывают... Вы не бедный, да? Я отдам. Я двадцать шестого... Запишите мой телефон!

— Не надо отдавать. Вы лучше вот ребёнку что-нибудь купите! Кто у вас?

— Дочка, — с гордостью сказала она, — Оля... Она вообще-то девочек любит. А у вас спокойная.

Отец Василий взглянул на неё с некоторой приязнью: сама ещё девчонка, на вид больше шестнадцати не дашь. Ну и дела...

— Муж-то есть у вас?

Они приближались к шоссе. Гул пролетающих автомашин уже разделял их, глушил отдельные слова, а другие слова вырывал из контекста.

— Есть. Он меня бросил! Козёл. Вот какие мужики бывают.

— Мужики разные бывают... Ну, ловите машину.

— Я верну, — ещё раз сказала женщина, опять обдав его «букетом» из вчерашнего сада. — А может, вам...

— Ничего не надо, — предугадал её отец Василий. — Смотрите, едет кто-то!

Он посадил её на заднее сиденье и подал люльку с ребёнком:

— Счастливого пути! Молодой человек, вы потом помогите ей выйти, пожалуйста.

— Само собой, — водитель бросил беглый взгляд назад.

— Офигеть, — повторила женщина.

Отец Василий смотрел вслед отъезжающей машине... Потом сошёл с обочины вниз и пошёл по своему делу, от которого эта птица отвлекла его своим птенцом, как отвлекает птица собаку от настоящего гнезда.

Сбоку от дороги шёл лес, небольшой, смешанный. Воронье царство. Сидящие на деревьях вечно недовольные вороны, как обычно, обсуждали демократию в стране. Заодно обсуди-

ли проходившего внизу отца Василия и его несутветную глупость. Отец Василий не обиделся. Нескончаемый вороний грай сегодня воспринимался как тишина и не мешал думать.

В тишине подошёл он к цели своего путешествия. Вход к могилке был закрыт коротенькой цепочкой. Отец Василий снял цепочку, снял шапку и вошёл.

Волосы, не скреплённые резинкой, сразу же вздыбило ветром. Отец Василий не стал оправлять волосы. Какой есть, такой есть. Не спеша, чтобы не позабыть чего, он обстоятельно рассказывал ей обо всём, что случилось в жизни с прошлого его прихода. Окончив рассказ, вооружился метёлочкой и чисто, аккуратно подмёл у могилы. Сор собрал и вынес к ящику для мусора, стоящему отсюда метрах в двадцати. Вернувшись, отец Василий уселся на маленькую скамеечку. Сложил руки на коленях... Не мешало бы оградку покрасить. Да и столики... Краски осталось там.

А ведь не было у него лучше слушателей, преданнее последователей, чем женщины, подумал он вдруг. Не бросили его, даже пред лицом смертельной опасности. Не предали, как Пётр. Не продали, как Иуда. Были у креста на страшной Голгофе. Первыми узнали о чудесном воскресении. Не спрашивали, не спорили, не соперничали и не искали: просто жили вокруг него, как живёт смертная природа вокруг солнца, дающего жизнь. Такова женская любовь. Самая чистая, искренняя, самая правильная, будь то любовь к своим детям или к мужчине. Женщина не того же ищет, что и он. Ей нужно, чтобы мужчина дал ей понятие о самой себе, дал форму и цель тому естественному чувству, которое составляет суть и смысл жизни.

Раньше отец Василий не думал так. А теперь ему только и оставалось, что думать. Думать о том, что не случилось и уже не случится. Никогда.

Пришло на память, как однажды, ещё в молодые годы, они заспорили: кем в действительности была Баба Яга? Да... Отец Василий рассмеялся... Как бы в оправдание он сказал:

— Вот такие они, дела-то наши. Я пойду?

Поднялся неосторожно и почувствовал острый укол в поясницу... Почему-то одновременно с этой болью вспомнилось ещё, как хо-

дили они вдвоём по грибы. Он припозднился. Подходя к опушке, увидел её там, стоящую в ожидании... И она тоже увидела его, и побежала навстречу, размахивая руками...

Отец Василий закашлялся и стал хлопать себя по загривку: вот тебе, вот, старый осёл...

Лёгкое осеннее небо стремительно обтекло кладбище и лес. Солнце едва горело под облаками, как сквозь вату. Было так тихо, как бывает в середине осени за городом.

— Ну, пошёл, — отец Василий надел шапку.

По обычаю, коснулся памятника рукой. Вышел, вернул на место цепочку. Посмотрел ещё напоследок — всё ли в порядке? Деревья над головой зашумели, к самым ногам упала обронённая рябиной ветка. Не зная зачем, отец Василий поднял ветку. Иззубренные листочки горели пятнами. Сухих больше половины... Ну, ладно.

Так, ветка в руке, он и пришёл домой. Позвал с порога:

— Кис, кис... Коша!

Никто не отозвался. Отец Василий набрал в вазу воды, поставил ветку в воду: сколько-нибудь постоит! Он отнёс вазу в комнату, на стол.

— Кошка! Иди, дедушка рыбки даст!

Тут он увидел форточку, открытую, и догадался, что его кошка ушла гулять с серым котом. И запрыгнула же, толстуха, удивился отец Василий...

Ночью он сидел на диване, сложив на коленях руки, и смотрел в темноту. Темнота, и дом, и сухая ветка рябины, капанье воды на кухне, диван, и стук часов-ходиков, и даже кошка, всё, абсолютно всё было Бог. С восторгом, с удивлением подумав это, отец Василий увидел, что и он сам тоже есть всё это: и сухие листья, и часы, и даже, как ни странно, диван.

Он в эти минуты находился как будто внутри своего чувства, и даже казалось, что оно исходит не из него, а пришло откуда-то извне, чтобы охватить и одеть отца Василия огромным и тёплым куполом. Это чувство было то, которое отец Василий всего несколько раз за свою жизнь, исполненную сомнений, болезни и суеты, неустроенного быта, мог узнать и пережить со всей полнотой, несколько раз и в разные годы. Оно было то же самое, что тогда, на прогулке с отцом, когда с замиранием и восторгом

мальчик смотрел в звёздное небо. Это чувство было благоволение и любовь. Любовь ко всему, что есть в мире. Абсолютное согласие. Сейчас, впервые за всю жизнь, отец Василий узнал, что даётся взамен отшумевших страстей и борений, когда подошла осень года и догорает, как рябина, остаток отпущенного тебе имени на земле. Знал, что это и есть то, самое главное, к чему он шёл кривотолками и буераками, блудя и теряя себя, чтобы в конце блужданий найти уже окончательно. Потому что главное в человеке — не то, что горит, главное — то, что осталось, когда всё догорело. Он нашёл то, что всегда знал, отыскал то, что всегда было, а теперь и останется здесь, уже навсегда.

Отец Василий лёг, не помолившись. Он почему-то знал, что сегодня это не нужно, знал, почему не болит спина и почему ноги оставили своё привычное надоедливое нытьё. «Томительно», — повторил отец Василий занятное слово и улыбнулся в темноте тому, кто видел, как он улыбается.

Сухая ветка на столе вполголоса шелестела, осыпая одну за другой фразы на языке, который с каждой минутой становился ему роднее и понятнее. Когда часы-ходики запнулись и замолчали на кухне, отец Василий уснул.

Добрая жёлтая луна заглянула в форточку и огорчилась, не застав подружки. Она присмотрелась к неподвижному отцу Василию, охладела к нему и одним махом, пулей

взлетела выше забора, выше деревьев и застыла в синеве, маленькая, белая.

Рябина сыпалась. Листья падали на стол, на пол, разлетались по комнате. Когда поутру вернулась домой нагулявшаяся кошка, они были уже повсюду...

Маленькая ветка — и столько листьев.

2013

Примечание автора

Лексика XIX века цитируется по изданию: Ю. Н. Кожевникова «Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII — начале XX в.», Петрозаводск, 2009 г.

В рассказе также использовано просторечие жителей Заонежья:

«скудоумиться» — обижаться, дуться;
«пясть» — пятерня, пригоршня;
«вскобыхнуть» — потревожить, задеть;
«кережа» — толстое и неповоротливое существо (человек, животное).

□

Андрей Иванович ТЮКОВ

родился в 1959 году.

Окончил факультет иностранных языков КГПИ. Преподавал

английский язык в школе,

а затем и в вузах Петрозаводска.

С 1993 года работает в ГТРК «Карелия»

(режиссёр, редактор интернет-вещания).

Пишет прозу и стихи на русском и английском.

Живет в Петрозаводске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Диана АРЕХАНОВА*г. Санкт-Петербург**Жёлтые хризантемы
на сером песке**рассказ*

Одним из преимуществ жизни в спальном районе является удивительная возможность — узнать о большинстве городских событий, просто прогулявшись от ближайшей станции метро до дома. Весь ассортимент развлечений в виде объявлений или листовок ловко расклеен на щитах, помещён в высокие рекламные кубы, растиражирован в обрывках районных газет. Жителю нередко остаётся лишь с сожалением оглянуться и вспомнить, что в этом месяце он уже поиздержался, засидевшись с друзьями в каком-нибудь эксклюзивном месте, рассчитанном, как и десятки ему подобных, исключительно на утончённую богемную публику.

Но Маша не привыкла оглядываться. Утром она торопилась попасть в метро до того, как оно станет чересчур переполненным, а поздно вечером хотела лишь поскорее прийти в тёплую квартиру и побыть в тишине. Конечно, как и большинство девушек ее возраста, а Маше не минуло ещё и двадцати

пяти, она любила повеселиться и беззаботно покутить, но никогда не посещала мероприятия, о которых назойливо пытались сообщить встречные афиши.

Этим вечером, спрятавшись под навес от дождя, она ждала автобус. После утомительного дня кружилась голова и не было сил пройти пешком привычные две остановки. Присев на жёсткую металлическую скамейку, она подумала, что у белой ночи есть один плюс: не важно, в какое время и в какую погоду возвращаешься домой — все равно всегда кажется, что не слишком поздно, — теряется ощущение времени. Сейчас небо окрашено в те же тона, что и днём, когда дождь усиленно бил в окна мансарды, воскрешая из всего миллиарда мыслей, когда-либо возникших в голове, самые тревожные и страшные. Все эти мрачные полутона еще три часа назад выражали безысходность, а в девятнадцать сорок пять — уют, словно дождь берет на руки и баюкает.

Маша достала из кремового клатча смартфон и решила, что слишком долго ждёт транспорт. «Что ж, прогуляюсь под дождём», — подумала она и поправила воротник джинсовой куртки так, чтобы ни одна капелька не попала за шиворот. Она вышла из своего укрытия, и в этот же момент из-за угла показался автобус с табличкой, указывающей маршрут. Временные обитатели остановки, дожидавшиеся этого номера, оживились и стали продвигаться вперёд, стараясь поскорее скрыться от непогоды в автобусе.

Несколько капель дождя все-таки попали за воротник, и Маша поёжилась. Автобус закрыл двери и уехал, а она посмотрела вслед и произнесла вслух, чтобы запомнить и на этот раз точно не пропустить: «20 июля...»

В июле 2005 года Маша впервые приехала в Санкт-Петербург вместе с мамой и одноклассницей Таней. Девочки только-только окончили десятый класс, им нужно было набраться сил для последнего судьбоносного рывка, который предстояло совершить через год. К тому же был и повод для путешествия: в начале июня умерла Машина бабушка и оставила единственной дочери двухкомнатную квартиру. Поскольку процедура вступления в наследство требовала определённого времени, было решено, что в поездку в качестве компаньонки отправится соседка и одноклассница Таня.

Пока Машина мама проводила часы, общаясь с нотариусами и другой юридической братией, девочки беззаботно гуляли по Летнему саду и дворам-колодцам. Обе они собирались поступать именно в петербургские вузы, поэтому принялись знакомиться с городом, прикидывая, каково это — существовать в его границах. Частенько они просто подходили к схеме метрополитена, вывешенной на стене вагона, и, закрыв глаза, наугад тыкали пальцем в разноцветного паука, потом доезжали до выбранной станции и пытались изучить ее достопримечательности, даже если это был ничем не примечательный «Парнас».

В один из дней после длительной прогулки в районе Купчино длинный ноготок Машиного пальчика с полустершимся лаком попал

в точку под названием «Горьковская». Через двадцать минут подружки оказались на перроне строгой гранитной станции. Поскольку ничего любопытного в дизайне вестибюля не было, они, не задерживаясь, вышли в город.

Обратив внимание на странную форму летающей тарелки самого здания метрополитена, девочки стали обдумывать дальнейший маршрут прогулки. Совсем близко в солнечных лучах вспыхнул золотом полумесяц мечети, а следом раздался протяжный и волнительный призыв на молитву.

— Ты когда-нибудь видела мечеть? — спросила Таня.

Маша отрицательно покачала головой.

— Давай тогда пойдём посмотрим!

Ориентируясь на минарет, Маша и Таня поспешили к зданию через небольшой парк и очень быстро пересекли его. К их удивлению, перед ними открылся путь к Петропавловской крепости. Они переглянулись, пытаясь уличить друг друга в нарушении маршрута.

— Раз так вышло, то пойдём на пляж Петропавловки, — решила Маша.

— Только сначала купим мороженое, — поддержала Таня предложение подруги.

Пляж не произвёл должного впечатления. Избалованным белыми рассыпчатыми песками Крыма и элегантными камушками Кавказа, девушкам не пришёлся по душе грязно-серый колючий, перемешанный с гравием порошок центральной набережной — слишком уныло для словно посыпанной бриллиантовой пудрой реки. Скучные и ленивые горожане, распластавшиеся вдоль стены и мимоходом вззирающие на редких рыбаков, с самым серьёзным видом гипнотизирующих неподвижные поплавки. Привлекает лишь большой вытянутый плакат, на удивление скромный в своей расцветке. Впрочем, огромные незатейливые печатные белые буквы смотрелись нарядно, а слово «фестиваль» готовило к чему-то праздничному и фееричному.

Билетов в кассе не было. Оказалось, девочки пришли за день до официального открытия фестиваля песчаных скульптур. Тем не менее их пустили посмотреть на работы мастеров, пытающихся в последние часы превра-

тить свои скульптуры в хрупкий памятник совершенству.

Немногочисленные посетители не мешали друг другу, поэтому подруги неспешно осматривали будущую экспозицию. Они учились в художественной школе, оттого, наблюдая за тем, как авторы придают своим работам особый лоск, заключающийся в невольной печали, которую всегда вызывает последний стежок в вышивке или финальное слово в рассказе, бережно пытались примерить на себя чувства творцов, как дорогое платье *haut couture*.

Многие скульптуры были резки, выражали непокорность, словно тихий песок напоминал о том, что никакие вода, ветер и огонь не помешают ему, если понадобится, завоевать мир. Какие-то, напротив, были слишком смиренны для заявленной темы «Время»: большие часы без стрелок, словно приклеенные к небольшой горке, понурый старик и младенец и просто разбросанные кучки крашеного песка, утверждавшие бренность всего сущего и будущий ядерный взрыв.

Таня вздыхала и пишала над каждой из них, чем вызывала улыбку у безмолвных творцов, естественно, не догадывавшихся, что ее могла восхитить любая вещь чуть ярче тетрадного листа. Маша осматривала более придирчиво, сравнивая свои ассоциации к слову «время» с представленными работами. Она ни с кем не могла сойтись во взглядах. Да, возможно, это поверхностное мнение, но для неё, как и, наверное, для большинства людей, время — это всего лишь течение жизни, которое как-то соотносится с тем, что, может быть, существовало до ее рождения и произойдет после смерти. Старик и младенец — это слишком просто, ведь они оба живы. А вот эта композиция — две фигуры: страшный скелет с остатками одежды, кожи, мышц — настоящий французский транжи, и трепетный юноша, — стоящие, как стражи, возле арки, внутри которой длинноволосый художник тщательно прорисовывал разноцветные вспышки на темном фоне, были сделаны словно по ее, Машиному, эскизу.

«Франсуа Бутонна. Бенуа Кассар. Франция», — сообщала маленькая табличка на ве-

рёвочной ограде. Эти имена ничего не сказали Маше, и она снова стала внимательно изучать композицию. Незаметно подошёл соавтор работы, и из их невнятного разговора двух мужчин девушка поняла, кто из них кто. Когда мужчины повернулись в ее сторону, она с разочарованием отметила, что Франсуа, несмотря на всю творческую эйфорию, молодость, длинные льняные волосы и хулиганский вид, — мужчина около сорока лет, с глубокими морщинами на переносице и нездорово одутловатым красным лицом. Словно не замечая ее, он взял банку с золотисто-жёлтой краской и начал прорисовывать силуэт юноши.

Маша от удивления со всей силой сжала кулаки. Она испытывала чувство непонятного восторга и вместе с тем ужаса: как смог другой человек сделать все в соответствии с ее невольной задумкой. Все это слишком прекрасно для серого песка и человеческих рук.

Когда к ней подскочила Таня, она позволила увести себя, девочки съели ещё по мороженому, а потом, подходя к метро, Маша невольно расплакалась. Она вдруг ощутила, что сейчас кто-то, для кого мир окрашен в те же цвета, что и для нее, навсегда исчезнет, не узнав, что сумел подарить ей чувство радости исполненного замысла и сопричастности его творению.

— Я должна ему что-то подарить в ответ, — пробормотала Маша и, отбившись от подруги, бросилась в сторону ближайшего ларька со всякой мелочёвкой. Не задумываясь, она купила маленького плюшевого единорога и побежала обратно на выставку.

Франсуа стоял неподалёку от своей скульптуры и давал интервью местному каналу. Маша замерла около песчаного юноши, чтобы не привлекать к себе внимание, и принялась разглядывать песок под ногами: она никак не могла поверить, что этот ничем не примечательный материал смог превратиться в ее фантазию.

— Вы что-то хотели? — обратился к ней кто-то по-английски.

Маша подняла глаза. Перед ней, нахмурился лоб, стоял Франсуа.

— It's for you! — пролепетала она, протягивая игрушку.

— Merci!

Художник улыбнулся в ответ и слегка погладил синтетическую гриву. Маша покраснела и на плохом английском неожиданно для себя обронила:

— Я приду в следующем году.

— Я буду ждать.

Через год Маша снова приехала в Петербург. На этот раз дни были наполнены не бессистемными прогулками, а утомительной до дурноты зубрёжкой и пузырьками валерианы. Когда она выходила на улицу, чтобы сдать очередной экзамен или немного расслабиться, то беспрестанно высматривала хотя бы маленькую рекламку с датами фестиваля песчаных скульптур и очень боялась, что он начнётся как раз в те дни, когда она не сможет с чистой совестью сбежать на пляж, а будет вынуждена находиться в холодной аудитории или под маминым присмотром. Когда наконец-то на остановке около метро появилась афиша, оказалось, никаких препятствий не предвидится.

Накануне даты официального открытия Маша отпросилась у мамы погулять под простым предлогом: в ожидании результатов вступительных экзаменов ей очень хочется побыть одной, чтобы побороть все свои страхи.

Конечно, она хотела одеться, как подобает настоящей музе: легкое шифоновое платье, босоножки на высоченных каблуках, но пока не могла осмелиться на такое хотя бы потому, что во всем этом ей было некомфортно и это могло вызвать лишние расспросы. Поправляя перед зеркалом розовую футболку, она приходила к выводу, что и так ведет себя слишком глупо: «Ладно. Если он меня не узнает, просто подарю ему цветы или не буду дарить. Принесу маме...»

В цветочном магазине Маша купила изящный букет из жёлтых хризантем, напомнивших ей звездопад. Подходя к пляжу, она еще раз поправила шнурки на кроссовках, натянула кепку на глаза и вдохнула еле

уловимый аромат цветов: «В конце концов, пока не начался дождь, я обязательно должна попасть туда!»

На этот раз она не останавливалась перед каждой скульптурой, размышляя о том, насколько автор сумел раскрыть тему конкурса и как его шедевр соотносится с ее виденьем окружающей реальности. Она упрямо искала именно Франсуа и не позволяла себе думать о том, что кто-то другой вместо него мог приехать от Франции. И правда: изобразить такую скромную русалку, запутавшуюся в собственных волосах и серых песчаных волнах, мог только он.

Маша тихонько подошла поближе и окликнула художника. Франсуа повернулся в ее сторону и смущенно улыбнулся, заметив цветы.

— Ma cheri, Mari! Вы все-таки пришли, — он обратился по-английски, хотя девушка заметила, что этот язык ему не очень приятен, словно подгоревшая каша. Зато ей очень понравилось, как он особо програссировал ее имя (увы, лишь через много лет она узнает, что это был редкий парижский говор).

Маша кивнула и протянула букет, добавив, что весь год ждала этого дня, ибо это была маленькая тайна, лелеемая вопреки всем правилам жизни, которые она сама для себя придумала, записала и повесила напротив кровати, дабы повторять как можно чаще. Естественно, произнесены были лишь несколько лаконичных предложений на школьном английском.

Франсуа вопреки опасениям не высмеял ее. Он осторожно дотронулся до лепестков, вслух сравнил их со звёздами, оказавшимися на земле после звездопада. Потом подошёл к скульптуре и, оторвав соцветия от стеблей, украсил ими волосы русалки.

— Один для меня, — мужчина осторожно вдел цветок в узкую петлицу джинсовой куртки. — Вы не обидитесь?

Маша покачала головой. Цветы жаль, но лучше завянуть как частица красоты, чем просто в вазе, — это ясно любому, кто хоть раз создал что-то, повинувшись вдохновению.

— Мне пора. Меня ждут. — Совершенно

некстати завибрировал мобильный телефон в Машинной сумочке.

- Приходите в следующем году.
- Приду.
- Я буду ждать вас, Мари.

В следующем году Маша не пришла. В ее жизни произошло чересчур много изменений, с которыми она не могла совладать.

Оказалось, вопреки всем задумкам, она не может жить одна и справляться с когда-то загадочными трудностями жизни взрослой женщины. Первая любовь принесла не обещанные романтичными фильмами радости, а лишь делёж комода, купленного на ее же деньги. Учёба выматывала и доводила до слез: ботаника на деле оказалась интереснее и сложнее, чем в учебниках, а сопутствующие дисциплины надоедали своей поверхностностью и чрезмерной обязательностью. Даже во время практики, изучая с новыми друзьями природу Ленинградской области, она не переставала нервничать. Это было словно навязание, которое не смогли растопить ни южное солнце, ни мамыны поцелуи...

Маша не приходила семь лет. Каждый год осенью и ранней весной она давала зарок посетить пляж Петропавловки за день до открытия фестиваля и повидаться с Франсуа, но отвратительная и трусливая сила обстоятельств побеждала.

Собственно, она почти и не вспоминала о мимолетном знакомстве. Конечно, она рассказала про Франсуа своим друзьям, называя его не по имени, а ласковым прозвищем «мой художник». Проговаривать вслух слово «мой» было особенно приятно: оно придавало воспоминанию особую таинственность, интимность, о которых при всем желании невозможно сказать и слова без банальности.

Она не догадывалась (или, может быть, не признавалась себе), что галантное обещание этого загадочного мужчины оказалось маленьким маяком, пробивающим звёздно-жёлтым светом траурную ночь, ведь в любой момент, когда она забывалась от грусти, тихий картавый голос напоминал: «Я буду ждать вас, Мари...»

Однажды наступило лето, когда у Маши не нашлось оправдания, чтобы не прийти на выставку. Еще дома она решила, что принесёт, как тогда, букет жёлтых хризантем и расскажет ему, что теперь она не та глупышка и может говорить с ним свободно. Да, она подарит именно жёлтые хризантемы, которые к тому времени расцветут в оранжевое и, может быть, оправдают надежды на новый сорт, выведению которого она посвятила семь лет...

20 июля, как и положено знаменательной дате, подкралось незаметно.

Маша шла нарочно медленно вдоль кордона из афиш, навязчиво зазывающих на выставку. Ей хотелось воскресить ощущения того первого дня, когда она впервые узнала, что даже серый песок может легко превратиться в золотой, если с ним любовно работать, но сегодня все вокруг противилось этому. Если семь лет назад дул прохладный ветерок и солнце красовалось в облаках, то сейчас – пасмурно, накрапывает дождь. Хризантемы не покорились уловкам селекции и пока были не такими, как мечталось.

Все было совсем другим. Раньше никто так сюда не зазывал, как в нищий цирк шапито, а жесткие ремешки босоножек на тонкой шпильке не впивались в кожу с ненавистью орудий инквизиции. Один большой обман.

Маша застыла у входа. Всего лишь мгновение – и рубикон будет перейдён. Она решительно направилась на поиски участников от Франции, но с каждым шагом ее планы рушились. Как царь Эгей, она вглядывалась вдаль и не позволяла суетным мыслям тревожить душу. Внезапно Маша подумала, что сказанное семь лет назад было лишь следствием эмоций. На деле и обещания не было. Лишь красивые слова. Никто ее не ждал и не ждёт: вот и французский участок, а табличка гласит, что нет здесь ни Франсуа, ни Бенуа.

Девушке стало очень стыдно за все свои фантазии и глупый сентиментальный порыв, недостойный взрослой женщины. Наверное, ее неловкость заметили все, поэтому надо срочно ретироваться. В жизни ведь всегда есть место побегу.

Взволнованная, она резко развернулась в сторону выхода, отбросила цветы, столкнулась с каким-то мужчиной и, не взглянув на него и не извинившись, быстро покинула выставку.

Мужчина пожал плечами и поднял хризантемы. Это была исключительная удача, последний штрих к скульптуре. Он прошел в глубь выставки и снял легкое проволочное ограждение с табличкой «Франция. Франсуа Бутонна и Бенуа Кассар». Бенуа сверился с эскизом и тяжело вздохнул. Он ещё не привык работать один, но в этом году не захотел примкнуть к своим соотечественникам, предпочтя сольное выступление в память о Франсуа. Он знал, что никому больше тот не доверил бы воплощение своего последнего проекта. Как все-таки жестоко поступила смерть: пришла и забрала его за месяц до долгожданной выставки, о которой он бредил каждый год. Словно не могла чуток опоздать. Однако уже ничего не поделаешь... Бенуа вздохнул и отошёл на несколько метров от скульптуры: «Как Франсуа назвал эту зверюшку? Мари. Точно, Мари! Удачи тебе, Мари. Замечательно получилось, хоть и вопреки

планам. Франсуа был бы доволен». Кто-то из журналистов подошёл к нему с просьбой дать интервью. Бенуа откликнулся и отвернулся от скульптуры.

Огромный единорог из серого песка с гри-вой, украшенной ярко-жёлтыми хризантемами, снова остался один.

□

Диана АРЕХАНОВА

родилась в 1989 году в Ленинграде.

Пишет прозу.

*Публиковалась в журнале «Аврора»,
коллективных сборниках и альманахах,
автор книги «Интеллект Макиавелли» (2012).*

Работает в СПбГУ.

Лауреат конкурса «Северная звезда»-2013 в номинации «Проза».

Живет в Санкт-Петербурге.

В журнале «Север» публикуется впервые.

**Борис
ОРЛОВ**

г. Санкт-Петербург

* * *

Давай поговорим с тобою, ветер, —
Бездомный странник, ты меня поймешь.
Скрипит крыльцо: один на белом свете.
Поля пусты. В амбарах сохнет рожь.

Я многих потерял и многих встретил.
Пел: «Жора, поддержи мой макинтош...»
Давай поговорим с тобою, ветер, —
Ты разговор по свету разнесешь.

И встречи, и разлуки не случайны.
Пустой стакан. Измятая кровать.
Я знаю: ты хранить не можешь тайны...
Поговорим — мне нечего скрывать!

* * *

Листопад планирует во рвы,
Ветер — и надсмотрщик, и погонщик.
Самородки золотой листвы
Намывает дождь в осенней роще.

На реке и в поле — пустота,
На приколе и скирда, и катер.
Отречение ветки от листа.
В октябре дождь — золотоискатель.

Борис Александрович ОРЛОВ

родился в 1955 году в деревне Живетьево Ярославской обл.

Окончил Высшее военно-морское
инженерное училище имени Ф.Э. Дзержинского (1977)
и Литературный институт имени А.М. Горького (1985).

Капитан 1-го ранга.

Автор 17 книг стихов.

Лауреат Большой литературной премии России,
Всероссийской премии имени Николая Гумилева,
Международной премии имени Сергея Михалкова и др.

«Листопадом округу накрыло...»

* * *

Потяжелел октябрьский день —
Завалы на пути.
Я так устал, что даже тень
Мне тяжело нести.

Над лесом крики воронья.
Нелегко путь земной.
Хотя устал, но тень моя
Пока еще со мной.

* * *

Ароматы дачного букета.
В бане — жаркий пар, холодный квас...
Мы легко проходим мимо лета,
Но оно цепляется за нас.

Убегают месяцы и годы,
Оставляя мимолетный след.
Ищет жизнь согласия с природой,
Без природы — суета сует.

* * *

Ночь. Бессонница. Сыро и стыло.
Лунный свет. По углам — полумрак.
Листопадом округу накрыло,
Льются листья водою в овраг.

И душа — слезы льются! — промокла.
Для чего я живу? Что за цель?
А луна?! Ей бы лазить по окнам
Да заглядывать в каждую щель.

И в реке, беспокойной и мутной,
Отразился свет, как на ноже.
Надоела луна... Неуютно
От нее на промокшей душе.

Ночь — для слез, а совсем не для песен.
Для чего я живу — где ответ?
Окна дома туман занавесил,
Но с небес заструился рассвет.

* * *

«Хотя и трудно жить, но жизнь проста», —
Ты говоришь. И хочешь вдаль уехать.
Когда в пространстве — только пустота,
К тебе не возвратится даже эхо.

Бессонница. А Млечный путь, как брошь,
Блестит над крышей дряхлого сарая.
Кого ты ищешь? И чего ты ждешь?
Где пустота — нет ни конца, ни края.

* * *

Дерево возле подъезда хромое.
Снег во дворе.
Узкая щель между тьмою и тьмою —
День в декабре.

Ветер снежинки и крутит, и вертит.
Дерева скрип.
Узкая щель между смертью и смертью —
Жизнь словно всхлип.

* * *

Порвала нить Ариадна:
Под ногами — грязь да камни.
Грустно. Пасмурно. Прохладно.
Небо плачет облаками.

Кто-то спит, а кто-то манит
Вдаль. Помрешь легко и тихо.
Осень — лабиринт в тумане:
Не всегда найдется выход.

* * *

Сонная роща. Мороз.
Стынет в снегу бересклет.
Словно из сопел, из звезд
В ночь вырывается свет.

Кто мы? И где колыбель
Наша? Истоки — во мгле.
Снегом укрыла метель
Наши следы на земле.

Пеплом сугробы легли
Возле кладбищенских плит.
Как с космодрома, с земли
Небо уходит в зенит.

Не разгадать до конца
Черного неба секрет.
Испепеляет сердца
Звезд улетающих свет.

* * *

Бродил меж фонарей и меж зеркал,
И отражалось, и старело тело.
Я каждый день к бессмертью привыкал.
Когда привык, бессмертье надоело.

Душа из тела просится в полет.
И улетает в космос незаметно.
Но смертен человек, пока живет.
Когда умрет, уже не будет смертным.

Александр ЕРШОВ

г. Петрозаводск

Бывает, что летает во сне человек.

Бывает, что он во сне проживает
целую жизнь за одну ночь.

Бывает...

А бывает, что он во сне вновь видит то,
что еще совсем недавно видел наяву...

Долго не мог начать писать о прошлогодних нашей с Леной блужданиях по Балканам,

и не только по ним, и не мог понять:

почему у меня так все как-то ничего не получается?

Потом понял: посетить четыре страны меньше чем за месяц,

увидеть множество необычных мест и познакомиться

со множеством интересных людей –

это все надо переварить.

Никогда в таком жестком режиме мы с моей женой еще не ездили.

И помогли мне все разложить по полочкам памяти именно сны.

Только с их помощью

я смог как-то уложить в голове все,

что видел, что слышал, что узнал...

Удивительная Черногория, несчастная Албания, растерзанные Босния
и Герцеговина, загадочный и прекрасный итальянский юг...

Приятно грезить об увиденном...

Подгорица

Сутоморе

Бар

овац

Велика пляжа

Ульцинь

о прошлогоднем лете

СОН ПЕРВЫЙ. АД ДОМОДЕДОВА

Залы и коридоры аэропорта Домодедово. Жара. Толпы людей. Несмолкаемый говор, который уже надоевшей барабанной дробью отдается в ушах.

До вылета три часа. Чемоданы сданы, паспортный контроль пройден. Остается только болтаться в этом шумном людском болоте и с нетерпением поглядывать на часы: ну когда же посадка? На табло выходы к нашему самолету меняются в третий раз. Согласно этим указаниям мы мотаемся то в один конец зоны вылетов, то в другой. Душно!

И вот мы находим выход, у которого уже стоит группа пассажиров, как и мы, жаждущих занять свои места в салоне лайнера и помчаться в сторону благословенного Адриатического моря.

Мы в самолете. Привычные инструкции бортпроводников на случай аварийной посадки, приветствие командира экипажа... Все – мы взлетаем.

Под нами Домодедово. Делаем круг, ложимся на курс...

Через три с небольшим часа нас будет встречать Черногория – солнечная, украшенная ласковым морем и красивыми горами.

Осталось совсем немного.

СОН ВТОРОЙ. ЗНАКОМСТВО С ПЕРВЫМ ЧЕРНОГОРЦЕМ

Люблю сидеть в самолете у иллюминатора. Когда летишь днем – яркое солнце над причудливо расположившимися облаками завораживает. При посадке жадно вглядываешься в открывающиеся с огромной высоты виды. Земля, когда любишь ее сверху, и земля, по которой ходишь, едешь или плывешь по ее морям, – это совсем не одно и то же.

Под нами аэропорт Тиват.

Надо сказать, что в Черногории всего два международных аэропорта: в Тивате, куда мы прилетели, и в Подгорице, столице страны. Оба они совсем небольшие. Тиват даже работает не круглосуточно, лишь с шести утра до половины восьмого вечера, пока светло.

Именно поэтому – в силу небольшой пропускной способности – пассажиров просят приезжать на вылет пораньше, чем в других европейских аэропортах.

Но, тем не менее, пока черногорские международные воздушные ворота с ежегодно увеличивающимся пассажиропотоком справляются. Кстати, из-за невеликих размеров аэропорта в

Тивате в зоне вылета нет даже кафе, поэтому пассажирам выпить чашечку кофе или бокал вина в ожидании посадки негде.

Итак, сели.

Мы в Черногории. В Тивате. В городе древнем – первые поселения здесь возникли в третьем веке до нашей эры – и в основном туристическом центре Черногории. Отсюда начинаются практически все маршруты по этой удивительно красивой стране.

В аэропорту нас должен был ждать таксист Милан. Так мы договаривались с девушкой-менеджером, которая арендовала для нас апартаменты в поселке Бечичи. Милана нет ни в зоне прилета, ни у выхода из аэропорта. Лена начинает нервничать, а я начинаю названивать девушке-менеджеру. Она говорит: «Стойте у кафе аэровокзала, сейчас я его найду». Стоим. Милана нет. Звоним еще раз девушке. Она удивляется: «Как нет? Должен быть. Стойте!»

Наконец появляется молодой, никуда не спешащий парень с приветливой улыбкой на лице: «Привет! Милан – это я!» Я пытаюсь выяснить – где же это он пропал полчаса, но бесполезно. Парень лишь пожимает плечами и симпатично улыбается. Хотя, как выясняется чуть позже, русским языком Милан владеет изрядно. Как практически все здесь, кто имеет хоть отдаленное отношение к туристическому бизнесу.

Милан – типичный сын черногорского народа: спокойный, доброжелательный, лениво-медлительный. Чемоданы в багажник он загружает не спеша, обстоятельно, не переставая улыбаться. «Поехали?» – вопрошает он и предупредительно распахивает перед Леной двери авто.

Вскоре мы едем по улочкам Тивата. Красиво и спокойно.

– Черногория ведь в югославской войне не участвовала? – спрашиваю я Милана.

– Нет, мы не воевали. Официально не воевали, – охотно отвечает таксист. – Но многие мои знакомые шли в сербскую армию, участвовали в боях. – Он помолчал немного. – Сербам надо было помогать обязательно. На них все накинута, дома, школы, церкви разрушали, детей, стариков убивали, священников убивали. А они же наши православные братья. Мы с Сербией до конца были. Беженцев из Хорватии и Боснии принимали, устраивали, лечили. – Он опять помолчал. – Война – это страшно. Особенно если она без правил велась.

– Это как: без правил?

– Сербам то одно обещали, то другое, чтобы

они не вели боев. Сербы верили, переставали воевать, а на них нападали и убивали. Надо было им помогать...

Черногория была с Сербией до конца. В период этой жуткой братоубийственной бойни, что началась с подачи США и Запада, когда от Сербии отходили одна республика бывшей Югославии за другой, Черногория с 1992-го по 2003 год входила в государство Малая Югославия (Черногория и Сербия). Затем сербы и черногорцы создали еще одно государственное образование: Государственный Союз Сербии и Черногории, который просуществовал до 2006 года.

Потом инициаторам югославской войны все же удалось превратить Черногорию в самостоятельное государство, оторвав и ее от Сербии. Они посулили международную помощь. Но посулы так и остались посулами. Туризм и сельское хозяйство – вот сегодня практически и вся экономика Черногории. Пятнадцать процентов населения – безработные. Доходы черногорцев очень низкие. Средняя зарплата в Черногории в 2013 году составляла на наши деньги примерно 20 000 рублей. Поэтому, уже не надеясь ни на какую западную помощь, черногорцы стараются как можно больше денег заработать во время туристического сезона. Инженеры, врачи, экономисты, преподаватели школ и вузов работают официантами, таксистами, гидами, грузчиками, сдают свои дома приезжим, чтобы хоть как-то обеспечить себя деньгами на зиму. Об этом мне рассказывал не только Милан, но и наш хозяин Бранко, священник отец Осия, экскурсоводы...

СОН ТРЕТИЙ. ПИРАТСКАЯ ЦАРИЦА

Мы катим по улицам Тивата. «Тиват... – говорит Лена. – Какое странное название у города. Почему он так назван?»

Милан хитро улыбается и отвечает: «Это по имени нашей пиратской царицы». «Пиратской царицы? – округляет глаза моя жена. – Это как?» «А здесь пираты с древнейших времен своим промыслом занимались, – говорит таксист. – Вы еще не раз о них в Черногории услышите».

Лена поворачивается ко мне: «Правда?» Я в подтверждение киваю: «Здесь же морские торговые пути были проложены еще до образования Римской империи. А что пиратам надо? Грабить купеческие суда. И пиратская царица здесь действительно была. Звали ее Теуга. Тиват в честь нее и назван».

Черногорцы очень любят рассказывать легенды о

царице Теуте. Самое интересное, что она действительно существовала, даже сохранилось ее изображение, высеченное из камня. Женщина была очень красива, даже по современным меркам.

Жила Теута в третьем веке до нашей эры и была женой Агрона, царя Иллирии, располагавшейся на территории современных Черногории и Албании.

Однажды Агрон вернулся с очередной войны, в которой победил. Вернулся с богатой добычей и закатил по этому поводу грандиозный пир. Пир продолжался несколько дней. Иллирийский царь на этом празднике жизни столько съел и выпил, что умер прямо за праздничным столом. И осталась Теута одна с маленьким сыном Агрона от прежней жены на руках. Типичная такая мать-одиночка, которой теперь нужно было как-то жить и вести хозяйство в царстве. Теута недолго раздумывала и взяла бразды правления государством в свои руки.

Нрава эта молодка была решительного и твердого. При ней в Иллирии быстро развивались ремесла, торговля и мореплавание. И вот именно тогда одной из самых доходных статей в экономике царства стало пиратство. Теута и сама ходила в пиратские набеги, возвращалась с богатой добычей. Грабила она и соседние с Иллирией города. Причем грабила их, применяя военные и совсем не женские хитрости. Однажды царица пришла с толпой своих подданных – мужчин и женщин – к городу Эпидамносу, что был расположен на землях современной Албании. По ее знаку люди громко закричали: «Пустите нас, пожалуйста! Мы уже много дней не имеем воды. Мы пить хотим! Дайте воды!» И при этом они все потрясали и стучали медными кувшинами. Жители Эпидамноса пожалели бедолаг и открыли им ворота. Толпа подданных Теуты вошла в город, все достали из пустых кувшинов боевые мечи. Завязался бой. В тот раз Теута потерпела поражение – жители сумели отстоять свои дома – и была вынуждена со своими иллирийцами бежать из города.

Но все же чаще ей улыбалась удача в боях на море и на суше. Об этом мы знаем благодаря трудам римского историка Полибия. За четыре года ее правления Иллирийское царство разбогатело и стало во много крат сильнее, чем было при Агроне.

Пиратские корабли Теуты хозяйничали и в Адриатическом море, и в Ионическом.

Соседние царства и города несли от действий «джентльменов удачи» царицы большие потери. Наконец им это надоело, и они пожаловались на Теуту Римской империи, которая имела в этих местах свои обширные и очень богатые колонии, которые тоже страдали от морских набегов иллирийцев. Кроме

этого, римляне очень хотели завоевать новые территории на Адриатике, и жалоба соседей Теуты оказалась как раз кстати.

Но римляне сначала хотели решить дело миром и послали к Теуте своих послов. Послы просили иллирийскую правительницу не заниматься пиратским промыслом и дать спокойно плавать купеческим кораблям. Теута удивилась: «Да что вы, уважаемые! Пиратство – это же чистый бизнес, ничего личного, поверьте. Как я могу запретить моим уважаемым предпринимателям, которые находятся под защитой законов Иллирии, заниматься этой деятельностью? Вот уж увольте, но не будет на это моего согласия!»

Один из послов вспылил и ответил царице: «Дык, матушка. Если в Иллирии такие плохие законы, что позволяют творить непотребства на просторах морских, то эти законы надобно изменить и ввести новые – такие, как в Риме». Теута молча развернулась и вышла. Но дерзкого посла решила наказать. На обратном пути в Рим он был убит, заколот пиратским ножом.

Этого Римская империя простить молодой, но такой наглой иллирийке не могла. Против Теуты, ее войск и флота были посланы 200 военных кораблей и 20 тысяч солдат. Они буквально разметали вооруженные силы и военные и пиратские корабли Иллирии. Самой царице пришлось бежать из своего дворца и укрыться в одной из горных крепостей.

Крепость римляне осадили. Через год вынудили Теуту сдаться и подписать позорный мир, по которому Римская империя отбирала у царицы все ее города, кроме одного – Рисана. Также победители заставили Теуту заплатить им огромную дань и дать обещание, что в море ее корабли будут выходить без оружия и лишь с торговыми целями. Дворец ее разрушили. Царица Теута, подписав этот унижительный мир, покончила с собой. По одной версии, она бросилась в море с высокой скалы, по другой – прыгнула в глубокое горное ущелье.

Как гласит легенда, рядом с этим ущельем есть подземное озеро, в котором Теута спрятала свои сокровища. Поиск этих сокровищ до сих пор ведется.

Как мне говорила одна из наших экскурсоводов, особенно активно поиском клада Теуты занимаются почему-то поляки. Они ежегодно посылают экспедиции в район предполагаемой гибели легендарной царицы.

О царице Теуте и ее легендарных сокровищах мы слышали не раз во время своих путешествий по Черногории и Албании...

СОН ЧЕТВЕРТЫЙ. БРАНКО БЕЧИЧ ИЗ БЕЧИЧЕЙ

Тем временем наше такси выехало из Тивата. Мы миновали Будву и на всех парах приближались к поселку Бечичи. Именно там у нас были арендованы апартаменты. Апартаменты расположены на вилле Бечича, их хозяин – Бранко Бечич.

Мчал нас Милан по шоссе, идущему вдоль моря. Замечательного ласкового моря, синева которого манила так, что я уже представлял, как плюхнусь в него, буду лежать на спине, покачиваясь в тихих соленых волнах.

В поселке мы свернули на тихую узкую улочку, что текла на жаре вдоль громадного пятизвездочного отеля «Королева Черногории», и остановились у гостеприимно распахнутых ворот. Навстречу вышел худощавый, дочерна загорелый человек лет эдак шестидесяти пяти и улыбнулся: «Здравствуйте, я Бранко Бечич. Вы ко мне в гости приехали». Вот это ощущение, что мы здесь не в аренду апартаменты взяли, а действительно приехали в гости, не покидало меня все эти дни.

Он подхватил наши пожитки и повел нас обратно на улицу. Я удивился: «А апартаменты не здесь?» «Здесь, здесь, – успокоил меня Бранко. – Только в другом здании. Это тут же».

Оказалось, что «вилла Бечича» – это не одно здание, а три стоящих рядом двухэтажных дома. В первом на первом этаже живет сам хозяин с семьей, тут же у него небольшой офис. На втором – апартаменты. Два следующих дома полностью оборудованы для приема гостей. Нам были приготовлены апартаменты на третьей вилле, на втором этаже. Довольно уютная комната со всем необходимым, кухня, душ, туалет, небольшой балкон. Балкон выходил в сад, где в изобилии росли мандариновые деревья. Тихо и спокойно.

«Ну вот здесь вы и будете жить, – пригласил нас пройти Бранко. – Нравится? Все тут хорошо?» – «О, да! Спасибо!» Хозяин выдал нам ключи и вышел. Стоя в дверях, сказал: «Отдыхайте. На пляжу («пляжа», как вы догадались, по-черногорски «пляж») дорогу найдете или вам показать?» Мы заверили, что найдем. Он еще раз нам улыбнулся и исчез.

Я с хозяином быстро подружился. Бранко ведет свой бизнес уверенно и с размахом. Но сил это стоит немалых. Если быть точным, то это не только его бизнес, хотя основной капитал в виллу Бечича вложил именно он. «Сейчас это уже семейный бизнес, Саша, – говорил он мне. – Дела ведет еще и брат и мои, и его дети. Работы много, на всех хватает».

Я встаю рано, так привык. Но каждый раз, когда я

выходил на балкон около семи утра по местному времени, то наблюдал одну и ту же картину: Бранко давно был на ногах и ходил по саду со шлангом, поливал газоны, цветы и деревья. «Этого я никому доверить не могу, сад поливать», – как-то признался он мне. Потом он проверял дворики всех трех вилл, если что-то там было неубрано – кого-то распекал за деревьями. Затем в своем дворе вел переговоры с постоянно приезжавшими к нему серьезными мужиками. Потом отправлялся по делам. Все это он успевал сделать до полуденной жары.

Зато днем Бранко было лучше не тревожить. Однажды я хотел спросить у него совета по какому-то вопросу и пришел на его виллу где-то около часу дня. «А где Бранко?» – спросил у его родственницы, что помогала нашему хозяину на виллах. «Бранко спит», – сурово ответила она. «Его нельзя разбудить?» – «Не можно разбудить, совсем не можно. Он сердиться очень будет!» Как он мне сам позже рассказал, дневной сон для него – это святое: «Вечером у меня много дел еще, надо отдыхать, Саша...»

Однажды я у него спросил: «Бранко, у тебя фамилия Бечич и поселок Бечичи называется. Это как-то связано?» – «Конечно. Наша семья тут с древних лет живет. Здесь много людей по фамилии Бечич, все наши родственники».

Бранко рассказал мне, как заработал деньги на свой бизнес. Оказывается, он еще совсем молодым человеком в конце шестидесятых годов уехал на заработки в ФРГ. «У вас так легко можно было в Германию поехать на работу?» – удивился я. «Да, с югославским паспортом нас на Запад легко пускали. Ведь там нас социалистической страной не считали. Визу легко давали в Германию. А на границе документы посмотрят и – ту-ту – ежай!» – смеется Бранко. Пришлось ему в Германии и нелегально работать, и легально. Работал официантом, водителем... «Много чего перепробовал, надо было деньги зарабатывать и для родителей, и себе, – вспоминал Бранко. – Сюда уже перед войной вернулся, начал вот этот бизнес строить. Сначала одна вилла была, потом вторую построил, потом третью. Но тяжело было. Ничто же так просто не дается». – «А если бы тут война началась в девяностые?» Он помрачнел: «Конечно, мы боялись, что война начнется. Но все обошлось. Никому эта война кроме американцев не нужна была. Они и хорватов против сербов подняли. Здесь много беженцев было...»

То, что в Черногории в последние годы поселилось много россиян, Бранко радуется: «Они у нас здесь дома строят или покупают, деньги вкладывают в нашу страну. Чем плохо?» – «А современ-

ные русские богатые люди, как во многих странах жалуются, себя вести не умеют. Думают, что за деньги все купят, и полицию в том числе. А у вас как?» Бранко морщит лоб: «Не слышал я, чтобы русские в Черногории как-то уж совсем безобразно себя вели. Ну, дураков и задир везде хватает. Но с нашей полицией лучше дел не иметь, – он улыбнулся. – Не советую законы в Черногории нарушать...»

Как-то вечером играли с Бранко в пинг-понг во дворе. Несмотря на свой возраст, играет он отлично. Так меня загонял, что после часа игры все на мне было мокрое – хоть выжимай.

Черногорец черногорцу – друг, товарищ и брат. Это мы с Леной выяснили в первый же наш вечер в Бечичах. Я пришел к Бранко, чтобы он посоветовал нам какой-нибудь хороший рыбный ресторанчик, где не очень дорого и вкусно кормят. Хозяин наш просиял: «Конечно, Саша! Есть ресторан «Три рибаря», это совсем недалеко, прямо на пляже. Там работает мой хороший друг – шеф-повар. Я сейчас ему позвоню, чтобы он вам столик оставил, а то на веранде может мест не быть». Он тут же с кем-то созвонился и, довольный, протянул нам флайер с адресом ресторана и объяснил, как найти это чудное заведение. Мы пошли. Идти оказалось довольно долго, вопреки уверениям Бранко, что он буквально в двух шагах. Я вообще заметил, что у черногорцев понятие «далеко-близко» довольно странное, но об этом ниже.

Наконец мы обнаружили эти «Три рибаря». Свободные столики на веранде были, поэтому прибегать к помощи хорошего друга нашего гостеприимного хозяина не пришлось.

В «Рибарях» мы отведали свежайший рыбный паштет, съели по тарелке какой-то необыкновенно вкусной ухи из нескольких видов рыб. Далее меня ожидали спагетти с креветками, а Лену – королевские креветки, приготовленные на гриле. Запили мы все это бутылкой сухого черногорского вина. Счет за пиршество у «Трех рибарей» составил 90 евро. Больше мы ни в Черногории, ни в других странах, где нам удалось побывать прошлым летом, так дорого не ели.

Интересно, поблагодарил ли шеф-повар ресторана своего хорошего друга за таких клиентов? Хотя о деньгах, потраченных на этот обед, ни Лена, ни я не пожалели. Все было действительно очень вкусно.

СОН ПЯТЫЙ. БЕЧИЧИ – КУСОЧЕК РАЯ

Наша первая ночь в Бечичах. Мы стоим на балконе и смотрим, как в черное небо врезаются лазерные лучи. Где-то в районе Будвы проходит большая дискотека – музыка тоже немного слышна. Пахнет морем и мандаринами.

Здесь, в поселке, тоже кипит ночная жизнь. Но вся она сосредоточена на набережной, что тянется вокруг огромного пляжа. Там кафе и рестораны, магазины сувениров, там аттракционы и музыка почти до утра. Но к нам сюда шум прибрежного веселья не доносится.

Мы там обязательно побываем, на этом бесконечном летнем празднике, а пока, в эту первую ночь, так приятно сидеть почти в полной темноте, попивать кислое македонское сухое вино напополам с минералкой, лениво вытянув ноги и довольно жмурясь.

На ближайший почти месяц все, что нас сейчас окружает, – наш личный маленький кусочек рая на Земле.

Здесь, в Бечичах, я просыпаюсь, когда еще нет восьми утра по местному времени. Натягиваю плашки и шлепаю по направлению к набережной. До нее и пляжа – рукой подать, только перейти дорогу.

Набережная уже очищена от остатков ночного веселья, молодые парнишки выносят с пляжа мусор в мешках, еще раз граблями проводят по очищенному песку и мелкой гальке, расставляют лежаки – по два под один большой соломенный зонт. Место с лежаками под зонтом стоит 10 евро в день. Но утром никто здесь денег не берет. Кидаю футболку на ближайший лежак и ныряю в прохладную чистую воду Адриатики, пугая стайки маленьких рыбок, потерявших за ночь бдительность. Скоро им придется плыть подалее от берега, ведь волны здесь будут просто кишеть купальщиками.

Переворачиваюсь на спину и смотрю, как из-за гор медленно поднимается солнце. Солнечный свет словно катится от горных подножий по крышам домов на морской берег. Солнце пока не жаркое, очень приятное. Этим пользуются любители утренних пробежек. По набережной то и дело пробегают люди – от пожилых мужчин и женщин до веселых стайек детей.

В первую неделю пребывания в этом благодатном месте я каждое утро видел, как под руководством тренера на набережную выбегала группа девочек лет десяти. Судя по надписям на футболках, они готовились к сербско-черногорским легкоатлетическим стартам. Тренер юных спортсменов гонял их очень серьезно.

В восемь утра на набережной Бечичей открываются кафе. Первые их посетители пьют кофе с пирожными, и только, поскольку позавтракать более плотно тут можно лишь с девяти утра. Кофе ароматный и очень вкусный, пирожные – свежие, просто объедение. Стоило мне это утреннее удовольствие 3 – 4 евро.

Посетителей с утра немного: то стайка пенсионеров-немцев заглянет на свежий кофейный запах, то молодые французы придут взбодриться.

Русские присутствовали на этих утренних кофейных посиделках обязательно.

С Сергеем, Кристиной и их маленьким сыном, серьезным отроком лет семи, мы сидели за соседними столиками. «Вы в Черногории впервые?» – спросил меня отец семейства. «Да, а вы?» – «А мы уже третий год подряд сюда ездим».

Сергей рассказал мне, что ездить они начали сюда из-за болезни мальчика. Ему каждый год надо выезжать на море. «Его болезнь стала для меня просто предупреждением свыше», – вздохнув, продолжал отец. Сергей и Кристина из Петербурга. Он работал в крупной фирме, где занимался какими-то разработками для морского флота. Зарабатывал очень хорошо. Это позволило им купить большую квартиру и жить неплохо. Кристина сидела дома с ребенком. Только приходилось Сергею пропадать на работе до ночи, ребенка почти не видел. А сын очень скучал по нему. И тут как гром на голову – мальчик серьезно заболел. Для того чтобы быть побольше с сыном, Сергей ушел из фирмы, нашел работу, на которой не надо было просиживать сутками, можно было работать и дома. В деньгах, конечно, потерял. «Но зато мы теперь вместе, – гладит отец сына по выгоревшим до белизны волосам. – И вечерами, и в выходные, и на море каждый год месяца на полтора выбираемся».

Кристина смотрела на мужа влюбленными глазами...

Пляж начинает потихоньку заполняться людьми где-то часам к десяти утра. К одиннадцати найти свободные лежаки уже довольно проблематично. Народ не зря стремится отдохнуть именно здесь: ведь еще в 1935 году этот пляж был признан лучшим в Европе. Сейчас он если не остается лучшим, то уж один из лучших – это точно.

В небе над пляжем появляются первые парапланеристы, по акватории уже несется рев скутеров. Очередной день летнего сезона в Бечичах начался.

С нашего пляжа отлично виден Свети Стефан. Знаменитый остров миллионеров, визитная карточка Черногории.

До того как остров превратился в один из самых дорогих отелей мира и его полюбили и Сталлоне, и Софи Лорен, и Керк Дуглас, и Клаудиа Шиффер, прочие богатые и знаменитые персонажи, на нем располагалась бедная рыбацкая деревня. Был Свети Стефан и крупным торговым центром средневековья. Мы осматривали знаменитый кусок земли в Адриатике с воды. Маленькая яхта объехала Свети Стефан со всех сторон, и нам отлично были видны старинные домики с узенькими оконцами, превращенные сейчас в роскошные гостевые апартаменты.

От Свети Стефана мы, качаясь на волнах, отправились еще к одному красивому острову, что находится неподалеку, – острову Святого Николая. Это такая огромная скала в море, у подножия которой существует полоска галечного пляжа. Еще там стоит старая церковь Святого Николая, которую, по преданию, поставили здесь спасшиеся на острове после кораблекрушения моряки.

Надо сказать, что издали остров Святого Николая смотрится гораздо лучше, нежели когда до него доберешься и высадишься...

У черногорцев действительно какое-то свое, только им присущее восприятие времени и пространства. Если они говорят, что до чего-то осталось «недолго», то это «недолго» может растянуться на полчаса, а то и на час. Ну, это о времени. А что касается пространства...

Нам рассказали, что в поселке есть замечательный магазинчик, который называется «Мега-маркет». В нем можно купить свежайшее, уже разделанное на порционные кусочки мясо – свинину, говядину, баранину, курицу – и тут же на расположенной рядом жаровне его совершенно бесплатно пожарить. «А далеко он находится?» – «Нет, совсем недалеко, – беспечно махали рукой наши знакомые черногорцы. – Выйдите на дорогу, поверните направо и все так по дороге и идите. Это совсем недалеко!»

Итак, мы вышли на шоссе и повернули направо. Прошли где-то с километр. Жарко. Внизу море манит своей голубизной, а мы все идем и идем. Встречаем местного жителя и спрашиваем: «Извините, уважаемый, до «Мега-маркета» еще далеко?» – «Нет, совсем недалеко. Вы уже почти пришли. Во-о-он за тем поворотом». Идем до поворота, потом до следующего. Нет «Мега-маркета»! Нет, и все! «Может быть, мы прошли его и не заметили?» – робко интересуется жена. Ловим

еще одного черногорца: «А где «Мега-маркет»?» Черногорец удивленно смотрит на нас: «Да здесь, близко! Вы уже почти пришли!»

«Почти пришли» – это еще метров пятьсот. Наконец-то мы узрели вывеску на небольшом продовольственном магазинчике: «Мега-маркет!» Теперь мы знали, что «недалеко» по-черногорски это два с лишним километра.

А приготовленное на жаровне у магазина свежее мясо действительно оказалось очень вкусным. Не соврали наши черногорские знакомые...

В центре поселка протекает небольшая совсем речушка, что впадает в море. Она тоже называется Бечича. У моста через нее стоит скромный обелиск, состоящий из двух плит. На одной плите надпись, что 15 июля 1941 года местные партизаны провели на этом месте свою первую акцию. Они уничтожили мост через речку и этим остановили продвижение итальянской механизированной колонны, которая шла на помощь фашистским войскам из Котора в Бар. На второй плите написано, что в 1944 году итальянские фашисты расстреляли здесь двух местных жителей.

Обелиск ухожен, чисто вымыт. Ухаживают за ним местные власти. Такие скромные памятники, посвященные югославским партизанам, мы видели в черногорских горах, в Которе. Народы Югославии, даже живя теперь врозь, помнят, как их деды били фашистов на общей тогда земле...

СОН ШЕСТОЙ. ОТЕЦ ОСИЯ

Однажды Бранко говорит нам: «Хотите купить хорошего оливкового масла недорого? Настоящего, домашнего?»

Еще бы Ленка этого не хотела! «А где мы купим его?» – спросил я нашего хозяина. «В церкви, – ответил он. – У батюшки нашего. Я вас туда отвезу».

Собственно, мы могли в эту церковь пойти и пешком. Небольшой православный храм Святого Тома (Святого Фомы по-нашему) стоит на возвышенности рядом с одним из выходов на пляж. Церковная территория окружена маленьким парком. Кроме самого храма, здесь есть «читарня» – библиотека – небольшой домик для священника и родник.

Мы с Леной, когда гуляли по поселку вечерами, частенько видели, как батюшка вкушал вечернюю трапезу на широком массивном деревянном столе перед своей обителью. Но познакомиться с ним не случилось.

И вот как-то утром Бранко посадил нас в свою

машину и повез в церковь. Мы зашли за ограду и увидели идиллическую картину: за столом сидел священник – огромный пожилой мужчина с окладистой бородой и солидным животом, облаченный в старые спортивные брюки и белую майку. Рядом с ним сидела сухонькая женщина, которая приветливо улыбнулась нам и скрылась в доме. На столе перед батюшкой стояли блюдо с фруктами, пластиковая бутылка с подозрительно прозрачной жидкостью и небольшой граненый – ну совсем как наш, русский – стаканчик. Наш хозяин уважительно пожал ему руку, и священник перекрестил его. «Это наш отец Осия, – представил нам священника Бранко. – А это гости из России. Саша и Елена. Мы в гости за маслом к тебе, отец».

Отец Осия выглядел слегка помятым. Он смущенно улыбнулся и что-то тихо сказал Бранко. Тот смешливо наморщил нос и объяснил нам: «Вчера у отца праздник был по поводу крестин его внука. Так что он просит прощения за...» «Ну, мы поняли», – я сочувственно кивнул батюшке. Тот расцвел. «Вы за маслом пришли? У меня масло вкусное, сам делаю. Лучшее здесь! – Мы изобразили радость. – Вы пока в храм сходите, а я сейчас все приготовлю». Мы зашли в церковь, там было прохладно, тихо и красиво. Но красота эта была не такая, как в наших православных храмах, – очень простая, не помпезная. Вообще, как я заметил, на Балканах православные храмы, даже самые известные, и старые монастыри украшены не столь богато, как в России. Все очень скромно. Зато территория вокруг церквей вся в зелени, цветах и деревьях. Сюда приходят не только помолиться, но и полежать на траве, посидеть в тени и отдохнуть.

Когда мы вернулись во двор, сухонькая женщина поставила на стол две полторалитровые бутылки с маслом. Мы поблагодарили, расплатились и уже хотели откланяться, как отец Осия предложил: «А вина не хотите? У меня хорошее вино. Тоже сам делаю». Мы замаялись, а он, видя наше смущение, предложил: «Вы попробуйте». Женщина словно только и ждала этих слов. Тут же появилась на столе еще одна бутылка – с рубиновым напитком. Появились стаканы, которые священник тут же наполнил. Вино оказалось вкусным, терпким и очень густым.

Сам отец Осия налил себе из бутылки в граненый стаканчик прозрачной жидкости и посмотрел на меня: «Сливици попробуешь?» Пить сливици в одиннадцать утра на жаре я был не готов. Мы чокнулись. «А ведь отец Осия у себя в церкви беженцев принимал. Многим людям помог. Он у

нас герой!» – сказал Бранко. Священник смущенно кивнул: «С помощью Господа кормили людей – детей маленьких, стариков, женщин, раненых – одевали их, помогали, чем могли. Много беженцев было...»

«А откуда бежали люди?» – «От боснийцев бежали, от хорватов. Все бросали и бежали, чтобы живыми остаться. Страшные вещи рассказывали, как над ними глумились». – «И сколько через вашу церковь прошло их?» Отец Осия покачал головой: «Не считал. Может, тысяча...»

Только в августе 1993 года в Черногорию от войны бежали, по одним данным, более пятидесяти двух тысяч, по другим – более шестидесяти двух тысяч человек. Это составляло десять процентов от общего количества жителей республики. Большинство из них прибыло из Боснии и Герцеговины, спасаясь от зверств боснийцев-мусульман, остальные – из Хорватии и Словении. Интересно, что тридцать процентов беженцев составляли мусульмане, что бежали от жестокости своих единоверцев. Но большинство прибывших в Черногорию были православными.

То, как не любят черногорцы хорватов после этой безумной войны, я почувствовал на себе.

Несколько лет назад мы с Ленкой были в Хорватии, и я на память привез оттуда бейсболку с традиционными хорватскими бело-красными шашечками, с силуэтом страны и надписью «CROATIA». В первые дни в Черногории не носил ее. Но потом все же надел, спасаясь от жары. И произошло необъяснимое. В маленьком магазинчике, где меня до этого встречали как родного, вдруг перестали со мной разговаривать. Швыряли сдачу и отворачивались. То же было и в прибрежных кафе, и даже в «Мега-маркете». Я не понимал, что делаю не так. И вот спустя какое-то время мы поехали на такси погулять в Будву. Таксист, молодой парень, всю дорогу искоса бросал на меня взгляды, и видно было, что хотел что-то спросить. Наконец он не выдержал: «Тебя здесь еще не побили?» Я удивленно взглянул на него: «А что такое?» – «Да твоя кепка. Она же хорватская?» – «Да, и что?» – «Ты лучше ее у нас не носи...»

Как только мы приехали в Будву, я сразу купил себе защитного цвета кепи с двуглавым черногорским орлом и надписью над ним: «Montenegro».

Зато в Черногории очень любят отдыхать сербы. Машины с сербскими номерами везде – на пляже, у магазинов и гостиниц. На нашей вилле на первом этаже жила улыбчивая сербка Бояна с

двумя маленькими сыновьями и мамой. Сказала мне, что приезжает сюда каждое лето...

С отцом Осией мы тепло распрощались где-то через два часа после нашего приезда к нему. Кроме масла, мы купили у него еще бутылку вина. За распитие в церковном дворе полтора литра этого божественного напитка он с нас денег не взял. Наш человек...

СОН СЕДЬМОЙ. ЭТА НЕЗЕМНАЯ БОКО-КОТОРКА

Приехать в Черногорию и не увидеть Боко-Которскую бухту – просто никуда не годится. «Самое красивое место на Земле», «Божественный фьорд», «Лучшее, что создал Творец» – это все про Боко-Которку.

С экскурсоводом Галиной мы подъезжаем к морскому порту Тивата.

У причала стоит большой красивый парусник, пройти по морю на таком – мечта любого мальчишки. Но, к сожалению, он ждет здесь не нас. Хотя наш двухпалубный кораблик маленьким тоже не назовешь. Не считал, конечно, но сотни две наших попутчиков, желающих насладиться красотами самого известного места на Адриатическом море, в него влезло.

Пока едем из Бечичей в Тиват, Галина нам рассказывает о том, как скоро изменится порт, какой грандиозный проект там будет осуществлен.

Этот проект называется «Porto Montenegro».

Дело в том, что один канадский миллионер, которого зовут Питер Мунк, задумал построить здесь целый комплекс для богатых – самых богатых! – яхтсменов мира. Это будет первый такой комплекс на Адриатике и всего третий в мире. Собственно говоря, Мунк хочет построить здесь небольшой город, в котором будут устроены стоянки для суперяхт, отели, большая верфь, рестораны, бутики и все-все-все, без чего богачи-спортсмены прожить просто не могут. Стоимость проекта оценивается более чем в миллиард долларов!

Галина рассказывает все это, и в ее голосе чувствуется уважение к огромным деньгам.

Она сама из России, из Подмосковья, но уже больше тридцати лет живет в Черногории – вышла замуж за местного парня. Иногда она что-то начинает рассказывать, недоговорив фразу, замолкает, потом, подобрав нужное слово, продолжает рассказ. «В Союзе, – и тут же поправляется. – В России почти не бываю. По-русски говорю

только летом, когда экскурсии веду, поэтому извините за паузы». А свое уважительное отношение к проекту канадца она объясняет просто: «Если все это у нас будет, то будет работа, будет меньше бедных. Это же элементарно!»

Наш корабль тихо отходит от причальной стенки. Идем в глубь бухты. Море тихое, мы сидим на открытой верхней палубе, и если бы не морской ветерок, то давно бы уже поджарились на палящем солнце. Но все равно время от времени нам приходится спускаться вниз, в тени.

Уже вышли из Тиватского залива бухты и потихоньку входим в залив Герцог-Новский. Здесь во время наполеоновских войн стоял российский флот под командованием адмирала Синявина. Победы русских моряков защитили тогда черногорцев и от французов, и от османов. Здесь России до сих пор за это благодарны.

По берегам залива то тут, то там возникают в поле зрения небольшие поселки. «Это дачи, – объясняет Галина. – Здесь их строят богатые люди, земля дорогая и очень ценится. Много иностранцев покупают здесь недвижимость, среди них немало русских».

Она вглядывается в берега: «А вот смотрите – слева такие шахты в скалах полузатопленные. Это бывшие военно-морские базы югославской армии. Здесь стояли подводные лодки, в том числе и советские, пока отношения между Тито и Сталиным не стали... как это по-русски... совсем худыми. Видите шахты?»

Мы видим шахты, видим старый причал, у которого, накренившись, стоит старый военный корабль. На борту даже сохранился его боевой номер. Я киваю на него Галине. Она отвечает: «Да, да, после распада Югославии здесь много военной техники оказалось брошенной. Она и сейчас никому не нужна. Ржавеет, гниет. Остатки боевой мощи когда-то одной из самых сильных армий Европы...»

Красота вокруг необыкновенная: горы на берегах прямо переливаются цветами – от изумрудного до темно-синего...

Впереди по курсу возникает остров, на котором стоит крепость. Мы обходим ее со всех сторон. Выглядит она одновременно очень грозной – мощные стены, бойницы – и очень заброшенной. Но смотрится на фоне моря и гор все равно просто замечательно.

«Это крепость Мамула, – объясняет нам наша экскурсионная фея. – Она была построена по

приказу австрийского генерала Лазаря Мамула, когда этими землями владела Австро-Венгрия. Она защищала подходы к берегу. Причем он ее так удачно построил, что военные гарнизоны здесь находились и обороняли берег и в Первую, и во Вторую мировую войны. Во время войны с фашистами оккупанты устроили здесь еще и лагерь для военнопленных». «А сейчас что там?» – спрашивает Ленка. «Ничего там сейчас нет. Видите ли, эта крепость и это место, где мы находимся, – морская граница между Черногорией и Хорватией. Я даже не могу сказать, в какой конкретно стране мы сейчас – у нас в Черногории или в Хорватии. Так вот, правительства наших стран уже долго спорят, кому этот остров принадлежит. А пока они спорят – крепость потихоньку умирает. Доспорятся, кажется, до того, что здесь останутся одни руины...»

У крепости Мамула наш кораблик останавливается, желающих приглашают пересечь на катера и поехать в Голубой грот. Мы тоже заскакиваем на катер и мчимся, подпрыгивая на волнах, к этому природному чуду.

Голубой грот – это действительно чудо: катер проходит в узкий низкий проход, и мы оказываемся в небольшой пещере. Цвет камня в пещере, солнечный свет, идущий сквозь две небольшие расщелины, и морская вода создают абсолютно волшебный эффект – кажется, что все вокруг действительно голубое – стены, вода, камни на дне. Вода прозрачная и спокойная.

Все кидаются купаться, а затем грот озаряют вспышки фотоаппаратов. Но ни одна фотография не передаст волшебства удивительного места...

Покинув Голубой грот, идем еще к одной адриатической знаменитости – искусственному острову Божьей матери на Рифе. Или Госпа од Шкрпела.

Но для того чтобы подойти к нему, надо пройти еще один замечательный участок Боко-Которки – пролив Вериге. Это совсем узкий проливчик, шириной всего 250 метров. На его берегах находятся два старинных города – Пераст и Риксан. Да, да, тот самый Риксан, единственный город, оставленный царице пиратов Теуте победившими ее римлянами. Эти два города с древнейших времен населяли моряки, здесь велась бойкая торговля. Но уже средневековые пираты – не подданные Теуты – не давали добрым горожанам покоя. Случалось, они входили в пролив и грабили купеческие корабли, убивали и захватывали в рабство местных жителей. И тогда горожане решили перегородить залив цепями. Сказано –

сделано!

И с тех пор как эти цепи поставили – ни один корабль, пиратский ли, вражеский, через этот пролив не прошел. Помните, как назывались в Древней Руси цепи? Вериги. На сербско-хорватском так же. Отсюда и название пролива – Вериге...

И вот нам уже виден единственный на Адриатике созданный руками людей остров Госпа од Шкрпела. Если смотреть на него сверху, то остров Богородицы на Рифе напоминает собой очертания корабля. Сейчас его площадь составляет три тысячи квадратных метров. Я, наверное, повторюсь, но стоит съездить в Черногорию, чтобы побывать здесь. Нигде подобного в мире, кажется мне, просто нет. История возникновения Госпа од Шкрпела так до конца и не выяснена.

Одна легенда гласит, что когда-то очень давно корабль из города Пераст, подходя к родному причалу, неожиданно попал в шторм, напоролся на риф и затонул. Большинство членов команды погибло. Те, кто остался в живых, зацепились за этот риф и вдруг неожиданно обнаружили на нем икону Богородицы с младенцем на руках. Как икона там оказалась, откуда она приплыла – об этом история умалчивает. Моряки были рады, что остались живы. И раз такое чудо обретения святого лика с ними произошло, они поклялись выстроить на этом рифе церковь и посвятить ее Деве Марии.

Есть и еще одна легенда. В начале пятнадцатого века два брата-моряка из Пераста плыли мимо этого рифа. И один из них случайно увидел, что в воде прямо на рифе лежит икона Пресвятой Богородицы. «Она, наверное, с какого-нибудь утонувшего корабля, – сказал один брат другому. – Давай ее поднимем». Они взяли икону с собой. На суше выяснили, что эта Богородица с младенцем – чудодейственная! Один из братьев даже исцелился от тяжелой и долго мучавшей его болезни, прикоснувшись к ней. Об этом стало известно жителям города. И они решили на месте рифа, где была найдена икона, создать искусственный остров и построить на нем церковь. Кстати, Дева Мария и сегодня является покровительницей моряков города Пераста.

Но так оно было или эдак, факт остается фактом: горожане, местные моряки сначала стали на рифе топить подбитые ими пиратские корабли и свои старые парусники. Каждое судно, что проплывало мимо рифа, бросало сюда камни, чтобы образовать отмель, на которой будет возведен храм. И церковь Божьей Матери была возведена здесь в шестнадцатом веке.

Потом храм чуть не разрушило землетрясение, но горожане восстановили и облагородили любимую церковь.

Возникла традиция: капитаны судов после долгого и опасного плавания приносили Богородице дары – ценные украшения, картины. Горожане дарили всякую утварь. Так здесь возник своеобразный музей, который существует и пополняется до сих пор. Храм украшен множеством серебряных табличек с именами спасенных молитвой от бури кораблей. А еще этот храм знаменит своими росписями и иконостасом. Красоту эту не передать – ее надо видеть!

Кстати, жители Пераста ежегодно 22 июля отмечают в честь острова праздник. В этот день на своих яхтах, катерах и других плавсредствах они подходят к Госпа од Шкрпела и высыпают в его основание камни, дабы укрепить святое для местных моряков место.

На острове нет ни одной жилой постройки. Но служители храма и их помощницы – пожилые матроны – каждый день приезжают сюда, чтобы встречать гостей и паломников, которых летом бывает очень много, и следить за порядком.

При нас одна из таких служительниц выгоняла из воды молодого парня, который прибыл на остров Девы Марии на яхте. Он осмелился купаться здесь, а это строжайше запрещено церковными правилами...

«Знаете, почему эта бухта называется Боко-Которской? – спросила нас гид, когда мы отплыли от острова Девы Марии на Рифе. И сама же себе ответила. – Это название произошло от двух древних итальянских слов: «bosca», что означает «пасть», ведь сверху бухта похожа на пасть неведомого зверя. И названия города Котор, изумительного по своей красоте и очень важного в стратегическом отношении от средневековья до двадцатого века. Не пройдет и часа, как вы его увидите и погуляете по его старым улочкам и площадям...»

В ожидании подхода к Котору мы сидели на палубе и пили холодное пиво. От жары не спасал даже морской ветерок. Официант, что обслуживал нас, казался измученным. Поймав мой взгляд, он сказал: «Устал. А ведь еще как-то надо до ноября доработать. В ноябре последний рейс...»

СОН ВОСЬМОЙ. КОТЫ И ЛЕГЕНДЫ КОТОРА

За время нашего пребывания в Черногории в Которе мы с Леной побывали два раза. Права была Галина – город просто завораживает, в него хочется возвращаться.

Мы были в хорватском Трогире, городе-музее. Мы гуляли по великолепной веселой черногорской Будве, где над морем возвышается грозная венецианская крепость с арсеналом.

Но Котор...

Котор – это Котор.

Первое, что видишь, когда подходишь к Котору с моря, – огромная крепостная стена, что опоясывает город и уходит куда-то далеко в горы.

Далеко-далеко в горах, там, где стена заканчивается, еле видна старинная крепость. Снизу она как игрушечка, на самом деле эта крепость – крепость Святого Иоанна – вполне серьезное сооружение. Для того чтобы добраться до нее, надо идти по стене, вверх по очень даже крутой горе почти пять километров. Редкий турист доберется даже до середины маршрута. Но некоторые упорно лезут вверх, чтобы посмотреть оттуда на древний город и залив, напоминающий пасть неведомого животного.

Построили стену и крепость венецианцы, но использовались эти защитные сооружения по назначению вплоть до Второй мировой войны.

Котор – город очень древний. Задолго до венецианцев, примерно две тысячи лет тому назад, здесь

жили иллирийцы, те самые, которыми так недолго, но так блистательно управляла царица Теута. Затем этим городом владели римляне, византийцы. Доходили до него и полчища монголо-татар.

Но Котор, несмотря ни на что, развивался, рос и хорошел от столетия к столетию.

Это был город кораблестроителей, моряков, ювелиров, торговцев, пиратов. Да-да, пиратов, они имели здесь даже свои, если так можно сказать, представительства или гильдии.

Самый расцвет города пришелся как раз на то время, когда он был частью Венецианской республики.

Венецианцы владели Котором без малого четырехста лет. Об этом напоминает огромный барельеф венецианского льва с Евангелием в лапах на крепостной стене у главных ворот города – Морских. Именно через эти ворота мы и прошли в Старый Город.

Морские ворота ведут на Оружейную площадь, на которой расположены старинный Арсенал, княжеский дворец, в котором жил венецианский наместник, Сторожевая и Часовая башни.

Поскольку в Которе случались землетрясения, и довольно сильные, то Часовая башня от этих колебаний несколько наклонилась, но по-прежнему крепко стоит на своем основании. Кстати, княжеский дворец – это не первый дворец на этом месте. До него тут стоял еще один. Но он был разрушен при очередном землетрясении и под его обломками ко-

мандовавший тогда городом венецианец погиб.

Под Часовой башней – позорный столб. К нему привязывали виновных в мелких преступлениях которцев и либо оставляли так на несколько дней, либо били кнутом и отпускали восвояси.

В глубине площади здание театра – первого в Черногории – его построили в то время, когда Котором владели наполеоновские войска. Там захватчики отдыхали душой. Ну куда же французам без театра-то! Сейчас в старом театре гостиница и ресторан.

Поскольку город был портовый, а морякам – и пиратам, кстати – надо было как-то проводить свободное от плаваний время, то в городе имелись и увеселительные заведения, где мужчин всегда ждали молодые девицы, которые помогали им скрасить досуг.

Бывало, что девушки в результате этих забав беременели и рожали. Венецианцы, дабы младенцев не убивали и не выбрасывали, при содействии богатых горожан основали в городе приют для незаконно рожденных детей. Матери отдавали туда своих сыновей и дочерей и обязательно давали служительницам приюта какой-нибудь предмет – пуговицу, платочек, серебряную ложечку или что-то еще. Это делалось для того, чтобы через много лет непутевая мамаша могла опознать брошенный когда-то плод случайной связи.

Здание приюта сохранилось, мы с Леной его видели. Это совсем рядом с Кафедральным собором Котора – собором Святого Трифона. Собор был построен в 1166 году, но был несколько раз поврежден землетрясениями, поэтому перестраивался и менял свой облик. Сейчас он представляет собой величественное белоснежное здание с двумя колокольнями, где среди прочих христианских сокровищ хранятся и мощи самого святого, который до сих пор является покровителем Котора.

Вообще, в Которе когда-то было тринадцать храмов и семь монастырей. Сейчас осталось только десять церквей.

Самая интересная из них, для меня, по крайней мере, была построена в двенадцатом веке, это церковь Святого Луки. А интересна она тем, что, когда уже начинались в Европе войны между православными и католиками, в этой церкви мирно уживались представители двух направлений христианства. Изначально храм Святого Луки принадлежал католикам. Но в семнадцатом веке в Котор начали прибывать беженцы из областей, что были заняты турками. И беженцы эти были как раз православными. До этого православных церквей в городе не было, как не было и православной общины. И тогда которские

католики разрешили пришельцам вести в этой церкви свои службы и даже построили там второй алтарь. Чуть позже которский храм Святого Луки полностью отошел православным.

Когда я услышал эту историю, подумал: католики-хорваты, вероятно, не знали или забыли эту поучительную историю о добрососедстве, когда изгоняли православных сербов и черногорцев из своей новой страны в конце двадцатого века. Впрочем, что простых людей винить. Настоящие виновники – те, кто развязал братоубийственную войну и науськивал их друг на друга...

В Которе множество сувенирных магазинчиков и, конечно же, маленьких уютных кафе, где вас напоят свежим кофе и накормят черногорскими вкусностями.

Мы с женой приземлились в одном из таких заведений. Рядом с нами сидела довольно странная пара: пожилой господин и довольно молодая женщина. Говорили они по-французски, но и так было понятно, что спутница господина была чем-то недовольна, а он ее всячески успокаивал, гладил по руке, игриво касался груди и целовал в шейку. Женщина отворачивалась и корчила неприятные рожицы, пока ухажер или муж ее не видел.

Вот тут как раз мне вспомнилась еще одна которская легенда, что рассказывала нам Галина. Это легенда о том, как в этом городе появились олеандры.

Тот сорт олеандров, что растет в Которе до сих пор, был специально завезен из Италии. И завезен он, как говорят, был для того, чтобы юные игривые жены пожилых состоятельных которцев делали из этих чудных растений хитрый такой настой, который подливали своим благоверным в вино. Через какое-то время после приема олеандровой настойки престарелые мужья переселялись в мир иной, а несчастные юные жены превращались в веселых и совсем небедных вдов...

Одна из легенд о происхождении названия города – Котор – гласит, что издревле рядом с людьми здесь жило множество котов и кошек. Не знаю, как было в древности, но сейчас представителей кошачьего племени в городе можно встретить на каждом шагу.

Черные, белые, пятнистые, коричневые, рыжие и пегие микротигры и микротигрицы спокойно, как хозяева, лежат на старых площадях и улицах, у дверей древних храмов, на подоконниках венецианских дворцов и просто посреди узеньких улочек.

Их здесь любят, кошек и котов. Сами которцы, как шепнула мне в кафе официантка, говорят так: «Не знаем точно, откуда произошло название го-

рода, но Котор без кошек – не Котор». Изображение кота – один из современных символов древнего поселения...

В Которе квартировали и матросы адмирала Синаявина, когда российская эскадра стояла в этих водах в начале девятнадцатого века. А в 1920 году именно сюда на кораблях пришли разбитые Красной армией подразделения армии барона Врангеля, и отсюда они потом разбрелись по свету...

В 1979 году в Которе произошло еще одно сильное землетрясение, и очень много исторических зданий тогда пострадало. Восстанавливала Югославия исторические храмы, дворцы, башни и дома Котора с помощью ЮНЕСКО. После того как работы были закончены, эта организация взяла Котор под свою охрану. Сейчас Старый Город внесен в список объектов всемирного культурного наследия.

Рядом с Котором есть огромная красивая гора, даже не гора, а целый горный массив. Называется Ловчен. Как гласит предание, именно этой горе Черногория обязана своим названием.

Ловчен был весь покрыт – и сейчас тоже – густыми хвойными лесами. Они были настолько густыми, что в любое время суток гора казалась темной и грозной. Первые венецианцы, что появились в этих местах, увидев ее, воскликнули: «Вау! Смотрите, парни, какая черная гора!»

По-итальянски «черная гора» – «monte nero». А уже затем, позже, европейцы стали Черногорию называть на свой лад: «Montenegro»...

В Которе каждое лето проводится масса фестивалей и карнавалов. На них приезжает множество туристов. Когда мы с Леной были здесь во второй раз, то увидели, как прямо напротив Морских ворот города пришвартовался огромный паром, откуда выкатилась разноголосая толпа туристов, которая тут же рассосалась по площадям, кафе и ресторанам Старого Города.

Уже вечерело, и во многих заведениях всюду играла громкая музыка. Я смотрел на это и вспоминал слова черногорского таксиста, с которым разговаривал в Будве. Тогда тоже вечерело, и в будванских уличных ресторанчиках было шумно и весело. Таксист грустно сказал: « Это все декорация – шум, веселье, музыка. Даже история наша кажется декорацией для вас, туристов. Будет зима, вы уедете, декорации снимут, и тут будет совсем другая жизнь. Совсем не шумная, не веселая. Нам надо как-то прожить следующую зиму...»

СОН ДЕВЯТЫЙ. ПО ДОРОГЕ ВЛЮБЛЕННОГО АВСТРИЙСКОГО ИНЖЕНЕРА

Из Котора, взбираясь все выше и выше по той самой горе Ловчен, которой обязана Черногория своим названием, мы едем в старинное село Негуши.

Село находится за перевалом, на другой стороне склона. Едем по дороге, которую построил в девятнадцатом веке во время правления Черногорией короля Николы Первого Негоша австрийский инженер Иосип Слайд. Дорога ведет из Котора в старую столицу Черногории – Цетинье.

С Иосипом Слайдом и с построенной им дорогой связана красивая и грустная легенда. Этот инженер весьма близко был знаком с семьей черногорского короля, в том числе и с его женой – Миленой.

Миленка была дочерью богатого черногорского воеводы и вышла замуж за Николу, когда ей было тринадцать лет, а новобрачному – девятнадцать. Это, как отзывались о ней современники, была очень красивая девушка. Сначала при дворе ей было одиноко, но затем она нашла себя в этом мире царедворцев, постепенно освоилась, стала настоящей королевой и родила своему Николе аж двенадцать детей.

И вот в эту женщину-то и угораздило влюбиться несчастного Иосипа.

Не зная, как выразить свою любовь, инженер спроектировал дорогу таким образом, что у Котора она запетляла в форме буквы «М». При этом Слайд самовольно увеличил этот участок дороги на пятьсот метров. Увидеть эту букву можно было, только поднявшись дальше по трассе высоко в гору.

Никола Первый, узнав об этой любовной страсти своего инженера и хитро выписанной им букве, очень рассердился, если это слово можно применить к королям. Рассердился до такой степени, что однажды уехавший по делам Иосип не вернулся ни в Цетинье, ни в Котор. Сгинул бесследно влюбленный специалист. Поговаривали, что его исчезновение было как раз результатом, так сказать, рассерженности черногорского монарха...

А мы, миновав эту букву «М», уже въезжаем в горный лес. Едем по горе Ловчен. Когда поднялись чуть повыше – видим эту роковую букву, что стоила жизни Иосипу Слайду. Забрались уже высоко, но это только начало нашего пути.

Нам предстоит проехать по серпантину, на котором 25 крутых поворотов, каждый из которых

отмечен специальным каменным знаком с номером. И с каждым таким поворотом дух захватывает все больше. Вниз из окна теперь лучше не смотреть: сквозь листву видна пропасть, которая с каждой дорожной петлей все глубже. Лена сидит, закрыв глаза, наружу смотреть не может: «Саня, зачем мы сюда поехали? Обратным же путем двинем?»

Я узнаю у нашего гида, как поедет обратно. Она успокаивает нас: путь домой лежит в обход горного массива.

Чтобы успокоить меня еще больше, она говорит, что на этой дороге проводятся даже ралли на машинах и мотоциклах. Господи, есть же еще сумасшедшие на этой Земле!

И чтобы уж совсем я уверовал в безопасность нашего путешествия, мне показывают еле видную в горах тропинку: «Видишь вон там путь? До того как Иосип Слайд построил эту дорогу, черногорцы спускались и поднимались по горе именно по той, старой дороге». «Так там же... это же не дорога, козья тропа какая-то!» – удивляюсь я. «Вот поэтому я тебе и показываю ее», – говорит гид. Наш большой и длинный автобус тем временем преодолевает еще один вираж серпантина. Мне кажется, что его переднее левое колесо парит прямо над пропастью. Но это только кажется...

Вскоре страх совсем пропадает, и я просто сижу и наслаждаюсь природой, которая в этих местах просто какая-то безумная, по-сумасшедшему красивая.

Горные леса впереди окутаны облаками. Такого я еще не видел никогда. Кажется, что сейчас мы просто вплывем в эти облака и окажемся в светлой мгле. Но этого не происходит. Поднимаемся выше мы, поднимаются вверх облака.

На обочине очередного крутого поворота вижу маленькое здание, круглое, с узкими оконцами. «Это здание бывшей австрийской таможни, – говорят мне. – Именно по этому повороту проходила в девятнадцатом веке граница между Черногорией и Австро-Венгрией».

Еще одна петля, потом еще одна и еще. «А здесь мы сделаем остановку. Это перевал Троица. Высота над уровнем моря – тысяча сто метров, – тихо говорит гид. – Сейчас вы выйдете из автобуса, подойдете к краю дороги и посмотрите вниз. Уверю вас – будете поражены».

Выходим из автобуса. Нас всех слегка покачивает, наверное, от поворотов и от абсолютно чистого, сладковато-терпкого воздуха, которым напоен до краев перевал Троица.

Лена не рискнула подойти к краю. Я подошел. И обомлел! Передо мной лежала практически вся

прибрежная Черногория! Были видны Тиватский и Которский заливы, был виден Тиват, его аэропорт и было видно, как взлетают и садятся кажущиеся отсюда игрушечными самолеты. Котор тоже был отлично виден, он представлялся отсюда набором маленьких зданий. Старый Город казался тщательно выписанной гениальным художником миниатюрой. И все это было прикрито легким покрывалом облаков. Волшебство, да и только!

Насмотревшись на этот фантастический пейзаж, мы садимся в автобус и начинаем спускаться с горы. И вот уже видно знаменитое село Негуши. Оно находится на высоте 900 метров над уровнем моря.

Село известно как родина самого вкусного пршута – вяленого окорока, негушского соленого сыра, ароматного виноградного и ежевичного вина, а также как родовое гнездо владетелей Черногории Петровичей-Негошей. Они правили этой землей с семнадцатого века и до Первой мировой войны.

Начнем, пожалуй, с владетелей Черногории.

Когда-то давно здесь жило большое племя негушей, которые занимались земледелием, скотоводством и были известны как храбрые воины. Отсюда и пошло название села и династии черногорских владетелей.

Петровичи-Негоши были владыками просвещенными, почти все они были хорошо образованы, многие увлекались поэзией и философией, а Пётр Второй Петрович вообще стал, так сказать, черногорским Пушкиным. Его как поэта и как государственного деятеля любят и поклоняются ему до сих пор.

Почти все из Петровичей были не только светскими, но и духовными владыками – черногорскими митрополитами. При Петровичах-Негошах связи Черногории с Россией были не просто близкими, они были братскими.

Кстати, все девять дочерей Николы Первого и Милены, той самой, из-за которой ни за понюшку табака пропал бедный инженер Слайд, получили блестящее образование в России. Две из них вышли замуж за русских великих князей. А одна, между прочим, стала итальянской королевой.

В Негушах до сих пор стоит дом, где родился один из черногорских владетелей – Петар Второй Петрович Негош. Сейчас там музей.

Где-то в этих горах обитал очень странный и загадочный персонаж, – это я сейчас опять о тесной связи России с Черногорией вспомнил, – которого звали Степан Малый. Он выдавал себя за травника и лечил простой народ почти что даром.

Манеры у него были как у вельможи, знал Сте-

пан множество языков, русским тоже владел в совершенстве. Черногорцы, что служили в русской армии – а таких много тогда было, черногорская молодежь охотно воевала за Россию в войнах с турками, – стали поговаривать, что этот Малый очень похож на мужа Екатерины Великой Петра Третьего, убитого фаворитами российской императрицы.

И пошел слух, что не погиб Петр Федорович, а тайными тропами пробрался в Черногорию и живет здесь, спасаясь от вероломной женушки.

Черногорцы были настолько уверены, что Степан и есть Петр Третий, что 17 октября 1767 года собрали народное вече и, пав на колени, просили его открыться – правда ли, что он император российский. Исторический факт: Степан Малый ответил: «Перед вами – император Петр Федорович! Я пришел сделать вас навсегда счастливыми!» Старцы черногорские вручили ему грамоту, где он признавался императором Черногории и Руси.

Самозванный император храбро боролся с турками во главе черногорской армии. Кстати, Черногория – единственная из балканских стран, не давшая османам установить над своей территорией иго. Турки никогда не управляли Черногорией, и в этом есть заслуга и лжеимператора Петра Третьего.

Но вот что странно: если остальных самозванцев Екатерина Вторая жестоко преследовала – достаточно вспомнить историю Пугачева и что с ним сделали, когда поймали, – то с этим своим «мужем» она поступила иначе. Императрица послала в Черногорию князя Юрия Долгорукого с приказом поймать Малого, заковать его в кандалы и доставить в Петербург. Долгорукий приехал в Черногорию, почти без труда арестовал его, но... побеседовав с ним после ареста, отпустил его с почетом, присвоил ему звание поручика армии российской, выписав ему патент и вручив мундир и шпагу.

Более того, он от имени Екатерины назначил его «Главным правителем черногорского народа». Вроде как матушка-императрица ему нечто другое назначивала...

Более того, не выполнив монаршего приказа, князь должен был понести суровое наказание. Однако за свою черногорскую миссию он был не только не наказан, но и щедро вознагражден.

Это, повторю, исторический факт. Но почему так все случилось, почему Екатерина так ласково отнеслась к своему черногорскому лжесупругу – историки спорят до сих пор. Ответа нет. Лишь гипотезы...

Но я все-таки о Негушах. Мы все еще там. Поговорим о негушском пршуте. Это сырокопченный

свиной окорок, приготовленный особым способом. Пробовали мы с Леной хорватский пршут, отведали итальянское прошутто – это все почти так же приготовленное мясо, но негушский пршут – это нечто особенное. Если кто его едал – со мной согласится.

В чем секрет негушского пршута? Кто-то говорит, что в особом горном воздухе, на котором сначала подсушивается натертый солью и душистыми травами свиной окорок, кто-то говорит, что секрет в том угле, на котором потом долго коптится мясо в специальных больших помещениях – сушинах. Мы заходили в одну из таких сушин. Представьте себе: под крышей, сделанной так, чтобы мясо постоянно обдувалось свежим воздухом, висят десятки огромных окороков. Для того чтобы пршут получился и был действительно деликатесом, его надо готовить не менее трех лет! Зато и храниться готовый пршут может очень долго. Но пршут, конечно, пршутом, а ничего ароматнее негушского домашнего ежевичного вина я в своей жизни не пробовал!

Пожилый мужчина, у которого я купил и пршут – он его делает в своей сушине, да тут в каждом доме своя сушина, – и домашнее виноградное вино, и ежевичное вино, рассказал мне о том, как они совсем недавно жили.

Когда в Югославии бушевала война, о Негушах все забыли – сюда не ездили туристы, не чистились горные дороги, а значит, и продавать свою продукцию негушцы не могли, не было денег – жители села жили, как в восемнадцатом веке, натуральным хозяйством. «Электричества тоже не было, хорошо еще что вода, запасы соли и дрова у нас всегда есть, а то бы вымерли все». Сейчас вроде как жизнь налаживается: туристы приезжают постоянно, работают небольшой ресторанчик, магазины. Негуши ожили.

Предприимчивые местные жители нашли еще один способ зарабатывать деньги. В Негушах сейчас построены так называемые экодомики. Мы их видели – это небольшие избушки, в которых из всех благ цивилизации есть только электричество. Туристы, что приезжают сюда пожить, дышат горным воздухом, используют только родниковую воду, едят экологически чистые овощи и фрукты, конечно же, сыр и пршут, пьют домашнее вино. Никаких телевизоров, радио и Интернета.

За такое экожитье-бытье в Негушах желающие на какое-то время породниться с матушкой-природой платят как за проживание в хорошей европейской гостинице...

СОН ДЕСЯТЫЙ. ЭТОТ МАЛЕНЬКИЙ ЦЕТИНЬЕ...

Мы вновь кочуем по горам в нашем почти уже родном автобусе.

Но это уже не те горы, что были до Негушей. Здесь почти нет растительности, одни камни на склонах. Здесь нет воды, поэтому люди в этих местах никогда не жили. Зато воевали. То на одном повороте, то на другом мы встречаем мемориальные доски, небольшие памятники югославским воинам, что сражались здесь с фашистами. Кое-где видны доты – укрепленные огневые точки, оставшиеся с той войны. Солдаты Тито давали тут жару оккупантам.

Постепенно спускаемся вниз, и пейзаж за окном автобуса меняется – вновь буйная зелень, горы – как в праздничных ярких нарядах.

Ненадолго останавливаемся на горной пасеке. Женщины тут же бросаются рассматривать изготовленные на пасеке кремы и прочие притирки и бальзамы на основе горного меда и воска, мужчины вождельно поглядывают на медовые настойки, сделанные на основе ракии с добавлением яблок, винограда и трав.

Каждому свое...

Еще немного дороги, и вот перед нами Цетинье, старая столица Черногории. Сейчас ее называют «конституционная столица», в отличие от Подгорицы – административной столицы страны.

Чуть-чуть не доезжая до самого города, видим заброшенную промышленную зону. Гид спросила: «Есть ли среди вас те, кто помнит, каким спросом в Советском Союзе пользовались югославские холодильники?»

Пожилый мужчина в шортах и растянутой на пузе футболке ностальгически мычит: «Да еще бы! И холодильники, и миксеры, и... Да их же было просто не достать!» «Вот! А холодильники эти производились именно здесь, на заводе в Цетинье. Когда Черногория пришла полная демократия, наши западные друзья решили, что промышленность Черногории вообще не нужна. Они сами хотели поставлять вам и холодильники, и другую бытовую технику. Завод закрыли, разграбили. Людей выкинули на улицу... Теперь у нас тут сплошной туризм...» Подумала и добавила: «Со слезами на глазах...»

Везжаем в старую столицу.

Цетинье всегда был небольшим городком. Столицей он стал в пятнадцатом веке, когда Черногория вела непрерывные войны с турками и надо было все управление землями черногорскими переместить подальше от театра военных действий. Тем более что сама эта местность – гористая и местами неприступная, мешала врагам добраться сюда. Когда нападения врагов были отбиты, Цетинье вновь впало в исторический сон до семнадцатого века, когда опять на Балканах вспыхнули войны с Османской империей.

Но своего расцвета город достиг при правлении

*Дорога-серпантин
близ Цетинье*

уже известного нам Николы Первого и его жены Милены. Тогда здесь закипела настоящая светская жизнь. Хотя...

Что представлял собой Цетинье в тот период, замечательно описал в 1866 году Викентий Макушев, русский историк, филолог и дипломат, член-корреспондент Петербургской академии наук: «Кто не бывал в Черногории, тот представляет себе Цетинье городом; но едва ли его 20-30 домов заслуживают названия даже деревни; впрочем, дома построены по-европейски и образуют правильные две-три улицы. Княжеский дворец, длинное одноэтажное здание с башнями по углам, построен князем Даниилом I по совету и внушениям его супруги, Дариньки, привыкшей к европейскому комфорту, ...а дотоле правители Черногории жили в монастыре... В Цетинье доселе не было гостиницы, и путешественник, не имевший доступа к князю, должен был останавливаться в грязной, дымной корчме и спать на нарах рядом с невзыскательными черногорцами; о кушаньях уже нечего и говорить... А между тем в Цетинье бывает много иностранцев, особенно в Петров и Духов день; а потому нужно пожелать, чтоб акционеры (большую частью которские православные купцы, акция по 100 гульденов) поскорее окончили постройку гостиницы, обещающей большие удобства путешественникам и, конечно, немалые выгоды её содержателям».

Такая вот была черногорская столица в середине девятнадцатого века...

Сейчас в Цетинье насчитывается примерно 19000 жителей, девяносто процентов из них – черногорцы, пять процентов – сербы. Улиц, конечно же, теперь в Цетинье гораздо больше, чем три, виденные нашим соотечественником. Все они красивые, чистенькие. С удовольствием по ним погуляли.

Наше путешествие по Цетинье начинается с церкви Рождества Богородицы, построенной в 1484 году на развалинах Старого Цетинского монастыря, который был почти полностью уничтожен землетрясением. Строгий, очень красивый храм. Но это не самое древнее здание в старой столице.

В 1405 году здесь была построена другая православная церковь – церковь Влашка, она отлично сохранилась. Возвели ее, по преданию, местные пастухи, а расписали специально приглашенные сюда греки. Позднее церковь была украшена оградой, которую сделали из оружия, отобранного у турок во время войны 1876 года.

Конечно же, мы посмотрели и построенный в 1867 году на месте того дворца, что видел Викентий Макушев, дворец короля Николы Первого, в котором он

жил с Миленой и своей многочисленной семьей до эмиграции во Францию в 1918 году.

Там – во Франции, в Антибе – он и Милена прожили до конца своих дней. Похоронены супруги были в Италии, а в 1989 году их прах и прах двоих их детей были перенесены в Черногорию.

Сейчас во дворце Николы – филиал Национального музея Черногории, там воссоздана обстановка, в которой жили последние черногорские монархи.

Небольшое отступление. Вот что интересно. Уже в двадцать первом веке черногорцы решили воздать должное своим правителям, и 12 июля 2011 года Скупщина Черногории принимает Закон «О статусе потомков династии Петровичей-Негошей». По этому закону потомками королевской фамилии признаются все мужские потомки Николы Первого, а также сыновья жен этих потомков. Им и членам их семей автоматически предоставляется гражданство Черногории с сохранением гражданства других стран. Титул «Представитель потомков династии» получает старший наследник Николы Первого мужского пола. На сегодняшний день им является праправнук Николы Первого, тоже Никола Петрович-Негош. Он родился и живет во Франции, по профессии – архитектор.

Поскольку младший из Негошей является любителем и ценителем искусств, то он дважды в год привозит в Цетинье своих друзей – художников, архитекторов и скульпторов – и устраивает там биеннале современного искусства. Благодаря этим творческим посиделкам старинная черногорская столица украсилась весьма странными, на мой взгляд, скульптурами.

Мы с Леной их видели, и особого восторга они у нас не вызвали. Но черногорцы, видимо, любят своего творчески мотивированного представителя потомков Негошей и прощают ему эти чудачества...

Никола Петрович-Негош по закону от 2011 года регулярно получает от государства зарплату, равную зарплате президента Черногории, имеет право использовать для своих нужд первый этаж дворца Петровичей в Подгорице. Кроме этого, потомкам Николы Первого предоставлен специально построенный для них дом в Цетинье, квартира в Подгорице, также они получают, если еще не получили, особняк Николы Первого в Негушах с прилегающими к нему садами и лугами. Ну и еще кое-что им полагается по закону...

Не обижены потомки Николы Первого современной Черногорией, прямо скажу!

Так вот, королевский дворец Николы Первого невелик собой. Это самый маленький королевск-

кий дворец, который я видел в своей жизни. Но какой замечательный королевский парк за этим дворцом! Идеальное место для отдыха уставших от государственных дел монархов.

Сейчас там отдыхают уставшие от путешествий и впечатлений туристы, такие как мы с Леной...

Рядом с королевским садом расположена официальная резиденция президента Черногории. Это совсем небольшой особнячок с миниатюрным парком, обнесенный кованым забором. На территорию резиденции можно пройти и сфотографироваться со стоящими на часах у парадного входа высоченными черногорскими гвардейцами в красных гусарских мундирах. Когда с ними фотографируешься, гвардейцы смущенно улыбаются...

У основания горы в Цетинье расположен Цетинский монастырь, одна из важнейших православных черногорских обителей, резиденция черногорских митрополитов, которыми, как вы помните, являлись также и владельцы Черногории. Построен он был вместо разрушенного старого монастыря, где сейчас стоит церковь Рождества Богородицы, в 1785 году. В монастыре хранится одна из самых главных святынь всех христиан – правая десница Иоанна Крестителя. Правда, на этой деснице не хватает двух пальцев. Видимо, им где-то в другом месте поклоняются, не знаю. Тут же верующие могут прикоснуться к частице Креста Господня. И здесь же – привет, Россия! – плащаница, вышитая собственноручно императрицей Екатериной Великой!

В Цетинском монастыре была основана первая в

Черногории типография. И до сих пор здесь хранится первая книга, напечатанная на южнославянском языке – «Октоих» – богослужебная книга, составленная в седьмом веке, в которой содержатся чинопоследования вечерни, повечерия, утрени и литургии. Книгу тоже можно увидеть.

В монастыре нравы суровые – нельзя громко разговаривать, нельзя ходить с оголенными конечностями и быть слишком веселым. Тотчас же к тебе подойдет суровый монах и негодуяще закрутит головой.

И тут же, в монастырском дворе, прямо на надгробии разложил какой-то суровый старец старые бумажные деньги разных стран и продает их. Видимо, богоугодное это дело.

Конечно же, если вы оказались в Цетинье, обязательно надо взглянуть на огромную рельефную карту Черногории, которую создали офицеры Австрийского Генерального штаба в 1917 году. На ней обозначены не только селения, дороги, бухты, но и отдельные дома. Карта находится в специальном стеклянном павильоне рядом с монастырем.

Когда уезжали из Цетинье, пошел мелкий грустный дождик. Небо старой черногорской столицы, наверное, жалело, что мы так мало здесь погуляли и не все посмотрели.

Прости нас, небо Цетинье, на большее у нас просто не было сил...

(Окончание следует)

Александр ЕРШОВ

родился в 1964 году в Медвежьегорске.

Окончил исторический факультет Петрозаводского университета.

Работал в печатных СМИ и на телевидении,

в настоящее время – в энергетической компании.

Автор книги «Городские истории. Путевые заметки» (Петрозаводск, 2011).

В журнале «Север» публикуется с 2011 года.

Член Союза журналистов РФ.

Живет в Петрозаводске.

Людмила БАСОВА

г. Владимир

Силла звезда Европа,
зеленые звезда Азия

роман

*Незавенному мужу
Леониду Пащенко посвящаю*

Глава 1

Полуживая возвращалась Алина с грузовой станции «Душанбе-2». Туда и в добрые времена было трудно добраться. Доехать до конечной 15-го автобуса, а потом своим ходом, никакого транспорта. Правда, можно было взять такси или остановить попутку. Но теперь ни автобусов, ни такси. Попутки, правда, нет-нет да встречаются на дорогах, только садиться в них опасно. Сядешь — и все, с концами. Разъезжают в автомобилях в основном исламские боевики. Мирные жители попрятались по своим норам, без особой необходимости на улицу не выходят. Но у Алины такая необходимость была: три месяца назад заказали контейнер, и ни с места. Вот и сегодня ей опять сказали, что очередь не продвинулась, контейнеры из России долго не воз-

ращаются, а желающих уехать из мятежной республики все больше и больше.

До дома уже рукой подать, уже почти дошла, но сил не было. Отекли, устали ноги. Да и жара сегодня — за тридцать перевалило, а ведь всего-то начало марта. Вот и решила Алина зайти в магазин, перевести дух. Покупать ничего не собиралась, да там ничего и не было, но когда-то в этот магазин поставляли продукты для диабетиков — дефицитную гречку, сладости на ксилите, тушенку, а то и постную говядину. Обустроен он был по-особому. Вдоль всей стены, напротив прилавка, удобная мягкая скамейка, чтоб могли больные люди, часами стоявшие в очереди, посидеть, передохнуть. Да и знакомый продавец Салим нравился Алине: не было в нем ни хамства, ни угодливости, столь сочетаемых в доблестных работниках прилавка времен застоя. Кроме того, Салим, как заметила Алина, с особым почтением относился к людям образованным, ученым, а значит, ко всем жильцам писательского дома, как его называли в народе: построен дом на средства литфонда. Ее, Алину, иначе как муаллима¹ не называл.

¹ Муаллима — учительница, наставница.

Слава богу, магазин открыт. Салим скучает за прилавком, а самое главное — прохладно.

— Добрый день, Салим! Можно у тебя передохнуть?

Салим приветливо улыбнулся.

— Отдыхай, муаллима. Видишь — продуктов нет, покупателей нет. Зато можно чай попить, у меня горячий.

— С удовольствием выпью, Салим, в горле пересохло.

Наливая зеленый чай в пиалу, скороговоркой стал говорить положенные приветствия в форме вопроса: все ли у вас хорошо, здоровы ли родные, как чувствует себя хозяин?

Алина кивала головой, в свою очередь осведомляясь о здоровье самого Салима и его семьи. Усталость отпускала, Алина блаженно расслабилась, не сразу восприняв вопрос:

— Квартиру, муаллима, продали?

Сразу же внутренне подобралась и, отставляя пиалу со словами благодарности, не торопилась отвечать. Ее уже не раз предупреждали: с этим поосторожней. Говорить надо — либо уже продали, либо вообще не собираемся. В микрорайонах продать жилье было практически невозможно, разве уж совсем за бесценок, чтоб хватило на отправку контейнера и билеты на самолет. Но за их квартирами в элитном доме велась настоящая охота. Посмотрела в лицо Салиму, встретила глазами и сказала как есть:

— Еще не продали, но договорились с надежным человеком.

Надежным человеком был их давний друг, Шавкат Гулямов, врач, преподаватель мединститута. За то время, пока подойдет очередь с контейнером, он собирался подзанять у родни денег. Конечно, квартиру можно было продать дороже, но рисковать Алина с мужем не хотели. Кроме того, что Шавкат свой, порядочный человек, его зять, летчик, обещал пронести с собой в самолет доллары, отдать их уже в Москве. Ведь устроили идиотизм: продавать квартиры можно, а вывозить доллары — нет.

— Куда едете, муаллима?

— Во Владимир. У нас там сын живет.

— Сын — это хорошо, — вздохнул Салим. — У меня пятеро детей и все дочки. Я их всех хотел выучить, всех... А-а-а, — махнул рукой Салим, и

Алина увидела, как запечалилось его лицо, как сжались, легли в скобочку полные губы.

— Ничего, Салим, может, все еще образуется, — произнесла Алина дежурную фразу, от которой самой стало неловко. Сейчас спросит — чего ж, мол, съезжаете-то?

Но он заговорил о другом.

— Муаллима, я почему про квартиру спросил... Если уезжаете, у меня родственник — таможенник, начальник. Не самый главный, но может помочь с контейнером. И чтоб досмотр не производили.

— Наверное, сам Бог мне сегодня подсказал: загляни к Салиму, — обрадовалась Алина. — Только что с контейнерного двора. Третий месяц на очереди — и ни с места. А что досмотр — так мы не боимся, ничего неположенного вывозить не собираемся.

— Вы не знаете, муаллима... Контейнеры у русских так просто не пропускают. Скажут — все выбрасывайте на землю, а потом начнут: это нельзя, это нельзя, хотя можно. Вы все сложите хорошо, а потом они так запихают, половина не влезет.

Алина согласно кивала, она уже не раз слышала о бесчинствах на таможне.

— Только знаете, за это платить надо... — Салим перешел на шепот, хотя в этом не было никакой необходимости. Время от времени в магазин заглядывали какие-то люди, но, увидев витрины, заставленные банками с виноградным соком и зелеными помидорами, тут же разворачивались обратно.

— Это понятно, Салим. Кто же станет делать бесплатно? Не беспокойся, деньги у нас есть, сын передал. А сколько надо, не знаешь примерно?

— Он сам скажет. Мы зайдем вместе, договоримся.

— Дай бог тебе здоровья. Будем ждать.

— Хозяину привет передавайте, — Салим вышел на порог, провожая Алину.

Домой Алина вернулась в хорошем настроении, дверь открыла своим ключом, чтоб не беспокоить мужа. Константин Леонидович сидел в кресле, на подлокотнике дымилась в пепельнице сигарета. Лицо мужа было отстраненно задумчивым, взгляд обращен внутрь себя. Алина глянула на беспорядочно разбросанные по сто-

лику пожелтевшие газеты и журналы и догадалась, в каких даях он сейчас витает...

Десять лет назад Константин Леонидович попал в автомобильную катастрофу, с тех пор хромал, ходил, опираясь на трость. Три операции мало чем помогли: левая нога так и осталась короче, не гнулась в бедре. Тем не менее в мирное время он не очень страдал от своей хромоты. Они жили в самом центре Душанбе, все было под рукой: редакция литературного журнала, в котором он уже лет двадцать трудился, в нескольких минутах ходьбы от дома, рядом автобусная и троллейбусная остановки. По субботам, как правило, объезжал все книжные магазины города, а в воскресенье отправлялся на Зеленый базар, хотя Путовский базар находился на одной улице с ними, надо лишь пройти по подземному переходу. Просто Зеленый был живописнее, богаче, торговали там в основном узбеки, а не таджики, и Константин Леонидович, покупая приправы к плову или свежую зелень, иногда подолгу беседовал с ними на узбекском языке... Теперь, когда встал общественный транспорт, а на улице стало опасно выходить и здоровым-то людям, он словно обезножил. Все хлопоты, связанные с отъездом, легли на Алину, и муж чувствовал себя не у дел, переживал, что не может помочь, хотя это было не так. Целыми днями он упаковывал в коробки книги, разбирался с архивом. Они давно уже были профессиональными литераторами, больше, правда, переводили, чем писали и издавались сами (особенности национальной политики в республиках Союза), но архив Костя собирал еще с журналистской юности, еще с тех времен, когда работал в Узбекистане собкором молодежной газеты в Голодной степи. Причем хранил не только номера со своими поэтическими подборками, но и с репортажами, очерками, а также первыми рассказами Алины.

— Милый, ты где, ау? — позвала Алина.

— Слава богу, вернулась, — встрепенулся Константин Леонидович. — Вроде тихо, не стреляют, а все равно, как уйдешь, места себе не захожу...

— Да брось ты... Все хорошо. Лучше расскажи, в каких даях витал?

Взяла в руки газету.

— Ага, «Комсомолец Узбекистана». И что же здесь за красавец?

Константин Леонидович действительно был, как выражалась одна из приятельниц Алины, красив до неприличия. Даже сейчас, когда уже перешагнул пятидесятилетний рубеж и стал совершенно седым. Но это была зрелая, отточенная временем, освещенная пережитым красота. А здесь, на черно-белом, уже выцветшем снимке, он был чудо как хорош. Стоял на фоне бескрайней степи, чуть-чуть задрал голову, с улыбкой во все лицо, с раскинутыми в стороны руками, словно собираясь взлететь. Екнуло, забило часто-часто сердце... Вот таким Алина повстречала его почти тридцать лет назад. Повлажневшими глазами пробежала по строчкам стихотворения под заголовком «Степь моей юности»:

*Дни так горячи, ночи так коротки,
Дороги, как ветер, внезапны.
Я люблю вас, вагонные городки,
Поезда, уходящие в завтра...*

Дальше читать не смогла, да в этом и не было необходимости: она помнила его наизусть.

Через день пришел Салим вместе с родственником — суетливым маленьким человеком неопределенного возраста по имени Бахтиер. Тот походил по квартире, раскрыл несколько коробок с книгами, пострелял глазками направо-налево, спрашивая при этом, правда, скорее с утвердительной интонацией: оружие не везете, наркотиков нет, да? Договорились. В пятницу после обеда приедет машина с контейнером, останется на ночь, грузите спокойно, не торопитесь. Утром подойдет водитель, вы поедете вместе с Салимом, там будет Саид, скажете ему, что Бахтиер сам все смотрел. Деньги давайте сейчас.

Взяв деньги, все-таки осведомился:

— Квартиру продали?

— Продали, — ответила Алина, выразительно глянув на Салима. Тот незаметно кивнул: понял, мол...

— Жаль-жаль, — покачал головой Бахтиер. И вдруг накинулся на Салима: — Ты знал, почему не сказал?

— Он не знал, — вступилась за Салима Алина. Посмотрела на ставшее злым лицо Бахтиера, на мелкие хищные зубы, вдруг прикусив-

шие нижнюю губу, и подумала: Господи, как хорошо, что не стали гоняться за ценой, ждать «дорогих» покупателей. Хоть бы все получилось с контейнером...

Если бы не бесценная библиотека, которую они с Костей собирали всю жизнь и где не было ни одной случайной книги, ни за что не стали бы связываться с контейнером. Мебель допотопная, телевизор и холодильник тоже свое отслужили. Но коль уж все равно проходить через эти тернии, то Алина решила брать все, вплоть до мелкого кухонного скарба. Еще неизвестно, как сложится жизнь там и будет ли на что покупать те же ложки-плошки...

Грузили до позднего вечера. Пришли помогать те из друзей, кто еще оставался в городе, но основной рабочей силой были соседи — причем самого разного возраста — от десятилетних мальчишек, подтаскивающих что полегче, до пожилых мужчин. Они же и дежурили до утра во дворе, стерегли контейнер.

Утром Алина села в «Жигули» к Салиму, и они поехали вслед за грузовиком...

К ним сразу же подошел таможенник — коренастый, в камуфляжной форме. Некрасивое, смугло-кирпичное лицо, мало похож на таджика: глаза узкие, нос приплюснутый, с вывернутыми ноздрями. Уйгуры² в роду подмешаны, — машинально отметила про себя Алина.

Рывком распахнул дверцы контейнера, не глядя на Алину, бросил:

— Выгружать на досмотр сами будете? Если наши грузчики — платить надо.

— Подожди, брат, — подошел к нему Салим и заговорил по-таджикски, — тебя как зовут, уважаемый? Саид-ака, да? Вот хорошо... Бахтиер велел тебе передать, что сам смотрел, мы договорились, что больше смотреть не будут. Спроси у него, если не веришь.

— Э-э, — таможенник покачал головой, — Бахтиера сейчас нет, откуда я знаю...

— Клянусь, брат... Если забыл, давай найдем его.

— Бахтиер, Бахтиер... Родственник, говоришь? Бахтиер — хороший человек. Сам живет и нам дает. Не придет он, не надо ждать. Эй, Мумин! — окликнул стоящего неподалеку парня. — Иди сюда, выгружать будем.

Салим беспокойно оглянулся на Алину Нико-

лаевну. В отличие от таможенника, он знал, что она понимает каждое слово.

Парень ленивой походкой подошел к контейнеру. Этот был красавец. Матово-смуглый, с правильными чертами лица, с копной густых черных волос и серыми глазами.

Памирец, потомок Александра Македонского. Если верить истории, полководец вырезал в горных кишлаках мужчин и оставлял своих воинов для потомства, — подумала Алина и тут же одернула себя: «Господи, о чем это я? Зачем мне это сейчас?»

Подошла к таможеннику:

— Вы знаете, Бахтиер действительно сам делал досмотр. У нас ничего такого... Мы писатели, люди мирные. Только старая мебель и книги. Картин несколько.

Парень спросил:

— Что, Саид-ака, начинать?

Саид между тем вытащил аккуратно заложенную между стенкой контейнера и коробкой с книгами картину, разорвал бумагу, в которую она была упакована. Пейзаж в темных, почти в черных тонах был написан маслом на куске старой фанерки.

— Говоришь, картины, да? На картин тоже разрешение министерства культур-мультур надо, не знаешь? — таможенник заговорил теперь по-русски.

— Нет, — растерялась Алина. — Но видите ли, это картины, как бы вам сказать... Самодеятельные. Они не представляют ценности. Только для нас.

— Э-э, все так говорят. Фанера старый, плохой, некрасивый, а потом получится, что это Пикас-с-с, — таможенник победоносно глянул на Алину. — Думаешь, только вы умные, а я тут... ахмак, да?

— Я так не думаю. Только уверяю, что работ Пикассо нет вообще в Таджикистане.

Саид-ака согнул фанерку, она вдруг хрумкнула, и Алине показалось, что также хрумкнуло у нее внутри, около сердца, старая картина была семейной реликвией.

— Саид-ака, брат, так нельзя, так нечестно, Бахтиер обещал, — заволновался Салим.

— Послушай, а ты что для русских так стара-

² Уйгуры — народность в Средней Азии.

ешься? Продался, да? А может, ты ее... того? — манипулируя пальцами, сделал неприличный жест. — Что, молоденьких русских мало?

Салим побагровел и пошел на таможенника.

— Салим! — испугалась Алина.

И в это время на другом конце двора раздалась автоматная очередь. Салим остановился.

Саид, подмигнув Мумину, осклабился.

— Послушайте, — Алина держалась изо всех сил. — Давайте по-хорошему. У меня есть деньги. Сколько надо?

— По-хорошему — почему нет? — продолжал ухмыляться таможенник. Взяв деньги, сказал Мумину по-русски:

— Давай опечатайвай, будем отправлять, — и добавил по-таджикски: — Скажешь ребятам — грузить будут, пусть тряхнут хорошенько. Ей в России дрова нужны будут, печку топить.

В машине Алина заплакала. Салим пытался ее успокоить, оправдывался:

— Муалима, хлебом клянусь, я не знал, что так будет. Это не люди... И Бахтиер, родственник мой... Это кучук³, хар⁴, честное слово...

Алина плакала и повторяла:

— Салим, веришь, сколько помню себя... Сколько помню себя, Салим...

Она хотела сказать, наверное, очень много — о том, что родилась в Душанбе, прожила там почти полвека, что с Таджикистаном связана вся ее жизнь. Но фраза не выговаривалась, не вмещала нахлынувшие чувства, и Алина опять повторяла:

— Сколько помню себя...

Дорогие мои старики

Моя бабушка Оля вместе со своей сестрой Тоней, которая пришла к нам в гости, пьют чай из блюдец и ведут неторопливый разговор. Мне страсть как хочется послушать, о чем они говорят, и я стараюсь придумать дело, чтобы остаться здесь, на веранде. Беру деревянную колодушку, бидончик, наполненный сметаной, и начинаю сосредоточенно сбивать масло. Теперь уж бабушка не должна прогнать меня на улицу, по опыту зная, что потом не заставит заниматься этим нудным делом. Пристраиваюсь на кровати, за печкой, и во все глаза гляжу на бабушку Тоню.

Бабушка Тоня совсем необычная бабушка.

Когда они вместе с моей бабушкой остались сиротами, то присматривала за ними их бабушка, деревенская колдунья. А когда эта совсем старенькая бабушка-колдунья собралась умирать, то долго мучилась и помереть никак не могла, потому что ей надо было освободиться от своего колдовского дара, передать его кому-то. Но передать она могла его только с каким-нибудь предметом. А поскольку никто не хотел становиться колдуньей, то никто к ней и не подходил, хотя она стонала, мучилась и всем протягивала то кружку, то щепотку сена, вытащенного из матраса, то веник, почему-то лежавший рядом с умирающей. Оле было уже двенадцать лет, она все понимала и потому не подходила близко к своей бабушке. А Тоне всего четыре, и только взрослые упустили ее из виду, как она кинулась к бабушке и взяла из ее рук этот проклятый веник. Тогда якобы бабушка-колдунья сказала: «Отпусти, господи», и перекрестила бабушку Тоню, с тем и померла.

Девочек-сироток привели к приходскому священнику, который вроде бы приходился родственником колдунье, но не признавался в этом. Сирот, однако, взял в дом, но все приглядывался к бабушке Тоне, не проявится ли в ней колдовской дар. Дар не проявлялся, девочки росли послушными и трудолюбивыми. И все забыли про завещание колдуньи, а вспомнили много лет спустя, когда свершилась уже Октябрьская революция и бабушка Оля вышла замуж, а бабушка Тоня ходила в невестах и на все окрестные села славилась своей красотой. И полюбил ее красавец парень, который работал в милиции. И будто бы ему в этой милиции сказали: или женишься на поповской родственнице, или останешься работать в милиции. И он выбрал милицию и женился на комсомолке Даше. И тогда Тоня сказала ему, что будет он всю жизнь ее помнить... Только то и сказала. Но после этих слов стал он сохнуть и из красавца превратился в Коцея Бессмертного, и никакой доктор не мог найти причину такой сухотки. Бросил работу в органах или его оттуда выгнали, потому что какой же работник из такого высохшего человека, и все время сидел на крыльце у бабушки Тони, а надо сказать, что она, после того как любимый предпочел

³ Кучук — собака.

⁴ Хар — ишак.

ей милицию, ушла из дома дяди-священника в одинокую, забитую до тех пор избушку бабушки-колдуньи. Говорят, что комсомолка Даша приходила к бабушке Тоне и просила простить мужа и отпустить от себя. И вроде бы бабушке Тоне стало жалко комсомолку Дашу, она даже заплакала и ответила, что ничего теперь сделать не может.

Тут, я помню, выражала сомнение в том, что комсомолка Даша приходила просить бабушку Тоню. Потому что в ту пору уже была комсомолкой моя старшая сестра Вера и я знала, что комсомольцам не положено верить в такое. Тогда моя бабушка Оля, не раз рассказывавшая мне эту историю, обижалась и говорила, что если я не верю, то зачем тогда пристаю, и продолжала лишь после того, как я изрядно надоедала ей своим канюченьем.

И вот однажды поутру, выйдя из дома, бабушка Тоня увидела некогда красавца парня под своим крыльцом мертвым. Она взяла его на руки, ведь он был легонький, как малое дитя, потому что совершенно высох, и отнесла его к комсомолке Даше. Вдвоем они его и похоронили. И бабушка Тоня так и не вышла никогда замуж. А глаз у нее становился все дурнее и дурнее, и поселковые прятали от него и малых детей, и скотину, чтобы ненароком не сглазила.

Но кто бы подумал, что бабушка Тоня уйдет на гражданскую войну и будет санитаркой в отряде красноармейцев. И хоть называлась она просто санитаркой, на самом деле врачевала раны разными травами и даже заговаривала. А красный командир был от бабушки Тони без ума и никогда с ней не расставался. И она отводила от него вражеские штыки и пули. И только один раз, отправляясь в особенно тяжелый бой, уговорил ее остаться, ссылаясь на то, что в отряде много раненых и их нельзя оставлять без присмотра, а на самом деле боялся за бабушку Тоню, потому что любил ее больше жизни. Однако бабушка Тоня разгадала такой маневр и наотрез отказалась остаться. Но командир очень рассердился и сказал, что приказывает ей это как красный командир красному бойцу. И что если она не послушает приказа, значит, изменит делу революции. После этого бабушке Тоне ничего не оставалось делать. Но в этом бою красный командир сложил свою голову. Бойцы принесли его на шинели уже остывшего. И бабушка ничего не

могла сделать. А если бы он был еще не остывший, если в нем хоть немножко теплилась бы жизнь, она, конечно, оживила бы его своими колдовскими чарами.

Мне было очень жаль, что к тому времени, когда бабушка Тоня воевала с красным командиром, уже не было в живых высохшего жениха из милиции. Потому что, мне кажется, тогда бы он просто так высох, от жалости и позднего раскаяния. И еще я думаю, что бабушка Тоня тоже полюбила этого красного командира и, наверное, нарушила бы обет безбрачия, который, по видимому, дала после того, как высох ее жених. Но окончательно убедившись после гибели командира, что в любви ей не везет, перестала раз и навсегда о ней даже думать.

Вот такая смелая, не похожая на других бабушек, была бабушка Тоня. И больше всего она была непохожа на свою сестру, мою родную бабушку Олю, которая по характеру была очень мягкая, хотя, конечно, и в ее жизни были поступки решительные и смелые. Взять хотя бы ее замужество...

Ей было пятнадцать лет, когда к священнику в дом пришел хромым, почти тридцатилетний, да еще рыжий, мастер по швейным машинкам. Увидев хорошенькую сиротку, он через несколько дней прислал сватов. Семья Ивана пользовалась на редкость дурной славой. Его вдовый отец не обвенчался, как положено, с новой молодой женой, а жил с ней как с сожительницей. Причем эта сожительница не только сама курила, но научила курить двух сестер Ивана, девок-перестарок, которых, может быть, поэтому никто и не засватал, что отец жил невенчанным, да и были они в селе люди сравнительно новые, невесть откуда взявшиеся и ко всему этому не ходили в церковь.

И тогда-то, пожалев мою бабушку Олю, кто-то написал священнику записку такого содержания: «Если вам сироту не жалко, то лучше наденьте ей камень на шею да утопите в реке». А река в их селе Рудня Балашовской области действительно была, называлась она Хопер. Но священник, естественно, топить бабушку Олю не стал, а согласился выдать ее замуж. Но что самое удивительное, бабушка Оля не была против. Неизвестно почему, но и ей приглянулся хоть хромым, хоть рыжий и старый, но все-таки сим-

патичный мастер по швейным машинкам. В общем, бабушка Оля стала на шестнадцатом году женой моего дедушки Ивана и, как она говорила, никогда не покаялась в этом. В доме мужа ее жалели и лелеяли, а отец моего деда иначе как кудряшечкой, потому что бабушка Оля была неистово кудрява, — не называл. Дед был мастеровой, знал немало ремесел, даже печи сам клал, а бабушка Оля родила ему шестерых детей, пять девочек и одного сына Николеньку.

Дед Иван детей любил без ума, о чем я сама знала, судя по тому, как он любил нас, внуков. Но характер у него был одновременно и очень добрый, и вспыльчивый. А ругался он так, как больше не умел никто. Рассердившись, кричал: «Родимец тебя расшиби!» Я очень долго думала, что родимец — это что-то вроде сердитого бога, который должен ударить и расшибить человека. И только став взрослой, узнала, что родимец — это болезнь, которую дед мой призывал на голову разгневавших его людей.

Бабушка Оля рассказывает, что однажды я, лежа в люльке, ни с того ни с сего раскричалась, а она хотела во что бы то ни стало доварить борщ и уговаривала меня ласковыми словами, просила потерпеть. Но я, однако, ни на какие уговоры не шла и орала что есть мочи. Дед под этот мой крик незаметно вошел в дом. Постояв минутку-другую, грозно осведомился у бабушки Оли, не оглохла ли она, на что та виновато ответила, что хочет доварить обед.

— Ах ты, родимец тебя расшиби! — заругался дед. — Ребенок, значит, разрывается, а ей борщ приспичил!

И, подскочив на хромой ноге, взял кастрюлю и опрокинул ее наземь. И вся семья осталась без ужина, что по тем временам было очень даже плохо. Но дедушка, тут же успокоившись, сказал:

— Ничего, чайку попьем.

Вспышки такого часто неоправданного гнева мне не раз приходилось видеть, но я несколько не боялась. Я только ждала, когда дед что-нибудь бросит на пол или крепко стукнет кулаком по столу. Тогда, объясняла бабушка Оля, он отходит сердцем. Она даже старалась подсунуть ему деревянную миску либо железную кружку, чтоб те не разбились. И подбирала их со словами: «Вот и хорошо, и слава богу...»

И еще был, пожалуй, один решительный поступок со стороны бабушки Оли, в котором, однако, есть кое-какие сомнительные моменты.

Дед мой, который из-за хромой ноги в гражданскую не мог воевать, ушел в дальние края на заработки — плотничать, чинить швейные машинки да класть печи. В это время шли в Рудне ожесточенные бои, и бабушка Оля спасла раненого красногвардейца.

— Захожу в сарай за сеном, корову накормить, — рассказывает бабушка, — слышу, а в сене кто-то дышит. Я перекрестилась: батюшки-светы... Пригнулась: человек, весь кровью залитый...

В общем, выходила бабушка красногвардейца. И мне эта история из бабушкиной биографии очень нравилась. Но однажды черт меня дернул спросить:

— Бабушка Оля, а откуда ты знаешь, что это был красноармеец?

Бабушка Оля посмотрела на меня, помолчала и сказала:

— Так мне думалось.

— А может, это беляк был?

— Все может быть, — согласилась спокойно бабушка Оля. — Я тогда про это не думала...

— Да как же так? — заплакала я. — Это же был наш враг!

Бабушка Оля махнула рукой:

— Какой там враг... Ему всего-то лет семнадцать было...

Мне хотелось помочь вспомнить бабушке Оле, что это был именно красноармеец.

— Бабушка, — умоляла я. — Ну, подумай, кто тогда отступал?

— Кажется, красные, — неуверенно говорила бабушка. — Или нет, белые... Забыла я...

— Ну а кто деревню занял, помнишь?

— Вроде зеленые...

Вот такой невыясненный факт остался в биографии моей бабушки Оли.

Но, пожалуй, самым решительным и настоящим мужественным поступком со стороны бабушки был отъезд из родной Рудни в Душанбе, вслед за моими родителями, геологами, которые по комсомольской путевке поехали в молодую республику, так нуждавшуюся в молодых специалистах.

К тому времени родилась моя старшая сестра Вера, а меня и моего брата Витюни еще на свете

не было, когда бабушка единственный раз, по его признанию, предоставил бабушке Оле самой решать такой жизненно важный вопрос, и она сказала: «Поедем!»

— Уже весь скарб собрали и во дворе стояла загруженная телега, чтоб везти нас к поезду, — вспоминает бабушка Оля, — я вошла в свою хату, поклонилась в тот угол, где висела икона, и говорю: «Ну, пошли, пора, батюшка».

— Это ты кому, Божьей матери?

— Домовому, — шепчет бабушка Оля. — Домового если не позвать, он может обидеться и сам не пойти...

— А зачем он нужен?

— Эко, скажешь... — бабушка Оля смотрит с укоризной. — Как же без него...

С домовым у нее свои сложные отношения. Он вроде бы и очень хорошо относится к бабушке Оле — не щекочет ее и не душит и о несчастьях предупреждает, но помочь, видно, не может.

Так, перед войной, когда нас с братом еще не было на свете, он всю ночь кряхтел, стонал и вздыхал. Наконец бабушка, понимая, что он хочет и никак не решится сказать ей о какой-то надвигающейся беде, решила помочь ему:

— К добру, батюшка, или к худу? — спросила она, и домовый ответил:

— Ох, к худу...

А утром объявили войну.

И еще раз предупредил он ее о несчастье — перед гибелью моей мамы. Тогда нас у нее стало уже трое. Я появилась на свет огненно-рыжей, похожей на своего дедушку Ивана. Это потом мои волосы посветлели, стали золотистыми. А тогда решили, что самое подходящее имя для меня — Аля, только долго ломали голову, каким должно быть полное — Альбина, Алевтина, Алла? Остановились на Алине... Младшего брата назвали Витей в память о священнике, воспитавшем бабушку. А через несколько лет погибла в самолетной катастрофе мама. И тоже накануне вздыхал, всхлипывал домовый.

Конечно, вроде бы какой смысл в предупреждении домового, если избежать несчастья невозможно? Но, оказывается, есть у него и другие заботы. Вот, например, в послевоенные годы, когда в Средней Азии, а может, и во всей стране, было полно шпаны и о кражах слышалось то и дело, в наш дом ни разу не за-

лезли воры, в чем, как считала бабушка, заслуга полностью домового. Правда, я не знаю, что бы воры смогли найти тогда в нашем доме, но это уже другой вопрос.

Наш домовый, кроме прочего, был еще и большой шутник. Иногда поутру никак не найдешь брошенную с вечера майку или тапочки. И уже пускаешься в рев, как бабушка скажет: «Ну-ка, успокойся да попроси: батюшка домовый, поиграй да отдай». Я тут же успокаивалась и начинала подсматривать: куда же он бросил мою маечку? И находила ее либо под кроватью, либо еще где...

...Бабушки Оля и Тоня пьют морковный чай с сахарином и говорят о неинтересном. Я перестаю слушать, задумываюсь и мечтаю о том, чтобы оказаться поблизости, когда будет умирать бабушка Тоня, хотя я ее люблю и не хочу, чтоб она умирала. Зато уж обязательно возьму у нее из рук веник или какой другой предмет. И если изменит мне парень-красавец, непременно высушу его. Однажды я даже поделилась своей мечтой с бабушкой Олей, чем очень напугала ее.

— Упаси тебя бог! Колдуньи-то — они все несчастные. У них так на роду написано...

Я уже задремала со своей колотушкой за печкой, когда в дом ворвалась соседка Сидоровна. Оказывается, ей кто-то сказал, что к нам пришла бабушка Тоня, и она прибежала, чтобы излить ей свою обиду.

Дело в том, что на днях у Сидоровны сдохла коза, которая им молока давала почти как корова, и шерсть с нее настригали на носки ребятам, и вообще была хорошая и здоровая коза, а сдохла, как считает Сидоровна, от дурного глаза моей бабушки Тони.

— Ой, да как же это я не укараулила, — причитает Сидоровна и прокликает бабушку Тоню, грозит, что отольются ей слезы малых детей...

Мне жалко и козу, и Сидоровну, и бабушку Тоню, которая ни слова не произносит в ответ на обвинение нашей соседки, молча встает, крепче подвязывает платок под подбородком и выходит из дому.

Я бегу за ней и прошу:

— Бабушка Тоня! Скажи, что ты нечаянно глянула на козу. Ты ведь правда не хотела, чтоб у Сидоровны детишки без молока остались?

— Дите глупое, — бабушка Тоня гладит меня по голове. — Да неужто и ты думаешь, что коза с дурного глаза подохла?

— А с чего же? — удивляюсь я.

— Кто его знает с чего... Может, съела чего нехорошее или клещ внутренний напал...

— Почему же ты не сказала это Сидоровне?

— Не поверит, — удрученно говорит бабушка Тоня. Я замечаю у нее в глазах слезы, но все же спрашиваю:

— Бабушка Тоня! Но ведь все знают, что ты колдунья. Ребятишек-то как лечишь?

— Травами лечу, тут колдовать не надо. А вывихи вправлять да кости сломанные на место ставить еще в гражданскую научилась.

Тогда я решаюсь на крайнее:

— Бабушка Тоня! А как же это ты без колдовства жениха высушила? Или это все тоже неправда?

— Не я, а совесть его высушила, — говорит бабушка Тоня.

Вся в смятении, я провожаю ее до самого домика, до ветхой избушки, которая, как и некогда в Рудне, стоит у самого края нашего поселка — дальше идут уже хлопковые поля. Бабушка Тоня хоть и поехала в Среднюю Азию следом за сестрой, но, верная себе, жила одиноко. И что удивительно — ее очень любили таджики, водили к ней своих больных ребятишек, а вот русские сторонились, хотя вовсе и не чурались ее помощи. Та же Сидоровна приходила однажды со слезящимся, красным глазом — никак не могла достать соринку. А бабушка Тоня из глаза что хочешь достанет языком. Я удивляюсь — не противно ли ей языком в глаза чужого человека лазить, однажды, когда она достала таким образом соринку у рыбака-выпивохи, спросила ее об этом.

— Чище глаза ничего нет, — сказала бабушка Тоня. — Он слезой оmyвается...

... Раннее утро. Я просыпаюсь от негромкой перебранки, с которой начинается каждый день в нашем доме.

Дело в том, что бабушка Оля каждый день встает в пять утра, а дедушка любит поспать подольше. Теперь-то я понимаю, бабушка Оля была жаворонком, а дедушка — совой, потому-то и ложился дедушка поздно и все ворочался, не засыпал. А бабушка Оля, чуть смеркалось, начинала

подремывать. Но они-то не знали про такое психологическое разделение людей, а потому бабушка Оля, которая к семи часам уже побывала на базаре, разожгла печь, подоила корову и начистила картошки на завтрак, начинала ворчать:

— Господи! И как это можно столько спать, куда только сон лезет...

Дед в белой исподней рубашке и кальсонах садился на кровати, и сетка под ним сурово трещала.

— Ну, посплю я, так что тебе от этого? Жалко, что ли?

— Да спи, пожалуйста, — пожимала плечами бабушка. — Ты мне что, нужен? Спи! Я только удивляюсь — как это можно столько спать?

Мне смешно, потому что ссора эта настоящая, незлая.

Дед опять ложится и начинает похрапывать. Но бабушка не успокаивается.

— А потом жалуется — голова болит, — говорит она, ни к кому не обращаясь. — Как же не будет болеть — столько спать?

Я знаю, что сейчас будет, и жду.

— Черт бы тебя побрал, — кричит дед и, вскакивая, натягивает на себя рубаху и штаны. — Ну, встал, встал! Потешила душеньку? Ишь ведь как тебе пригорело!

Дед садился на табурет, а сидел он, между прочим, совершенно замечательно: одну ногу под себя, другую сгибал в колене и пристраивал тут же на табурете и начинал мрачно крутить козью ножку.

Бабушка Оля принимается будить нас, детей. Вера вставала сразу, она была очень послушная. Мы же с Витюней старались урвать минуту-другую и понежиться в постели. Будила нас бабушка ласково, не раздражаясь, но особенно нежной была к брату.

— А вот уж и солнышко встало, смотрит: что это Витюня заспался... Ишь, в окошко заглядывает...

Вообще, брата бабушка Оля и дедушка любили больше всех. Может быть, потому, что он был один мальчик. Из своих детей они тоже больше всех любили Коленку. Но мне теперь кажется, что бабушка Оля чувствовала, каким коротким будет его век, и старалась одаривать его любовью в концентрированном виде, зная, что на его долю выпадет ее не так уж много. Брат умер рано.

Вера была чернявая, похожая на маму и очень худенькая, но никогда не болела. Я же, наоборот, розовощекая и толстая, но болела постоянно и поэтому сердилась на сестру, будто она присвоила обличье, приличествующее мне. А у Витюни были необыкновенные глаза, будто он чему-то одновременно и удивлялся, и радовался. И это детское выражение глаз сохранилось у него на всю жизнь.

Я еще не хожу в школу. Мне, правда, восьмой год, но тогда брали в школу с восьми. Торопиться некуда, но я тоже встаю. Прислушиваюсь к шуму базара — он расположен прямо у нас под окнами. Одеваюсь и выскакиваю, словно ныряю сразу в это цветастое многоголосье. Наверное, с той самой поры я люблю по сей день наши душанбинские базары. Меня знают почти все продавцы, потому что многие, не распродав товар, оставляют его на ночь в нашем дворе. Бегу, поеживаясь от утреннего холода. Подпрыгиваю и напеваю: «Ой, какие красивые помидоры, какие красивые дыни, ой, какая зеленая травка...»

Но я не останавливаюсь ни у помидоров, ни у дынь. Бегу в самый конец базара, мимо фруктов и овощей, зеленого клевера, снопами продававшегося на корм скоту, мимо огурцов и арбузов. Бегу туда, где продается мешалда. Не знаю, есть ли другое, более правильное или русское название у этой вкуснятины — не знаю, потому что сейчас она совершенно исчезла с наших базаров. А что это такое — попытаюсь объяснить. Это взбитый с сахаром мыльный корень. Но тогда, слава богу, я этого не знала. Знала только, что это вкусно-превкусно. Позже я пыталась сравнить мешалду со взбитыми сливками или взбитыми белками яиц — но мешалда еще воздушней, еще белее, еще вкуснее.

— А, янгашка,⁵ — кричит рыжий-рыжий, единственный рыжий на всем базаре таджик.

Я вынимаю рубль, который выпросила с вечера у бабушки, подставляю захваченную из дома пиалку, и он щедро, с походом кладет мне эту воздушную массу, это белое облако, это объедение.

Назад бегу вприпрыжку. Но время от времени останавливаюсь и облизываю верхнюю часть белой горки, возвышающейся над пиалой.

И вдруг слышу: «Гуля, Гуля!» Это меня. Это бабушкин приятель, который всегда оставляет у

нас свои мешки, зимой приходит погреться, а в другое время просто так, выпить пиалу чая. Меня он очень любит, но вместо Али зовет на таджикский манер Гулей. А бабушку мою зовет Мамашкой, хотя сам тоже старший, еще старше нее. И мы, едва он постучит в окно, кричим: «Мамашка пришел!» Так и привыкли. Я кричу: «Салом, Мамашка!»

— Ой, Гуля, — радуется он и дает мне две большие зеленые редьки, потому что торгует Мамашка редькой.

— Приходи чай пить, Мамашка, — зову я.

— Хоп-хоп⁶, — кивает он.

Прихожу домой, угощаю мешалдой бабушку Олю и дедушку, они отказываются, и я доедаю ее всю и облизываю пиалку.

Теперь во двор. Я еще не видела сегодня корову, нашу красавицу, нашу кормилицу, как говорит бабушка Оля. Она серая, комолая, что, оказывается, значит безрогая. У меня для нее гостинец — кусочек хлеба, посыпанный солью. Она осторожно берет губами хлеб, а потом еще долго лижет мне руки шершавым языком. Тут же, за загородкой, куры. Заглядываю в гнездо — сидит пеструшка. Жду, когда она встанет, раскудахнется, и я принесу в дом яичко. Но она никак не встает, и я волнуюсь, не собралась ли в наседки. А наседка у нас уже есть, уже скоро должны быть цыплята. Подхожу к гнезду — хватить, и курица у меня в руках. Щупаю толстую пушистую попку и чувствую под рукой твердую округлость. Значит, яичко есть.

А с цепи рвется, весь исходя любовью и ревностью, пес по имени Светлый.

— погоди, сейчас, сейчас, — кричу я и залезаю к нему в будку. Светлый одновременно визжит от восторга и поскуливает, жалуясь на то, что его посадили на цепь. Но иначе нельзя — он прыгает через забор и устраивает на базаре переполох. Поэтому до обеда, пока не разойдется базар, и сидит на цепи.

Светлого я нашла на улице маленьким щенком, и кто бы мог предположить, что он окажется чистопородной овчаркой — колли. Мы бы и сами об этом никогда не узнали, если бы однаж-

⁵ Янга — сноха. Янгашкой в шутку называли маленьких девочек.

⁶ Хоп-хоп — ладно, ладно.

ды не пришел пограничник и не сказал деду, что хочет купить его для границы.

— Кого? — удивился дед. — Нашего кобеля?

— Да, — подтвердил пограничник. — Вашего кобеля.

— А где ж ты его видел? — опять удивился дед, хотя в этом не было ничего удивительного, потому что во внебазарное время пес носился с ночи до утра по улицам.

— Нет, не продам, — сказал дед, не дождавшись ответа, уточнявшего, где именно видел пограничник Светлого.

— Пятьсот рублей, — заметил пограничник, что было неслыханно дорого.

Тут дедушка уже удивился по-настоящему.

— За этого дурака-то?

— Выучим, это уж не ваша забота, — ответил пограничник.

— Шалавый пес, — сокрушенно сказал дед. — Беспутный. Он и двор-то не сторожит, чего ему на границе делать...

— Вот и продайте, раз шалавый, — пограничнику, видно, стал надоедать этот разговор.

— Нет, не продам, — твердо сказал дедушка.

— Вот чудной старик, — удивился теперь пограничник. — На что он вам, если шалавый и двор не сторожит?

— А так, привыкли, — и дед закрыл перед носом пограничника калитку.

Но тот уже за калиткой стал кричать, что если дед такой неосознательный и не хочет продать собаку, то придется ее просто конфисковать, что в ближайшее время он и сделает.

— Ничего, это мы еще посмотрим, — уже не очень уверенно произнес дед. — Я завтра найду вашего главного военного, узнаю, можете ли вы частную собственность в образе собак конфисковывать.

И рано утром, надев парадную форму — белые парусиновые штаны и пиджак, дед отправился искать главного военного. Пришел он успокоенный, в прекрасном расположении духа и сказал, что главного военного нашел. Как я сейчас предполагаю — ходил он в военкомат и говорил с военкомом. Тот ему сказал, что отнимать собаку права не имеют. Тогда дед попросил выдать ему соответствующий документ, чтобы он мог показать его пограничнику. Но главный военный вроде бы рассмеялся и ска-

зал, что документ такой выдать не может, но пусть дед запомнит его фамилию — Сафаров и сошлется на него, если придет пограничник. Но пограничник больше не пришел.

Со Светлым я обнимаюсь так же, как и с короной. Хотя он не кормилица и вообще от него никакого проку, но люблю его даже больше короны, и мне от этого немного совестно.

Вдруг Светлый вырвался из будки и начал весело прыгать. Оказывается, это пришел Мамашка оставить мешки и попить чаю. И Светлому совершенно ясно, что базар кончается. Я тоже бегу пить чай, потому что очень люблю Мамашку. Зимой, когда выдаются холодные дни, он приходит, еще не расторговавшись, чтоб отогреть озябшие руки, чем сбивает с толку нашего Светлого.

Руки Мамашка держит прямо над раскаленной чугунной плитой, побрякывая от удовольствия, пока они не отойдут от мороза и не станут красными.

Но сейчас тепло, и они с бабушкой пьют чай и ведут очень странную беседу. Бабушка говорит по-русски, а Мамашка по-таджикски, но такое впечатление, что они понимают друг друга. Может быть, потому, что Мамашка, как и мои бабушка с дедушкой, воспитывает внуков — детей погибших на войне сыновей. Бабушка говорит про то, что жизнь налаживается, что уже отменили карточки, что внуки, слава богу, подрастают. И старик, по-моему, говорит то же самое, только по-таджикски.

Чай у нас не морковный, а настоящий, зеленый, и Мамашка крутит головой: «Ой, карашо, нагз⁷...»

Потом базарчик наш перевели в другое, более подходящее место, мы потеряли из виду Мамашку и даже думали, что он умер. Но однажды я, уже взрослой женщиной, вместе с мужем шла по большому базару по улице Путовского и вдруг услышала: «Гуля, Гуля», и увидела совсем дряхлого, старенького Мамашку, которому было уже, наверное, лет девяносто. Как в детстве, он протянул мне зеленую редьку...

И я сразу вспомнила наш базарчик. Вспомнила, как ела мешалду, как мы с мальчишками от-

⁷ Нагз — хорошо.

вязывали ишака и катались на нем, пока увлеченный торговлей крестьянин не спохватывался и не обнаруживал пропажу. И как однажды я забралась на спину лежащего верблюда, а когда он неожиданно поднялся, испугалась высоты и заорала: «Мама...»

И еще вспомнила, как Мамашка приходил свататься за нашу бабушку Тоню. Бабушка Тоня, в отличие от бабушки Оли, очень быстро выучила таджикский язык, и, когда Мамашка заставал ее у нас дома, беседа принимала оживленный характер. Бабушка Тоня выступала в роли переводчика. Мамашка все горевал о своей жене-покойнице, сетуя на то, что вдвоем — он кивал при этом на моих бабушку и дедушку — внуков растить сподручнее, и однажды предложил бабушке Тоне перейти жить в его кибитку. Та, смущаясь, все же перевела его предложение. Бабушку Олю, которая относилась к Мамашке с явным расположением, озадачила его другая, мусульманская, вера.

— Тут поживут, а на том свете все равно по разным углам, — сокрушенно говорила она.

Дедушка, не веривший ни в черта, ни в Бога, посоветовал бабушке Тоне выходить за Мамашку замуж, и так век прожила бобылихой. Но бабушка Тоня сказала, что жениться на старости лет — людей смешить, и замуж не пошла. Однако с Мамашкой подружилась, частенько навевала его, пока внучата были маленькие, и помогала по дому.

Бабушка Тоня пережила намного и моих стариков, и моего умершего молодым братом. Я была в отъезде, когда она покинула этот мир, а вернувшись, первым делом пошла не на могилу к ней, а вместе с сестрой Верой в тот поселок, где мы выросли, где торговал редькой на маленьком утреннем базаре Мамашка и где, на самом краю, у оврага, за которым начинались поля, жила бабушка Тоня.

По дороге сестра рассказала, что умерла бабушка Тоня быстро, немучительно. Прибралась в доме и вышла на солнышко посидеть, погреть свои старые кости. Да не дошла до скамейки — упала. И будто бы никого не звала и ничего не просила взять из рук, а только сказала: «Хорошо-то как, господи! Солнышко...»

Глава 2

Пока Алина Николаевна отправляла контейнер, соседи «обустроили», как могли, их быт. Два раскладывающихся кресла, столик, кухонная утварь — чайник, кастрюлька, несколько пиал вполне достаточно, чтобы прожить одну-две недели, пока оформят продажу квартиры и достанут билеты на самолет. На душе сразу полегало. А самое главное — старый, черно-белый, но вполне сносно показывающий телевизор. Его принес Махсум. Он не был литератором, он был сыном самого знаменитого таджикского поэта, еще при жизни зачисленного в классики. Когда отец умер, они с сестрой отдали роскошный особняк под музей поэта, а взамен им выделили две квартиры на одной лестничной площадке в писательском доме.

— Ну как? — спросил Константин Леонидович. — Обошлось без проблем?

Алина отвела глаза:

— Все нормально, отправили.

— Что-то не похоже, что нормально, — вздохнул он, вглядываясь в лицо жены, и, поскольку Алина не отреагировала на его слова, добавил: — Вообще-то, обойти таможеню, это, сама понимаешь, нарушить закон. Представляешь, что можно отправить в контейнере? И оружие, и наркотики...

Наверное, хотел таким образом утешить: что ж, мол, если все-таки досматривали, значит, так надо.

— Костя, милый! Да какие тут законы сейчас, о чем ты? Вывозят, кому надо, и оружие, и наркотики, не сомневайся, только платят побольше, чем мы заплатили, — голос предательски задрожал. Алина готова была опять сорваться на плач.

— Аля, тебя там обидели?

Алина улыбнулась сквозь слезы и лишь покачала головой. Обидели, были не слишком учтивы, не поняли — все это из плоскости других взаимоотношений.

Вообще, с той самой поры, когда появились первые лозунги «Русские, убирайтесь вон» или того хуже — «Русские, оставайтесь, нам нужны рабы», существование казалось Алине зыбким не только оттого, что могли убить в любую минуту, это была духовная зыбкость, ощущение ирреальности происходящего. Словно страш-

ный сон, который невозможно стряхнуть, и хочется крикнуть что есть сил, но онемевшие губы не размыкаются, крик комком застревает в горле. Особенно остро такое состояние охватывало перед телевизором.

Ни одна из телевизионных программ не обходилась без слов в поддержку «молодой таджикской демократии, борцов за независимость республики и роста национального самосознания», в то время как поднимали голову исламские фундаменталисты, ваххабиты. И даже после черного февраля 90-го года с экранов центрального телевидения несло возмущенное: «Молодую демократию пытаются затоптать сапогами русских солдат... В столицу Таджикистана введены войска... Преступное правительство отдало приказ стрелять в свой народ...»

Вы что, ребята, с ума там посходили? Ничего не знаете или не хотите знать? По-вашему, это демократы жгли и крушили прекрасный город? Борцы за независимость затаскивали в пустые автобусы русских женщин, а также таджичек, одетых по-европейски, зверски насиловали, а потом выбрасывали их, полуодетых и полуживых? Это возросшее национальное самосознание позволяло им врывать в квартиры русских и расстреливать целые семьи?

Алина металась по квартире, не в силах успокоиться.

— Костя, ну ты подумай, что они говорят! Ведь, если бы не ввели войска, нас, как и многих, уже бы не было в живых. Это же как дважды два. Войска ввели поздно, это да... Вот о чем надо бы говорить. И вообще, можно же рассуждать логически: если озверевшая толпа (свой народ) кинулась убивать мирных жителей (тоже свой народ), что все-таки лучше: позволить убивать или остановить ее силой? Нельзя же все выворачивать наизнанку. Нет, что-то они там не понимают. Надо что-то делать, писать...

— Алина, ты уже сама не в состоянии мыслить логически. Все всё знают. Ну, посуди — это же не вчера все началось. Работали фискальные службы. Здесь живут собкоры многих центральных газет, приезжают спецкоры... Да сколько душанбинцев разлетелось по всему свету! Честное слово, ты как ребенок, такую ерунду говоришь.

Но Алина не отступалась, писала, передавала свои статьи с отъезжающими в Москву. Не

печатали, не отвечали. Не докричаться, не стряхнуть тяжелого сна...

И все-таки, пытаюсь осмыслить отношение Москвы к тому, что творилось в Таджикистане, однажды, как ей показалось, она дошла до сути. Скорее всего, исламские фундаменталисты должны были свергнуть коммунистический режим республики, а «за ценой мы, как всегда, не постоим!»

Вспомнила, как демонтировали памятник Ленину. Монумент вождя с указующим перстом в центре города давно уже ничего, кроме раздражения, у них с Костей не вызывал, но, господи, как они его «демонтировали!» Свалив огромный памятник, железными прутьями отбивали на руках пальцы, выдалбливали глаза, забравшись на него, устроили дикие танцы, наконец, мочились... Недели две, пока бандиты удерживали город, таджикское телевидение без конца транслировало эту хронику. Смотреть было страшно и жутко.

— Ну, ладно, — рассуждала Алина. — Предположим, с коммунистами они справятся. Но кто потом справится с ними? Неужели Афганистан никого ничему не научил?

Ответа на этот вопрос не было.

На ночь разложили кресла, поставив их рядом, так, чтобы можно было дотянуться друг до друга, взяться за руки. Ночи были тревожными, со стороны реки Душанбинки время от времени доносились одиночные выстрелы, — к ним, насколько возможно, успели привыкнуть. Хуже было другое — вой голодных зверей из зоопарка, когда-то считавшегося одним из лучших в Союзе. Располагался он совсем недалеко от их дома — одна коротенькая троллейбусная остановка. Когда-то Алина водила по выходным дням туда детей, потом они бегали сами.

Теперь зоопарк вымирал. Оленей, лосей, других парнокопытных убивали на мясо. Дикие звери были никому не нужны. По ночам их вой выворачивал душу. Алина прятала голову под подушку, зажимала ладонями уши, но это не помогало. Вот раздался трубный плач слона, вот тоскливо растянутый рык льва, а это завывают волки...

Поднималось давление, но Алине казалось, что это леденящий душу вой пульсирует, бьется в голове и вот-вот разорвет ее изнутри.

Часам к трем звери, видимо обессилев, затихали. Вот и сегодня наступила наконец благословенная тишина. Ничего, кроме ровного дыхания мужа. Алина потянулась к нему, прижалась щекой к щеке, и Костя, не просыпаясь, дотронулся теплыми губами до ее уха.

Все, успокоиться и уснуть. А пока не уснула, думать только о хорошем, о будущем. Конечно, хорошего было мало, а будущее проглядывалось смутно. И все же, и все же...

Едут они не в никуда, как многие, а к сыну Андрею, во Владимир, город, странно обозначившийся в их судьбе. Когда-то Алин брат Витюня, в ту пору студент московского вуза, поехал на зимние каникулы в гости к сокурснику. И надо же — встретил там свою судьбу, женился и, окончив институт, в Душанбе не вернулся. К сожалению, умер молодым, в 35 лет. Но зато там, в далеком Владимире, есть родная могила, живет его семья: жена и дочка.

И вот ведь какая круговерть получается. Много лет спустя сын Андрей, в ту пору молодой ученый биолог, улетел в Москву, как сказал родителям, по делам, связанным с защитой кандидатской диссертации. Из Москвы завернул во Владимир навестить жену Витюни и познакомиться с двоюродной сестрой Ларисой, которую никогда не видел, и... тоже влюбился во владимирскую девушку. Ненадолго приехав в Душанбе, отказался от защиты, уволился с работы. Уверял, что давно думал заняться бизнесом, а во Владимире такая возможность есть, что в Москву ездил, на самом деле, чтобы поступить в экономическую академию — и поступил... «Сейчас другое время, быть нищим ученым я не хочу...»

Для Алины и Кости понятия «бизнес», «коммерция» были чем-то чужеродным, даже пугающим. Но отговаривать сына не стали, да он бы и не послушал. Между тем дела у Андрея шли, видимо, неплохо: когда в Таджикистане началась гражданская война, стал передавать с оказией деньги и продуктовые посылки, настаивал на их немедленном переезде, обещал всяческую поддержку. Но они все тянули, все надеялись, что образуется...

Был и еще один знаковый момент. Недавно, писал сын, главным военкомом области был назначен генерал-майор Николай Алексеевич Сеньшов, бывший командующий 201-й диви-

зии, базирующейся в Таджикистане. Это он 11 февраля ввел войска в Душанбе, когда все они были на волоске от смерти. Много позже Алина узнает, что он целый день звонил в Москву Язову, докладывая обстановку, но тот тянул, мямлил и так и не дал приказа. Сеньшов всю ответственность взял на себя...

Значит, чем-то предопределен для них этот город, значит, судьба, — уговаривала себя Алина, изначально намереваясь думать о хорошем.

Опять же — любимая младшая дочь, похожая на отца, красавица Сашенька живет в Ленинграде. Как уехала учиться после школы, так и осталась там. Вышла замуж, но неудачно, разошлись, теперь мается в каком-то рабочем общежитии с маленькой дочкой. Одна была радость — каждый год приезжала в отпуск к родителям, но вот уже три года не виделись. А Владимир от Ленинграда недалеко. Россия, одним словом. Может быть, вообще съедутся, станут жить вместе.

Старшая дочь Лена живет пока здесь, в Душанбе, работает в «Вечерке», газете, которая в последние годы из информационно-развлекательной превратилась в боевой листок. Летает с военными из 201-й дивизии на вертолетах в командировки не то что в горячие, а в горящие точки. Уезжать они договорились вместе. У Лены своя однокомнатная квартира тоже в центре города, осталась от мужа. Насчет продажи она тоже договорилась со знакомым кинооператором. Зять Фима уехал в Израиль три года назад, она наотрез отказалась: «Здесь я журналистка, там буду посудомойкой, если повезет. И вообще, человеком второго сорта».

Алина тогда резко ее оборвала:

— Просто ты никогда не любила Фиму по-настоящему. Я за твоим отцом на край света пешком бы пошла.

Так или иначе — осталась с восьмилетним сыном Димкой. На время командировок подкидывает внука бабушке с дедушкой. Правда, вот уже два месяца, как у нее появилась жилища. Знакомый офицер-пограничник привел к ней молодую девушку, одетую в огромную солдатскую шинель поверх мужского белья. Рассказал:

— Вот такая неудача. Приехала из России к брату на заставу, в Московский район, а заставу всю вырезали, ее с собой захватили. Вчера отбили, живая, слава богу. Ты, Лена, переодень ее во

что-нибудь женское, пусть отлежится, а мы через недельку бортом в Москву отправим, там недалеко от дома, доберется на электричке.

Несколько суток Настя, так звали девушку, пролежала в постели и была словно в забытьи. Потом стала потихоньку двигаться, разговаривать. Пограничник появился, как обещал, через неделю, сказал, что завтра отправят, пусть будет готова. Однако когда Алина позвонила дочери через три дня, оказалось, что Настя все еще никуда не улетела.

— Что, не приехали за ней? — поинтересовалась она.

— Приезжали, — ответила Лена, — но Настя не смогла улететь. У нее сильное кровотечение.

— В больницу ходили?

— Нет. Она не хочет...

Алина пошла к дочери разобраться, в чем дело.

Глянула на Настю — та как тень, ни кровиночки в лице.

— Ты что, Лена, — возмутилась Алина, — сообщаем хоть что-нибудь? Ну, она не в себе, а ты как, нормальная? Мало у нас в моргах невостребованных трупов?

Родильный дом от Лены через дорогу, там же женская консультация, в городе, к счастью, затишье, выстрелы слышны только по ночам. Неужели трудно было сходить?

— Быстро в душ — и одеваться! — скомандовала Алина, и Настя молча повиновалась.

В роддоме Алина нашла свою знакомую — пожилую армянку Ануш Хачатуровну, акушера-гинеколога, попросила посмотреть девушку. Полная, шумная Ануш обняла Алину:

— Конечно, посмотрю, сейчас посмотрю, дорогая... Я думала, вы уехали. У меня все друзья уехали. Евреи — в Израиль, немцы — в Германию, русские — в Россию. Нам куда ехать? Здесь воюют, в Армении тоже воюют. Что за жизнь... Ну, пойдем, девочка, пойдем, дорогая.

Вернулась минут через сорок, без Насти.

— Алина, она кто тебе? — не дождавшись ответа, запричитала: — Что они с ней сделали, звери, звери... Сколько человек насильовали? Она сама не знает. Или не говорит... Веришь, я такие разрывы только после тяжелых родов видела. Швы накладывать надо. Как кровью не истекла, а? Как заражение не случилось? Ай-ай-ай... Бедная девочка, она ведь девственница была...

Через несколько дней Лена забрала Настю домой, но пограничники, видимо, о ней забыли.

— Ты бы подсуетилась, Лена, напомнила бы им или попросила военных из 201-й, пусть отправят девушку, — беспокоилась Алина.

Та обещала, но неохотно, отговариваясь делами, пока однажды не заявила:

— А куда ей ехать? Мать умерла, только брат и оставался, теперь и его нет. Пусть живет.

— Лена, что значит «пусть живет»? Ну, нет близких, есть, может, дальние родственники. Какое-то жилье после матери осталось. А главное, там не стреляют. Мы ведь и сами уезжать собираемся.

— Ну, вот тогда и решим.

Приводить еще один аргумент — как прокормить взрослого человека в голодном Душанбе, Алина не стала. Непременно услышала бы укоризненное: «Мама, тебе что, жалко?»

Больше к этому вопросу не возвращались. Уезжая в командировки, дочь оставляла теперь сынишку с Настей — это было удобней, Алине не приходилось водить его в школу, а после уроков встречать.

Уже засыпая, Алина вспомнила, как вскоре после февральских событий 90-го пришла на железнодорожный вокзал, надеясь среди отъезжающих встретить знакомых и попросить бросить в Москве письма, иначе они не доходили. Ничего не получилось: поезд брали на abordаж, к вагонам было страшно подступиться. Один к одному — кинохроника революции и гражданской войны. И тут увидела портниху Люсю, с которой выросла в одном поселке и у которой время от времени шила что-нибудь из одежды. Та металась по перрону с зажатými в кулаке смятыми деньгами, пытаясь пробиться к проводнику. В стороне с застывшим лицом отрешенно стояла ее двадцатилетняя дочь — единственный поздний ребенок. Когда поезд ушел, Алина окликнула Люсю. Та долго смотрела на нее безумными глазами, наконец узнала, они разговорились. Оказалось, что, когда озверевшая толпа громила город, Люся с дочерью волею случая оказались в ее эпицентре. Люсю несколько раз ударили, сбили с ног, едва не затоптали, дочку потащили в пустой автобус, разорвали на ней кофту, от изнасилования ее спасло только то, что в это время кто-то поджег автобус.

— Куда же вы, Люся, уезжаете?

— Не знаю пока. Доедем до Москвы, а оттуда до какой-нибудь станции на электричке. Сниму угол у добрых людей.

— Квартиру-то продала?

— Ты же знаешь мою квартирку. Кто ее купит, хрущевку в микрорайоне? На проезд деньги есть, да на первое время, а там что бог даст. В колхоз пойдем работать, шить стану. Нам бы только уехать, только бы от страха избавиться. И днем, и ночью боюсь, я уже давно спать перестала. Только билетов достать никак не могу. Хотя тут и с билетами остаются на перроне. Кто влез, тот и поехал...

Вот ведь как уезжают люди. А им с Костей что — к сыну, к родне. Да там и земляков уже немало, во Владимирской области. Только Андрей пять семей перетянул, всех прописал, помог устроиться на работу. Все будет хорошо. Продать квартиру — и на самолет... Лишь бы продержалось это хрупкое равновесие, этот шаткий мир, эта договоренность недавно созданного коалиционного правительства...

Утром их разбудил телефонный звонок, и Алина вовсе не подосадовала на то, что прерван сон. Она уже давно относилась к телефону как к одушевленному существу. Вторую зиму не было ни отопления, ни газа, часто сидели без электричества, а телефоны в городе работали, ну не чудо ли? Если долго не было звонков, Алина поднимала трубку с замиранием сердца — вдруг оборвалась последняя связующая ниточка с родными и близкими? Услышав сигнал, вздыхала с облегчением и, бережно спуская ее на рычаг, приговаривала: ты уж держись, дружок, без тебя совсем будет худо.

Звонила Лена, вернулась вчера вечером из командировки, привезла тревожные новости: в Курган-Тюбе идут бои, на Гармском направлении стягивает силы полевой командир Махмуд.

— Лена, мы уже отправили контейнер, так что в понедельник еду с Шавкатом оформлять куплю-продажу. Ты тоже давай со своим «киношником» приходи, чтобы все сделать одновременно, не ждать друг друга. Здесь промедление, сама понимаешь, чему подобно...

Повисла долгая пауза.

— Мама, я не еду.

— Что значит не еду? У тебя что-то случилось?

— Ничего. Я собиралась завтра к вам прийти, поговорить, но, может, даже лучше сразу, по телефону. Понимаешь, мне надо самоутвердиться...

— Ну-ка повтори еще раз, чего тебе надо?

— Самоутвердиться. Что ж здесь непонятого? Все очень просто. Знаешь, я всегда была вашей дочерью...

— А это что, не так? Или теперь уже не дочь?

— Мама, не в этом смысле... Просто мне надоело, когда меня представляют: «А это Елена, дочь поэта Константина Пашкова...» Есть еще вариант: дочь писательницы Батуриной. А мне хочется, чтобы обо мне сказали просто: журналистка Елена Пашкова. Я не исключаю, что кое-кто и сейчас считает, что ты пишешь за меня репортажи, а я только фактаж привожу.

— Что за бред ты несешь! Значит, чтобы потешить свое самолюбие, ты готова рисковать не только своей жизнью, но и жизнью ребенка?

— Нет, ребенка отдам вам, так и быть, забирайте с собой в Россию.

Алина удрученно молчала, и Костя, внимательно прислушивавшийся к их разговору, взял из ее рук трубку.

— Ну-ка, давай, Лена, еще раз, четко и толково.

Слушал, ни разу не прервав и не переспросив, а в конце разговора сказал:

— Решила, значит, решила. Ты взрослый человек.

— Но, Костя!.. — вскрикнула было Алина.

— Пусть остается.

Алина пошла в кухню поплакать.

Много лет назад, когда девочки были еще маленькие, отец благословил их в дорогу таким стихотворением:

*Измотанная дорогами,
Обалдевая от работ,
Влюбленною недотрогой
Пусть каждая проживет.
Пройдет мимо лжи и зависти,
Через горе и трусость,
Благополучье покажется
Чем-то пресным и грустным...
В пеленках планета — нянчить,
В тревоге мир — приласкаться,
Идите в геологи, в прачки,*

*В физику, в авиацию,
Живите трудно и строго —
Благословляю в дорогу.
Благословляю цветами,
Зеленой вьюгой и ветром,
Благословляю утратами,
Надеждами и приметами,
Благословляю пустыней,
Морем и лунной ночью,
Хлебом, тоской и милыми,
Дочери мои, дочери...⁸*

Сегодня он это благословение подтвердил. И с этим Алина ничего не могла поделать.

Фантик от ириски

В послевоенные годы в нашем поселке было много нищих. Не только своих, постоянных, но и временных, тех, кто побирался по поездам. Их еще называли вагонными. Добравшись до теплого города, они шли прежде всего в наш поселок, так как находился он сразу за железной дорогой. Правда, молодые калеки, особенно безногие, устраивались на ступеньках моста, перекинутого через рельсы. Душанбе (в то время — Сталинабад) был и остается тупиковой станцией. Поэтому многие побирались здесь лишь день или два и уезжали вновь с московским или ашхабадским поездом. Некоторые жили подолгу, а бывало, оставались совсем.

Так прижился у нас в соседях безногий Веня. На мосту он сидел вместе с парнем, у которого по локоть не было рук. Просили милостыню они не жалостливо, а весело, с прибаутками. Веня играл на гармошке, а Слава пел песни. Когда по мосту шли девушки, они заговаривали с ними, шутили, просили если не монету бросить, то хоть постоять, поговорить. Вечерами они отправлялись в «забегаловку», сколоченную прямо у моста и выкрашенную в голубой цвет. Веня ел сам и кормил с ложки Славу, а также подносил ему стаканчик с водкой, и тот ловко прикусывал его за край и, моментально вскинув голову, опрокидывал. Ему даже хлопали за это. А потом они шли вместе в железнодорожный парк. Вернее, Слава шел, а Веня ехал рядом на своей платформочке. Контролер тетя Даша

бесплатно пропускала их в летний кинотеатр. Была она некрасивая, рябая, с тремя детьми, но жила в хорошем добротном доме, у нее была небольшая пасека. Она-то и приглядела для себя Веню. В поселке выбор ее одобрили. Говорили: какой-никакой, а мужик. И никто не подумал о безруком Славе. Несколько дней он тоже пожил у тети Даши, а потом она его выпроводила. Я играла во дворе с детьми тети Даши и все это видела. Слава не хотел уходить, плакал и все смотрел на Веню, а тот молчал, хотя тоже утирал рукавом слезы, а Славе даже утереться было нечем.

— Ступай-ступай, — торопила тетя Даша. — Что ж теперь делать. Тебя, сам понимаешь, ни к какому делу не приспособишь. А иждивенцев у меня своих трое.

Тогда я побежала домой и кинулась к бабушке:

— Давай возьмем Славу себе замуж, — просила я. — Он даже есть сам не может!

— За кого же мы его возьмем? — вздохнула бабушка. — За тебя или за меня?

— Конечно, за меня. У тебя дед есть, и ты-то только стариться будешь, а я, пока он поживет, подрасту.

Была уверена, что моя добрая бабушка согласится, но она не согласилась. Только собрала немного еды, сложила в полотенце, оставив свободными два конца, и сказала: догони, подвяжи к плечу. Встретит добрых людей — покормят.

Но я его не догнала.

По поселку же в основном ходили старики и старухи, а также молодые женщины с детьми. Иногда забредали величавые старцы-дервиши с высоким посохом, в цветных ватных (даже летом) халатах-чапанах.

Бабушка всегда подавала нищим. Когда раздавался стук в окно и слышалось: «Подайте Христа ради...», она отдергивала шторку и, взглянув на того, кто за окном, посылала меня с куском хлеба, иногда, если за юбку женщины держались дети, добавляла несколько леденцов или яблочек, или пару яиц. Смотря что было под рукой и в доме вообще. Но иногда, не знаю, по какому выбору, она приглашала приезжих нищих в дом, угощала чаем, а то и супом, детям давала молока и подолгу говорила с ними.

⁸ Все стихотворения в романе принадлежат перу Леонида Пашенко.

Однажды в теплый летний день пришла к нам в дом цыганка с маленьким ребенком. Была она молодая, но больная, прикладывала руку к животу и жаловалась: «Так здесь печет, хозяйюшка, прямо огнем горит». Лицо у нее было в бурых пятнах, а губы потрескавшиеся, заветренные. Она чем-то особенно расположила к себе бабушку. Возможно, долгим жалостливым рассказом о своей жизни. Бабушка, нагрев на керосинке воды, помогла ей обмыть ребенка, дала под пеленки хоть старые, но чистые тряпки, затем, вручив цыганенку мне, они сели за стол. Бабушка покормила цыганку, напоила чаем, затем составила на край стола чайник, пиалки, сахарницу, другой же край насухо вытерла полотенцем, а цыганка вытащила из-за пазухи колоду замасленных карт и стала веером разбрасывать их по столу. При этом она о чем-то спрашивала бабушку, та отвечала, но разговора я не слышала, так как у меня на руках разорался цыганенок.

— Иди-ка во двор, займи ребенка, — распорядилась бабушка.

Во дворе малыш довольно скоро успокоился и уснул. Но все равно гадание я, можно сказать, прозевала. Когда вернулась, цыганка уже собирала карты, приговаривая:

— Вернется, вернется... Но будет как разбитый самовар.

Я сразу догадалась, на кого гадала бабушка. Фраза меня просто заворожила. Вечером я рассказывала подружкам:

— К нам вернется дядя, но будет как разбитый самовар.

— А как это, как разбитый самовар? — спрашивали меня.

— Не знаю, — пожимала я плечами. — Наверное, у него все будет разбито: голова, руки, а главное — живот.

— Почему живот?

— Потому что — как самовар.

С того вечера я стала ждать таинственного дядю Сашу, мужа тети Аллы, сестры моей мамы.

Тетя Алла считалась в семье красавицей. У нее были черные пронзительные глаза, черные, гладко зачесанные назад волосы и бледное строгое лицо. Одевалась тетя всегда в темное платье с белым кружевным воротничком. Воротнички она вязала сама крючком из простых, катушечных ниток. Платье обязательно с рукавом по ло-

коть, даже в самую жару. А почему по локоть — это был секрет, про который рассказала мне бабушка.

Когда бабушка была еще молодой и жила в России, к ним приехал погостить дальний родственник, молодой парень Митя. Через несколько дней Алла подошла к бабушке и спросила:

— Можно мне Митя на руке что-то нарисует?

— Пусть рисует, все равно сегодня баню топлю.

И он нарисовал солнце с острыми лучами и под ним — летящую чайку. Вечером бабушка повела детей в баню, вымыла малышкой, а как дошло дело до Аллы, увидела, что рука у той вспухшая, а рисунки почему-то не смываются. Про татуировки она в то время и слыхом не слыхивала. А тетя Алла, ставшая комсомольским вожаком, а позже учительницей, никогда не позволила оголить себе руку до плеча. И, когда на реку ходили, купалась от всех в отдалении. Вот такую память оставил о себе родственник-«художник». А вот дядя Саша действительно был художник, хоть и непрофессиональный. В доме у нас висели две картины, написанные маслом на фанере. Фанерки были длинными и узкими и поэтому, видно, висели, как иконы, в углах. На обеих — только вода и небо. Но одна розовая, почти красная, с яркими сполохами зарниц в небе — и таким же отражением их в воде, а другая — черная. Черное небо и черная вода. Перед Пасхой бабушка каждый год белила, я же помогала ей с уборкой. Картины и фотографии под стеклом снимались со стен, мне надо было очистить их от пыли, а картины еще смазать постным маслом и потереть разрезанной луковицей. Быстро справившись с фотографией и красной картиной, я замирала над черной. Глядела на нее, не отрывая взгляда, вода и небо сливались в одно темное пятно, и оно становилось огромным. Казалось, я сижу над черным омутом и он сейчас проглотит меня.

Бабушка очень сердилась, заставляя меня над картиной.

— Я ей печку разожгу, будешь так смотреть, — говорила она.

— Почему? — не понимала я бабушкиной сердитости. Но объяснения ее были еще непонятней:

— Потому что тоска от нее находит...

О дяде Саше бабушка говорить не любила, сразу замыкалась в себе, но кое-что я все же знала. Например, что он сын священника, школьный учитель, человек очень образованный и интеллигентный и что пострадал за лишнее слово... «Сказал что не надо и при ком не надо». Это было трудно понять. Что же мог сказать дядя, если после слов этих вот уже двенадцать лет жил где-то на Севере, а тетю Аллу, которая преподавала в школе милиции, вместе с двумя детьми выгнали из квартиры — «и это еще хорошо обошлось»: она с дочками приехала в Среднюю Азию, к нам.

Еще из обрывков разговоров взрослых слышала, что был некий майор, которому нравилась тетя Алла, что это благодаря ему «еще хорошо обошлось» и что, может быть, зря она уехала, майор уговаривал остаться, а так — прожила одна в самые-самые годы и еще неизвестно, чего дождется и дождется ли. Вот и дергается с тех пор.

Тетя Алла действительно дергалась. Через определенное время она будто бы отводила чуть назад левое плечо, потом дрожь пробежала по шее, а затем чуть вскидывался подбородок. Видела в кино, как красивая актриса на признание в любви гордо ответила: «Нет, никогда!» — и при этом повела плечом, вздернула подбородок. Про себя решила: наверное, майор, который помог тете Алле, тоже объяснился ей в любви. Она ответила: «Нет, никогда!», и с тех пор в ней это так и осталось.

Вообще, тетя Алла была очень гордая, они с бабушкой часто ссорились. Иногда по мелочам, а однажды так серьезно, что тетя Алла ушла от нас на частную квартиру и долго не приходила. Не знаю, с чего началась эта ссора, я вошла в дом, услышав бабушкины слова:

— А я ведь просила, я умоляла вас. Я у вас в ногах валялась, а вы!.. Может, и Тая с Аней живы были, и ты бы не маялась...

— Глупости! — плечо и подбородок у тети Аллы дергались чаще обычного. — Глупости! Стыдно слушать. Люди это творят, понимаешь, люди, а не Бог! А будешь корить — уйду от тебя. Не пропаду.

Бабушка после той ссоры долго плакала, рассказывая:

— Когда она мне сказала, что завтра пойдут на

комсомольское собрание и будут сбрасывать все вместе с себя крестики, я всю ночь не спала. Просила: не берите греха на душу. Проклятий людских побойтесь! Но они красные косынки повязали и с песней... Алла, Тая да Аня. Только Катюша младшая не пошла, меня пожалела: ей тогда лет пятнадцать было. Катюшу на другой день из комсомола исключили. Алла же и исключала. Говорит: не место ей в наших рядах...

У бабушки из четырех дочерей в живых две остались: Тая, после того как сбросила крест, пришла вся разгоряченная, достала из погреба холодного молока, выпила, а ночью в жару стала метаться: крупозное воспаление легких. Умерла через три месяца от скоротечной чахотки. Мама погибла в самолетной катастрофе. Алла мается без мужа, и только Катюша живет припеваючи. Она не похожа на сестер — кудрявая, светловолосая, ровный носик обсыпан веснушками. И кажется такой молодой, что все племянники зовут ее просто Катюшей. Да и характером она смешливая, веселая, хорошо играет на гитаре и любит делать подарки. Муж у нее поляк, дядя Юзек, большой начальник в Совнаркоме. Жену свою обожает, но ревнует даже к дереву, как говорит бабушка, и оттого не разрешает работать. Живут они в центре города, в настоящей квартире с ванной и туалетом, с горячей водой. Катюша все зовет нас купаться, и мы несколько раз ходили, но бабушке не нравится. «И голову там моешь, и задница, прости господи, там же. Не по-людски», — ворчит она, возвращаясь домой.

В общем, получилось так, что лишь Катюша из всех дочерей оказалась счастливой, и бабушка, конечно, по отсталости своей, считает, что это все из-за крестов. Мне хочется возразить — ведь бог — это один обман, зачем же нужны тогда кресты? Но жалко бабушку, и я молчу. Укладываюсь спать на сундук — большой, деревянный, потемневший от времени. В нем всякая всячина — зимние вещи, пересыпанные нафталином, альбомы с фотографиями, мамины журналистские блокноты. И еще два свертка по разным углам. В одном — то, что приготовила себе на смерть бабушка, чтобы «не попасть впросак», а во втором... Когда после долгих поисков обнаружили наконец в горах самолет, потерпевший катастрофу, за погибшими, среди которых была моя мама, отправилась специальная экспеди-

ция. Вместе с экспедицией — дядя Юзек и мой отец, приехавший с Памира, где он жил и работал последние годы. Бабушка уже знала, что хоронить будут в цинковых гробах, поэтому белье, платье, тапочки отдала отцу и дяде Юзеку, чтобы одели покойную там, раз уж здесь не будет такой возможности. Вернувшись, отец молча отдал бабушке сверток, пробормотав что-то вроде «не пригодился».

Лучше бы он выбросил его по дороге! Как плакала, причитала бабушка! Даже на похоронах, над цинковым гробом, она так не убивалась.

И все-таки странно, что, когда бабушка встала на колени, мама, такая добрая, не пожалела ее. А может, пожалела? Конечно, пожалела, но все равно пошла. Потому что тетя Алла запела: «Весь мир насилия мы разрушим...» И вообще — комсомольцы не отступают! — эта мысль как-то успокаивала, оправдывала мамин поступок.

С того дня, как гадала цыганка, прошло два года. Я дядю уже и ждать перестала. И дома про него почти не говорили. Приехал он неожиданно. Поздно вечером раздался в окошко стук. Стук был неожиданный, это точно. Нищие ходили по утрам, да их уже и поубавилось. Соседки, если стучали в окошко, тут же подавали голос: «Ольга Александровна!» Или просто «Александровна!» Меня, моих сестер и братьев просто выкрикивали по именам, без стука. А тут вдруг «тук-тук» по стеклу, и молчание. Бабушка отдернула шторку, пригнувшись, долго всматривалась в темноту за окном, затем выпрямилась и так глянула на тетю Аллу, что та побледнела сразу и судорога у нее по шее раз, другой, третий... Поднялись молча и пошли к калитке. И тут я догадалась. Пришел, вернулся «как разбитый самовар...»

Во дворе всхлипы. Плачут обе, в дом не идут. И мы тогда тоже выскакиваем во двор. Мужчин двое. Интересно, кто второй? И какой из них — дядя Саша? Наверное, вот тот, высокий. Бабушка говорила: он богатырского роста, и фамилия у него подходящая — Богатырев. Что они топчутся на улице, не спешат в дом? Оказывается, надо переодеться. Я слышу: «Вши...» Бабушка торопливо роется в сундуке, достает какие-то рубашки, штаны, выносит во двор, мужчины идут в душ. Там хоть и темно, зато вода в бочке почти горячая — так нагревается за день. Одежду выбрасывают через верх, бабушка собирает ее, идет

в угол двора, где стоит дощатый туалет, кладет наземь, поливает керосином и чиркает спичкой.

Тетя Алла собирает на стол, жарит яичницу. Гости входят в дом, усаживаются на скамейку, и я во все глаза разглядываю дядю Сашу. Одежда на нем висит мешком, но штаны короткие, чуть ниже колен, и я замечаю, что одна нога у него раздутая, как толстое полено, ступня уродливая, кривая, а другая нормальная. А так больше никакой разбитости. Лицо очень морщинистое, и, кажется, нет зубов. «Обманула цыганка», — думаю почти разочарованно. Зато друг у него, которого зовут Лев Самуилович, — это, конечно, похуже, чем разбитый самовар. Маленький, бледный, волос на голове нет, зато над правым виском огромная вмятина, прямо дыра, и видно, что кости там нет, одна кожа, а под ней что-то вздрагивает, бьется, пульсирует. Стою рядом и гляжу на эту голову разинув рот. Бабушка бросает на меня строгие взгляды, я отворачиваюсь, но все равно искоса поглядываю на Льва Самуиловича. Тут к нему подошла кошка, потерлась о ногу, он нагнулся погладить ее, и я с ужасом заметила, что яма превратилась теперь в бугор, из нее что-то как будто вывалилось и нависло надо лбом, продолжая пульсировать. Невольно наклонилась вместе с ним, но бабушка, поняв, что взглядом меня не проймешь, сердито дернула за руку, и я отошла в другой угол комнаты.

Люба с Ниной глядят только на отца. А он еще слова не вымолвил. Не спросил даже, кто где, не поздоровался. И лишь когда выпил рюмку водки, поднялся, протянул к ним руки. Люба подошла первая, но как бы нехотя, так же нехотя позволила отцу обнять себя. Ей уже семнадцатый год, тетю Аллу и бабушку она не слушается, стала «загуливаться», вечерами ее зовет коротким свистом на улицу какой-то чужой, не поселковый парень в кепочке, с золотой фиксой. Бабушка грозит: «Вот придет отец, он с тобой разберется».

— Подумаешь, отец! Он что, меня воспитывал? Пусть только слово скажет! — огрызается Люба.

— Взрослая! Совсем взрослая, — шепчет дядя Саша, гладит рукой густые Любины волосы. Они у Любы медно-рыжие, в деда. Дед недаром говорил: рыжий человек неистребим. С кем его ни мешай, все равно пробьется. И действительно-

но: я была рыжей, и у тети Аллы — обе дочери, хотя и она, и мама черные. Но Нина с Любой рыжие по-разному. У Любы волосы хоть рыжие, но очень темные, веснушек нет, глаза как угли, брови и ресницы тоже черные. Нина же светленькая, бровей и ресниц не видно вовсе, и вся в круглых ярких веснушках. Бабушка не разделяла непонятной гордости деда принадлежностью к рыжим. Но, встречая женщин, крашенных в рыжий, радовалась:

— Слава богу, теперь рыжих хоть поддержали. Раньше в деревнях, бывало, задразнят. А сейчас, надо же, сами красятся. Так что и мои внуки не пропадут, в самую моду попали.

Люба отстраняется от отца, лицо у нее бледное, губы сжаты. И тогда ему на шею бросается Нина. Тычется в грудь носом-кнопочкой и ревет: «Папочка, родненький...» А ведь она, в отличие от Любы, совсем его не помнила.

Мне тоже захотелось тут же заплакать, я уже шмыгала носом. Но тетя Алла командует: «Всеми спать!»

Когда приезжают гости, мы, дети, укладываемся спать на полу. Расстилаем ватное одеяло, а под головы сворачиваем телогрейки. Есть еще одно спальное место — сундук, и я успеваю его занять: «Чур, я на сундуке!» Идти укладываться на пол нужно в другую комнату, а сундук стоит здесь же. Бабушка опять качает головой, молча коря меня за неумное любопытство. Я уверяю, что усну тут же, сразу как лягу. Но сама только притворяюсь, слушаю разговоры взрослых и даже одним глазком подсматриваю за ними, и таким образом узнаю историю про колечко.

— Ты заезжал к матери? — спрашивает тетя Алла.

— Да, — кивает дядя Саша. Достает из кармана что-то блестящее и начинает катать его по столу. Я даже приподнимаюсь, чтобы увидеть, что же это такое.

Под Москвой у дяди Саши живет мать с младшим сыном, Евгением. Евгений этот писатель, человек известный, но от дяди Саши отказался, когда тот попал в беду, — это я слышала не раз. И теперь дядя катает по столу колечко, долго молчит, но даже я понимаю, что оно как-то связано с его домом, с родными. Наконец рассказывает:

— В дом Евгений не пустил. Ночевали в сарае. А утром мама тайком принесла колечко. Зна-

ешь, она совсем старенькая. Плачет и просит прощения. А про кольцо сказала: — Продай, Сашенька, может, доберешься на эти деньги до Аллы. Больше мне дать тебе нечего. А оно дорогое, старинное, хорошей пробы.

— Но ты ведь не продал, — неуверенно говорит тетя Алла, хотя яснее ясного, что не продал, и подбородок у нее подпрыгивает вверх.

— Не продал, — соглашается дядя Саша. Колечко со звоном врезается в блюдце.

— А как же?

— Добрались, как видишь.

Потом мне приснился сон: катится по земле колечко, как волшебный клубочек из сказки, а за ним идут дядя Саша и Лев Самуилович...

Но это потом. А пока я слышу, как бабушка хлопчет — кому где постелить. Дяде Саше и тете Алле — на улице, на топчане. «А уж вам, Лев Самуилович, в коридоре — больше негде».

Но Лев Самуилович мнется, переступает с ноги на ногу и вдруг спрашивает:

— Ольга Александровна! У вас тараканы есть?

Бабушка обиженно поджимает губы. Мне хочется крикнуть: «Есть, есть!» Тараканы у нас живут под печкой, они совсем не нахальные, по столу не лазают, к тому же не какие-то там залетные рыжие прусаки, а черные, те самые, что, как уверяет бабушка, водятся к деньгам и благополучию. Может, человеку неуютно без этих тараканов, зачем же она обижается? И Лев Самуилович это видит, оттого с таким волнением, заикаясь, начинает объяснять:

— Вы не подумайте... чтоб в осуждение. Ради бога, простите. Я просто их боюсь. Ну, очень. Поймите...

— Вот чудак! Ну, клопов бояться — это куда ни шло, они хоть кусаются. Но чтобы тараканов?!

Тут на помощь приходит дядя Саша.

— Ольга Александровна! Он действительно боится. Поэтому постелите ему на улице, а то он всю ночь на ногах простоит.

— Ну что ж, раз он такой боязливый, — сдается бабушка.

— Он не боязливый, — заступается дядя Саша.

— Он человек редкой храбрости. А это у него как болезнь. Может несколько суток вообще не спать, если знает, что есть тараканы. Так что вы на него не обижайтесь.

Дядя Саша провожает друга во двор, возвра-

шается в дом. Бабушка ложится рядом со мной на сундук. Дядя Саша садится за стол.

– Что же дальше? – спрашивает тетя Алла. – Как жить будем? Девчата уже большие. Люба от рук отбивается.

– Не знаю... Главное – работа. В школу меня теперь не возьмут, сама понимаешь. Если бы здоровье прежнее – я бы канавы рыть пошел. Только все во мне отбито-перебито. Я теперь, Алла...

И тут он произносит слова, от которых я так и подпрыгиваю:

– Я теперь, Алла, как разбитый самовар... И душа у меня вся выхолощена.

– Слышишь! – трясусь я за плечи бабушку. – Помнишь, цыганка?

– Тише, тише, – шепчет бабушка, и я замечаю, что она тихо, почти беззвучно плачет.

– Поедем в район, – продолжает тетя Алла. – Шараф Ниязович поможет. Он сейчас в Курган-Тюбе директор хлопкозавода.

Я ни разу не видела Шарафа Ниязовича, только знаю, что это хороший человек и всем помогает. Вот и сейчас тетя Алла, помолчав, добавила:

– Хороший человек... – потом спросила: – Саша, а друг твой, у него что, родных нет? Кто он вообще?

– Это актер, был когда-то известен. Да ты знаешь – это же...

Дядя Саша произносит такую трудную нерусскую фамилию, что ни повторить про себя, ни запомнить ее я не могу.

– Боже мой! – ахает тетя Алла. – Боже мой!

– У него никого не осталось, – говорит дядя Саша. – Всех подчистую... Так что придется нам вместе...

Вспоминаю безногого Веню и безрукого Славу. Вдруг тетя Алла прогонит Льва Самуиловича? Ведь его, наверное, тоже в хозяйстве не приспособишь. Полголовы без черепа, да еще тараканов боится. Но она говорит:

– Конечно, конечно. Какой может быть разговор. Вместе так вместе.

Дядя Саша наклоняется и целует руку тети Аллы.

Тетя Алла – это, конечно же, не рябая тетя Даша. А этот Веня тоже... Мастерит рамки для уликов, по воскресеньям торгует медом, весе-

ло, с прибаутками. Будто и не было у него никогда друга Славы.

На другой день у нас собрались гости. Катюша пришла одна, у дяди Юзeka какое-то важное совещание. Дядя Саша очень ей обрадовался, все спрашивал:

– Ты помнишь, как я тебя на плечах на речку таскал? Залезешь верхом – и потопали...

Катюша целовала дядю Сашу, заливалась слезами, играла на гитаре, пела красивые песни, надарила всем подарков – мне досталась красивая пластмассовая шкатулка. Тете Алле, конфузясь, сунула деньги, та отказывалась, пока сестра не заплакала. Но сидела Катюша недолго, чуть стало темнеть – засобиралась, забеспокоилась:

– Я бы еще побыла, мама, но ты же знаешь...

Бабушка, вздохнув, развела руками: «Что же, Катюша, делать. Терпи, любовь у него такая».

А еще через несколько дней тетя Алла, дядя Саша и девочки уезжали в Курган-Тюбе. Дядя Юзек дозвонился Шарафу Ниязовичу, и тот сказал, что возьмет дядю Сашу, бывшего учителя математики, на завод бухгалтером, а тетя Алла будет работать в школе.

– Кто он такой, этот Шараф Ниязович? – спрашиваю я бабушку.

– Хороший человек, – отвечает она. – Дай бог ему здоровья.

– Хороший человек – это я сто раз слышала. А кто он нам?

– Друг твоих родителей по Вахшстрою.

Перед отъездом Люба мне наказала: будут в школе спрашивать, куда уехали, – не говори. И этот, если придет – тоже... «Этот» – конечно же, парень в кепке и с фиксой. А что касается школы – то я тоже знала, о ком она беспокоилась.

Школа наша называлась железнодорожной, и мужская, и женская под одним номером, оба здания находились в одном дворе. Так что были мы, с одной стороны, и отдельные, как все, а с другой – и не очень. Уроки физкультуры и пения часто проводились вместе, общей была и художественная самодеятельность, которой руководил Таир Усманович. Многие учителя были приезжими, из эвакуированных. Жили они тоже во дворе школы в маленьких, наползающих друг на друга постройках. На переменах мы видели, как учительницы, свободные от уроков, готовили на керосинке еду,

стирали в корыте белье и тут же развешивали его на веревках, протянутых между деревьями. Учительница литературы, маленькая, сухонькая Надежда Тимофеевна, жила вместе с парализованной матерью. Окна их квартиры выходили прямо на спортивную площадку, и иногда в них залетал тяжелый футбольный мяч. Услышав звон разбитого стекла, Надежда Тимофеевна выходила с веником и молча подметала осколки, никогда не пытаюсь выяснить, кто именно разбил стекло. Потом еще долго окно смотрело слепой фанерой.

Рядом, в совсем уже малюсенькой комнатке, без прихожей и коридора, жила наша «немка», то есть учительница немецкого языка Ида Соломоновна. У нее была странная внешность, как будто ее взяли и слепили из двух разных людей. Маленькая, очень кудрявая голова покачивалась на тонкой длинной шее, плечи были узкими, талия тонкая, а вот все, что ниже талии, было тяжелым, неповоротливым. Ноги всегда перебинтованы, но если утром эти бинты были еще чистыми, то уже к полудню пропитывались желто-бурыми пятнами. Посмотришь на лицо — хорошенькая десятиклассница, а глянешь на походку — пожилая женщина...

У нее была собачка, тоже очень кудрявая, беленькая, говорили — французская болонка. Не знаю, у нас в поселке таких собак не было. Говорят, что спала собачка на кровати хозяйки, да еще на подушке, и что немка кормила ее колбасой, хотя сама ходила голодная. А зимой она надевала на свою болонку специально сшитую курточку — или как там ее назвать, с прорезями для ножек и хвоста и пуговицами на животе, чтобы та не простудилась. Собачка эта звонко тявкала, но ее все равно никто не боялся и не принимал всерьез, а немку считали малость «сдвинутой».

Стояла осень, и школа наша, как, впрочем, и остальные, пустовала. С середины сентября 6-9-е классы собирали хлопок. Сейчас, в октябре, поговаривали, что пошлют и нас, пятиклассников, и десятиклассников тоже: пошли ранние дожди, а с планом у республики — плохо. А пока, как мы говорили — «лафа!». Многих уроков нет — учителя ведь тоже на хлопке. Вот только Ида Соломоновна со своими большими ногами да математик с протезом, да худрук без руки всегда были

при школе. Усиленно изучаем немецкий и математику, десятиклассники еще жмут на физику — у нас пока ее нет. С худруком — ребята за глаза его дразнят: «Худрук — без рук» (плохая дразнилка, а попробуй скажи им), так вот, с худруком мы готовимся к 7 ноября. Маршируем по плацу, поем песни и строим пирамиды.

Я эти пирамиды не люблю. Как одна из самых рослых, всегда стою внизу. Вместе с другими крупными одноклассницами, сцепив руки, мы составляем как бы платформу, на которую взбираются девочки поменьше, а им на плечи — еще меньше, а уж на самом верху у нас всегда Лиля Омельченко. Тонкая, гибкая, голосистая. Вскинув руки, она звонким голосом громко выкрикивает:

— Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!

Затем ловко спрыгивает, и пирамида рассыпается.

Конечно, мы все завидовали Лильке. Казалось, что именно ее обязательно слышит товарищ Сталин, а может быть, даже видит — ведь из Москвы, из Кремля, он видит все и про всех все знает.

Сегодня мы опять разучивали пирамиды, хотя знали их наизусть, это только так называется — разучивать. А десятиклассники болтались по плацу, потому что у них не было уроков. Когда нас отпустил худрук, ко мне подошел Гена Омельченко, брат Лильки, десятиклассник. Я уже знала зачем — спрашивать о Любе, она училась тоже в десятом, только в женской школе, за ней все мальчишки «бежали», и Генке она тоже нравилась, но он всегда из себя что-то строит и за всеми следит, Люба его терпеть не может. Одевается как взрослый — носит пальто и шарф, которым закрывает пол-лица, хотя у нас ни одного мальчишку не заставишь шарф надеть, пуговицы на куртке или на телогрейке — и то не застегнуты, вся грудь нараспашку. Два года назад чуть не прославился этот Гена. Якобы встретил на улице Троцкого — решил, что тот пробрался из Турции к нам, в Среднюю Азию, надеясь, что здесь его не узнают. Мне по секрету все это рассказывала Лилька, она же на вопрос — кто такой Троцкий — ответила, что это главный враг Ленина-Сталина и что Гена его вот-вот

«накроет». Потом оказалось, что худенький мужчина в очках с тонкой оправой и бородкой, инженер-железнодорожник, лет на тридцать моложе настоящего Троцкого, и мы с Лилькой жалели, что ее брат так ошибся. Наш пионерский отряд носил имя отважного Павлика Морозова, книжку о нем мы знали наизусть. Но Павлик разоблачил только своего кулака-отца. Если бы Генка разоблачил главного врага Ленина-Сталина, он бы, конечно, стал еще знаменитее. Тогда его именем вполне могла называться вся пионерская дружина.

И вот этот Генка подошел ко мне и спрашивает, куда Люба уехала. Я, как и пообещала, сказала, что не знаю, что они еще «не определились». Тогда Гена сказал:

— Чухнула, значит.

— Почему чухнула? — обиделась я. — Просто к ним приехал отец.

— Ты знаешь, с кем она встречалась? Вот этот, с фиксой?

Я пожалала плечами, а Генка все подходил ко мне вплотную, надвигался, я отступала — и так мы оказались в углу двора.

— Любка ваша с бандитами связалась. Про «Черную кошку» слышала?

Про «Черную кошку» я слышала, но думала, что это где-то не в Душанбе и что этих бандитов уже поймали, о чем и сказала Генке.

— Да, сейчас, — презрительно усмехнулся он. — Поймали, да не всех! А они — везде, в каждом городе. И этот, что к Любке ходил, — главарь. Так что она доиграется...

Тут мне стало совсем не по себе. Бедная Люба! Но я старалась не показывать вида.

— У нее отец теперь. Он знаешь какой сильный...

— Отец! А отец у нее, между прочим, враг народа, за что сидел в тюрьме. Вот. Но ты не бойся, я никому не расскажу. Только при условии — узнаешь Любкин адрес и дашь мне. Договорились?

Я молча киваю головой, стараясь не расплакаться. Про себя думаю — потяну-потяну, а потом Гена забудет, закончит десятый класс, куда-нибудь уедет.

Дома мне тоже было тревожно. Боялась, что придет еще и этот с фиксой — «черная кошка». Может, рассказать все бабушке и спросить,

почему дядя Саша — враг народа? Но чем она поможет, только расстроится. Однажды я уже рассказала одну историю, услышанную от той же Лили...

Дело в том, что когда нас приняли в третьем классе в пионеры, а отряд назвали именем Павлика Морозова, мы часто спрашивали друг друга: а ты бы так смогла, как Павлик? И с уверенностью отвечали: конечно, смогла бы... Но при этом я всегда радовалась, что бабушка у меня ничего не прячет. А то бы... Бабушка упала бы на колени, просила бы меня, чтоб я никому не говорила, а я должна бы, как тетя Алла и мама, когда кресты бросали, — пойти и не оглянуться. Поэтому я отвечала, как все: «конечно», понимая, что ничего такого мне делать не придется. А вот мама Лили и Гены разоблачила настоящего врага. Лили так про это рассказывала:

«У папы брат был авиаконструктор, самолеты делал, его поэтому на войну не взяли. Мой папа погиб, а брат его дядя Валерий жил в Москве, у них с женой и дочкой квартира большая-большая, а еще дача. Он маме написал, чтоб она взяла меня и Генку и приехала к ним на лето. Мы приехали и жили на даче с тетей Леной, дяди Валериной женой, и их дочкой Сонькой, купались на речке, и шоколаду было хоть сколько. А дядя работал в Москве и приезжал только в воскресенье, но и на даче все равно работал. Тетя Лена маме сказала: у него работа секретная и чертежи секретные. Ему их нельзя брать на дачу, а он берет, потому что не успеваешь. А потом моя мама заметила, что тетя Лена на Сонькином платье вышила самолет, она была шпионка и вредительница! Подсмотрела у дяди Валеры чертежи нового самолета и нарочно вышила. Сонька бегала в этом платье, а кому надо, врагам, они этот чертеж смотрели. Их сразу арестовали. Мама хотела, чтоб только тетю Лену, но дядю Валеру тоже арестовали, потому что он жил со шпионкой и приносил чертежи. А потом мама хлопотала, чтоб дачу оставили нам, потому что она ведь их разоблачила. Но дачу не оставили. А Сонька сейчас в детдоме».

Эта история произвела на нас большое впечатление, я ее наизусть запомнила. Не нравилась мне только концовка про дачу и еще было жалко Соньку — все же она не виновата, что отец и мать оказались вредителями. Поэтому, прибежав до-

мой, я тут же принялась рассказывать все это бабушке и тете Алле, решил умолчать про дачу и про Соньку. А то получалось, будто Лилина мама не просто разоблачила врагов, а за дачу. Но мне и не пришлось рассказывать до конца, потому что тетя Алла, еще когда я только дошла до самолетика на платье, выскочила из комнаты со словами: «Какая мерзость!» Бабушка пошла вслед за ней и долго не возвращалась. Конечно, если бы я знала тогда, что дядя Саша — враг народа, я бы не стала про все это рассказывать.

В общем, бабушке я говорить ничего не стала. Этот, с фиксой, не приходил. Гена несколько раз спрашивал про адрес Любы, а я отвечала: пока ничего, ни одного письма — так оно и было на самом деле. Первая открытка пришла под Новый год. Тетя Алла писала, что у них все нормально.

Время шло, мы «строили» свои пирамиды, учились, пели с худруком песни, и вдруг такое событие — в Москве разоблачили врачей-вредителей. Все в школе только про это и говорили. Но больше всех это встревожило Гену. Мы с Лилькой сидели у них дома, когда он пришел со своим одноклассником Джамшедом, сдернул шарф с шеи, бросил портфель и сказал:

— Все, надо кончать с этой вражиной. Надо ей такое устроить, чтобы она отсюда вылетела в свое Бердичево.

— Кто? — спросила я.

— Эта Ида-Гнида. Сама жидовка, преподает фашистский язык... Она нам знаете что говорила? Немцы — это великая нация, у них Гете, Гейне... Вот и осталась бы с немцами, нечего было сюда драпать. Очень нам нужен какой-то Гете.

Ида Соломоновна была, наверное, плохой учительницей. До войны училась в аспирантуре, в школе раньше никогда не работала. На уроках у нее шумели, а она часто, вместо того чтобы учить правила, читала стихи сначала на немецком, потом, их же, на русском языке и даже пела. Но что интересно — слушать мы ее вроде не слушали, а песни и стихи запоминались.

Джамшед учился вместе с Геной. Учился очень плохо, вообще был туповатый, зато — лучший футболист в школе, играл за сборную города. А при Гене — как телохранитель. Сейчас он слушал его открыв рот и всем видом выражал готовность разделаться с вражиной.

— Надо вот что сделать в первую очередь. Свистнуть у нее собаку. «Мой песик, мой песик», — передразнивал Генка учительницу. — «Мой милый дружочек».

— А куда свистнуть? — спросила я.

— Ну, куда-нибудь. Отвести подальше и бросить.

— Можно убить, — сказал Джамшед.

— Вы что, с ума сошли? — закричала я. Лилька молчала, поглядывала то на брата, то на Джамшеда, то на меня.

— Убивать не будем, — поморщился Гена. — Просто уведем.

— Да она все равно умрет, вы что, не понимаете? — я чуть не плакала. Очень было жалко собачку, я на переменках с ней всегда играла. Про Иду почему-то не думала.

— Собаку тебе жалко! — возмутился Гена. — А тех, кого врачи-вредители убивают, тебе не жалко?

— Но она же не врач, — робко, уже без прежней запальчивости, возразила я.

— Была бы врач, всю школу бы давно отравила. Может, еще и отравит. А если ты не за нее, уведешь собаку со двора, она к тебе идет.

— Нет, — твердо сказала я. — Собаку уводить не буду.

Расплакалась и выскочила на улицу. Всю дорогу плакала, поэтому пошла не домой, а к тете Даше, вернее к Нельке, ее старшей дочери. Тетя Даша с Веней уехали на пасеку, и Нелька с младшими сестренками была одна. Нелька училась в четвертом классе, потому что осталась на второй год. Она была отчаянная девчонка, мать не слушалась, отчима вообще терпеть не могла. Воровала у него деньги, тот ругался на нее матом, грозился убить, но попробуй догони ее на своей-то платформочке. А когда кидался камнем или палкой, Нелька всегда успевала вернуться и показывала ему язык. Бабушка не то чтобы запрещала мне ходить к ним, но относилась к этому неодобрительно: Нелька сама материлась не хуже Вени. Но что теперь мне было за дело до ее ругательств...

— Нелька! — сказала я. — Что придумать, чтобы не ходить в школу хоть несколько дней?

— Заболеть, да и все. Притвориться.

— Нет, Нелька, мне надо взаправду заболеть. Притвориться не получится.

Бабушка моя очень недоверчиво относилась ко всякому недомоганию, разве что было оно совсем серьезным. Говорила: «Нечего болеть ни потакать». Сама, если плохо себя чувствовала, никогда не ложилась, а, наоборот, бралась за самую тяжелую работу в огороде или за большую стирку. Потом хвалилась: вот и болезнь отступила. Бывало, кто пожалуется, что голова болит, а она: «Это ты переспал». А если живот болит — значит, переел, не жадничай за столом. Вот и все диагнозы. Нет, заболеть надо по-настоящему, чтобы была высокая температура.

— Мне надо простудиться, Нелька.

— Давай и я с тобой простужусь. А то завтра мать с Венькой приедут и накинуся: то не сделала, другое...

Был конец февраля. Погода стояла слякотная, промозглая. Снега не было, а так, мелкий серый дождик. Мы разулись и стали бегать босиком по цементным дорожкам. Но этого показалось нам мало. Открыли настежь двери и окна, забрались на подоконник и сидели на сквозняке, пока не посинели от холода.

Пришла домой поздно вечером. Бабушка спросила:

— Ты что такая пасмурная?

— Не знаю, наверное, заболела.

Легла в постель, но еще долго не могла согреться и уснуть. Прислушивалась к себе — ничего не болело. Но ведь это не сразу бывает. К утру уж точно начнется жар, будет ангина, а еще лучше — воспаление легких. Тогда бы я долго-долго не ходила в школу, может быть, даже легла в больницу.

«Вот ведь как бывает, — думала я. — Еще недавно все было хорошо. А теперь оказалось, что дядя у меня враг народа, Люба знается с бандитами, а Лилька, с которой я дружила, заставляет увести такую хорошую собачку. Нет, надо обязательно заболеть. А еще лучше умереть».

С этими горькими мыслями я и заснула.

Утром, проснувшись, вскочила с постели и вдруг вспомнила про все вчерашнее. Прокашлялась — горло не болело. Температуры тоже, скорее всего, не было. Но бабушка, не признававшая никаких болезней, озабоченно глянула на меня и сказала:

— Что-то ты сегодня бледная. Оставайся до-

ма, говорят, ходит страшный грипп, с осложнениями.

Послушно легла в постель. Почему же я все-таки не заболела? Может, и маленькая собачка Иды Соломоновны не простудится, когда ее уведут из дома и выбросят? А даже если не простудится, то все равно умрет с голоду или ее замучают мальчишки, такие злые, как Джамшед.

Конечно, если бы бабушка разрешила, можно было бы взять ее домой, но у нас есть своя большая собака, которая живет во дворе. Стала думать, кому бы отдать собаку. Может, Рене Левиной. Она всегда ее гладит и даже целует. А ведь Рены вчера не было в школе. И Розы Гольман. Что они, обе заболели? Конечно, нет. Не пошли в школу, чтоб их не дразнили. И я сегодня не пошла... Ну уж нет... Фигушки им — и Лильке, и ее брату-сыщику.

Стала торопливо одеваться. Будь что будет... Пойду и расскажу Иде Соломоновне, чтобы спрятала свою собачку. А потом пусть делают, что хотят. Может быть, и вообще школу брошу.

Будь что будет! Пусть вслед мне кричат, что я за жидов, пусть Генка всем расскажет про дядю Сашу. Все — пусть.

Во двор школы прошла через «мужские» ворота. Сама окликнула Генку: «Привет, иди сюда!» А когда подошел, сказала:

— Вчера приходил этот, Любкин... Просил тебе передать, что если ты будешь спрашивать его адрес, он тебя убьет.

Генка побледнел. Не такой уж он и храбрый, оказывается.

— А зачем ты ему сказала, что я спрашивал?

— Захотела — и сказала. Еще и про собаку скажу.

— Он что же, и за Иду будет заступаться?

— Будет. Попрошу — будет. Только тронь попробуй.

— Ты, слушай! Я наврал, что он «черная кошка».

— Все равно убьет, — пообещала я и пошла в свою женскую школу.

Розы не было, а Рена Левиная пришла, сидела на задней парте одна. Я села рядом. Несколько дней ждала, что меня будут дразнить или спрашивать про дядю. Но, видно, Генка очень испугался Любиного ухажера, и никому они с Лилькой не сказали. А вскоре нам всем стало не до

этого: по радио сообщили, что тяжело заболел Иосиф Виссарионович Сталин. И взрослые, и дети — все ходили потерянные, жили от бюллетеня до бюллетеня, плакали.

И вот наступило пятое марта... На каждом доме полоскался на ветру красный, обрамленный черной лентой, флаг. На траурном митинге в школе плакали все — директор, учителя, школьники, и сквозь рыдания клялись всегда быть верными делу Ленина-Сталина.

Уроки в этот день отменили, но мы все равно зашли в класс, не в силах разойтись. Ведь это было наше общее горе, и мы спрашивали друг друга, как теперь будем жить без Сталина. И каждая девочка говорила о том, что если бы можно было отдать за него жизнь, вот сейчас бы прямо умереть, то сделала бы это, не задумываясь.

И когда мы так сидели и горевали, в класс зашла отставшая от нас на год Нелька. Выглядела она похудевшей, осунувшейся, потому что, помогая мне простудиться, простудилась сама и все это время тяжело проболела.

— Нелька, — сказала я. — Ты на меня не обижайся. Я не виновата, что не я заболела.

— Ладно, — великодушно простила меня Нелька. — Зато хоть в постели повалялась. А Веня целый килограмм ирисок подарил.

Нелька стала всем раздавать конфеты. А потом, хитро подмигнув мне, протянула фантик и прошептала на ухо:

— Смотри, «Кис-кис» называется. А наоборот прочти...

— Сик-сик, — вслух прочла я. Нелька засмеялась, мне тоже стало смешно.

— Вы чего там? — подошла Зара Альбекова.

— А вот, прочти, — предложила Нелька.

Через несколько минут мы смеялись всем классом. Как будто нас завели или загипнотизировали. Мы зажимали рты, пытаясь избавиться от этого наваждения, но, глянув на фантики, ничего не могли с собой сделать. И в самый пик смеха распахнулась дверь. На пороге стояла старшая пионервожатая Лариса Ивановна, и на лице ее был ужас.

— Вы что, с ума сошли? Сталин умер, а вы...

Мы затихли, онемев, Лариса Ивановна грозно пообещала:

— Ничего, с этим мы еще разберемся. Еще будет время, — и хлопнула дверью.

— Это ты начала! — вскинулась Лиля на Нельку. — Ты!

— А что я начала? Фантик показала. Подумаешь! Кто вас просил смеяться?

Повернулась и вышла из класса. По одной, молча стали разбредаться и остальные девчонки.

Я вдруг вспомнила, что уже два дня не видела Иду Соломоновну и собачку, и подошла к бараку. Дверь ее комнаты была распахнута. Я зашла — пусто, ни собаки, ни «немки», и даже вещи: железная кровать, тумбочка, книги — вывезены.

Постучалась в соседнюю квартиру к Надежде Тимофеевне, — тоже никто не отвечает. Тронула дверь — открыто. В кресле сидела, закутанная в одеяло, парализованная мать учительницы.

— Вы не знаете, — робко спросила я, — где Ида Соломоновна и собака?

— Отчего же, — ответила старушка. — Знаю. Ее увез худрук.

— Куда увез?

— К себе домой. Как бы это вам объяснить — он взял ее замуж.

— Замуж? Иду Соломоновну?

— Ну, а почему нет? Молодая, красивая женщина.

— А собачка?

— Разумеется, вместе с собачкой.

Вот это дела! Ида с ее больными ногами, веселый, красивый однорукий худрук... Почему-то опять вспомнились Веня со Славой. Может быть, я этого Славу, которого хотела взять замуж, вообще не забуду...

Пришла домой, а там гость — дядя Саша, приехал в командировку. Я ему обрадовалась, забыла, что он враг народа, стала спрашивать про Любу и Нину. Потом вспомнила и помрачнела. Мне еще предстояло рассказать бабушке про то, как мы смеялись в классе, — ведь она все равно узнает, вызовут теперь в школу, соберут родительское собрание, наверняка исключат из пионеров, а потом, может, из школы вообще. Но вот дядя... Стоит ли это все рассказывать при нем?

— Бабушка, у нас такое в школе случилось...

— Господи, что еще может случиться, если случилось самое страшное — Сталин умер.

— Вот-вот... Сталин умер, а мы смеялись.

— Как смеялись? Почему же вы смеялись? Как вы могли?

— Из-за фантика.

Я осеклась. Попробуй Расскажи почему. Как не могли остановиться, как зажимали рты, хватались за животы...

— Из-за какого фантика? — спросил дядя Саша. Я протянула злополучный фантик.

— Мы прочли наоборот, видите? — нечаянно опять прыснула и закрыла лицо руками от отчаяния. И тут мне послышалось, что дядя плачет. Даже ему так горько и стыдно за меня. Подняла голову и обомлела. Мой взрослый, можно сказать, старый дядя смеялся. Да просто хохотал... По морщинистым щекам текли слезы — но это были слезы смеха.

— Значит, «сик-сик» получается?

Минуту-другую ошеломленно глядела на прыгающий по худой шее кадык, на стертые корешки зубов, на веселые, озорные глаза дяди и вдруг сама засмеялась и стала хлопать себя по коленям.

А бабушка, недоуменно покачивая головой, на всякий случай поплотнее прикрыла форточку.

Глава 3

Все воскресенье Алина маялась, не зная, чем заняться. В городе было тревожно. Заходили соседи, делились новостями, которые были, правда, на уровне слухов. Вроде бы группа афганских моджахедов прорвалась через границу и пытается пробиться к гармовским боевикам, а от этих-то головорезов вообще пощады не жди. После русских, или русскоязычных, как теперь называли всех некоренных жителей республики, примутся за таджикскую интеллигенцию. Впрочем, интеллигенцию, как и все властные структуры, в Таджикистане представляли, в основном, ленинабадцы, а их, в свою очередь, не жалуют и кулябцы, всю жизнь считающие себя обделенными. Но они сейчас главная сила против вахабитов. Говорят, в Курган-Тюбе перевес уже на их стороне, а командует кулябцами некий Бобо Сангак, уголовник, чуть ли не 20 лет просидевший в тюрьме.

Что касается Сангака, это было так и не так. Родной дядя Алины Николай Иванович смолodu жил в Кулябе по соседству с Сангаком. Алина, в свою журналистскую бытность, любила летать в командировки в Куляб, чтоб не только привезти материал для газеты, но и по-

видаться с родными, поэтому знала о полевоm командире из рассказов дяди.

Сангак был простым чайханщиком, когда получил первый срок. А случилось это так. Приехал в Куляб проверяющий из Душанбе, мелкая чиновничья сошка. Но, как это и принято было в те времена, стал изображать из себя большого начальника, подолгу сидел в чайхане, на топчане, устланном мягкими курпачами, а местные подхалимы как могли ублажали его, подавая горячий жирный плов и наливая в чайник коньяк. Когда столичный гость, наевшись, откинулся на подушки и сыто рыгнул, Сангак подумал, что теперь самое время принести ему горячего зеленого чая. Однако тот, отхлебнув из пиалы и обнаружив, что напиток заменили, выплеснул содержимое в лицо Сангаку.

Сангак был молод и самолюбив. Он взял за шиворот проверяющего, стащил с топчана и, пригнув сильной рукой его голову к земле, вылил на нее из чайника все содержимое.

Отбывая срок за злостное хулиганство и телесные повреждения, он убил своего сокамерника, «смотрящего» за зоной авторитета, который отличался особой жестокостью, особенно по отношению к более слабым и молодым заключенным, впервые оказавшимся за решеткой. Двадцать не двадцать, но лет пятнадцать Сангак действительно отсидел, причем за эти годы сам стал «смотрящим», и, как говорят, хоть и суровым, но справедливым, и беспредела не допускал.

По освобождении из тюрьмы так и остался авторитетом, и не только в криминальных кругах. Потеряв веру в советские органы правосудия, люди шли к нему с жалобами как к главному прокурору и судье, и приговор, вынесенный им, обжалованию не подлежал и исполнялся беспрекословно.

Дядя Алины, много лет проработавший начальником кулябской типографии, выйдя на пенсию, частенько ходил с Сангаком на рыбалку. Рыбачили они по два-три дня, случилось, ловили огромных, до восьми-двенадцати килограммов, сомов, и за это время успевали наговориться всласть. Николай Иванович поражался острому уму и мудрой рассудительности простого, необразованного человека. Алина несколько раз видела Сангака. Его смуглое лицо с черными пронзительными гла-

зами, обрамленное густой белой бородой, казалось лицом древнего дервиша, много повидавшего и познавшего на своем веку.

Все это она объясняла соседям, но они сомневались, качали головами: победят кулябцы, начнутся разборки...

— А если не победят? — спрашивала Алина, и они соглашались: будет еще хуже.

Сама Алина надеялась на Сангака, больше было не на кого: правительство давно расписалось в своей беспомощности, заявив по телевидению о том, что не сможет защитить жителей столицы, и призвав создавать отряды самообороны, особенно в микрорайонах, расположенных при въезде в город.

Костя, между тем, не участвовал в этих, как он считал, пустопорожних разговорах, а, подвинув к креслу шаткий столик, работал над переводом стихов французского поэта Жака Превра. Французский язык был, собственно, его специальностью. И хоть по окончании ин-яза Ташкентского университета сразу ушел в газету, языком занимался постоянно. Едва ли не четверть библиотеки составляли книги на французском, в основном — поэтические сборники. Время от времени его переводы публиковались в литературном журнале республики, пару раз удалось напечатать их в «Иностранке». Надо сказать, что и французы оказались взаимно вежливы. Приехавший из Парижа в Душанбе на какое-то культурное мероприятие, знавший русский язык литератор Шарль Риоль был, по его выражению, очарован и произношением Кости, и знанием французской поэзии, и переводами, особенно Франсуа Вийона, и, наконец, его стихами. Вернувшись во Францию, издал небольшой сборник стихов Константина Пашкова.

И вот теперь Костя занимался своим любимым делом. В отличие от Алины, он в любой ситуации умел уйти в мир высокой поэзии, заслонившись им, как щитом, от реалий сегодняшнего дня со всеми его страхами и тревогами. Алина же решила заняться делом весьма прозаическим, сходить на базар и купить хотя бы косточку для супа. Едва дошла до подземного перехода, увидела женщину, в обеих руках тащившую две, видимо тяжеленные, сумки, и не сразу признала в ней даму из соседнего, так

называемого цековского дома. Знакомы они были лишь визуально, но при встрече расклавивались. Холеная, всегда дорого и со вкусом одетая блондинка казалась высокомерной, а уж встретить ее с сумками было просто невероятно. Алина решила даже свернуть за угол дома, чтобы не вводить в смущение знатную даму, но та неожиданно окликнула ее.

— Соседка, погодите! — И остановилась, поставив сумки на землю.

Алина подошла, поздоровалась, отметив про себя, что выглядит дама скверно, ненакрашенное лицо постарело лет на десять, а одета в домашний халат. Поскольку та не торопилась заводить разговор, Алина вежливо осведомилась:

— С базара идете?

— Какой с базара... От Салима, сок виноградный ташу.

Действительно, из каждой сумки, которые дама поставила на землю, выглядывало по две банки трехлитрового сока.

— Витаминами запасаетесь?

— Да на кой черт мне эти витамины сейчас... Самогон гоню.

Алина была ошарашена таким признанием. Самогонование — дело запрещенное. А тут...

— Хотите, вас научу? При такой-то жизни... Я вот напьюсь, — и пошли все на хрен... Пусть стреляют, воюют.

Растерянная деревенская баба стояла перед Алиной, а не высокомерная номенклатурная жена. А жила ведь еще недавно при коммунизме — не иллюзорном, не в светлом будущем, к которому такие, как ее муж, уже семьдесят лет вели народ, а в самом что ни на есть реальном. Спецмагазины, спецпайки... Даже спецпрачечная, откуда приезжала машина, забирала грязное белье, а потом привозила чистое. Тяжело падать с Олимпа... Хотя что теперь судить. Этих партия с ладошки прикармливала. Косте, талантливому поэту, всю жизнь кислород перекрывала, и он почти не издавался. А сейчас все в одном положении.

— Так у меня нет ничего... Там же аппарат нужен, и вообще...

— Мантушница есть?

— Конечно, есть.

Вообще-то, Алина свою мантушницу отправила в контейнере, но у Лены есть.

— Ну так вот — это самый лучший самогонный аппарат. И не придерешься, если что... А дрожжи мне мама из хмеля сама варит, я поделюсь хоть сейчас. Может, зайдете? Посидим, выпьем. У меня во всем доме перекинуты словом не с кем.

— Спасибо, как-нибудь потом.

— Ну, смотрите. Я от души предложила. Давайте хоть познакомимся, а то даже имени вашего не знаю. Меня Валентиной зовут.

Алина тоже представилась.

«Вернусь домой, расскажу Косте, вот удивится, и мы посмеемся вместе, — думала она, возвращаясь с базара. — Надо же, самогон варит...»

Так и вошла, посмеиваясь, и уж начала было рассказывать, да не так просто, а с вопроса, чтоб потомить и заинтересовать: «А знаешь что мне сейчас предложили?» Но, глянув на Костю, осеклась на полуслове. Он полулежал на кресле, лицо было бледным, глаза прикрыты.

— Опять сердце, — испугалась Алина, подошла, провела рукой по лицу мужа — оно было в испарине.

— Что, Костя, прихватило? Подожди, дам валлол. Ты береги себя, милый. Нам еще немного осталось потерпеть, совсем немного. Знаешь, у тебя кончик носа и верхняя губа белые. Это от сердца. Шавкат мне так и сказал: это сердечный треугольник называется. Это плохо, ты, говорит, Алина, за ним последи. А как за тобой следить, когда ты даже лекарства отказываешься принимать? А больниц сейчас нет. И «скорых помощей» тоже... Завтра я попрошу Шавката, после того как квартиру оформим, пусть зайдет, послушает тебя. И ничего, что хирург, главное, он умница, все умеет и все знает, — так приговаривала испуганная Алина, раскладывая второе кресло, чтобы уложить Костю, но он остановил ее, взял за руку.

— Аля, тебе не надо завтра никуда идти. Шавката убили.

— Боже мой! Костя, нет!.. Откуда ты знаешь?

— По новостям уже трижды передавали. И по нашим, и по московским. Ты сядь рядышком, посиди, скоро опять начнут передавать.

Но она не могла ждать.

— Костя, где его?.. Как?

— Дома, вместе с женой застрелили в постели.

— А дети, дети?

— Оказывается, он отправил их неделю назад к родственникам в Ленинабад. Может, чувствовал что...

— Не хочу слушать «новости» и видеть это. Не хочу...

Взяла курпачу, ушла в другую комнату, расстелила ее на полу и легла.

Неужели это из-за денег, которые он собирался завтра отдать им за квартиру? Это первое, что пришло в голову. Но тут же засомневалась. Конечно, могли и из-за денег. Но это одна из причин, на поверхности... Следствие, если таковое будет, за нее и ухватится. Могли быть и другие, более глубокие.

Шавкат был человеком неординарным. Он родился в семье имама Ленинабадской области, кроме средней школы, окончил также медресе, но по стопам отца не пошел, решив стать врачом. Однако в годы воинствующего атеизма происхождение камнем преткновения встало на его пути. Золотой медалист, он только с третьей попытки поступил в мединститут. Его всю жизнь куда-то «не пушали»: сначала в комсомол, потом в партию, а без партбилета была немислима карьера ученого. Но защита кандидатской диссертации в Москве, его работы в области эндоскопической хирургии стали известны не только в Союзе, но и за рубежом. Так что партийные боссы отступились, «забыли» о происхождении. Но, может быть, теперь вспомнили исламисты и посчитали его вероотступником?

Не были типичными и его семейные отношения. Он женился на красивой девушке — татарке Мадине, что само по себе не осуждалось, ведь татары тоже мусульмане. Но Мадина по профессии археолог, подолгу работала в экспедициях на раскопках древних городищ, и Алина слышала не раз от вполне современных и образованных таджиков: «Мы ничего не хотим сказать о Мадине плохого. Но отпускать жену так надолго, с мужчинами... Знаете, это не в наших традициях...»

И Шавкат, и Мадина были людьми не только много читающими, но и пишущими. Когда Алина еще работала в газете, Шавкат приносил ей научно-популярные статьи, написанные хорошим русским языком, доходчиво, умно, зачастую — с юмором, а Мадина, вернувшись из экспедиции, так же интересно и ярко рассказывала

читателям об археологических находках. Оттого оба любили бывать в гостях у Кости с Алиной, с удовольствием принимали участие во всех посиделках, которые довольно часто устраивались здесь по какому-либо поводу, а то и вовсе без него, возникая стихийно.

Остроумный, веселый Шавкат был прекрасным рассказчиком. Не красавец, но лицо подвижное, умное, с белозубой улыбкой, а руки... Когда он говорил, беспрестанно жестикулировал ими, и Алина глаз не могла от них оторвать.

Правда, последняя его история не была веселой, но и её Шавкат рассказал с присущим ему юмором:

— Когда в городе шли бои, мы несколько суток не выходили из больницы. Во-первых, домой не доберешься, а доберешься, не знаешь, сможешь ли завтра вернуться. А больных как оставишь, когда кругом стреляют? Уже поздно было, я прилег в кабинете, вдруг слышу, шум какой-то. Выхожу — четыре боевика с автоматами, заросшие все, лиц не разглядеть. Пойдем, говорят, с нами, мы своего командира привезли раненого, лечить будешь. Ведут в отделение травматологии. Я спрашиваю: «Разве там нет хирурга?» — «Есть, — отвечают, — но русский, ты будешь лечить». Иду, думаю — может, у того кости раздроблены или ранение в голову, я ведь хирург полостной, но разве им что-нибудь объяснишь? Тем более когда автомат в спину упирается. Раненый — в операционной. Боевики как есть, в сапожищах, тоже за мной следом вошли. Я глянул на того, кого «лечить» надо, и сразу понял, что дело плохо, пощупал пульс — нитевидный. Так, говорю, ребята, все в коридор, ждите там. Но прежде чем выйти, один из них сказал: «Ладно, мы будем за дверью. Но если он умрет, из вас тоже живым никто не останется».

Осмотрел я этого полевого командира, — ранения, не совместимые с жизнью, ему от силы несколько минут осталось. А боевики дверь приоткрытой оставили и наблюдают за мной. Я по их выговору сразу понял — памирцы, а среди медиков, что согнали в операционную, один из врачей — памирец. Я ему шепчу тихонечко: «Иди уговаривай их!» Сделаем, мол, все возможное, но шансов мало. И вот верите, я целых два часа, пока тот с ними беседовал, ма-

нипулировал с мертвым телом. «Ассистирующие» мне хирург и сестра включились в эту жуткую игру... Я командую, они подают инструменты... Сестра мне лоб промокает салфеткой. Правда, испарина в самом деле выступила. Боялся, конечно, а что же... — рассказывая, Шавкат помогал себе, как всегда, жестами, и его легкие руки летали по воздуху, показывая, как резали, как зашивали. — Через два часа вышел в коридор, сказал слова соболезнования... Они молча забрали тело с собой и ушли, нас не тронули...

«Тогда ушли, не тронули, но, может, теперь вернулись, — подумала Алина. — Сволочи, сволочи! В кого стреляют — цвет и гордость нации».

Постукивая тростью, в комнату вошел Костя.

— А что, Аля, не устроиться ли нам вообще на полу? На креслах спать не очень удобно.

Алина притащила еще одну курпачу, и они легли рядом.

— Как страшно, Костя, что их обоих, Шавката и Мадину. Дети совсем сиротами остались. Дочка хоть замужняя, своя семья, а мальчишки еще в школе учатся. Но знаешь, что я хотела сказать... Если бы нас... Если бы тебя... Короче, Костя, я ни за что бы не хотела остаться без тебя. Пусть бы уж лучше вместе. Я тебя так люблю, что мне не пережить...

— Глупенькая, о чем ты? Я тебя тоже очень люблю. Но если со мной что-то случится, ты уж, пожалуйста, живи долго-долго...

Они обнялись, и Алина тихо поплакала на его плече.

— Костя, я вдруг вспомнила твои стихи «Юго-Восток». Ты как, почему их написал? Нет, я понимаю, что глупо об этом спрашивать, и все-таки... Что навеяло?

— Вообще-то, строки Макса Волошина: «Сотни лет мы шли навстречу вьюгам с юга вдаль на северо-восток». Ну, и время, конечно.

— Ты их помнишь? Прочти...

— Волошина?

— Нет, свои.

Алина и сама их помнила, но вслушивалась в каждое слово и слышала их по-новому. В который раз она уже убеждалась, что Костя в своих стихах опережает время, а она не всегда понимает это сразу.

*А нынче уходим на юго-восток —
В иные наречья, в иные обычаи,
Быть может, что даже в иные обличья —
Несмешанных красок прозреть холодок.*

*Быть может, сквозь сердце пробьется росток,
Как пробивает саманную крышу:
И бьется в висок отлетевшую вишнюю
Речки подледный исток.*

*Уходим, уходим. Куда уходить?
Под зной или ветер? Не спрядена нить,
И даже кольца не сковали...
Златая печаль и златая печать,*

*Холмы золотые, как стражи, стоят.
Куда нам идти за печалью?*

Алина так и задремала на плече мужа, сквозь сон почувствовала, как он бережно высвободил руку, переложил ее голову на подушку и ушел, видимо, опять смотреть телевизор.

Проснулась уже в сумерках. Надо придумать что-нибудь перекусить или хотя бы чаю согреть. Спросила:

— Что там, Костя, в «Новостях»? Есть что-нибудь хорошее?

— Есть и хорошее. Курган-Тюбе освободили от исламистов.

— Костя, почему ты сказал и хорошее? Что, плохое есть тоже?

— Сангак погиб...

Так... На сегодня многовато. Точно, многовато. Ни слова не говоря, Алина вышла во двор и направилась к соседнему дому.

— Валентина, я не успела купить виноградный сок, — сказала она с порога, когда ей открыли дверь, — но завтра обязательно куплю. А вы мне дайте, пожалуйста, дрожжей и еще... если можно, бутылку самогона. А я потом отдам. Или деньгами, если хотите.

Вернувшись, поставила на стол бутылку:

— Все, Костя, сейчас напьемся, и пошли все...

И Костя изумленно посмотрел на нее, удивленный не столь неизвестно откуда взявшейся выпивке, сколь залихватской фразе жены.

Алина достала банку рыбных консервов — да не кильки в томате, а благородный лосось, — НЗ из посылки сына. Помянули и Шавката, и Сан-

гака. Пусть не православные, но помянули. Костя читал свои стихи, посвященные любимой женщине, то есть ей, Алине. Самогон был крепкий, настоящий на травах, и полегчало на душе, полегчало... Только Костя опять включил этот проклятый телевизор, не мог жить без новостей. А там разговор за круглым столом как раз о межнациональных распрах и войнах. И выступали, выступали, перебивая друг друга, вчерашние коммунисты, сегодняшние демократы, все умеющие объяснить и, оказывается, даже спрогнозировать... Ведущая, черноглазая красавица с лебединой шеей, с явным удовлетворением подвела итоги беседы: итак, разрушен еще один советский миф — о дружбе народов.

— Это на вашем, декларативном и партийном, уровне миф, — подвыпившая Алина делала свои выводы, продолжая теледебаты. — Это ваша уродливая национальная политика противопоставляла людей друг другу. Это вы называли русский народ старшим, а коренной в республиках младшим братом. И это было издевательством над старшим братом, потому что русские в том же Таджикистане были людьми второго сорта, рабочими лошадками, это было оскорбительным для таджиков, называться младшими. Ага, вот именно: «и зверье, как братьев наших меньших...» Это Есенин, а кто еще? Но он ведь о другом писал, не так ли? А на нашем, человеческом, уровне была и дружба, и братство. Костя, скажи, в послевоенное время в Ташкенте было братство народов?

— Было, было, — посмеивался Костя.

— И в моем поселке было, Костя, еще какое было братство! Им такого и не снилось! Так что выпьем и простим дураков, ибо не ведают, что творят. Нет, Костя, давай по-другому: выпьем и не простим. Потому что если забрались так высоко, должны, обязаны ведать...

Свидетельница

Когда едешь из Ташкента в Душанбе, смотришь в окошко нет никакого смысла: пустыня с проплешинами соли. Разве кому в диковинку верблюда увидеть. Но Аля с Дилей и на верблюдов насмотрелись, всю жизнь в Средней Азии. Дияля злится, что Аля уговари-

ла ее ехать поездом. Но с билетами на самолет было глухо, они два дня проторчали в аэропорту, и Аля решила, что лучше уж жара в поезде, чем беспросветная сутолока в аэровокзале. И Диля дуется, залезла на верхнюю полку и изо всех сил делает вид, что спит. Хотя заснуть в таком пекле просто невозможно.

Их сосед по купе, мужчина средних лет, кавказец по виду, без конца вытирает со лба обильный пот полотенцем, шумно вздыхает. Когда подруги вошли в купе, первым, что увидела Аля, была огромная кепка блином, болтавшаяся на вешалке, а потом уже она разглядела ее владельца. И сразу ей показалось что-то знакомое в его облике. Теперь она мучилась: где, когда могла его видеть?

Солнце бьет прямо в окно, и сосед по купе, приподнявшись, задергивает штору. Теперь Аля видит его в профиль и узнает мгновенно. Она даже чуть не вскрикнула, но сдержалась, зато сердце стало стучать гулко-гулко, она прямо захлебывалась этой гулкостью.

«Я не узнала его сразу, потому что он поседел, а главное — располнел, — соображала Аля. — И постарел. Конечно, постарел... Но профиль у него прежний, орлиный профиль...»

Задернув штору, мужчина смотрит на Алю мягким бархатным взглядом, шумно вздыхает:

— Жарко...

— Жарко, — соглашается Аля.

Он встает, достает из-под полки чемодан, и купе заполняется мандариновым запахом. Протягивает оранжевый плод:

— Угощайтесь!

— Спасибо.

— А вашу подругу можно угостить?

— Подруга не хочет, — резко отвечает Диля, спускает с полки ноги, обтянутые джинсами, спрыгивает и выскакивает в коридор. Аля понимает это как приглашение к разговору и выходит тоже.

Диля молчит, отвернулась, смотрит в окно, и Аля представляет, какое сердитое у нее сейчас лицо. А ей всегда смешно, когда Диля сердится. Потому что в такие минуты ее густые брови сходились на переносице, глаза смотрели исподлобья, но вздернутый носик с приподнятой верхней губкой словно бы продолжали улыбаться.

Аля берет подругу за плечи, поворачивает к себе:

— Ну, может, хватит дуться? Ведь едем же. Хочешь, я дам тебе ситцевый халатик, будет не так жарко, как в джинсах?

— Мне не нравится этот мандариновый контроль, — заявляет Диля.

— Ты с ума сошла! — Аля быстро прикрывает дверь в купе, хотя под стук колес вряд ли можно расслышать, о чем они говорят.

— Нет, ты видела его кепку? — не унимается подруга. — Я знаю, кто на Кавказе носит такие кепки. И вообще, он к тебе пристаёт.

— Он — ко мне? — Аля аж задохнулась от такого несправедливого обвинения. — Никто ко мне не пристаёт... Скорее это я к нему пристаю, если тебе так уж нравится это слово.

Диля презрительно подергивает верхней, короткой губкой. И тогда Аля признается:

— Понимаешь, мне кажется, я давно знаю этого человека. С самого детства. Я тебе потом расскажу, ладно? А пока не дави на меня. А то ты сейчас станешь напоминать, что я замужняя женщина.

Кажется, подруга сменила гнев на милость. Глаза ее помягчели, она махнула рукой:

— Делай как знаешь. — И пошла в купе. Аля же побежала в туалет, чтобы посмотреть в зеркало. Лучше бы не смотрелась. Чертова жара! Волосы прилипли ко лбу мокрыми прядями, и она безуспешно попыталась взбить их хоть немного. Тушь поплыла. Осторожно промокнула глаза носовым платком и тоже пошла в купе. Диля уже опять забралась наверх. Вторая верхняя полка напротив по-прежнему пустует. Аля возмутилась:

— Надо же! За билетами давились, а место свободное!

— Непорядки, беспорядки, — соглашается подруга. В купе по-прежнему пахнет мандаринами. Аля подсаживается к столику и ничего не может сделать с собой — во все глаза разглядывает сидящего напротив мужчину. Ей становится обидно: она уж, конечно, изменилась меньше, а вот он не узнал ее. Хотя, с другой стороны, он в то время был уже взрослым парнем, а она совсем девчонкой. Младших всегда не помнят.

По-видимому, мужчина обратил внимание на явно повышенный интерес к его особе.

Приосанился, провел рукой по седой кудрявой шевелюре.

«Сейчас предложит познакомиться. И тогда я...» — раздумывает Аля. Но он не предлагает знакомиться. Опять достает из чемодана мандарины.

Вслед за мандаринами появляется бутылка вина.

— Понимаю, жарко, — словно извиняясь, говорит он. — Но это сухое...

— С удовольствием, — соглашается Аля и ловит на себе несколько удивленный взгляд. Затем глаза его устремляются к верхней полке.

— Вы нам составите компанию?

— Уж так и быть, — снисходит Алина подруга, и попутчик отправляется к проводнику за стаканами.

Вино на вкус кисловато-терпкое, но градусы в нем, как видно, есть. Аля чувствует легкое опьянение, потому что теперь сквозь тяжеловатое лицо сидящего напротив мужчины явственно проступают тонкие черты необыкновенно красивого юноши. Але так хочется, чтобы он сам, сам узнал ее, что она идет на маленькую хитрость. Вытягивает ноги в босоножках и говорит:

— Как жаль, не захватила с собой тапочек. Так устала на этих каблуках.

Фраза должна прозвучать как пароль. Незаметно следит за выражением его лица. Ничего, кроме любезности и соответствующего ей:

— Ради бога, пользуйтесь моими. Тем более что я сейчас залягу спать.

Но Аля не сдаётся и делает еще одну попытку.

— Скажите — «аленький», — просит она.

— Аленький — что? — недоумевает он. Зато Аля довольна. Потому что он произнес это слово без мягкого знака: «аленкий». Потому что с мягким он никогда не умел.

— Аленький — что хотите, — смеется она. — Что вам угодно: можно цветочек, можно горшочек...

Попутчик сидит, закрыв глаза. Ну, чего он? Глупой показалась Алина шутка? Или так разморило, хочет спать и не решается лечь, пока она тут сидит и разглядывает его? Ну что ж, надо помочь.

— Вы укладывайтесь, — говорит Аля. — Я пойду постою в коридоре. Там хоть чуточку попроще.

Когда Алю в детстве спрашивали, где она живет, девочка, не задумываясь, отвечала: на Лепрозорке. «Лепрозорка» — так называли их поселок, и все в городе знали его под таким названием. Слово это казалось Але очень красивым. Что-то было в нем от «лепное», «лазоревое». А разгадка оказалась куда прозаичнее. Когда-то здесь находился лепрозорий, больница для прокаженных. И хотя это было очень давно, может быть, еще до революции, таджики на этом месте не селились. И даже когда Душанбе стал стремительно разрастаться, здесь все еще был громадный пустырь, тянувшийся до самых хлопковых полей, а там уже шли небольшие кишлаки, которые в черту города не входили. Сам же город отделяла от пустыря железная дорога. И стояло на пустыре поначалу одно-единственное здание барачного типа, но кирпичной кладки, с высокими потолками, в котором и был когда-то лепрозорий. Потом его отдали под общежитие геологам, две комнаты получили родители Али, но самой ее тогда еще не было. Во время войны пустырь стал застраиваться эвакуированными. Благо, находился у самой железной дороги...

Первыми здесь поселились несколько осетинских семей, соорудив сначала небольшие временочки, а потом, пообжившись, и настоящие глинобитные дома. Временки же сдавались эвакуированным, а те, тоже пообжившись, сооружали свои пристройки. Не трогали пока лишь участок, где якобы было заброшенное кладбище прокаженных. И действительно, был он то в бугорках, то в ямках, и водилось там множество фаланг. Но постепенно стали застраивать и его. Так вырос поселок, известный душанбинцам под названием Лепрозорка, и народ жил там удивительно пестрый. Шло время, завязывались добрососедские отношения, все всё знали друг о друге, иногда вспыхивали ссоры, и тогда случайный человек поражался разноязычию женской брани. Однако ссоры, как правило, были недолгими. Подрастали ребятишки, которых вывезли матери из родных городов, спасаясь от бомбежек. Работать, как правило, шли либо на железную дорогу, либо в расположенный рядом колхоз. Каждого нового, еще не зная имени, как-то прозывали, и это прозвище приживалось прочно, переходило зачастую на всех членов семьи.

Почти на самом краю поселка жила осетинская семья, которую не со зла, не для обиды, а исходя из факта, звали «туберкулезными».

У тети Зары умерли от туберкулеза муж, две дочки, болела она сама и старший сын Казбек. Лишь младшие мальчишки-погодки чудом пока оставались здоровыми.

Вот им-то, туберкулезным, носила рано утром двенадцатилетняя Аля на продажу молоко. Конечно, можно было бы и не вставать так рано, понежиться в постели, тетя Зара сама бы прислала мальчишек за молоком. Но тогда оно было бы уже не парное. Аля слышала от взрослых, что парное всего полезнее от туберкулеза, а ей так хотелось, чтобы выздоровели тетя Зара и Казбек и чтобы не заболели мальчишки. Бабушка же вставала в шесть утра, разжигала печку и тут же шла доить корову. И как бы ни хотелось Але спать, она все равно рано вставала, ежилась и мерзла, кутаясь в старый шерстяной платок. Бабушка, отдавая ей жбан с молоком, каждый раз напоминала:

— Смотри там ни за что не хватайся, ничего не ешь, если угостят, — болезнь заразная.

Выскакивая на улицу, Аля сдергивала с плеч платок, оборачивала жбан с молоком и бежала вприпрыжку к дому тети Зары.

Тетя Зара уже сидела за маленькой ручной машинкой. Она весь поселок обшивала тапочками. Они так и назывались: осетинские тапочки. Были каждодневные, суконные, в них только язычок и задничек кожаные. Были праздничные, которые назывались лосевые. На них тетя Зара выводила нитками причудливые узоры. На полу лежали заготовки — простроченные бока с вшитым язычком, но еще без подошвы и задничка, похожие на нахохлившихся птиц. Тетя Зара отрывала от машинки темные глаза, губы ее трога-ла едва заметная, тихая улыбка, спрашивала:

— Прибежала?

Может быть, она думала, что однажды Але не захочется вставать так рано и нести им молоко.

Осторожно Аля раскутывала жбан, щупала холодными ладонками его бока, радовалась: не остыло... Начинала тормошить мальчишек, сама разливала молоко в кружки, беспокойно оглядывалась: где же Казбек?

— В ночной сегодня, — ничего не спрашивая, объясняла тетя Зара. Тогда Аля начинала беспо-

коиться еще больше. Опять закутывала молоко в платок, выскакивала на улицу, вглядывалась в сторону моста. Казбек работал в железнодорожном депо. Сначала-то он был помощником машиниста, только врачи не разрешили ему водить поезда. Наконец разглядывала высокую худую фигуру, вбегала в дом и опять щупала молоко. Когда Казбек входил, она уже стояла с кружкой в руке. Он смеялся:

— Аленька, погоди, видишь, какой я чумазый. Отмоюсь и попью. Он всегда называл ее Аленька, только получалось у него Аленка, с твердым «н».

Показывал ей свои черные, в мазуте, руки, пугал, что сейчас схватит за нос. Но Але не до шуток: молоко остынет, станет не парным, пропадут все ее старания, а главное — оно уже не поможет от туберкулеза.

— Я подержу кружку, подержу, ты только попей, — прыгает она возле Казбека. Встает на цыпочки, тянется к его лицу. Он уступает, припадает губами к краям кружки, делает крупные глотки. Аля замирает, разглядывая запрокинутый подбородок, бледную впалую щеку, неожиданно яркий румянец на скуле, впадинку у виска, кудрявые смоляные волосы над чистым высоким лбом.

Нечасто приходилось Але поить Казбека молоком. Нужно было подгадать, чтобы пришел он с ночной, чтоб не успел еще вымыться, но ради таких минут Аля готова была не высыпаться всю жизнь.

Потом Казбек выходил в коридорчик, ставил на табуретку таз, брал ковшом теплую воду и звал:

— Мать, полей!

Тут уж Аля только остро завидовала, попросить разрешения полить ему она не смела. Молоко — другое дело, она сама его принесла, у нее вроде и прав больше. Но не уходила, ждала, пока он там плескался и пофыркивал. Уговаривала себя: «Сегодня и так повезло. Я его поила!»

На улицу выбегала счастливая, в который раз повторяя чужие, из трофейного фильма слова: «Он мой князь и мой идеал». А потом уже сама додумывала: «Когда вырасту, обязательно выйду замуж за Казбека и всегда, целую жизнь буду поить его молоком из кружки и поливать водою из ковша. Целую жизнь!»

Пришла домой, нарисовала мелом палочку на дощатой стене веранды. Потом, поразмыслив, послонявила палец и стерла ее. Такая у них с бабушкой была бухгалтерия. Отнесет Аля два литра молока — пишет мелом на стене палочку. Когда палочек собирается достаточно, тетя Зара шьет Але тапочки. Иногда Аля писала эту палочку, а иногда день-другой пропускала. Все-таки молоко у них свое, от своей коровы, а с тапочками всегда можно погодить. Больная тетя Зара и так шила их с утра до ночи.

Однако пора в школу, а Аля еще не причесывалась, подходит к старенькому комоду, на котором стояло зеркало из толстого стекла — семейная реликвия. Дед, мастер на все руки, был, оказывается, в молодости и зеркальных дел мастером. И это зеркало сделал сам в подарок своей невесте, сироте и бесприданнице Алиной бабушке. Оно, конечно, потускнело со временем, в глубине, за стеклом, появились трещины и разводы, но бабушка и мысли не допускала о том, чтобы купить новое. «Сейчас таких не делают», — говорила она, и в голосе ее звучали гордость и восхищение. Аля и сама любила старое зеркало. Ведь в него когда-то смотрелась молодая бабушка, а потом молодая мама. Да и свое отражение в этом зеркале ей очень нравилось. В других зеркалах только глянешь — сразу лезут в глаза яркие веснушки, волосы кажутся очень уж рыжими. А здесь никаких веснушек, волосы светло-русые, неяркие, с золотым отливом, все лицо сквозь матовую тусклость смотрелось взрослее, красивее.

Аля распустила волосы, они тут же закрутились в кольца. Но бабушка не считалась с ее кудрявостью и не разрешала отрезать косы. А такой-то Аля нравилась себе гораздо больше. Но тут постучала в окно Люська, одноклассница, и Аля быстро концом расчески сделала прямой пробор, заплела две тугие косички, завязала бантики из атласных голубых лент, и они потопали в школу: высокая, худенькая Аля и плотненькая, маленькая Люська.

Школа, больница, магазин — все находилось за перекидным железнодорожным мостом. Идти в город — значит идти «за мост». Летом для ребят это всегда проблема: раз за мост, надо умыться, одеться попримичнее, обуться — в поселке ходили босые. Ну, а во время учебного го-

да за мост приходилось ходить два раза в день как минимум.

Ходили на занятия лепрозоровские все вместе, ждали друг друга на мосту. Сегодня первыми пришли Аля с Люськой. Следом Валерка Воронов. Но встал отдельно: он десятиклассник, они для него пацанки. Да и класс у него еще мужской. С сентября соединили школы мужскую и женскую, а десятые и девятые оставили несоединенными. И вообще десятиклассников в поселке мало. Ребята после седьмого класса идут в техникум, а еще чаще — работать. Аля, обняв проволочные перила, смотрела в сторону депо. Вот бы прийти однажды туда и посмотреть, как чинит Казбек поезда. Он ей обещал, может, и ответит. Тронулся товарняк, запыхтел, застучал колесами. Но этот перестук, как и пронзительные свистки, были привычны слуху Али, наверное, так же, как крик петуха по утрам деревенским девочкам.

Ребята тем временем подсобрались. Но всегда кто-то опаздывает, а из-за него и все остальные. И учителя вечно ругаются: хоть бы раз эти лепрозоровские пришли вовремя! Сегодня нет Яшки с Фимой. А без них уж никак нельзя уйти. Фима, младший, мальчишка спокойный, он ни к кому не придирается, и к нему тоже. А за Яшкой нужен глаз да глаз. Ужасно психованный. Его так и зовут: Яшка-псих. Но если свои зовут, лепрозоровские, он даже не психует, отзывается, да и все тут. А если кто чужой хоть слово скажет, тут такое начинается...

Алина бабушка при случае говорила мальчишкам: «Фимку с Яшкой не обижайте, они такое пережили, что вам и во сне не снилось».

Наверное, про это, про пережитое, рассказала бабушке мама мальчишек тетя Бетя, уборщица железнодорожной больницы. Иначе откуда бы бабушка знала, что отец у них погиб в первый же год войны и что, когда они сами выбирались из занятых фашистами мест, что-то страшное случилось со старшей сестрой. Фимка в то время был маленький и ничего не помнит, зато у Яшки что-то сдвинулось в голове. Он даже несколько лет не учился, а теперь сидит в одном классе с Алей, хотя намного старше ее. И когда на него находило, он сразу начинал искать сестру, и глаза у него становились прямо бешеные. И, что бы ни случилось, всегда у него мозги поворачива-

лись на одно и то же. Ну, например, подножку кто-нибудь в коридоре подставит или снежком запустит — да мало ли что, он все равно начинает про сестру, кричит: «Вы ее убили», да еще бросается в драку. Причем вцепится в кого — не оттащишь. Аля поначалу сама пугалась, когда на него такое находило, а потом научилась его успокаивать. Просто говорила: «И ничего ее не убили. Сейчас пойдем домой, а она там».

Ее даже с уроков отпускали, чтоб она Яшку домой отводила. И что интересное, дома он сразу же забывал про сестру, ложился спать и спал очень долго, иногда целые сутки мог проспать.

Но вот, наконец, и они. Теперь бегом, через две ступеньки. Три пролета за несколько секунд. Школа до войны была двухэтажной, но ее отдали под госпиталь, быстро выстроив рядом два длинных одноэтажных здания — мужскую школу и женскую.

Война уже десять лет как кончилась, а здание все не отдавали, все лежали там инвалиды. Не то чтобы в прямом смысле лежали, многие ездили в колясках, а некоторые безногие на деревянных платформочках, отгалкиваясь от земли двумя деревяшками. Этих «ездящих» школьники, в том числе и лепрозоровские, хорошо знали. Аля с Люськой со многими здоровались, а иногда приносили им цветы или гостинцы.

В школе в этот день все было нормально. И Яшка не психовал, и контрольную Люська незаметно списала у Али. И дома, после школы, не произошло ничего необычного. Аля помогла бабушке, накосили они с Люськой травы в овраге для коровы. Уроки сделала, как всегда, наспех, и — на улицу.

Поздно вечером, спрятав под одеяло черные жесткие пятки, чтоб не увидела бабушка и не заставила отпаривать ноги в тазу, в горячей воде с мылом, от которого нестерпимо щипало цыпки, Аля, засыпая, думала о том, как бы утром пораньше проснуться и подгадать к тому времени, когда Казбек уже придет со смены, но не успеет умыться.

Так бежали дни своим чередом. Однако происходили в поселке и свои знаменательные события. Например, состоялось общепоселковое собрание, на котором присутствовал представитель райкомхоза, мужчина средних лет в чесучевом костюме, соломенной шляпе и

с портфелем. Он выступил с речью и сказал:

— Все вы знаете, товарищи, что ваш поселок назывался, неофициально, конечно, Лепрозорка, и это было, надо сказать, наследие прошлого, потому что никаких прокаженных в нашем советском поселке нет. Теперь же поселок ваш будет называться именем героя-летчика Нестерова, который, чтобы вы товарищи знали, между прочим, первым сделал «мертвую петлю». А отсюда проистекает тот факт, что и вы сами, и ваш поселок должны быть достойны этого славного имени, потому решено от самого моста через весь поселок не позже чем к международному празднику Первого мая провести асфальтированную дорогу, а также будут ставиться столбы для электрического освещения улиц. Но в этой светлой жизни вы сами, дорогие товарищи, должны не ударить в грязь лицом, побелить снаружи свои дома и другие пристройки, а также расчистить близлежащую территорию и следить за содержанием арыков, куда, между прочим, некоторые хозяйки выгоняют домашний скот в виде уток.

Речь всем очень понравилась. Принарядившиеся женщины — Алина бабушка тоже пришла не в обычной ситцевой косынке, а достала из сундука цветастый праздничный платок — горячо обсуждали приятные новости, тогда же и порешили: как только заасфальтируют дорогу и проведут освещение, сделать прямо на этой дороге большой дастархан и отпраздновать всем поселком как и его новое название, так и благоустройство, — вроде как справить именины.

На собрание не пришли только Иванцовы, которые всегда всех сторонились. Они и жили особняком, на краю поселка, в большом каменном доме, с оградой, с коваными воротами. Впрочем, фамилии их тогда никто и не знал, а звали их все «врачи по нехорошим болезням». Эти врачи — пока Аля не подросла и не узнала, что они венерологи, — ее просто замучили. Она спрашивала бабушку:

— Туберкулез — хорошая болезнь?

— Что ты! — охала бабушка, не чувствуя подвоха. — Не приведи господи! От нее человек, как свечка, тает.

И тут Аля ее поддавливает:

— Значит, ее должны лечить «врачи по нехорошим болезням»?

Бабушка терялась.

— Это другие нехорошие болезни.

— Но ведь хороших болезней не бывает? — настаивала Аля.

Тогда уж бабушка сердилась, говорила, что Аля больно дотошная, и тут же отсылала ее за каким-нибудь делом.

«Врачи по нехорошим болезням» с поселковыми не общались. Были у них свои какие-то знакомые и друзья. Аля слышала, как поздним вечером подъезжали к ним легковые машины, но не через поселок, а задами, со стороны кишлаков. Дочка их, Танечка, единственная во всем поселке училась в институте, говорили, что она выбрала себе ту же специальность, и Алина бабушка сокрушалась: «Надо же, такая молоденькая, такая хорошенькая, а тоже пошла в нехорошие болезни».

Что касается Али, хорошенькой она Танечку не считала и вообще терпеть не могла. Да и другие поселковые ребята, даже те, что постарше, ровесники Тани, тоже с ней не дружили.

Трудно объяснить почему, но мода к ним за мост доходила с большим опозданием. Городские парни уже зачесывали волосы назад, а поселковые все ходили с косыми челками на лоб, там уже носили пиджаки, а здесь вельветовые курточки на кокетке. Да и девчата все были с косами, в длинных, мешковатых платьях одного покроя. И только Танечка, за что и была прозвана Ципа-Дрипа, ходила в капроновых чулочках, в туфельках на высоких каблучках, в коротких гофрированных юбочках, схваченных на тонкой талии широким поясом. Кроме того, она была заносчива, мало кому даже из пожилых говорила «здравствуйте», а когда была помладше, не ходила общей гурьбой купаться на речку Кафирниган или ночью на кладбище прокаженных, где, как уверял Валерка Воронов, якобы светился фосфор из костей. И правильно, что все ее в поселке не любили. Да вот в чем была беда: все, кроме Казбека...

Развлекаться в поселке молодым было негде. Но вот по их сторону моста стали разбивать парк железнодорожников. Открылся летний кинотеатр, работала танцплощадка, где сначала под радио танцевали «Приориту» и «Брызги шампанского», а потом появился духовой оркестр. Алю,

конечно, в парк бабушка не пускала: мала еще. Но откуда было бабушке знать, что, едва выскочив вечером на улицу, она бежала в парк, стояла, босая, чуть поодаль танцплощадки, смотрела на танцующих, слушала музыку. Городские к ним не ходили, побаивались: поселок был, кроме парка, пока еще неосвященным, да и ребята почему-то считались драчунами. Но и поселковые развлекаться «за мост» тоже не ходили, одна только Ципа-Дрипа каждый вечер, примерно часов в семь, отправлялась в город. А чуть раньше на углу Алиного дома, мимо которого Танечка должна была пройти непременно, появлялся Казбек в наглаженной рубашке, с влажными, уложенными кудрями. Если в это время Аля спрашивала его о чем-то, отвечал рассеянно, поглядывая на дом «врачей по нехорошим болезням». И только когда хлопала тяжелая калитка и в своей пышной юбочке, с русыми локончиками вдоль узкого лисьего личика выходила Ципа-Дрипа, Казбек оживлялся, начинал болтать с Алей. Аля же, наоборот, замолкала, понимая, что это он нарочно, чтобы та не поняла, кого он здесь поджидает. Но только Танечка проходила мимо, он тут же на полуслове замолкал и долго смотрел ей вслед.

В последнее время у Ципы-Дрипы появился кавалер, как выражалась Алина бабушка. Небольшого росточка, с маленькой прилизанной головкой. Аля, как встретила их вместе, так и не удержалась, покрутила пальцем возле виска так, чтобы видела Танечка. А означать это могло только одно: какой же надо быть идиоткой, чтобы не замечать такого красавца, как Казбек, а ходить с такой вошкой. Своим мнением она и с ребятами поделилась, и вот уже прозвище Вошка прочно приклеилось к кавалеру Ципы-Дрипы.

Неизвестно, каким образом поступила эта информация в Лепрозорку, но вскоре все уже знали, что Вошка — сын главного прокурора. Какого именно прокурора — района, города, республики, а вполне возможно, что просто его отец кем-то работал в прокуратуре — эти детали уже не уточнялись. Факт тот, что лепрозоровские ребята все же побаивались этого родства, а то бы точно отлупили Вошку.

Але хоть и казался Вошка очень противным, но она надеялась, что теперь уж Казбек не будет каждый вечер ждать эту Ципу-Дрипу. И

зря надеялась. Он смотрел ей вслед еще тоскливее, еще дольше. Но самое ужасное было то, что когда Танечка проходила мимо них вместе с Вошкой, то начинала хихикать и что-то шептать ему на ухо. Вошка тоже хихикал и оглядывался на Казбека.

— Зачем ты здесь стоишь? — с горькой обидой на него сказала однажды Аля Казбеку.

— А ты зачем стоишь? — улыбнулся Казбек.

— Я с тобой...

— Ну вот, а я — с тобой, Аленка.

Аля тогда обиделась на Казбека: чего он с ней как с маленькой? Знала, чувствовала, что добром эти ожидания на углу не кончатся.

Однажды Вошка шел, как всегда, к своей Тане, чтобы потом отправиться с ней в город, но до дому «врачей по нехорошим болезням» не дошел, остановился возле Казбека, который, как всегда, уже ждал на углу Алиного дома. Аля, как увидела, что Вошка остановился, сразу выскочила и встала рядом с Казбеком.

— Покурим? — спросил Вошка у Казбека.

А тот ответил:

— Не курю.

— Что, на папиросы не зарабатываешь? — спросил опять Вошка и нехорошо засмеялся. — Тогда могу угостить.

И протянул ему пачку с папиросами, но Казбек даже рукой не пошевелил. Аля знала, что не курит он из-за болезни, но Вошке Казбек ничего не стал объяснять, просто не ответил и папиросу его не взял. А Вошка вдруг ни с того ни с сего стал ругать их поселок.

— Тут один сброд живет, в вашей Лепрозорке. Сброд и отребье всякое. И жулики.

И еще про то, что Танины родители, нормальные и интеллигентные люди, попали сюда случайно.

— А то бы, — сказал он, — я бы в жизни не узнал про вашу Лепрозорку, я бы даже плюнуть сюда не зашел.

А сам взял и плюнул и стал нахально смотреть на Казбека. Казбек все еще молчал, но Аля не выдержала:

— Иди плюйся в своем прокурорском доме или во дворе у Танькиных родителей, потому что тут только они одни жулики, — кричала она. — Я знаю, зачем к ним по ночам машины ездят!

Тогда Вошка глянул на Алю так, как будто она

вообще никто и ничто. А потом наклонился и что-то прошептал Казбеку на ухо. А вот что именно — Аля, как назло, не расслышала. Только после этих слов Казбек вдруг со всего маху ударил Вошку по лицу.

Или уж так сильно ударил, потому что хоть и был он болен, но все-таки рабочий парень, широкий в плечах, или Вошка такой оказался квелиый, но только Аля и понять ничего не успела, как тот оказался в пыли на земле. И Ципа-Дрипа уже бежала к ним от своих ворот и визжала во весь голос.

В поселке ребята дрались часто. Бывало, что с городскими, а чаще между собой. Но никто никогда ни на кого не жаловался. Даже участковый, добрейший дядя Сережа, казах по национальности, с трудным именем, оттого и переименовали в Сережу, даже он не разбирался в этих драках. Так, пожурит только, назовет петухами — и все дела. Сколько раз и его сыну Искандеру влетало — и ничего. Но на этот раз Аля знала: так не обойдется. Ципа-Дрипа завела своего Вошку домой, а оттуда он вышел уже перевязанный, потому что, когда упал, рассек подбородок о камень. И вели его под руку, словно тяжелобольного, Танькины родители.

Вечером бабушка никак не могла затолкать Алю спать.

Та ее замучила вопросами:

— Бабушка, у нас поселок хороший?

— А чего ж... Магазин вон открыли, дорогу заасфальтируют.

— Да я не про это. Люди у нас какие?

— Люди как люди. Академиков, конечно, нету, народ обычный. Но неплохой. Мы уж тут сколько лет, слава богу, живем, и ничего.

— Бабушка, Казбек подрался...

— Казбек парень несчастливый. Красота в нем, видишь, какая.

— А разве это плохо — быть красивым?

— Плохо, — убежденно говорит бабушка. — Это вроде как отметина на человеке. Сестру ты его старшую не помнишь. Вот уж была красавица, а ведь поди ж, померла — восемнадцати не было.

— Ты так говоришь, бабушка, что, по-твоему, все бы красивые умирали. А вон какие артисты есть красивые и счастливые.

— Помирают-то не все. Да и про их счастье мы много не знаем.

— Это ты так говоришь, бабушка, по своей отсталости и все неправильно!

— А если ты такая неотсталая, — сердится бабушка, — то ложись-ка да спи давай!

Попробуй тут усни! Чуть задремлет Аля, а ей все свой поселок снится. К тому времени он вытянулся в длинную прямую улицу, называвшуюся первой линией, а небольшие поперечные улочки — проездами, тоже безымянными, по номерам: первый, второй, третий... На своей улице Аля знала всех. И хоть бабушка говорила — «люди как люди», это было не совсем так. Потому что были среди них и такие, с которыми связывалась какая-то тайна, загадка. Вот, например, «Та, которая в окне»...

Вроде спит Аля, а вроде и не спит. Только видит она, как рано утром распахиваются голубые ставенки, раздвигаются ситцевые занавески в горошек, на своем обычном месте стоит горшок с геранью и появляется «Та, которая в окне», и вот уже сидит, подперев кулачками подбородок. Золотые волосы уложены короной, платье с глубоким вырезом, руки полные и белые.

У этой женщины нет ног. Но почему — никто в поселке этого не знает, а слухи ходили самые разные. Одни говорили, что она без них родилась, другие — что в детстве попала под поезд. Мало того, была она иностранка и будто приехала сюда из Варшавы. Но этому многие не верили: зачем это ехать из Варшавы в Лепрозорку? И потом, если бы она только что приехала из Варшавы, то откуда бы у нее взялся черноглазый сынок с таджикским именем Акбар, с фамилией Музафаров? Тем более все видели и отца Акбара, который первым приехал на легковой машине в поселок, сторговал у дяди Хамзата полдома, а затем уже привез «Ту, которая в окне», и Акбара.

Легковая машина была уже сама по себе событием в поселке, потому и считали, что отец Акбара — большой начальник. Сам Акбар одевался совсем не так, как поселковые мальчишки. Ходил в шортах, в гольфиках и настоящих сандалиях, рубашечки на нем всегда были чистые, с отложными воротничками. Зная нравы поселка, можно было бы предположить, что Акбару, такому чистюле, живется в нем неудобно, но это было не так. Ему прощались и шорты, и гольфики, потому что это был мальчик-труженик, «хозяйка», как ласково называла его Алина ба-

бушка. Ему было всего пять лет, когда он появился в поселке. И, поскольку мать его вовсе не выходила из дому, он сам носил тяжелые сумки с базара, стоял в очереди за керосином, ходил за мост в магазины и, кроме того, был такой добрый и вежливый, что обидеть его было просто невозможно. Никто не понимал, когда успевают «Та, которая в окне», шить на себя и на сына, стирать, делать красивые прически, потому что от зари до зари вот так, подперев кулачками щечки, сидела у окна. Узнать у нее что-нибудь тоже было не так-то просто. Она неплохо разговаривала по-русски, но, если ей не нравился вопрос, начинала быстро-быстро щебетать что-то по-польски, и собеседнице ничего не оставалось, как махнуть рукой.

Домой «Та, которая в окне», никого к себе не приглашала, а самим идти вроде бы и незачем. Поздороваться, спросить о чем-нибудь — так пожалуйста, вот она — в окне... Но сегодня ночью, во сне, Аля решила во что бы то ни стало зайти к «Той, которая в окне». Ей нужно, обязательно нужно посмотреть на ее ноги. Ночью окно не занято, Аля сама раскрывает ставенки, на пол грохается цветок с геранью. «Та, которая в окне», кричит от неожиданного грохота, вскакивает с постели, и Аля видит ее ноги — они у нее целые, но очень коротенькие, волосатые и с копытцами. Тогда Аля тоже кричит что есть сил и просыпается окончательно.

Слышит, как бабушка ругает теленка, перевернувшего кастрюлю. Теленок еще маленький и пока живет в доме, потому что в сарае холодно.

— И что ты не угомонишься, — увещевает его бабушка. — Девчонку вон испугал.

Выходит, и проспала Аля всего ничего, бабушка еще даже не ложилась.

— Бабушка, — спрашивает Аля. — А у «Той, которая в окне», такие ноги тоже потому, что она красивая?

— Не знаю я, Аля. Сказала про красоту так, к слову, а ты все в строку берешь. Спи давай.

— Бабушка, а на что они живут, «Та, которая в окне», и Акбар?

— Отец мальчишки помогает.

— А почему он не живет с ними всегда?

— Ну тебе-то что за забота? Мало на то какие причины. Забиваешь голову чем не положено. Спи!

Отец Акбара приезжал в поселок часто и всегда на легкой машине. И однажды случилось такое происшествие. Нугмон, узбекский мальчишка, которого все звали просто Немошка, шустрый и озорной, выскочил неожиданно из-за поворота и попал под колеса автомашины. Отец Акбара, весь бледный, вышел из машины, закрыв лицо руками. А Немошка в это время уже вскочил на ноги. Из ворот дома выбежал отец Немошки дядя Саид и, узнав, в чем дело, дал сыну затрещину, сказав при этом хлесткую фразу по-узбекски, которая в переводе означала примерно «не будут тебя черти носить, где не положено». Но потом взял Немошку на руки и заплакал.

Дядя Саид был продавцом в единственном недавно открытом в поселке магазине, одновременно и продуктовом, и промтоварном, так что теперь не приходилось ходить за товарами и продуктами первой необходимости за мост. И вообще дядя Саид удивительный, замечательно честный человек. Однажды, что-то перепутав в накладных, ведь был он не очень грамотным, дядя Саид целый день торговал ситцем по 8 рублей 80 копеек, а потом обнаружил, что материя стоит 6 рублей 90 копеек. Тетя Амина, его жена, рассказывала, что он всю ночь не спал, а рано утром, припоминая, кто из поселковых брал ситец, ходил по домам, возвращая кому три, кому шесть рублей. А потом еще долго переживал от того, что были среди покупателей случайные, незнакомые ему люди, которым он не может вернуть деньги и которые будут считать его мошенником.

Неизвестно, почему так повезло Немошке, но отделался он только испугом да синей полосой поперек живота, которая долго еще не сходила и которую он с удовольствием показывал всем, кому хотелось на нее посмотреть.

Отец Акбара привел к дяде Саиду барана, чтобы он сделал худой и чтобы никуда не жаловался на него. Барана дядя Саид взял, потому что худой был народный обычай: если случалась маленькая неприятность там, где она могла бы обернуться большой бедой, принято резать барана и делать угощение. А жаловаться он и так бы никуда не пошел.

Так, от одного к другому, скачут мысли, все путается в голове у Али. Она опять вспоминает «Ту, которая в окне», и улыбается красивой,

таинственной женщине, и радуется, что она, эта красота, живет в их поселке. Потому что даже представить страшно, что однажды не откроется окошко и не покажется в нем золотоволосая головка.

Немножко повзрослев, Аля, листая какой-то иллюстрированный журнал в доме своей любимой учительницы, вдруг увидит на цветной вкладке «Ту, которая в окне». Прочтет под ней: «Ренуар. Портрет актрисы Жанны Самари» и возмутится:

— Здесь ошибка. Я ее знала, — скажет Аля. — Она совсем не актриса, у нее нет ног.

И учительнице долго придется объяснять, что Ренуар, французский импрессионист, никак не мог написать «Ту, которая в окне», и что люди могут быть настолько похожими.

После того как испугал Алю теленок, она никак не может уснуть. Лежит и вспоминает своих соседей, мысленно идет от дома к дому. Рядом с «Той, которая в окне», живет однорукий печник дядя Вася, жену его зовут Печничихой, хотя она и сама работает на железной дороге диспетчером. У них снимает комнату старая проводница тетя Настя, или, как зовут ее за глаза, Курилка, потому что она курит, а больше из женщин в поселке не курит никто. А еще дальше — семья машиниста Воронова, у них трое самых отчаянных парней. Зато Валерка, старший, лучше всех играет на гитаре и поет. Но все это люди обыкновенные, без тайны. Аля пропускает несколько домов и пристроек и останавливается у приземистой глинобитной кибитки. Вот тут-то и живет самая жгучая тайна, еще таинственней, чем «Та, которая в окне».

Здесь живет Китаец. Его так и зовут, хотя это не прозвище, он в самом деле китаец, но как раз в этом-то никакой тайны нет. Например, корейских семей в поселке несколько, ну и что? Дело в том, что китаец этот уже старый, с желтым морщинистым лицом, он едва передвигается на двух костылях, говорят, у него вообще нет ребер и каждый день жена зашнуровывает на нем какой-то особый корсет. Но и это само по себе еще ничего бы не значило, если бы жена эта не была молодой и очень красивой женщиной, ничуть не меньшей красавицей, чем «Та, которая в окне», но еще и на длинных, стройных ногах. И тут уж тайна, тут уж непонимание — отчего, почему живет со старым, больным Китайцем молодая и

красивая женщина? Но даже эта тайна еще не вся. Китаец этот настоящий фокусник. Свои фокусы он показывает на маленьком базарчике, который стихийно возник несколько лет назад в поселке, прямо под окнами барака, где жила Аля. На базаре он показывал фокусы за деньги, но, если приходили ребята к ним в дом, показывал их просто так, смеялся и угощал леденцами. Аля сама видела: держит в руках нормальную колоду карт, даже дает проверить, что все там нормально, а потом раз — и в колоде уже одни только дамы или короли или все карты вдруг станут одной масти. И леденцами он угощает не просто так. Сожмет на глазах у ребят пустую ладонь в кулак, а когда разожмет — в ней разноцветные леденцы. Аля пробовала — настоящие.

Про эту пару говорили еще больше, чем про «Ту, которая в окне». Печничиха уверяла, что он несметно богат и жена его, красавица Валентина, живет с ним из корысти. Проводница Курилка считала, что он колдун и приворожил Валю, она бы, мол, и рада от него отстать, да не в силах. И только, может быть, Аля догадывалась, что Валя просто любит Китайца. И тайна для нее была не в том, почему она с ним живет, а в том, отчего любит.

Еще Аля знала, что Китаец — человек добрый, хоть и хитрый. Когда четыре года назад в самолетной катастрофе погибла ее мама, бабушка ходила к нему гадать. Дело в том, что самолет, вылетевший из Ленинабада, не долетел до места назначения, то есть до Душанбе, но и обнаружить его долго не удавалось. В течение трех месяцев несколько раз снаряжались поисковые экспедиции, и все безрезультатно. Лишь когда сошел с гор снег, останки самолета случайно обнаружил чабан. Но все эти месяцы не покидала деда и бабушку надежда на то, что мама жива. Аля все время жила с бабушкой и дедушкой. Отец с матерью, геологи, были всегда в разъездах. Но и потом, когда мама стала уже работать в газете, у нее тоже были то дежурства, то командировки, и Аля сразу не поняла, не ощутила утраты. Отец же несколько лет уже жил и работал в другом городе, может быть, они даже расстались с мамой, оттого и жили отдельно. Так вот, когда иссохшая от горя бабушка пришла с Алей к Китайцу, он долго раскидывал карты, прикрывал свои и без того узкие глаза и молчал.

Наконец попросил жену принести росток какого-то растения — а их в доме Китайца было очень много, и сказал бабушке:

— Посади. Если примется — есть надежда. Будем смотреть.

И вот тогда-то Аля поняла, что Китаец сам нисколько не сомневался в гибели мамы, и не потому, что умел гадать, а потому, что кроме родных и близких, не смевших расстаться с надеждой, и так все было ясно. Но он жалел бабушку и таким гаданием поддерживал в ней надежду. А когда бабушка, обрадованная, принесла ему горшок с зазеленевшим ростком, он опять прикрыл свои глаза-щелочки и сказал:

— Хорошо... Теперь зацвести должен. Будем смотреть.

Хоронили маму в цинковом закрытом гробу, оттого, что Аля не видела ее лица, она и тогда еще не ощутила утраты. Смотрела на все отстраненно, словно происходило это в кино, а если плакала, то только потому, что плакали все. На поминках и позже, всегда, когда заходил разговор о маме, все говорили: «Такая была добрая, такая улыбчивая, веселая...»

Аля недоумевала: добрая — да. Но веселая? На всю жизнь она запомнилась ей печальной. Печальны были ее темные, глубокие глаза, печальны даже смуглые, тонкие в запястьях руки, печален весь облик. Аля силилась вспомнить маму смеющейся или хотя бы улыбающейся и не могла. Может быть, считая Алю слишком маленькой, мама не таила перед ней свою печаль? И печаль эту Аля, не умея объяснить, каким-то образом связывала с отцом.

За домом Китайца опять шли дома с людьми обыкновенными. Стояли два барака — общежитие железнодорожников, в котором жили машинисты, помощники машинистов, дорожные рабочие, служащие станции со своими семьями. За что же их всех так обозвал этот Вошка? В поселке не работала только «Та, которая в окне», но ведь она без ног. Ну, еще Китаец на базаре показывал фокусы, и дядя Сережа его несколько раз ругал за это. Но ведь Китаец — инвалид. Если и неправда, что совсем без ребер, то уж точно с большим позвоночником. Жил еще за железнодорожными бараками старый рыбак-пьянчужка, который с удочкой ходил на Кафирниган, а потом продавал рыбку на базаре. Так ведь везде есть свои пьянчужки.

А если разобраться, то и он тоже хороший человек. По крайней мере, растит один внучку Люську, Алину одноклассницу, потому что у нее не только отец, как у многих, но и мать, родная дочь рыбака, погибла на фронте. А еще он, хоть и пьянчужка, выращивает такие розы, каких здесь никто раньше и не видел. И чуть выпьет, тут же срезает их и всем раздаривает.

И вот все эти люди — сброд? Правильно Казбек ему врезал, вот только в милицию его за это таскать не стали бы...

И опять полусон, полузабытье. Колода карт в руках у Китайца, а на них не короли и дамы, а живые рыбки плещутся...

Из-за этой бестолковой ночи Аля проснулась, когда бабушка давно уже подоила корову, молоко остыло, а Казбек, конечно же, не только пришел, но и вымылся. Однако время до школы еще оставалось, и Аля все-таки решила отнести жбан молока. И еще только дошла до «Той, которая в окне», как увидела, что из дома тети Зары вышли два милиционера, один дядя Сережа, другой — незнакомый, а посередине, нагнув голову и заложив руки за спину, шел Казбек. Тетя Зара стояла у калитки, обняв косяк, а потом стала медленно сползать на землю. У дяди Сережи было ужасно виноватое лицо, и он шел, как и Казбек, пригнувшись, а «Та, которая в окне», что-то кричала, похоже, ругалась по-польски на милиционеров.

— Это же его арестовали, — догадалась Аля. — Не просто вызвали в милицию, а арестовали...

Хоть и знала Аля, что «врачи по нехорошим болезням» сделают какую-нибудь пакость Казбеку, но такого не ожидала. Она не выронила — бросила жбан на дорогу и побежала навстречу. Казбек, заметив ее, поднял голову, улыбнулся.

— Аленка, — сказал он. — Молоко пролила. Ну, ничего...

И засмеялся.

Аля не поняла, к чему относилось это «ничего» — к молоку или тому, что его арестовали.

Вечером весь поселок был взбудоражен.

— Ничего ему не сделают! — кричал пьяный рыбак. — Попугают немного и отпустят.

— Могут оштрафовать, — сомневался печник дядя Вася.

Проводница Курилка, потягивая «козью ножку», предложила:

— Надо матери Казбека да нам всем, соседям,

пойти к «врачам по нехорошим болезням» попросить, чтоб уговорили Вошку простить. Полюбовно, мол, по-соседски надо...

Но предложение Курилки не поддержали, идти к ним никто не хотел.

Разговор этот происходил вечером, на том месте, где по утрам собирается базарчик. Вышли из барака железнодорожники, те, что помоложе, устроились прямо на прилавках, пожилые вынесли с собой самодельные скамеечки. Получилось настоящее собрание, однако вести его было некому, оттого и проходило оно с криком, спором, беспорядочно и бестолково. Железнодорожники кричали: «Да чтоб такого парня посадили?! Это наш стахановец, образец, так сказать, для подражания. Да мы за него горой!»

Кто-то сбегал за участковым. Дядя Сережа пришел, как всегда, облепленный маленькими детьми, мал-мала меньше. У него и форма-то вечно была заляпана и заслюнявлена малышами, их у дяди Сережи восемь в семье, и все на нем виснут. Потолковал он с собравшимися, но не обнадежил. Сказал:

— Как дело повернется. Статья в кодексе есть.

— Какая такая статья! — завозмущались женщины. — Да когда же это было, чтоб парни из-за девки не передрались!

«Та, которая в окне», волновалась, звала к себе поближе, кричала:

— Ходатайствовать надо!

Слово это всем понравилось, хотя никто его толком не понял, и все стали друг у друга спрашивать, как они будут ходатайствовать.

— Пойдем в суд и будем перед судом ходатайствовать, — решил за всех рыбак.

Аля тут же побежала к тете Заре: пусть мама Казбека предупредит ее, когда будет суд, а она уж все дворы обегает, и все пойдут ходатайствовать. Но предупреждать Алю не пришлось: ей самой прислали повестку. Следовательно, который вызывал ее и про все спрашивал, сказал, что хоть она и несовершеннолетняя и ее свидетельские показания полной силы не имеют, тем не менее в суде их решили выслушать.

На суд все, конечно, пойти не смогли, особенно из железнодорожников: кто был в поездке, кто на смене. Зато печник пришел в выходном костюме, пустой рукав аккуратно подвернут, а вся грудь в орденах и медалях. Рыбак был абсолютно трезвым. Вместо школы

пришли в суд Люська, Валерка и Немошка. Хотел за ними увязаться и Яшка, но его обманули, сказали, что суд перенесли, потому что он точно бы распсиховался.

Пришли лепрозоровские большой толпой, уселись на скамейке в зале заседаний. Только Алю не пустили. Милиционер сказал, что в зал заседаний ей нельзя входить, пока ее не вызовут, так что пусть она посидит с другой свидетельницей в коридоре. Другой свидетельницей оказалась Ципа-Дрипа, и Аля принялась доказывать милиционеру, что она никакая не свидетельница, потому что прибежала уже потом, на что милиционер ответил, что все это надо объяснять суду, а не ему.

А в зал заседаний уже вошли судья и заседатели, прокурор и адвокат. Когда судья сказал: «Встать, суд идет!» и открыл судебное заседание, поднялся рыбак и на весь зал крикнул:

– Минуточку! Как это суд идет? Мы еще не ходатайствовали!

Тогда судья объяснил, что здесь, в суде, не ходатайствуют, надо было делать это раньше. Лепрозоровские заволновались, но судья строго призвал всех к порядку и предупредил: если кто будет шуметь, его выведут из зала.

Аля еле дождалась, когда ее вызовут. Ей казалось, что она сможет все объяснить и спасти Казбека. Но вместо того чтобы рассказать правду и этим хоть чуточку помочь ему, она стала врать и совсем запуталась. Аля уверяла, что Казбек вовсе не ударил Вошку, а, наоборот, Вошка хотел его ударить, но поскользнулся, упал и разбил подбородок. Все это она выпалила, едва судья назвал ее фамилию. Это его, видимо, рассердило, и он велел ей отвечать только на вопросы, а еще выговорил за Вошку, напомнив, что здесь суд, а не улица, и чтобы она обходилась без оскорбительных прозвищ.

За нее вступился адвокат:

– Девочка хотела сказать «Вовку», так как потерпевшего зовут Владимиром, она просто немножко шепелявит.

Но Аля зло выкрикнула:

– Ничего я не шепелявлю! Я и не знаю, как его зовут, он – Вошка!

Тогда судья опять сделал ей замечание и сказал, что если она так будет себя вести, то ее лишат права давать свидетельские показания и вообще удалят отсюда.

После этого Аля притихла и стала отвечать на вопросы. Рассказала, как потерпевший (выговорила это слово с ненавистью) стал цепляться к Казбеку насчет покурить, а потом ругал весь их поселок и плевался, а потом еще что-то сказал на ухо Казбеку.

И тут до нее дошло, что это «что-то» было сказано в ее адрес и что из-за нее ударил Казбек Вошку. Конечно, придрался Вошка из-за Ципы-Дрипы, но еще неизвестно, дошло бы дело до драки или нет.

Догадка Алю ошеломила, она замолчала на полуслове, разревелась и стояла перед всеми, хлюпающая носом и размазывая слезы по лицу.

Судья попросил Алю успокоиться и уточнить, когда же обвиняемый ударил потерпевшего. Но она упрямо стояла на своем: никогда не ударил, это потерпевший хотел ударить, поскользнулся и упал.

Прокурор поинтересовался, кто научил ее врать, и она опять ответила, что не врет, а говорит правду. После этого Але разрешили сесть и приступили к допросу второй свидетельницы.

По словам Тани Иванцовой выходило так, что Казбек давно был влюблен в нее, приставал к ней, каждый вечер поджидая на углу, а когда она стала встречаться с потерпевшим, из ревности цеплялся к нему, и, наконец выждав момент, набросился на него безо всяких оснований и избил. Да, она тоже врала, но все у нее выходило так ровно и ловко, как будто она говорила правду.

Когда она сказала, что Казбек был в нее влюблен, Аля не выдержала и крикнула:

– Да он тебя терпеть не мог! Он для того и ждал на углу, чтоб тебе вслед плюнуть!

Судья постучал ручкой по столу, но реплика почему-то заинтересовала прокурора, и он попросил разрешения задать ей еще несколько вопросов.

– Значит, вы, свидетельница, утверждаете, что обвиняемый и раньше вел себя оскорбительно по отношению к Иванцовой, как вы говорите, плевал ей вслед. Не припомните ли вы, может, при этом он выражал и угрозы?

Адвокат от досады даже рукой хлопнул по столу. А на Казбека Аля и взглянуть боялась. Опять, опять она сказала какую-то глупость, которая только навредит ему.

– Ничего я такого не утверждаю...

— Но вы сейчас разве не говорили?

— Я про Вошку говорила, что он плевался не только тогда, а всегда...

Прокурор даже руками развел, словно приглашая всех присутствующих убедиться, сколь противоречивы и неискренни показания этой девочки. В своей речи он особое внимание уделил их поселку, где, по его словам, царит нездоровая атмосфера и подобная драка между городским и поселковым парнем явление не одиночное. Вот эту-то нездоровую атмосферу и имел, по-видимому, потерпевший в виду, когда, возможно, позволил себе некоторые критические замечания в адрес поселка.

— Я говорю «возможно», — подчеркнул прокурор, — потому что все вы могли удостовериться, как пыталась ввести в заблуждение суд свидетельница, отрицая столь очевидный факт нанесения удара, в котором сразу признан сам обвиняемый.

Говорил прокурор долго и потребовал меру наказания — три года лишения свободы. Речь адвоката была короче и бледнее прокурорской, а все оправдание сводилось к тому, что обвиняемый молод, приводов в милицию ранее не имел и так далее. Приговорили Казбека к двум годам.

Громко, в голос, заплакала тетя Зара. Аля, обернувшись к Иванцовой, крикнула на весь зал:

— Дура венерическая, вот ты кто!

А потом выскочила в коридор, чуть не сбив с ног какого-то дядьку, и помчалась домой. Дома с ней случилась настоящая истерика. Она глухо рыдала, обхватив руками подушку и вцепившись в нее зубами, а когда испуганная бабушка принялась ее утихомиривать, выскочила вместе с подушкой из дома, пометалась по двору, а потом залезла в собачью будку. И неизвестно, что решил для себя их добрый и бестолковый пес, но к будке не подпускал никого, даже бабушку. Там, согнувшись чуть не втрое, Аля вдруг сразу впала в какую-то странную дремоту. Под вечер, однако, замерзла, вылезла из будки и, все еще не проснувшись, пришла домой и забралась в постель. Подсевшая к Але бабушка обнаружила, что та вся горит.

Так, в горячке, Аля провалялась три дня. Приезжал врач. Поскольку на его вопросы Аля не отвечала, шептался о чем-то с бабушкой. Бабушка говорила про контакт, возможное заражение, и

врач решил на всякий случай проверить легкие, выписал направление на рентген. В больницу Аля не пошла. Она знала, что здорова. То, что с ней произошло, сейчас бы назвали обычным стрессовым состоянием.

Прошло еще несколько дней, прежде чем похудевшая, осунувшаяся Аля поднялась на ноги и сразу отправилась в редакцию, где работала ее мама. Ее там все знали и помнили, вот только секретарша была новая и к редактору не пускала, объясняя, что если с жалобой, то надо идти в отдел писем. Но тут он выглянул сам, обнял Алю и завел к себе в кабинет. Сначала про все выслушал, а потом сказал:

— У нас уже занимается сотрудник этим письмом.

— Каким письмом? — удивилась Аля. — Письма не было...

— Ну как же так. Его от ваших поселковых принес товарищ Музафаров.

— У нас Музафарова нет... — начала Аля и осеклась, сообразив, что это отец Акбара.

— Да я сейчас приглашу сотрудника.

Пришел сотрудник, которого Аля тоже знала, с письмом.

— Вот видишь, сколько подписей. А написала Бзежинская.

— Это «Та, которая...» — Аля замолчала, но редактор понял ее по-своему.

— Да, которая без ног. А ты, кстати, знаешь, почему она без ног?

Аля покачала головой.

— Она из польских беженцев. Когда в тридцать девятом фашисты напали на Польшу, армия Андерса отступила. Бзежинской повоевать пришлось. Ноги ей гранатой оторвало. Ну а что касается Казбека, приходи завтра, я тебе уже что-нибудь конкретное скажу. Сейчас мы тут обговорим, выясним кое-что...

На другой день редактор сказал Але, что внимательно ознакомился с делом Казбека, и сразу стал ругать ее за то, что так вела себя на суде.

— Если бы не стала врать в основном, то, возможно, суд учел бы все, что предшествовало драке, и принял к сведению как смягчающее обстоятельство. Но если ты утверждала, что Казбек не ударил потерпевшего, а, наоборот, потерпевший хотел его ударить, то тебе, конечно же, не поверили с самого начала. Так что своим враньем ты не помогла другу, а все испортила.

Это-то Аля теперь и сама понимала. Тем не менее возразила:

— Иванцова вообще все врала, ее там и не было вовсе, она потом выскочила, а все равно ей поверили.

— А в общем, конечно, с парнем поступили жестковато, — заключил редактор. — Поэтому надо апеллировать в Верховный суд. Ты приходи ко мне вместе с матерью Казбека, я вас направлю к юристу, он поможет написать заявление, скажет, какие документы нужно собрать. Почему, кстати, в деле нет характеристик с места работы, жительства, наконец справки о том, что он серьезно болен?

Аля пожалала плечами: кто же думал, что его посадят? И потом никто ведь не научил.

— Что же касается тебя, Аля, — продолжал редактор, — мне крайне неприятно, но я должен тебе сказать, что на суд ты произвела очень плохое впечатление. Мало того, что врала, но и дерзила, оскорбила свидетельницу, проходившую по тому же делу. Позоришь и бабушку с дедушкой, и отца. А о маме ты подумала, об ее памяти? Ее вся республика знала. И судья, кстати, тоже. Я когда сказал, чья ты дочь, он прямо поразился. Говорит: мне и в голову не пришло, хотя у них одна фамилия. Такая, говорит, женщина была — интеллигентная, обаятельная... Бумагу вот собирались тебе в школу отправлять, чтоб усилили воспитательное воздействие. Ты, кстати, как учишься?

— Учусь хорошо. Но если бумагу отправят, вообще в школу не пойду.

— Не отправят. Теперь не отправят. Но ты подумай над собой хорошенько, ладно?

Але было, конечно, не до того, чтобы думать над собой, но она пообещала, что подумает.

Верховный суд отменил решение районного. Наверное, помогло теперь уже настоящее ходатайство и железнодорожников, и соседей. А может быть, и то, что Таня изменила свои свидетельские показания, была на суде вся сникшая, говорила вяло. Ходили слухи, что за Казбека, как ни странно, вступился отец Вошки, действительно прокурор, и будто даже выдал сыну, назвав его подлецом. Но откуда дошли такие сведения, тоже непонятно — не Иванцовы же их распространяли. Так или иначе, из-под стражи Казбека освободили прямо в зале суда, но через несколько дней увезли в тубер-

кулезную больницу из-за обострения болезни.

После этих событий отношение поселковых к Иванцовым, а также к Вошке, совсем испортилось.

Ребята обдумывали план мести.

— Ничего, он нам еще встретится один, этот Вошка, без свидетелей, — выжидали они.

Беспокоился дядя Сережа. Говорил то с одним, то с другим:

— Посмотри на тетю Зару, сколько она, бедная, пережила. Ты хочешь своей матери такого?

Может быть, подействовали уговоры дяди Сережи, а скорее всего то, что Вошка после этого ни разу по эту сторону моста не появился, провожал Таню только до железнодорожного вокзала. Тем не менее, как ни старался участковый, кто-то запустил в окно «врачей по нехорошим болезням» поздно вечером булыжник, и стекло разлетелось вдребезги. Кто-то проколол шины легкового автомобиля одного из посетителей дома Иванцовых и разбил на нем фару. Несколько дней таились ребята, ждали, что станут искать, кто это сделал, однако никаких поисков не последовало. А уж чего только не выкрикивал вслед врачам пьяный рыбак! В общем, жилось им в поселке теперь неудобно. Может быть, поэтому, а может быть, были у них на то свои, неизвестные поселковым причины, но вскоре они продали дом и съехали, в другой ли город или просто из их поселка — никто не знал...

Больница, в которой лежал Казбек, находилась километрах в двадцати от Душанбе, в живописном местечке Рохаты. Все это время Аля только и думала о том, как поедет в больницу к Казбеку, но сделать это было непросто. Бабушка и слышать не хотела: девочке, да одной, да в такую даль? Конечно, можно было бы вместе с тетей Зарой или парнями-железнодорожниками съездить в воскресенье, но в том-то и дело, что Але хотелось поехать к нему одной. Но послушаться бабушку она все же не решалась, а поехать и обернуться так быстро, чтоб та не догадалась, тоже не получится. Выручила верная подруга Люська.

— Давай прямо с утра, вместо школы, а? Поедем вдвоем, а зайдешь ты одна. Подумаешь, день пропустим! Ты ж способная, сама все выучишь и мне объяснишь.

Люське и так с трудом давалась учеба, но отка-

заться от такой жертвы Аля была не в силах. Утром выложила учебники из сумки и спрятала под кровать. В сумку же затолкала новое платье из штапеля, потому что в школьной форме ехать к Казбеку не хотелось. Затем зашла за Люськой, и они вместе наврали ее деду, рыбаку, что у учительницы день рождения, и он срезал для них самые красивые розы. На вокзале забежали сначала в туалет, где Аля надела новое штапельное платье, которое, конечно, уже помялось в сумке, потом в буфете купили два пирожных с воздушным розовым кремом и стали ждать автобуса.

Когда автобус пришел, народу набралось уже так много, что они едва втиснулись в него. Давка была такая, что пирожные, которые Аля держала в руках, прижимая к груди, тут же сплющились, а розовый крем стекал струйками по платью. Прекрасные розы съезжались и увядали на глазах... Еле доехали до нужной остановки, а там еще надо было идти пешком вверх по ущелью. Люська разнылась и жалела, что поехала, мало того, стала высказывать всякие предположения насчет того, что будет в школе и дома, когда их разоблачат. Аля отмахивалась: уж об этом-то они еще успеют попереживать. Удобно — добрались. Только вот к Казбеку их не пустили. Оказывается, посещения разрешены только по воскресеньям. И опять они ехали в душном, переполненном автобусе, и худо-худо было на душе у Али.

Теперь она, как и обещала редактору, думала о себе. Думала примерно так: «Я очень, очень плохой человек, потому что все делаю плохо. И потому что я вруша. Из-за этого я все чуть не испортила на суде, а сегодня обманула бабушку, не пошла в школу, сбита с толку подругу, испачкала платье, которое бабушка шила мне ночами, чтобы я была нарядной на Первое мая, и за все это мне сегодня, конечно, очень хорошо влетит...»

Весной, когда Аля сдавала экзамены за шестой класс, к тете Заре приехал брат с Кавказа, чтобы увезти ее с детьми на родину. Казбек приехал на вокзал прямо из больницы, в поселок заходить не стал.

Сдавала экзамены Аля на пятерки, но ни отметки, ни сама весна ее не радовали. И даже праздник, к которому готовился весь поселок по случаю асфальтированной дороги и обещанного освещения, мало занимал ее. Теперь

эта затея казалась ей даже глупой. У всех свои дворы, сады, там столы, скамейки деревянные, так нет, нужно вот так, прямо на улице, проходим на смех. Причем поначалу устроились под окнами Алиного дома. Хорошо, что «Та, которая в окне», сказала:

— Я хочу тоже праздник поближе...

И тогда все перебрались под ее окно. Таким образом она тоже как бы присутствовала за дастарханом, а угощение ей подавали на подоконник. Пришел на костылях и Китаец, жена подложила ему под бок подушку. Если честно, было, конечно, очень весело и хорошо. Женщины напекли пирогов, дядя Саид сделал плов, вино принесли свое, виноградное. Тосты поднимали за то, чтоб не было войны, за здоровье присутствующих и за летчика Нестерова, зазывали случайных прохожих, Китаец показывал фокусы. А Аля думала горько: всем хорошо в нашем городе, в нашем поселке, который хоть и назывался когда-то Лепрозоркой, но принял, приютил столько людей, потерявших свой кров во время войны. Всем, кроме тети Зары и Казбека...

Когда Аля вернулась в купе, попутчик, против ожидания, не спал, сидел за столиком и смотрел в окно. Аля тоже села у столика и стала листать купленный на вокзале журнал. И вдруг она почувствовала на себе взгляд человека узнавшего... Быстро вскинула глаза, но нет, он опять уже смотрел в окно.

Не решается узнать? Или не хочет? Ей надоело играть в прятки. Отложила в сторону журнал.

— Скажите, вы не узнали меня?

— Простите, нет. А как вас зовут?

— Алина Николаевна.

— Мне это имя, признаться, ничего...

— Еще бы! Меня тогда звали просто Аля. Мы жили с вами на одной улице.

— В каком городе?

— Ах, да в Душанбе же, конечно!

— Мне очень жаль, но вы ошиблись. Я еду в этот город впервые.

Значит, не хочет... Ну что ж, может быть, это уже совсем не тот Казбек и у него есть причины не узнавать Алю. А как обидно! Ведь она помнила, думала о нем. И как хорошо было бы пригласить его домой, познакомить с мужем, детьми. Может, чуточку пококетничать. Так, самую малость. И они вместе сходили бы в поселок, там

еще живет кое-кто из стариков. Молодежь разлетелась. Валерка Воронов стал известным режиссером, лауреатом Государственной премии. Люська — такая знатная портниха, что к ней пробиться можно лишь по большому благу. Немошка, как и его отец, тоже продавец. Вот только честности отцовской, как Але кажется, не унаследовал. Ездит на «Жигулях», толстый, аж лоснится весь. И первая фраза при встрече: «Аля, если что нужно — звони. Для старых друзей...»

Аля даже о Тане Ивановой кое-что могла бы рассказать Казбеку, хотя сама о ней узнала случайно. Писала однажды материал о проблемах туберкулезного диспансера, разговорилась с Дильбар, новой сотрудницей газеты, с которой сидела в одном кабинете и успела подружиться. И потянуло на откровение, рассказала о больном Казбеке, о том, как ездила в детстве в этот самый диспансер. Упомянула историю с Таней Ивановой, и та вдруг встрепенулась:

— Подожди-ка, я, когда жила в Ленинабаде, знала врача Татьяну Иванову. Дружила с ней. Не та ли?

Оказалось, та. Диля говорила о ней:

— Очень славная и разнесчастливая баба. Что-то там с родителями, какая-то скандальная история. Муж — мерзавец, ушел от нее, а она его очень любит. Растит одна двоих детей, тащит на себе больных старых родителей. И причем заведует отделением, следит за собой, много читает. Давай заскочим к ней в Ленинабад. Рядом ведь. Все твои детские впечатления развеются. Не знаю, что там у вас произошло, но мнение у тебя о ней совершенно превратное.

Аля минуту-другую поколебалась. Но нет, не смогла, не перешагнула...

Однако зачем это все вспоминать, если тебя не узнают?

Что ж, примем его игру. Аля извиняется:

— Простите меня, я, видимо, обозналась. Иногда встречаются очень похожие люди.

— Конечно, конечно. Мне даже приятно, что вы меня с кем-то перепутали. Надеюсь, это был хороший парень?

— Был, — (Аля сделала ударение на слове «был»), — хороший.

— Раз уж мы с вами разговорились, скажите, кто вы по профессии?

— Врач, — почему-то соврала Аля.

— И по какой специальности?

— Фтизиатр. Лечу туберкулез.

И опять ей показалось, будто что-то промелькнуло в его глазах, какой-то теплый всплеск. Впрочем, это бывает. Самообман, услужливое воображение.

— А сейчас из отпуска? — продолжал разговор попутчик.

— Да.

Аля теперь отвечала односложно. Казбеку, не признавшему ее, Аля не хотела рассказывать о том, что все отпуска они с мужем проводят в путешествиях. Когда удается пристроить детей — вдвоем, когда не удается — по очереди. Где только не успели они побывать! Вот только в городах, рядом с которыми, можно сказать, Аля выросла, то есть в Бухаре и Самарканде, до этой поездки не была. Муж Костя, выросший в Узбекистане, напротив, знал там каждую улочку. Поэтому, когда Диля собралась в эти края навестить родственников и пригласила Алю с собой, посоветовал: «Съезди, не пожалеешь». Управились за неделю, возвращались через Ташкент. Ничего этого она не стала рассказывать, но все-таки спросила:

— А зовут вас случайно не Казбек?

Он покачал головой:

— Нет...

Теперь Аля нехорошо, неуютно чувствовала себя рядом с попутчиком. Она даже обрадовалась, когда на одной из остановок к ним в купе вошел новый пассажир и, поздоровавшись, стал устраиваться на свободной верхней полке. На вид тоже кавказец. Что ж, как сказала бы Диля, на кавказцев нынче урожай. Казбек (про себя она так и продолжала называть его) тоже оживился, начал почти расшаркиваться:

— Добро пожаловать.

Тут же спросил:

— Не земляк?

— Пока не знаю, — ответил тот и стал что-то спрашивать на своем языке. Казбек ответил. Аля прислушалась, — говорили не по-осетински, осетинский бы она узнала.

Перебросившись несколькими фразами, мужчины похлопали друг друга по плечу. Затем Казбек опять достал мандарины и вино, пригласил Алю посидеть с новым попутчиком, но она отказалась, легла и в самом деле в скором времени уснула. Дело шло к вечеру, и в купе стало заметно прохладнее.

Разбудила ее Диля. Мужчин в купе не было. Объяснила:

— В ресторан отправились. Звали нас, но я сама не пошла и тебя будить не разрешила.

Взяли у проводницы чай, поужинали бутербродами с сыром, а когда явно навеселе пришли мужчины, уткнулись в книжки. Не хватало только пьяных ухаживаний! Тот, второй, ужасно противный. Такие скользкие, сальные глаза. А Казбек с ним как брат родной. И хорошо, что он не стал узнавать ее, потому что сейчас это обязывало бы к общению. А может, это все же не Казбек?..

Всю ночь она спала тревожно, настороженно, потому что так быстро подружившиеся мужчины то выходили курить, то рассказывали вполголоса друг другу анекдоты, а потом, забывшись, громко смеялись. К утру, когда они подъезжали к городу, Аля даже смотреть не хотела на так называемого Казбека. Да и он, обнявшись с новым другом, даже не сказал женщинам до свидания.

Аля с Дилей еле тащили тяжелые сумки — каких только гостинцев не насовали им Дилины родственники. А ведь собирались вернуться налегке, оттого и не предупредили мужей, чтоб встретили. Где-то впереди мелькали в суতোлке привокзальной площади соседи по купе. И вдруг все произошло, как в детективном кино. Когда попутчики поравнялись с серой «Волгой», от нее отделились двое: один встал впере-

ди Казбека и его товарища, другой обошел сзади. Аля зажмурилась. Громко хлопнула дверца машины. Тогда она рванулась вперед, мимо, волоча за собой сумку. Неужели, неужели ей второй раз суждено это пережить?

Инспектор Душанбинского уголовного розыска Рахматулло Файзиев, человек по природе восторженный, не переставал повторять:

— Скажи, как хорошо мы его взяли! Держу пари, что никто в привокзальной суতোлке даже внимания не обратил...

— Ну, нет, — возразил его коллега из Орджоникидзе Казбек Цориев. — Одна женщина заметила непременно. Только, по-моему, она решила, что нас взяли вместе...

Они вышли на улицу, вечер был душным, прохлада еще не успела спуститься с гор.

— Поедем ко мне, — пригласил Рахматулло.

— Нет, — отказался Казбек. — Мне нужно отыскать одну женщину. Свидетельницу.

— Какую свидетельницу? — не понял Рахматулло. — По какому делу?

— По моему собственному, — ответил Казбек.

(Окончание следует)

□

Людмила Дмитриевна БАСОВА.

Писатель, журналист, переводчик, киносценарист.

Родилась в Душанбе

и большую часть жизни прожила в Таджикистане.

Читателям известна по книгам «Про кино и про любовь» (1986),

«Зойка и пакетик» (1988), «Каинова печать» (2006),

«Предтеча любви» (2013).

Автор более десятка сценариев документальных фильмов.

Лауреат всероссийских кинематографических и журналистских конкурсов.

Перевела на русский язык произведения многих таджикских прозаиков.

Член Союза писателей России.

С 1994 года живет во Владимире.

В журнале «Север» публикуется впервые.

**Армас (Олег)
МИШИН**
г. Петрозаводск —
Финляндия

Олег Иосифович МИШИН —
уроженец деревни Пустошка
Мгинского района Ленинградской области.
Кандидат филологических наук.
Автор многих книг стихов, прозы и статей,
составитель «Хрестоматии
по финноязычной литературе для 9–10 классов».
Один из авторов нового перевода «Калевалы» Э.Леннрота.
Лауреат Государственной премии Карельской АССР
имени А.Перттунена (1986)
и премии «Сампо» Республики Карелия (1999).
Член Союза писателей с 1964 года.
Заслуженный работник культуры РК и России.
Кавалер ордена Дружбы (2005).
Народный писатель Республики Карелия.

* * *

«Родина? Россия! —
Говорю, коль спросят. —
Мать моя — Мария,
А отец — Иосиф!»

Вот они на фото
Под еловой сенью,
Видимо, суббота
Или воскресенье.

В помочах простецких
И в рубахе белой
В полный рост отец мой,
Невердимый, целый.

В белой блузке рядом
Мама, чуть пониже.
В потаенных взглядах
Тень печали вижу.

Отмечаю снова
Этот факт упрямый
И ладонь отцову
На плече у мамы.

«А мы с тобой новобрачные...»

Счастья им немного
Выпало: цветочки.
Не прошло и года:
Похороны дочки.

Пережили горе,
Выручило дело.
Но совсем уж вскоре
Мама овдовела.

Приближая старость,
Знала зной и стужу.
Верною осталась
Умершему мужу.

Где и как трудилась
Все полвека с лишком,
Перешло, вместилось
В трудовую книжку...

Езжу по России,
Суету отбросив...
Мать моя — Мария,
А отец — Иосиф.

* * *

Галки-горожанки
Подняли галдёж:
«Ей, вставай с лежанки!
Спит подолгу кто ж?»

Стрёкотом сороки
Вторят со двора:
«Дрыхнут, лежебоки.
Всё им трын-трава!»

Голуби воркуют.
Слышен чаек крик.
Музыку такую
Я люблю, старик.

Утреннюю зорьку
Пропускать не мне.
Тут же за уборку,
Чтоб помочь жене.

Галки да сороки.
Чаячья молва.
Так приходят в строки
Первые слова.

* * *

А мы с тобой новобрачные.
 Везу тебя в ноябре
 В чертоги свои барачные
 С удобствами во дворе.

Квартирою кухня бывшая.
 Для света одно окно.
 Герань у окошка пышная.
 Как было заведено.

О, эти мгновенья короткие
 Тихонько тебя обнимать.
 Вздыхает за перегородкою
 Во вдовьей постели мать.

Мы первенца ждём. Но этому
 Недуг угрожает мой.

Врачи нам с тобой советуют:
 «Не надо бы. Риск большой».

Немалый был риск. Но всё-таки
 Ты первенца родила.
 Бессонные тикали ходики.
 Барачная жизнь текла.

И было ещё немало их,
 Тревожных дней и ночей,
 Но было ещё и внимание
 Соседей, да и врачей.

Поныне в часы бессонные
 Мне видится поздний свет
 В окошке того снесённого
 Пристанища трудных лет.

* * *

Давно уж никто не желает
 Тесниться в квартире.
 Две комнаты на три меняют
 И три на четыре.

А раньше углы обживали,
 Селились в клетушках
 И спали на стульях, бывало,
 И на раскладушках.

Теснились, лепились, ютились
 В той пройденной жизни.
 И все же, и все же делились
 Жилплощадью с ближним.

Становятся люди на деле
 Богаче с годами.
 Вот только бы не скудели
 При этом сердцами.

* * *

В новый день открыт балкон,
 В благовонье и цветенье.
 Солнцу раннему поклон,
 Птичьему спасибо пенью!

Долетают к нам сюда,
 Как рунические строки,
 Свиристение дрозда,
 Стрекотание сороки.

И взлетает в унисон
 С пеньем утреннего хора
 Колокольный вещий звон
 Кафедрального собора.

Михаил ГРИШИН

г. Тамбов

Разные случаи из жизни мальчишек

рассказы

Безумный Сенечка

Воздоровительном лагере «Ромашка» наступил тихий час. И хоть спать ни одному оздоровляющему не хотелось, все просто обязаны были беспрекословно подчиняться режиму дня, придуманному каким-то умником.

Вот поэтому и приходилось сейчас мальчишкам из пятого отряда лежать в кроватях и делать усердный вид, что спят. Кое-кто даже слегка храпел, усыпляя бдительность вожатой Марины, чтобы она поскорее ушла, а не торчала в их корпусе. И лишь одному Сенечке — любителю чтения — позволялось в это время находиться с книгой в руках.

Тихий Сенечка имел вид дохлый, вдобавок носил очки с толстыми стёклами. За это остальные ребята относились к нему без должного почтения. Вскоре Сенечка выринул из

рук книгу и без всяких указаний заснул безмятежно, будто младенец.

Когда Марина ушла, Санька, славившийся своим отчаянным поведением, тотчас предложил:

— Пацаны, а давайте над ботаном подшутим.

Затея всем страшно понравилась:

— Точно!

Мальчишки на цыпочках подкрались к спящему книгочею и первым делом сняли с него очки, чтоб, когда проснется, не сразу понял, что происходит.

— Мы его сейчас в индейца раскрасим, — радостным шёпотом сообщил Лёвка, мельком взглянув на обложку книги писателя Фенимора Купера «Последний из могикан», которая лежала поверх одеяла. — Вот ржачка будет!

— Ботан он и есть ботан, — ухмыльнулся Валерик, — уж если читать, то «Черепашки-ниндзя», а не эту муру.

Давясь смехом, хулиганы достали из тумбочки зубную пасту, разрисовали Сенечке лицо полосами и сложными завитушками, какие делают себе индейцы. Но этого им показалось мало, и они, стянув одеяло, дополнительно разрисовали и всё его костлявое тело.

— Класс! — выставил большой палец Митяй.

— Он теперь сам как последний из могикан.

Трофим принёс швабру и вложил её в руку густо размалёванному под индейца Сенечке со словами:

— Копьё забыли.

Кто-то сунул за ухо Сенечке перо от подушки.

Глядя на крепко спавшего задохлика Сенечку, который и ухом не повёл, компания принялась корчиться в беззвучном смехе.

— Пацаны, — внёс новое предложение Потап, — а давайте ему сделаем велосипед!

Обделённый умом Митяй безжалостно вырвал из книги страницу, сложил её в несколько раз и сунул Сенечке между пальцами ног. Санька извлёк из укромного места шуршащий коробок, с готовностью поднёс спичку. Когда бумага сильно разгорелась, потерявшие всякую осторожность охламоны пустились в дикарский танец, будто первобытные люди вокруг костра.

Тем моментом Сенечка видел ужасный сон, в котором бледнолицые привязали его к дереву и жестоко пытали. Только зря они стара-

лись, потому что вождь краснокожих Сенечка, наречённый индейским именем Веннету, был не из тех, кого можно легко сломить. Поняв свою ошибку, бледнолицые сильно расстроились и решили применить к нему крайнюю степень воздействия — огонь. Гордо закусив губу, Веннету стойко терпел издевательства, дожидаясь, когда огонь подберётся к веревке. Наконец его замысел удался: верёвка перегорела, и Сенечка обрёл долгожданную свободу. Он яростно вскочил на ноги, ухватил удачно подвернувшееся под руку копьё и стал проявлять чудеса сноровки владения древним оружием.

Нагнав невероятный ужас на своих заклятых врагов, вождь краснокожих Веннету величественно оперся на копьё и хладнокровно произнёс:

— Когда могикане вступают на тропу войны, бледнолицым собакам остаётся только поджимать хвосты. Душа ваша будет погребена в ваших стонах!

После этого задохлик и мяля Сенечка вернулся на кровать и как ни в чём не бывало снова заснул в обнимку со шваброй.

Безмозглые дуралеи, которые минуту назад над ним потешались, опасливо высунули головы из разных мест, куда успели попрятаться: длинный Лёвка непонятно как умудрился забраться в тесную тумбочку, скрючившись в ней в три погибели, на зависть любому акробату; ловкий Валерик, как обезьянка шимпанзе, раскачивался на люстре, неповоротливый Митяй успел сунуть под перину лишь одну голову, да в такой интересной позе и замер, боясь пошевелиться, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания; толстый Потап прочно застрял в форточке, в спешке не рассчитав своих габаритов; а остальные мальчишки быстро залезли под кровати, даже те, кто и не принимал участия в общем веселье. На всякий случай.

Главный заводила Санька, который стоял в углу ни жив ни мёртв, прикрываясь чьими-то цветными трусами, ошалелыми глазами обвёл своих подручных и, слегка заикаясь, спросил:

— Ч-чего это он?

Слабак

Стасик с Артуром не спеша возвращались из школы. День был солнечный, пели птички. По дороге друзья вели неторопливую беседу, обсуждая, кто из них как собирается провести летние каникулы.

— Я в деревню к бабушке поеду, — говорил Стасик. — Там есть речка, лес... Хочешь — можешь ходить за ягодами. А хочешь — можешь удить рыбу...

И вдруг Стасик остолбенело замер прямо посреди тротуара.

— А я уеду на дачу, — вторил ему Артур. — Там хоть леса нет, зато речка тоже имеется... А рыба какая в ней водится!.. Пальчики оближешь!

Артур, увлечшись рассказом, не сразу заметил отсутствие Стасика. А когда спохватился, обнаружил, что отошёл довольно далеко. Он бегом вернулся и спросил:

— Ты чего?

— Ты знаешь, кто это?

— Где?

— Вон там.

Артур посмотрел в ту сторону, куда кивнул Стасик, и увидел стриженного налысо мужика больше двух метров ростом. Через плечо у него висела спортивная сумка размером со среднюю бочку, которая угрожающе покачивалась в такт его великанским шагам.

— Кто? — спросил Артур, разинув рот от удивления.

— Сам Николай Валуев. Чемпион мира по боксу. Вот кто!

— Чего клеишь? — не поверил Артур.

— А вот и не клею, — горячо заверил его Стасик. — Сам можешь в этом убедиться.

Артур забежал гиганту наперёд и, пятясь задом, уставился на его крупные черты лица.

— Тебе чего, пацан? — громыхнув голосом, спросил Валуев, когда заметил перед собой худощавого Артура. Да и то только после того,

когда чуть на него не наступил и не раздавил, не оставив и мокрого места.

После перенесённого ужаса Артура с дороги будто ветром сдуло.

— А давай за ним проследим, — предложил Стасик, когда Артур опять появился с ним рядом.

— Это ещё з-зачем? — слегка запинаясь, спросил Артур.

— А затем, — с горящими глазами стал рассказывать Стасик, бурно жестикулируя. — Я видел по телевизору, как он дерётся на ринге. Как даст одному, так тот и летит вверх тормашками. А то другому, в ухо — бац! И тот кувырком через канаты! Представляешь, какая у него силища? Ни у кого в мире такой нет! И сейчас, если он увидит какую-нибудь несправедливость, сразу станет драться! Как даст хулигану, тот так и взлетит вверх, как ракета! Вот увидишь!

Чтобы упустить такую возможность, надо быть последним олухом. И Артур согласился. Крадучись, мальчишки двинулись за рослой фигурой.

У магазина, на их счастье, как раз такой случай и подвернулся: трое мужиков что-то не поделили и громко выясняли между собой отношения. Понятное дело, Валуев не мог остаться равнодушным к такому безобразию и подошёл.

— Смотри, смотри, — зашептал Стасик. — Сейчас он им задаст! Ух, и не завидую я им!

Ребята затаили дыхание и, стараясь не мигать, чтобы не прозевать интересный момент, широко раскрытыми глазами уставились на великого боксёра.

— Парни, не надо шалить, — по-доброму попросил Валуев конфликтующие стороны.

Увидев перед собой громилу, драчуны сразу как-то сникли: стали смиренными и послушными.

— Ну, так это самое... мы пойдём, — попросились они домой.

Валуев значительно кивнул, и мужики торопливо ушли, поминутно оглядываясь.

А Валуев пошёл дальше как ни в чём не бывало.

— Силач, силач! И никакой он не силач! — разочарованно воскликнул Артур. — Был бы силач, разве он так поступил? Да ни за что на свете! Он дал бы разок одному в глаз, другому в ухо, а третьему по башке! И все дела! Слабак твой Валуев!

Реальные пацаны

Компания великовозрастного оболтуса Гришки по прозвищу Гребень который час без цели бродит по городу. По пути они задирают девчонок и распугивают малышей. Компания состоит из самого Гришки и четырёх его подчинённых. Ребята все проверенные, ни в чём не уступают своему вожаку: ни умом, ни хулиганскими выходками. А длинный Жорка даже слегка превосходит наличием «серого вещества» в голове, несмотря на то что она похожа у него на тыкву. Поэтому Жорка считается в компании заводилой, придумывая для остальных развлечения.

Вот и сейчас он первый замечает афишу.

— Пацаны, — говорит Жорка, — тема.

Компания сворачивает с надоевшего пути и вразвалочку подходит к афише.

— «В наш город прибыл передвижной террариум, — вслух читает Жорка. — Спешите увидеть уникальное собрание редких земноводных и пресмыкающихся».

— Видали? — ухмыляется рядовой член шайки Буратино, прозванный так за длинный носик. — Пресмыкающихся...

Компания дружно гогочет.

Жорка кивает на афишу и с кривой улыбкой предлагает:

— Заглянем?

— А чё, — пожимает плечами Гребень и небрежно сплёвывает на асфальт. — Развлекалово...

Компания направляется в сторону парка, где разместились заезжий террариум.

У павильона, в котором держат опасных гадов, стоит длинная очередь ребят, желающих поглазеть на редкостное чудо.

Проигнорировав очередь и нахально отеснив плечом незнакомого мальчишку, который проверял билеты (тоже, нашли кого сажать на столь ответственное место!), компания вваливается внутрь.

Вдоль стен располагаются террариумы всевозможных размеров.

— В сторону, — по-хозяйски распоряжается рослый Гребень, направо и налево расталкивая толпившихся посетителей. — В сторону!

— Потом досмотрите, — услужливо поддакивает вожаку ухмыляющийся Буратино.

Андрюха-Мосол подносит кулак к носу очкарика, до которого, видно, слабо доходят команды:

— Слышь, ты, юный натуралист, тебе что, особое приглашение надо?

Очкарик испуганно отстраняется.

Нарушители спокойствия с шумом толпятся у первого террариума. Через стекло хорошо видно зелёную гадюку, которая, свернувшись в клубок, греется под лампой.

— У, змеюка! — обзывает её низкорослый Кузя, у которого такое имя, что никакого прозвища не нужно, и щёлкает ногтем по стеклу.

Гадюка шипит, на мгновение мелькает раздвоенный язык, и она уползает в норку из камней.

Посмеиваясь, компания переходит к следующему террариуму. Видя в нём паука-птицееда, пацаны начинают дразнить, косоротятся и строя ему на пальцах различные жесты. Вскоре нервный паук не выдерживает и задом отступает под корягу, где и маскируется.

В другом террариуме находилась черепаха. Она, видно, до того привыкла быть живым экспонатом, что и не думала прятать голову.

Длинный Жорка бесцеремонно свешивает руку через стекло и стучит по панцирю. Оторопев от подобной вольности, черепаха быстро втягивает голову.

Потом великовозрастные дуралеи добираются до крокодильчика, которому приходится прятаться от них в болотной траве.

— Тоже мне, гроза рек, — презрительно отвешивает губу Буратино.

— Полный отстой, — соглашаются с ним остальные.

А Гребень, пренебрежительно кивнув на окружавшие их террариумы, ещё и заносчиво заявляет:

— Будь я директором, сразу бы выкинул этих дохляков на свалку.

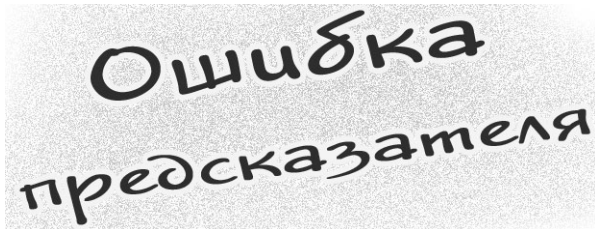
Обмениваясь впечатлениями, удаляя компа-

ния зигзагами передвигается по павильону. Посреди павильона электромонтёр, стоя на лесенке, возится с проводкой. Перекусив кусочками провод, он не успевает его подхватить, и остаток провода длиной почти в метр падает точно на спину Гребня.

Почувствовав на себе что-то холодное и извивающееся, Гребень впадает в форменную панику и что есть мочи вопит:

— Пацаны, атаа! Змеи!

Забыв с испугу, где находится дверь, несостоявшиеся укротители какое-то время мечутся в замкнутом пространстве, потом выскакивают наружу и стремительно скрываются в конце улицы.

Закладочные друзья Данька и Арсений воскресный день провели на катке. Они так увлеклись катанием на льду, что не заметили, как остались вдвоём. Распаренные, со сбившимися набок шапками, друзья оглядели опустевшую площадку.

— Что, уже домой пора? — спросил Данька.

— Пора, — со вздохом ответил Арсений. — Вон уже и фонари зажглись.

Мальчишки неохотно собрали свои скудные пожитки в рюкзаки, перекинули коньки через плечо и двинулись домой.

Посреди катка светилась разноцветными фонариками новогодняя ёлка, мерцали игрушки.

Данька вдруг заговорщицки зашептал:

— Сейчас я шар сниму для своей ёлки.

— Что ты, — начал отговаривать его Арсений.

— Воровать нехорошо.

— Подумаешь, — пренебрежительно отвесил губу Данька. — Их здесь вон сколько!

Он оглянулся, снял два шара и торопливо зачихнул их в рюкзак.

— Порядок, — ухмыльнулся Данька.

Но только он закинул рюкзак за спину, как произошло что-то совсем невероятное: Данька, который ранее не был замечен в умении летать, начал медленно воспарять.

— Ой, ой, — вполголоса заголосил Данька, шевеля руками и ногами, как черепаха.

— Куда ты? — крикнул Арсений, подпрыгнул и ухватил его за ноги.

Тут откуда ни возьмись появился Дед Мороз. Он стоял в санях, запряжённых тройкой белых коней, одной рукой правил, а другой размахивал посохом. Его длинная борода развевалась на ветру.

— Эге-гей, поберегись! — крикнул он и промчался-пролетел по воздуху.

Арсений отпустил руки и упал в снег. Дед Мороз исчез так же быстро, как и появился. Наступила тишина до звона в ушах. Погода что-то упало с неба. Арсений скосил глаза вбок и обомлел, увидев своего закладочного друга: только выглядел Данька совсем не так, как привык видеть его Арсений, а как самая что ни на есть настоящая ёлочная игрушка — из стекла и соответствующего размера, лишь одни глаза у него были живые, которыми он испуганно вращал по сторонам.

Арсений всхлипнул:

— Что я теперь тёте Лиде скажу?

Донёлся дикий хохот Деда Мороза:

— Ха, ха, ха! Будете знать, как воровать мои игрушки!

Арсений вздрогнул и проснулся. В комнате не было посторонних, и он с облегчением вздохнул:

— Уф, приснится же такое.

Арсений вскочил с кровати и подбежал к окну. На катке возле ёлки стоял вчерашний Дед Мороз. Он поднял голову, увидел мальчишку в окне и погрозил ему волшебным посохом. Арсений испуганно отпрянул в глубь комнаты.

— Я-то тут при чём? — пробормотал он.

И... опять проснулся.

На этот раз разбудил его сам Данька. Он собственной персоной возник в дверном проёме в своём настоящем обличье. Через плечо у него свисали связанные шнурками коньки.

— Ты вот спишь, — упрекнул он провинившегося друга, — а там ребята уже вовсю веселятся.

— Я не пойду, — покачал головой Арсений. — И тебе не советую.

— Почему это? — заинтересовался Данька.

Арсений помялся, боясь показаться отсталым человеком, а потом выпалил:

— Сон я вещий видел!

У Даньки вытянулось лицо:

— Чего ты... видел?

— Вещий сон, — упрямо повторил Арсений.

Данька оставил на него свою ухмыляющуюся физиономию:

— Ты что, совсем сбрендил?

— Не веришь, ну и не верь, — обиделся Арсений. — А вот когда получишь кое от кого нагоняй, тогда поздно будет. Так что меня можешь не уговаривать, я всё равно не пойду.

— Ну, как знаешь, — не стал настаивать Данька и с хохотом убежал резвиться на каток один.

Арсений подошёл к окну, облокотился на подоконник и, подперев щеку, стал угрюмо наблюдать за весёлым времяпрепровождением ребят на катке. Когда через какое-то время неизвестно откуда вдруг появились в их дворе Дед Мороз со Снегурочкой, Арсений, не зевая (друг всё-таки!), распахнул окно и громко на весь двор закричал:

— Данька, беги!

Данька резко повернулся на голос, не удержавшись на скользком льду и упал. А когда падал, сбил ограждение вокруг ёлки и задел рукой несколько игрушек, которые тотчас разбились.

Дед Мороз со Снегурочкой почему-то прошли мимо, даже не обратив на это внимания. Зато возмутилась дворничиха тётя Маша, которая присматривала за чистотой и порядком во дворе.

— Ты чего тут безобразничаешь, — прикрикнула она и слегка стукнула Даньку ручкой лопаты по шее.

Глядя на Даньку, который, морщась, принялся потирать свою пострадавшую шею, Арсений задумчиво пробормотал:

— Что-то я не помню, чтобы она в моём сне присутствовала.

□

Михаил Анатольевич ГРИШИН

родился в 1959 г. в с. Саюкино (Тамбовская обл.).

Прозаик, сценарист.

Автор четырёх книг прозы:

сборника рассказов «Дождь, самогон и коробка конфет»,

романов «Вкус мести», «Паутина»,

детской повести-сказки «Старая прялка,

или Необыкновенные приключения Витьки Картошкина».

Публиковался в журналах «Тамбовский альманах»,

«Литературные незнакомцы» и др.

Дипломант Международного конкурса детской

и юношеской художественной

и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого.

По результатам литературного конкурса «Российский сюжет»

романы «Вкус мести» и «Паутина» готовятся к экранизации.

Член Союза писателей России, Товарищества детских

и юношеских писателей России, Союза журналистов России.

Живет в Тамбове.

Вадим БАДАНОВ

г. Петрозаводск

Земская медицина в России стала общественной службой

1 января 1864 г. император Александр II подписал «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», которое вводило двухуровневую систему местного самоуправления в губерниях и уездах Европейской части России. Согласно «Положению...», на новое земство было возложено и «попечение в пределах, законом определенных и преимущественно в хозяйственном отношении, о народном здравии». Причем это «попечение», как и народное образование, было отнесено к числу «необязательных повинностей» земских учреждений. Закон обязывал земства только содержать переданные им учреждения бывших приказов общественного призрения (всего по России было передано земствам 351 лечебное заведение) и принимать меры к организации оспопрививания. Точной регламентации обязанностей земских учреждений по оказанию медицинской помощи населению не существовало. Правительство в дальнейшем практически не субсидировало здравоохранение, предоставив

земствам самостоятельно решать все вопросы, относящиеся к медико-санитарному состоянию губерний и уездов.

Согласно законодательству, земские учреждения самостоятельно должны были разграничить функции губернских и уездных земств в деле «народного здравия». Это вызвало определенные трения между губернскими и уездными земствами. «Уездники считали, – замечает Н.Г. Королева, – что в медицинском деле не может быть никакой централизации, т.к. в противном случае врачебная помощь удаляется от населения. Странники приоритета губернских земств в организации здравоохранения настаивали на изъятии его из ведения уездных земств по причине неспособности их вывести медицину из хаоса. Однако специфика медицинской службы (эпидемии, санитарные мероприятия, строительство больниц) объединила усилия земских учреждений в области здравоохранения». Сама новаторская работа по становлению и развитию «народного здравия» заставляла земцев преодолевать противоречия и находить компромиссы. К этому их подталкивали как отсутствие сколько-нибудь пригодной орга-

низации медико-санитарного дела в губерниях и уездах, так и влияние мощного общественного движения врачей, естествоиспытателей и других специалистов, поднимавших проблемы защиты жизни и здоровья жителей сельской России.

Земская медицина в России с первых лет существования исторически формировалась как общественная медицина, сочетавшая в себе как лечебное, так и профилактическое направление. «Именно земским врачам, – констатирует современный исследователь земских учреждений В.Ф.Абрамов, – принадлежит инициатива развития санитарно-профилактической деятельности как приоритетного направления в охране здоровья». Земские врачи высказывались также за необходимость создания полноценной и доступной системы медицинского обслуживания населения, которая бы охватывала все сельское население. Такой системы тогда не было нигде в мире, российские земцы стали пионерами в этом важном деле. Земский врач М.Я.Капустин, характеризуя особенности медицины в России, отмечал, что Западная Европа «выработала медицинскую помощь в болезнях в виде личного дела больного и служащего ему врача на правах ремесла и торговли. Русская земская медицина явилась чисто общественным делом. Помощь врача в земстве не есть личная услуга за счет больного, не есть также и акт благотворения: она есть общественная служба».

Врач З.Г.Френкель справедливо утверждал, что «в области создания общественной организации обеспечения сельскому населению современной медицинской помощи земство не имело никаких готовых образцов на Западе, которыми можно было в той или иной мере руководствоваться. И заслуга русского земства состояла в том, что оно сумело создать совершенно новую оригинальную по своей постановке и строю систему общественного обслуживания населения медицинской помощью и выработало в связи с этой общедоступной медицинской помощью населению новые пути для осуществления общественно-санитарных задач. В этом сказалось наиболее ярко проявление творческой способности русского земского самоуправления – устройтельная сила общественной самодеятельности».

Население Европейского Севера России, в первую очередь крестьянство, до введения земских учреждений практически было лишено квалифицированной медицинской помощи. На весь этот обширный регион приходилось немногим более десятка врачей (не считая военных врачей и состоящих на службе в Министерстве внутрен-

них дел) Министерства государственных имуществ. В дореформенный период на Севере России типичным было такое положение, когда в уездных городах располагались небольшие больницы на 5 – 12 койко-мест, где лечились лица, состоящие на государственной службе, или арестанты, редко городские жители. Лечение в этих стационарах было платным, поэтому крестьяне поступали туда лишь в случаях тяжелых травм, отравлений, ранений и т. д. «Больницы, – замечает автор знаменитой «Истории земства» Б.Б.Веселовский, – были не лечебными заведениями, а казематами, куда могли загнать человека лишь крайняя нужда и безысходность, да и то при условии, что с него взять ничего нельзя, а следовательно, нельзя взять и платы за лечение».

В сельской местности на два-три уезда имелся один правительственный врач, выполнявший медико-полицейские функции и лишь случайно, при проездах по делам службы, оказывавший населению помощь. Крестьянство видело в таких врачах лишь чиновников и боялось их пуще огня. Большинство крестьян прибегало к помощи невежественных ротных фельдшеров, знахарей или занималось самолечением.

В 60-е гг. XIX в. в Архангельской губернии при общем числе жителей 270 тыс. человек имелось всего 4 врача от Министерства государственных имуществ и 13 врачей от Министерства внутренних дел. В Олонецкой губернии перед появлением земств на 400 тыс. населения приходилось три врача от Министерства государственных имуществ и 14, подчиненных МВД. Еще хуже была ситуация с наличием врачей в почти полуторамиллионной Вологодской губернии, где их насчитывалось только пять.

От приказов общественного призрения земства Европейского Севера получили 17 больниц (по Вологодской губернии – 10, по Олонецкой – 7), среди которых в относительно пригодном состоянии содержались только губернские больницы в Вологде на 100 койко-мест и в Петрозаводске на 54 койко-места. Остальные больничные здания не были в достаточной мере приспособлены для лечения: они размещались в наемных домах, нередко находились в ветхом состоянии, были маловместительными. В этих лечебницах не хватало медикаментов, оборудования, инструментов, больничного белья, посуды и т.д.

Земский врач И.А.Шиф в докладе на заседании общества олонечких врачей констатировал: «При учреждении земства в Олонецкой губернии имелось всего 4 больницы в общей сложности на 91 кровать. Из них приходилось на губернскую в Пет-

розаводске 54 кровати и на уездные: в Лодейном Поле 13 кроватей, в Олонце и Пудоже по 12 кроватей. Остальные города и все сельские местности знали о больничных учреждениях только понаслышке... В волостях всех уездов состояло 8 старших и 5 младших фельдшеров. Из них первые получали по 40 руб., а вторые по 30 руб. в год, пользуясь квартирою в селениях по отводу и пайком из общественных магазинов по 3 четверти ржи и 2 четверти ярового хлеба в год или же соответственными денежными выдачами по справочным ценам...»

Для содержания уже имеющихся больниц и проведения мероприятий по оспопрививанию от Приказов общественного призрения земствам были переданы особые капиталы в размере 86,6 тыс. руб. по Вологодской губернии и 103,8 тыс. руб. по Олонецкой.

Земским учреждениям были переданы также психиатрические отделения, или дома призрения, для душевнобольных. Ко времени появления земств в Вологодской губернии имелось психиатрическое отделение на 20 койко-мест, в Олонецкой – на 6 койко-мест. Однако квалифицированной врачебной помощи больным здесь не оказывалось. Эти отделения больниц скорее напоминали тюремные камеры. Земствам с большим трудом приходилось преодолевать прочно укоренившееся в народе враждебное отношение к «сумасшедшим домам». Вологодский врач А.А.Яковлев замечал, что в первые годы деятельности земских учреждений крестьяне прятали душевнобольных от полиции и держали их на цепи.

На Европейском Севере, как и в других земских губерниях, к ведению уездных земств относились вся сельская медицина, уездные больницы, борьба с эпидемиями, а также оспопрививание (в Олонецкой губернии оспопрививанием занималось также губернское земство). В компетенции губернских земств находились губернские больницы, психиатрические лечебницы, подготовка фельдшеров и акушерок, устройство съездов врачей и санитарные мероприятия. К сожалению, до начала XX века земствам на Севере (как и в значительном большинстве других регионов) не удалось создать систему координации и взаимной помощи уездных и губернских земских учреждений в деле здравоохранения. Правда, отдельные попытки совместной работы губернского и уездных земств в Олонецкой губернии все же имелись (выдача ссуд на постройку больничных зданий, помощь в оспопрививании), но они были единичными и не вылились в постоянные формы сотрудничества.

Развитие земской медицины, и особенно больничного дела, до конца 1880-х гг. сдерживалось

архаичным «Временным уставом лечебных заведений гражданского ведомства», принятого в 1851 г. Согласно данному уставу, управление больничными учреждениями осуществлял Совет больницы. В состав Совета в обязательном порядке входили предводитель дворянства, представитель местного военного гарнизона, городничий, городской голова, несколько членов приказа общественного призрения, а от медиков только главный врач больницы. Кроме того, в больничных советах большими правами пользовались попечители, назначаемые губернатором из местных дворян, отставных чиновников или почетных граждан из купечества. Таким образом, больничными учреждениями распоряжались люди, весьма далекие от медицины.

Главный врач больницы полностью зависел от решений больничного совета. В 1893 г. МВД подготовило новый больничный устав, который был утвержден императором 10 июля т. г. Однако вскоре и на этот устав от земцев стали поступать жалобы и ходатайства об отмене отдельных его положений как мешающих работе земских учреждений в деле «народного здравия».

«Врачизм» и «фельшеризм» в «народном здравии»

Впервые годы своей деятельности в сфере здравоохранения земские учреждения Европейского Севера накапливали опыт, действуя методом проб и ошибок. Изучали положительный опыт других российских земств, предлагали различные формы оптимизации и удешевления медицинской помощи местному населению. Внешне казалось, что изменений в деле «народного здравия» происходит очень мало. Количество врачей в уездах не росло, долгое время земства пользовались услугами правительственных врачей, выплачивая им пособие за совмещение должностей. Например, Олонецкое губернское земское собрание 5 декабря 1867 г. постановило: «Не назначая особых земских врачей для каждого уезда, вознаграждать уездных и городских врачей добавочным содержанием за исполнение обязанностей земских врачей, если же это окажется неудобным, то иметь одного врача на два уезда». Собственно земские врачи впервые появились в Яренском уезде Вологодской губернии только в 1874 г., в Пудожском – в 1876 г., в Сольвычегодском – в 1878 г., в Олонецком, Вельском и Усть-Сысольском – в 1880 г., в Петрозаводском и Кадниковском – в 1881 году.

Расходы местного самоуправления на здравоохранение в первые годы существования земств были незначительными, но даже уже выделенные средства не всегда полностью осваивались. В Олонецкой губернии в 1867 г. уездными земствами на медицину средства вообще не выделялись. Только губернское земство ассигновало на эти цели 21,5 тыс. рублей. Уездные земства систематически начали выделять деньги на здравоохранение лишь с 1871 г., тогда они ассигновали на медицину в общей сложности 28,6 тыс. руб., или 13,7% всего бюджета. Больше других выделяли средств на развитие здравоохранения Вытегорское, Каргопольское (3,2 тыс. руб.) и Повенецкое (2,9 тыс. руб.), менее других – Олонецкое (1 тыс. руб.) и Пудожское (1,1 тыс. руб.) земства.

В Вологодской губернии в первый год существования земств (1870 г.) на медицину было выделено в общей сложности 76,4 тыс. руб. (по смете губернского земства – 24,6 тыс. руб. и по сметам 10 уездных земств – 51,8 тыс. руб.). Более других по этой статье расходов ассигновали Никольское (12,5 тыс. руб.), Усть-Сысольское (11,7 тыс. руб.) и Тотемское (7,2 тыс. руб.) земства, менее других – Грязовецкое (1,2 тыс. руб.), Яренское (1,25 тыс. руб.) и Вельское (2,9 тыс. руб.).

Столь значительные различия в выделении средств на здравоохранение объясняются отсутствием практического опыта и профессионализма у земских деятелей того времени. И все же, несмотря на все недостатки в организации медицинского обслуживания населения, земские учреждения Европейского Севера, в отличие от центральной России, уже в 1870-е годы сделали весьма существенный шаг по реальному улучшению медицинской помощи крестьянам. Амбулаторное лечение и лекарства для крестьян Олонецкой и 8 из 10 уездов Вологодской губернии уже в 70-е гг. XIX в. были бесплатными. Отмена платы совершалась земствами постепенно. При этом сначала освобождались от выплат беднейшие крестьяне, которые должны были представить справку о своей несостоятельности, заверенную волостным правлением и мировым посредником. Содержание фельдшерских пунктов, оказание первой неотложной помощи осуществлялись также за счет земств (до этого они содержались сельскими обществами).

«Основанием для введения бесплатной медицинской помощи, – справедливо замечает В.Ф.Абрамов, – были не только общегуманные соображения, но и практические наблюдения земских врачей о том, что установление какой бы то ни было, даже минимальной, платы за врачебный совет, за лекарства, за лечение в больнице

снижает обращаемость за медицинской помощью, а это лишает, в частности, врачей возможности своевременно выявлять инфекционных больных и эффективно бороться с эпидемиями, т.е. подрывает общественно-санитарное значение всей системы земской медицины».

Строительство отдельных зданий для больничных стационаров в Олонецкой губернии проходило в 1870–80-е годы довольно редко. Тем не менее и на этом направлении земцам-северянам удалось достигнуть некоторых успехов. Например, уже в 1872 г. была построена вместительная и оснащенная по последнему слову медицинской науки Вытегорская земская больница. В 1869 г. местные земцы составили смету на строительство деревянного больничного дома, сумма оказалась неподъемной для уездного земства. Тогда уездная управа стала пробовать различные способы удешевления проекта, самостоятельно заготавливала строительные материалы, искала спонсоров. В 1871 г. вытегорский купец Матвеев (гласный земства) подключился к строительству здания, заключив договор с земской управой и вложив свои средства. Осенью 1872 г. строительство было завершено, и новая земская больница на 64 койко-места начала принимать больных.

Газета «Олонецкие губернские ведомости» известила читателей, что «Вытегорское земство имеет теперь собственный больничный новый дом, в котором может поместиться 64 кровати со всеми необходимыми удобствами. Палаты делятся на мужские и женские и особо для сифилитических больных и умалишенных; есть комнаты для аптеки, ванны, приемной, операционной; есть и офицерские палаты. Все комнаты просторны, светлы, коридоры удобные и теплые; всех палат и комнат в обоих этажах здания шестнадцать, коридоров со стеклянными дверями четыре и четыре теплых с печами ретиранных помещения¹. В одном из флигелей отдельная квартира для смотрителя, двух фельдшеров и фельдшерских учеников, в другом – комната для сторожей, кухня, баня и комната для часовни. Последний флигель соединен с главным зданием больницы глухим светлым коридором, представляющим большое удобство для разноски из кухни пищи и хождения больных в баню. Кроме того, отдельно были устроены кладовая, ледник, сделан навес для складки дров».

Собственные здания у земских больниц все же тогда скорее были исключением. В уездах земс-

¹ Ретирадное помещение – туалет.

кие стационары располагались, как правило, в крестьянских домах или домах различных общественных комитетов. Например, в Олонецком уезде земская больница в 1872 г. размещалась в деревянном доме, принадлежащем комитету призрения бедных. Данный стационар был рассчитан на 12 койко-мест, в год там проходили лечение около 150 человек. Уездная больница финансировалась из средств местного бюджета. Однако при необходимости уездники прибегали к займам из губернского земского бюджета.

Уездные земства, на которых лежала основная тяжесть по организации медицинской помощи, на первых порах не имели достаточных средств для увеличения штата врачей и пытались компенсировать это приглашением дополнительного числа фельдшеров. Расширение медицинской помощи населению в первый период достигалось земствами за счет увеличения числа фельдшеров, акушерок, оспопрививателей и другого вспомогательного медперсонала, но не врачей.

Значительное развитие самостоятельной фельдшерской практики было одной из характерных особенностей земств Европейского Севера. Местные земские деятели предпочитали иметь вместо одного врача 6 – 10 фельдшеров за те же деньги. Врачи приезжали в Северный регион (особенно до 90-х гг. XIX в.) крайне неохотно, часто увольнялись со службы, столкнувшись с тяжелыми бытовыми условиями и массой серьезных медико-санитарных проблем, которые необходимо было решать.

Аргументов за фельдшерскую помощь у земцев было достаточно: фельдшер и «обходился дешевле», и мог «заниматься лечением всех тех болезней, которые не требуют серьезного и продолжительного лечения», и был «ближе крестьянину». Когда в середине 80-х гг. XIX века в центральных районах России началось сокращение земского фельдшерского персонала, на Севере он продолжал увеличиваться. В Вологодской губернии в 1880 г. существовало 74 самостоятельных фельдшерских пункта, в 1890 г. – 96, а в 1898 г. – уже 98. В Олонецкой – за те же годы их число выросло с 30 до 69, а к концу века в губернии было уже 79 фельдшерских пунктов.

Развитие «фельдшеризма» на Русском Севере подавалось либеральными публицистами (например, Б.Б.Веселовским) как однозначно отрицательное явление, которое, по их мнению, указывало на «отсталость» земств в деле оказания медицинской помощи, на недостаточную продуманность медико-санитарных мер в уездах и губерниях. С такой точкой зрения нельзя согласиться. Во-первых, наличие фельдшерского

пункта в глухой и отдаленной местности все-таки было шагом вперед по приближению медицины к населению. Во-вторых, состав фельдшеров к 80–90 гг. XIX в. существенно изменился в лучшую сторону: вместо невежественных ротных фельдшеров появились специалисты, подготовленные земскими учебными заведениями и земскими же врачами. Значительную роль в повышении уровня подготовки фельдшеров на Европейском Севере сыграла Вологодская фельдшерская школа, открытая губернским земством в 1873 г. (существовала до 1882 г. и после перерыва с 1900 г.). Она предоставила возможность крестьянским детям получить медицинскую специальность. В Олонецкой губернии фельдшерская школа была открыта только в 1899 г.

В-третьих, нередко на месте фельдшерского пункта возникал врачебный пункт. Население привыкло пользоваться медицинской помощью сначала со стороны фельдшеров, а затем и врачей. «Фельдшеризм» на Европейском Севере, таким образом, имел переходный характер и поэтому не может быть однозначно признан лишь отрицательным явлением.

В первые десятилетия существования земской медицины в Вологодской и Олонецкой губерниях практиковалась так называемая разъездная система медицинского обслуживания. Врач, находящийся в городе или уезде при амбулатории, должен был время от времени объезжать фельдшерские пункты уезда, во главе которых стояли фельдшеры, для контроля и оказания врачебной помощи населению. Существование разъездной системы земские деятели оправдывали соображениями экономии и необходимостью так называемого уравнительного обслуживания всего крестьянского населения, поскольку оно уплачивало уравнительный земский сбор. Земская медицинская помощь должна была обеспечить доступность ее всему населению. Однако такая система медицинского обслуживания была малоэффективной. Врач постоянно находился в разъездах, много времени затрачивал на дорогу. Мечущийся по уезду врач не имел возможности довести лечение больного до выздоровления. Постепенно разъездная система в губерниях Севера России заменялась смешанной, т.е. совмещались функционирование в уезде стационара, где врач проводил значительно больше времени, чем раньше, и выезды врача в населенные пункты в наиболее тяжелых случаях по вызову.

Переход от разъездной системы оказания медицинской помощи к смешанной проходил на Европейском Севере значительно медленнее, чем в

средней полосе. Это объяснялось в первую очередь огромными размерами врачебных участков, малой плотностью населения и плохими путями сообщения. Средняя площадь врачебного участка по Вологодской губернии в конце XIX в. достигала 16,5 тыс. кв. верст при населении от 20 до 90 тыс. человек. Самым значительным здесь был (до разделения в 1898 г. на 6 врачебных участков) Усть-Сысольский уезд. Он представлял собой гигантский врачебный участок размером в 150 тыс. кв. верст и населением в 100 тыс. человек. В Олонецкой губернии средняя площадь врачебного участка составляла 8 – 12 тыс. кв. верст с населением 18 – 25 тыс. человек. Например, в Московской губернии на один врачебный участок приходилось пространства немногим более 300 кв. верст и до 20 тыс. населения.

Усилиями земских врачей в 1870-е гг. был разработан проект организации участковой медицинской помощи сельскому населению. Один участок должен был обслуживать 25-30 тыс. жителей; его базой должны быть участковая больница, аптека и два приемных (амбулаторных) покоев: один при больнице, другой – в наиболее удаленном от больницы участке волости. Штат медицинского участка должен был состоять из 1 врача, 2 фельдшеров и 1 повитухи. Руководящая роль в организации медицинской помощи отводилась Медицинскому совету при губернской земской больнице. В уездах предполагалось наличие отделов земской медицины. Идея участковой медицины стала доминирующей в земской среде. Некоторые земства России в 1880–90-е годы сумели осуществить уже на практике данную модель медицинской помощи.

Появление в земствах в 80 – 90-е гг. XIX в. двух и более врачей на уезд создало возможность разделения его территории на участки в соответствии с количеством врачей и постоянного (стационарного) размещения их в определенных пунктах уезда (не обязательно с наличием больницы). Тем самым в северных земствах стала формироваться система медицинского обслуживания, впоследствии переросшая в прогрессивную участково-территориальную организацию. Врачебный персонал распределялся по северным уездам неравномерно: в одних имелось по 1-2 врача, в других – 4-5. Наиболее характерным в 1880 – 1890-е гг. все же было наличие в уезде трех врачей.

В некоторых земствах по-прежнему еще пользовались услугами правительственных «докторов», которые получали от земства дополнительное жалование по 500 – 800 руб. в год. Большинство земских врачей размещалось в губернских и уезд-

ных городах, в сельской местности (на участке) постоянно проживало менее 1/3 от всего врачебного контингента. Тем не менее центр тяжести больничной помощи постепенно перемещался в сельскую местность. Возникновение врачебного участка на селе – впервые в истории здравоохранения – одна из серьезных заслуг земской медицины, в том числе и земств Европейского Севера.

Деление уездов на врачебные участки, начавшееся в 80-е гг., завершилось здесь только к концу XIX – началу XX века. К полностью стационарной системе медицинского обслуживания земства Северного региона до 1917 г. так и не пришли. Земская медицина реально приблизила здравоохранение к народу, хотя во многом ее начинания не смогли выйти на желаемый уровень. Тем не менее существенное продвижение вперед в деле «народного здоровья» было очевидно. Так, в 1880 г. шесть уездов (из десяти) Вологодской и все уезды Олонецкой губернии относились к разъездной системе оказания медицинской помощи. В 1890 г. восемь уездов Вологодской и пять уездов Олонецкой губернии перешли к смешанной форме, а в 1900 г. во всех уездах (кроме 1 уезда Вологодской губернии) уже существовала смешанная система земской медицины.

Земское здравоохранение предполагало не принуждение, а просвещение

Результаты деятельности уездных земств Русского Севера в деле «народного здоровья» стали ощутимыми уже к концу 1880-х гг. Успехи земской медицины в создании врачебных и фельдшерских пунктов, в устройстве больниц и лечебниц, в оспопрививании и борьбе с эпидемиями, в организации аптек и снабжении населения лекарствами показали преимущество новой организации медицинской помощи. Крестьянство, которое в 1870 – 1880-е гг. относилось к земским начинаниям с некоторым недоверием и настороженностью, в последующий период постепенно начало менять свое отношение к земской медицине в лучшую сторону. Земское здравоохранение предпочитало не принуждение, а просвещение. И, разумеется, где крестьяне видели преимущества лечения в земской системе, они охотно пользовались этими возможностями.

В 80-е гг. XIX в. значительно возросли ассигнования уездных земств на развитие медицины. Если в 1870 г. все уездные земства Вологодской губернии направили на финансирование «народного здра-

вия» 51,8 тыс. руб., то в 1887 г. – уже 206 тыс. руб. В Олонецкой губернии было затрачено в 1871 г. 14,8 тыс. руб., а в 1887 г. – 107,2 тыс. руб. Земские уездные сметы расходов на медицину с 1871 г. по 1887 г. заметно увеличились, составив в среднем 18 – 25% от всего земского бюджета.

Количество врачей в уездах за 20 лет, с 1870 г. по 1890 г., выросло в Вологодской губернии с 5 до 29, в Олонецкой – с 3 до 17 человек. Вместе с тем основное количество мест в земских стационарах по-прежнему приходилось на города, на селе их явно не хватало. В 1890 г. в Вологодской губернии из имеющихся 570 штатных мест в больницах на сельскую местность приходилось лишь 147, а в Олонецкой губернии – из 292 только 49. К сожалению, строительство сельских больниц и амбулаторий в северном крае шло медленно. Уездные земства не могли изыскать на эти цели столь значительные суммы, а помощи от губернских земств и от государства не поступало. Исключением было лишь Олонецкое губернское земство, которое несколько раз (в 1871, 1875, 1876, 1878, 1885 – 1888 гг.) выдавало ссуды из запасного капитала на устройство больничных зданий. Если в городах с организацией земских стационаров дело обстояло более или менее благополучно, то сельские больницы стали большой проблемой для земских деятелей.

В Олонецкой губернии первая сельская лечебница была открыта только в 1887 г. в с. Бережная Дубрава Пудожского уезда, а затем – в 1888 г. в с. Паданы Повенецкого уезда. В Усть-Сысольском уезде сельские лечебницы в Визинге и Усть-Куломе приступили к работе в 1893 году. В с. Великая Губа Петрозаводского уезда такой стационар начал функционировать только с 1903 года. В большинстве же уездных земств такие участковые врачебные стационары появились лишь в начале XX в. В целом количество больниц и сельских стационаров на Русском Севере в 1880–1900 гг. существенно не увеличилось, однако в них возросла численность медицинского персонала, повысился уровень медицинской помощи, улучшилось питание больных. Земские участковые больницы, обслуживавшие определенное количество жителей на прилегающей территории, постепенно становились центрами лечебно-профилактической и санитарной помощи населению.

Значительную активность в деле здравоохранения проявляли пудожские земские деятели, которым принадлежал приоритет в открытии первой сельской лечебницы в Олонецкой губернии. На II съезде земских врачей в 1896 году пудожский врач Ф. О. Ярошевич привел статис-

тику о числе больных, обращавшихся за медицинской помощью в своем уезде. В 1872 г. амбулаторных больных при больнице было 276, через 12 лет их было 1113, а в 1893 г. число таких пациентов достигло 6198. Равным образом фельдшера приняли 495 больных в уезде в 1872 г., 13926 в 1884 г. и 24442 в 1893 году. В последующие два года количество обращений за медицинской помощью несколько уменьшилось, скорее всего из-за снижения заболеваемости в уезде.

Еще одним больничным стационаром, созданным земцами в Пудожском уезде, стали Вершининский приемный покой и совмещенная с ним земская аптека. Расходы Пудожской уездной управы на содержание Вершининского приемного покоя составили на 1910 г. весьма внушительную сумму в 500 руб. На хирургические инструменты – 136 руб., на медикаменты, аптечные припасы – 200, на выписку медицинских журналов – 8, на канцелярские принадлежности – 20. Остальные средства направлялись на уплату аренды и обеспечение помещения топливом, ремонт и т.д. Открытие Ундозерского эвакуационного пункта в тот год не состоялось, земцы не смогли найти необходимую для этого сумму (856 рублей). Жалованье фельдшера Вершининского приемного покоя составляло 420 руб. в год. Однако не все медицинские работники готовы были полностью посвятить свою жизнь лечению крестьян. Медицинский врач 3-го участка г. Райчак уведомил уездную управу, что «медицинский фельдшер Вершининского участка Василий Абрамов начал пьянствовать и производить непопозволительные выходы».

В марте 1912 г. Вершининский приемный покой переместился из дома А.Н.Губина, из-за семейного раздела дома с братом, в дом крестьянина К.А.Шишкина. Дом под приют был арендован земством на три года за плату 84 руб. в год. Хозяин дома обязался поставлять дрова для приемного покоя, производить ремонт и регулярно очищать отхожее место, а также содержать его в постоянной исправности. В 1913 г. крестьянин д. Немятой Вершининской волости А.А.Нечаев заключил договор с Пудожской земской управой о сдаче в аренду своего дома вместе с пристройками и усадьбой под помещение больницы сроком на 12 лет за ежегодную плату 300 рублей. Земство обязалось сделать ремонт, а Нечаев обязался помогать приобретать строительные материалы.

Земства Русского Севера сделали реальные шаги по реформированию такой важной отрасли профилактической медицины как оспопрививание. Правда, поначалу не во всех уездах эти изменения имели качественный характер, во многих случаях

дело ограничивалось увеличением количества крестьян-«воспенников». В Вологодской губернии уездные земства (именно в их руках было дело оспопрививания) основные расходы по оспопрививанию переложили на сельские общества и увеличили количество «воспенников из крестьян». В Олонецкой губернии некоторые уездные земства просто увеличили количество оспопрививателей.

Земские управы нанимали на службу за определенную плату (30 – 40 руб. в год) специальных оспопрививателей из числа местных жителей (крестьян, учителей, фельдшеров и т.д.), которые осуществляли противоэпидемиологические мероприятия в населенных пунктах. Однако до конца 80-х гг. XIX в. результаты этой деятельности были весьма незначительными. Причины малого распространения прививок объяснялись не только слабой подготовкой оспопрививателей, но и нежеланием крестьян участвовать в этом деле. От прививок крестьяне и городские обыватели уклонялись, иногда откупались и даже спасались бегством.

Земской медицине на Русском Севере в процессе своего становления и развития приходилось преодолевать бытовой консерватизм и недоверие со стороны крестьянского населения. Особенно сильно предрассудки крестьян проявились при проведении профилактических мероприятий, в частности, в оспопрививании. Против оспопрививания открыто выступали старообрядцы, которых было много в Каргопольском, Повенецком, Пудожском, Тотемском и других уездах Русского Севера. Они называли способ прививки оспы «приложением к руке ребенка печати антихриста». Такой ребенок считался погибшим, недостойным божеских милостей. В загробной жизни ему предстояли вечные мучения в аду, а родителям, позволившим поставить своему ребенку печать антихриста, посылались вечные проклятия.

Изменение к лучшему в оспопрививании произошло лишь с появлением врачебных и фельдшерских участков на селе. В новых условиях земства учреждали (по числу участков) должности фельдшеров-оспопрививателей, а в отдаленных волостях эти обязанности возлагались на пунктовых фельдшеров. Например, в Вологодском уезде с 1888 по 1894 г. были проведены массовые прививки от оспы, что позволило земской управе констатировать в 1894 г., что «оспенных эпидемий в уезде более не существует». В Олонецкой губернии, где оспопрививание было отнесено к общегубернским потребностям (оспенный телятник для получения детрита² открыт губернским земством в 1885 г.), в 1898 г. из 16,9 тыс. родившихся оспа была привита 14,6 тыс. детей.

Земский фельдшер Пудожского уезда сообщал в «Олонецких губернских ведомостях», что оспопрививание там уже хорошо поставлено и проводится «беспрепятственно и весьма удачно», что «детрит выписывается своевременно и более высокого качества... а главное, что население видит в этом большую пользу». Далее фельдшер упомянул в статье, что раньше, когда он работал в Шелтомской волости, ему во время оспопрививания пришлось «встретить со стороны крестьян препятствие к привитию оспы». «Известная часть населения состоит там из староверов, – пояснял земский медик, – с религиозной точки зрения которых привитие оспы есть не что иное, как прикладывание печати антихриста, но благодаря настойчивым убеждениям теперь это производится довольно беспрепятственно».

Врач традиционно пользуется особым положением в любом обществе, и к нему всегда предъявляются высокие этические и правовые требования. Однако статус и положение земского врача – это действительно уникальное явление в мировой медицинской практике. В 80 – 90-е годы XIX в. в России окончательно сложился знаменитый тип земского врача – носителя высоких морально-этических норм, который оказал влияние на формирование лучших традиций отечественной общественной медицины. Земский врач был поставлен в такие условия, что поневоле должен был стать энциклопедистом, обязанным не только лечить, но и предупреждать заболевания. Забота о здоровье населения являлась его важнейшим долгом. Кроме того, с развитием земской медицинской помощи врачи самостоятельно осваивали новые направления и виды помощи (педиатрическую, акушерскую, хирургическую, гинекологическую и т.д.), то есть становились семейными врачами или врачами общей практики. Земские врачи, как правило, были одновременно и аптекарями, поэтому должны были знать рецепты приготовления различных лекарственных средств. Местным населением земский врач рассматривался не только как врачеватель, но и как носитель санитарной культуры. Таким образом, в земской медицине сформировался врач-универсал, обладавший широким кругом знаний и практических навыков, врач-ученый, аналитик, статистик, организатор здравоохранения.

Вопрос принятия врачей в земство в разных гу-

² Детрит – препарат для вакцинирования человека от оспы. Тонко измельченное вещество телячьих и коровьих оспин, смешанное в определенной пропорции с глицерином и содержащее живой вирус животных.

берниях решался неодинаково. В Олонецкой губернии, например, в первый период существования земств помимо управ этот вопрос обсуждался на земских собраниях. Однако, как правило, приемом врачей на службу занимались земские управы. Медики заключали с ними соглашение, в котором оговаривались величина годового жалования и условия проживания. Однако по ст. 107 Положения 1890 г. окончательное решение вопроса о найме земских служащих оставалось за губернерами.

Земские врачи выполняли колоссальный объем работ, получая при этом вполне сносное по тем временам жалование (1000 – 1500 руб. в год). Постоянным спутником земских врачей была бытовая неустроенность. Кроме того, в отличие от правительственных врачей, которые получали пенсии от государства, а в случае гибели их семьям выплачивалось единовременное пособие, земские врачи таких прав не имели. Земских же средств для достойного пенсионного обеспечения врачей было недостаточно.

В уезде земские врачи работали в больнице, в приемном покое, вели больничную и уездную отчетность, замещали правительственных уездных врачей во время их отсутствия, оказывали медицинскую помощь жителям уездных городов и т.д. Например, участковый врач Яренского уезда Вологодской губернии В.Л. Волк менее чем за 2 года (1896 – 1897 гг.) совершил 70 поездок, в общей сложности составивших 8,3 тыс. верст. Продолжительность их колебалась от 1 дня до 5 недель. Врач фактически четырежды объехал весь уезд, побывав почти во всех селениях. За это время он оказал помощь 12 тыс. человек и произвел 1,5 тыс. хирургических операций. «Не было месяца, – писал В.Л. Волк, – чтобы в уезде не замечалась та или другая заразная болезнь, причем не было ни одного больного, которого бы я не навестил». И далее: «...про сотни городских визитов, про деятельность свою, касающуюся компетенции уездного, городского, школьного, тюремного врачей, я здесь не говорю... Сколько много проведено десятков бессонных ночей...» Врач Петрозаводского уезда М. Караев за 1893 – 1896 гг. провел в дороге 180 дней, объезжая больных в Великогубской и Толвуйской волостях.

Нетрудно представить, какой огромный труд ложился на плечи земских врачей. Работа земского врача на Европейском Севере действительно являлась примером бескорыстного служения и подвижничества. Среди участковых земских врачей следует назвать таких специалистов-подвижников и энтузиастов своего дела, как В. Волк (Яренский уезд), А. Дмитриев (Вельский уезд), Ф. Заварин

(Усть-Сысольский уезд), Д. Иссерсон (Лодейнопольский уезд), М. Караев (Петрозаводский уезд), П. Леонтьевский (Вельский уезд), М. Меньшиков (Повенецкий уезд), Н. Ратьков (Каргопольский уезд), А. Шепиловский (Олонецкий уезд).

И при этом земские врачи во многом были бесправны и в значительной степени зависели от земских управ и собраний. Голос врача всегда был совещательным, и он не мог настоять на том или ином мероприятии. Врач выступал в роли наемника, с которым в некоторых земствах часто не церемонились. Земские бюрократы могли испортить послужной список врача, сделав в нем негативные отметки. Земские управы нередко оказывали давление на врачей, заставляя их высказывать только те мнения и выводы, которые были бы выгодны управе. Иногда это приводило к острым столкновениям. Так, в 1902 г. хирург Олонецкой губернской земской больницы Н.Н. Михайлов открыто выступил с разоблачением злоупотреблений в деятельности управы и ее председателя В.В. Савельева, а упоминавшийся нами врач Яренского уезда В.Л. Волк обратился в 1897 г. в Вологодское губернское земство с требованием прекратить нападки на него со стороны уездной управы.

С целью повышения квалификации врачей с конца 80-х годов XIX в. во многих земствах было установлено правило, по которому раз в 3-5 лет они направлялись на научную стажировку. Обосновывая необходимость для земских врачей периодически повышать свою квалификацию, земские деятели ссылались на удаленность врачебных пунктов и универсальность оказания помощи населению. В 90-х годах при медицинских факультетах университетов и некоторых клиниках (хирургов А.А. Боброва, П.И. Дьяконова, невропатолога А.Я. Кожевникова и других) для земских врачей были созданы специальные курсы усовершенствования. В 1896 г. по инициативе известного гинеколога профессора В.Ф. Снегирева на средства фабриканта П.Г. Шелапугина при Московском университете был открыт институт усовершенствования врачей, в который в первую очередь зачислялись земские врачи.

В начале XX века Вологодское земство ввело в практику научные командировки врачей. Для этого ежегодно выделялись специальные средства. Командировки носили характер стажировок в столичных клиниках и больницах (чаще всего Санкт-Петербурга). Продолжительность научной командировки составляла не менее трех месяцев. В 1908 году состоялось одиннадцать научных командировок, то есть каждый уезд мог послать одного врача для повышения квалификации.

Такие стажировки каждый врач мог получить в среднем один раз в три года. Правда, возможность выехать в командировку зависела от того, имелась ли у врача замена на участке. По итогам командировки представлялся отчет в санитарный отдел Вологодской губернской земской управы. В Олонецкой губернии земские врачи также направлялись на учебу в С.-Петербург, Москву и Европу. Например, врач-офтальмолог губернской больницы И.Шехман три месяца стажировался в глазных клиниках Лейпцига и Фрейбурга.

Тем не менее тяжелая работа при весьма умеренном жалованье (особенно у начинающих врачей, заброшенных в «медвежий угол») нередко приводила и к текучке кадров среди земских врачей. Некоторые участки оставались неukoмплектованными в течение длительного времени. Так, в Никольском уезде Вологодской губернии в 1905–1907 гг. на всех четырех участках сменилось двенадцать врачей, а один из этих участков все эти три года пустовал.

На огороде при лечебнице выращивали... дыни, арбузы, шампиньоны

В начале XX в. заметно оживилась деятельность земств Европейского Севера по оборудованию новых врачебных участков, устройству амбулаторий и лечебниц в сельской местности, больше внимания стало уделяться профилактическим работам и санитарии. Соответственно увеличились затраты земств на здравоохранение. Введение нового Положения о земских учреждениях 1890 г. несколько расширило предусмотренную законом самостоятельность земских учреждений в деле оказания медицинской помощи населению. Статья 108 Положения предоставляла губернским земствам право издавать постановления по вопросам, касающимся санитарных условий жизни и труда населения, которые были обязательны для исполнения местной администрацией (борьба с эпидемиями, санитарное состояние промышленных предприятий, боен, рынков, продовольственных лавок и др.).

Ассигнования на душу населения в 1903 г. по Олонецкой губернии составили 1,05 руб., по Московской – 0,97 руб., по С.-Петербургской – 0,64 рубля. Количество врачей в Вологодской губернии увеличилось с 26 в 1887 г. до 67 в 1912 г. В Олонецкой губернии численный состав врачей вырос с 14 в 1885 г. до 32 в 1914 году. Соответственно увеличилось и число врачебных участков: в Вологодской губернии – с 18 в 1887 г. до 62

в 1912 г., а в Олонецкой губернии – с 13 до 29. Таким образом, в среднем на один уезд приходилось от 4 до 6 врачебных участков. Это означало, что в земских губерниях на Европейском Севере окончательно оформилась земская организация медицинского обслуживания, которая включала в себя три звена врачебной помощи: земский врачебный участок – уездный стационар – губернская больница.

Земской медицине на Европейском Севере все же не удалось добиться всеобщей и полной доступности врачебной помощи до 1917 г. Этот факт подтверждают некоторые расчеты. Дело в том, что обращаемость сельского населения в участковые лечебницы находилась в прямой зависимости от расстояния: при расстоянии (радиусе) до участковой лечебницы в 5 – 6 верст она была близка к 100% (от всех заболевших); при расстоянии в 7 – 12 верст – падала до 50%; а при большем расстоянии, с учетом климатических и погодных условий, а также плохого состояния дорог, едва достигала 20% в год. Жители селений, находящихся на расстоянии свыше 15 верст от местонахождения врача или фельдшера, практически не пользовались медицинской помощью в участковой лечебнице и прибегали к земской медицине только в исключительно тяжелых случаях.

Важным звеном в системе земской медицины являлись губернские земские больницы, находившиеся в компетенции губернских земств. Напомним, что в результате разграничения полномочий между земствами двух уровней губернским земствам передавались в ведение губернские больницы, психиатрические лечебницы, а также все санитарные мероприятия, имеющие общегубернское значение. Губернские больницы были призваны обеспечить население высококвалифицированной медицинской помощью врачей-специалистов (хирургов, психиатров, офтальмологов, дантистов, гинекологов и т.д.), а также участвовать в подготовке фельдшеров и другого вспомогательного медицинского персонала. Земствам Русского Севера к началу XX в. удалось блестяще организовывать современные высокотехнологические клиники в губернских центрах. Однако, чтобы превратить примитивные и малоприспособленные лечебницы, переданные приказами общественного призрения, в нормальные больничные учреждения, земствам Европейского Севера пришлось приложить немало усилий, затратить значительное количество времени и финансовых средств на реконструкцию старых зданий, строительство новых, на приглашение врачей-специалистов и обеспечение их необходимым оборудованием и инструментом.

К реорганизации и расширению губернской больницы Вологодское земство приступило несколько раньше, чем Олонецкое. Уже в 1873 г. в Вологде было построено одноэтажное каменное здание для размещения 30 душевнобольных, а в 1878 г. на службу земства поступил врач-психиатр. В Олонецкой губернии первое отдельное здание, принадлежавшее губернской больнице, было выстроено в 1885 г., а первый врач-специалист появился на службе только в 1889 году.

В 1878 г. Вологодская губернская больница пополнилась еще двумя строениями: зданием хирургического отделения и летним деревянным баракком для помещения инфекционных больных. В 1886 г. земству пришлось взять в наем частный дом, чтобы заразные больные могли располагаться там и зимой. Однако до конца 1880-х гг. окончательно решить проблему инфекционных больных так и не удалось. Старший врач губернской больницы Ф.Ф. Ульрих³ в 1888 г. констатировал: «В нашей больнице один из главных недостатков – это отсутствие изолированных помещений для заразных больных».

В 80 – 90-е годы XIX в. расширение губернской земской больницы продолжилось достаточно быстрыми темпами. Если от Приказа общественного призрения в 1870 г. была принята лечебница на 100 штатных мест, то к началу 90-х гг. их число возросло до 287. Расходы губернского земства на медицинскую часть выросли с 24,6 тыс. в 1870 г. до 63 тыс. в 1894 г., что составило около 1/3 всего губернского бюджета. Медицинская помощь в больнице в 1880 – 1890-е гг. оказывалась примерно 1,5 – 2 тыс. больных в год (кроме душевнобольных). В числе пациентов были люди разных сословий и званий: больше всего лечилось крестьян (свыше 50%), мещан (28%), дворян и чиновников (8 – 10%), духовенства (5%). Значительная доля больных приходилась на жителей Вологды и Вологодского уезда.

В 1897 г. при губернской больнице было открыто офтальмологическое (глазное) отделение на 17 койко-мест, из них 6 мест бесплатных. Заведующим отделением стал опытный врач-окулист Л.Н. Пирошков. Глазная лечебница оказывала помощь не только стационарным, но и амбулаторным больным. Так, в 1899 г. курс лечения прошли 250 коечных больных и 2,7 тыс. амбулаторных, в 1905 г. соответственно 406 и 5 тыс. человек, а в 1910 г., когда численность штатных мест увеличилась до 31, помощь была оказана 638 пациентам в стационаре и 6,7 тыс. человек амбулаторно.

Новый подъем в работе губернской больницы начался после 1907 г., когда здесь появились хо-

рошо оборудованные отделения и на земскую службу поступили врачи-специалисты: хирург, гинеколог и прозектор-бактериолог. Значительную роль в становлении и развитии больницы сыграл ее старший врач С.Ф. Горталов (1862–1938 гг.), который более 25 лет отдал земской медицине и губернской больнице. С.Ф.Горталов был отличным земским врачом и организатором здравоохранения на Вологодчине.

В 1883 г. Сергей Федорович поступил на медицинский факультет Казанского университета, но уже в следующем году перешел в Санкт-Петербургскую Военно-медицинскую академию, которую окончил с отличием. В 1889 г. Горталов начал работать в Вологодской губернской земской больнице внештатным ординатором. В 1891 г. он назначается штатным ординатором и заведующим мужским терапевтическим отделением, в 1899 году – старшим врачом больницы. С именем С.Ф. Горталова связаны в губернской больнице большие преобразования: он улучшил больничные условия, создал вместе с П. П. Мокровским многопрофильную хирургическую службу, расширил инфекционное и другие отделения. В 1902, 1904, 1906 гг. он участвовал в организации съездов земских врачей; длительное время был общественным директором фельдшерской школы. На базе губернской больницы в 1895 г. Горталов организовал общину сестер милосердия Красного Креста.

Особенно заметных результатов земская медицина Вологодской губернии добилась в оказании психиатрической помощи населению. Опыт вологодских земцев в этом деле был одним из лучших в России. Организация загородной колонии для душевнобольных в с. Кувшиново (пригород Вологды) во многом явилась образцом для других подобных лечебных и оздоровительных учреждений.

В 1887 г. губернское земство приняло решение

³ Ф. Ф. Ульрих (1844 – после 1915 гг.) окончил медицинский факультет Московского университета. В 1868 г. он был направлен в С.-Петербург, в Медико-хирургическую академию, для усовершенствования и принят сверхштатным младшим медицинским чиновником при Медицинском департаменте. В 1872 г. Ф.Ф. Ульрих назначается старшим врачом Вологодской губернской земской больницы. В этой должности он проработал до 1893 г. Важнейшим мероприятием Ульриха было открытие хирургического отделения, этим он положил начало хирургической службе в Вологодской губернии. По инициативе Франца Францевича в 1889 г. в больнице впервые было введено дежурство врачей. В 1891 г. на втором губернном съезде земских врачей он поднял вопрос о введении амбулаторных карт больных. Более 20 лет Ф.Ф.Ульрих также проработал врачом и акушером родовспомогательного заведения при Вологодском женском благотворительном обществе и был его почетным членом. В 1896 г. Ульриха назначают губернским врачебным инспектором.

о покупке имения Кувшиново и размещении на его территории психиатрической лечебницы. К этому времени уже резко обозначился рост числа душевнобольных в губернии, который привел в 1880-е гг. к существенному перенаселению имеющихся площадей психиатрического отделения губернской земской больницы. В 1889 – 1892 гг. в Кувшинове было построено два каменных здания для мужского и женского отделений лечебницы и два деревянных барака для размещения дополнительно прибывающего контингента больных. Если первоначально предполагалось разместить здесь 80 человек, то к 1892 г. их было уже 160. Летом 1892 г. лечебница вступила в строй, имея на своем попечении до 200 душевнобольных, в 1897 г. их число выросло до 270, а в 1912 г. количество больных достигло 500 человек.

Своим становлением психиатрическая лечебница во многом обязана первому главному врачу А.А.Яковлеву. В Кувшинове коренным образом изменился уход за больными, улучшились диагностика и лечебная работа, стали применяться гидротерапия и электротерапия. Большое внимание А.Яковлев уделял проблемам восстановления больных через трудовую деятельность на свежем воздухе, что значительно повышало эффективность лечения. Весной 1892 г. при лечебнице был организован огород, на котором выращивали картофель, капусту, морковь, свеклу и другие овощи, а также дыни, арбузы, шампиньоны. Овощи кувшиновского огорода подавались к столу губернатора и других высокопоставленных чиновников. В одном из корпусов больницы А.Яковлев устроил мастерские – портняжную, сапожную и переплетную. Больные также ухаживали за скотом, пилили и кололи дрова. Со знанием дела здесь велось и садоводство. Круглогодично выращивались цветы, для сбыта которых в здании губернского земства был открыт специальный магазин.

Начинания А. Яковлева были продолжены его преемниками: П.П. Стрельцовым и В.В. Родкевичем – высокопрофессиональными врачами-психиатрами. Короткое время старшим врачом лечебницы работал народник-революционер О.В.Аптектман. В 1901 – 1902 гг. врачом-ординатором кувшиновской больницы был известный социал-демократ и ученый А.А.Богданов (Малиновский), а писатель А.М. Ремизов, находившийся в ссылке в Вологодской губернии, симулировал душевное заболевание и специально приезжал в Кувшиново на прием к А.А. Богданову. С 1911 г. в лечебнице работала врачом жена писателя В. Гаршина – Н.М. Гаршина (Золотилова).

Доктор встречает каждого с одинаковой добротой

В Олонецкой губернии, где развитие и реорганизация губернской земской больницы поначалу шли медленнее, чем в Вологодской, к 90-м гг. XIX в. сформировалась достаточно крепкая база для создания многопрофильного клинического учреждения. Если до середины 1880-х гг. губернская больница состояла из двух зданий (главного корпуса и флигеля), то к 1912 г. она насчитывала уже около десятка современных зданий (два из которых были каменными). Число мест в больнице с 1867 г. по 1900 г. выросло с 54 до 120, а в 1915 г. было уже 265 койко-мест. Олонецким губернским земством были построены новое здание женского терапевтического и акушерского отделений (1885 г.), кухня (1886 г.), квартира смотрителя, аптека, квартира фельдшера (1888 г.), здание хирургического отделения (1890 г.), психиатрического отделения (1890 г.), баня (1895 г.), новая покойничья с часовней (1896 г.), каменные здания для глазного отделения (1909 г.) и нового хирургического отделения (1912 г.). Кроме того, при больнице учреждены зубоврачебный и бактериологический кабинеты.

В годовом отчете за 1875 г. главного врача губернской земской больницы Л.В. Андрусевича сообщалось: «Из числа 862 больных, пользовавшихся в Петрозаводской губернской земской больнице, было смертных случаев 39... Амбулаторным лечением в больнице пользовался 381 человек... Больные помещаются в главном корпусе и флигеле. В первом помещаются больные мужского пола и арестанты, а во втором – женщины. В главном корпусе находится 8 довольно больших, высоких и светлых комнат, в которых могут быть свободно помещены от 6 до 12 человек... Во флигеле же находится четыре комнаты, в которых может быть помещено 16 женщин. Штат для помещения больных в Петрозаводской губернской земской больнице на 54 человека, из коих на 50 человек мужского пола и на 4 женского. Но редко, чтобы число больных ограничивалось сим штатом; чаще превышает оный – иногда доходит до 80 человек... Очищение воздуха производится каминами, форточками и печками. Средняя степень сухости не обнаруживает вредного влияния на ход болезней. Средняя степень теплоты 14° Реомюра (+17,5 по Цельсию. – **В.Б.**)... При больнице находится помещение смотрителя, старшего фельдшера, кухни, прачечной и для аптечных припасов... [В больнице] отведена особая комната с маленькой лабораторией для приготовления лекарств и хранения медикаментов».

тов. Медики присылаются из Санкт-Петербургского центрального магазина по распоряжению интендантского управления.

Хирургические инструменты для произведения операций в достаточном количестве... Съестные припасы для больных хорошего качества, пища доставлялась больным в надлежащее время. Припасы для продовольствия больных поставляются в больницу подрядчиками по контракту, из коих готовится больным пища в больничном заведении под наблюдением смотрителя больницы... Дрова, свечи и керосин для отопления и освещения больницы доставляются подрядчиками... Больничные принадлежности в достаточном количестве соразмерно штатному комплексу больных».

Губернское земство отпускало на устройство больницы львиную долю всех средств, выделяемых на «народное здравие». Расходы на губернскую больницу составляли свыше 90% этой статьи бюджета Олонецкого губернского земства (113 тыс. руб.). С 90-х гг. XIX в. к финансированию больницы было привлечено петрозаводское уездное земство, которое выплачивало на ее содержание по 5 тыс. руб. в год.

Газета «Олонецкие губернские ведомости» в октябре 1897 г. в статье «Кое-что о земской больнице и ее врачах» довольно подробно рассказала о состоянии земского губернского лечебного заведения. Автор статьи тогда прямо констатировал: «Наше губернское земство не жалеет средств на всякое хорошее, доброе и полезное населению своей губернии дело. Доказательством этого служит, между прочим, прекрасно устроенная земская больница в Петрозаводске. Прежнее здание, чуть не 50 лет тому назад уступленное [земству] петрозаводским купцом М.П. Пименовым, ...теперь неузнаваемо. Выстроены новые палаты, которых всех в терапевтическом только отделении десять.

Стараниями нашего земства выстроен целый больничный квартал: рядом с больницей, в которой, между прочим, помещается хорошенькая церковь, стоит красивый двухэтажный дом, отведенный под хирургическое отделение. Еще далее на том же дворе высится тоже двухэтажное здание, называемое на местном жаргоне «родильным» отделением. Через дорогу от деревянных зданий больницы высится темно-серое здание, каменное в середине и деревянное по бокам. Это здание психиатрического отделения. Внутри здание приспособлено к своему назначению, как только можно пожелать по наличным местным средствам... Лечебная деятельность поставлена у нас так, что лучшего едва ли справедливо было бы желать. На основании личных впечатлений мы можем категори-

чески утверждать факт в высшей степени честного отношения к своим обязанностям нашего медицинского персонала и его самоотверженного служения своему делу. Вот обычная ежедневная картинка кипучей деятельности этих людей долга.

В приемной больницы сидят, дожидаясь очереди, чиновники и люди из простого народа. Доктор встречает каждого с одинаковой доброю, вниманием и ласкою. Часть этих больных размещается в больнице, другая, более многочисленная, отпускается после самого тщательного диагноза с рецептами, а многие крестьяне Олонецкой губернии – и с лекарствами из земской больничной аптеки. Выслушав больного, пришедшего к нему за помощью, Л.В. Андрусевич или И.М. Рясенцев не спешат отделаться от него, а вникают во все подробности его жизни, от всей души желают помочь ему... И это повторяется изо дня в день, из года в год. Забывается усталость, не жалеют ни времени, ни физических сил для помощи страждущему человечеству. Прежде всего, оба доктора – не только врачи, но и само лекарство: они лечат пациента своей доброй... любящей душой».

Первый врач-хирург земской больницы Г.Д. Ромм приступил к работе в 1890 г. Он проводил грыжесечения, операции на желудке и кишечнике и даже на костной системе. После ухода Г.Д. Ромма со службы его последовательно меняли хирурги А.Г. Кулябко-Корецкий и Н.И. Гуревич. Последний стал организатором «Общества врачей Олонецкой губернии», устав которого был утвержден в 1904 г.

В 1908 г. после отъезда Н.И. Гуревича ведущим хирургом в губернской больнице стал один из лучших специалистов того времени в области хирургии – М.Д. Иссерсон⁴. Он проводил не только все сложные операции, но и оказывал отоларингологическим больным срочную медицинскую помощь. В 1912 г. М.Д. Иссерсон организовал первый рентгенологический кабинет в здании нового

⁴ Иссерсон Михаил Давыдович (1874–1955) – хирург, основоположник хирургической помощи в Олонецкой губернии. В 1898 г. окончил естественный факультет Петербургского университета, затем медицинский факультет Киевского университета в 1901 г., практиковал в Киевской больнице. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1908 г. Михаил Давыдович был назначен заведующим хирургическим отделением Олонецкой губернской больницы. В 1905–1914 гг. стажировался в клиниках Германии, Швейцарии, Франции. В 1914–1917 гг. – врач хирургического госпиталя Северо-Западного фронта. В 1917–1933 гг. – заведующий хирургическим отделением Петрозаводской городской больницы. См.: Баранова Л.В. Иссерсон М.Д. // Карелия: Энциклопедия. Петрозаводск, 2007. Т. 1. С. 382.

хирургического отделения. Врачебный инспектор Олонецкой губернии в 1910 г. сообщал: «Приток хирургических больных огромный, оперативных случаев все больше и больше... В лице хирурга Иссерсона губернская больница имеет превосходного оператора, неутомимого работника».

В 1903 г. при губернской больнице открылось глазное отделение, о необходимости которого в Петрозаводске земские деятели говорили с середины 90-х гг. XIX в. В 1902 г.

на Пироговском съезде в Москве Н.И. Гуревич обратился к известному профессору Военно-медицинской академии Л.Г.Беллярминову с просьбой рекомендовать ему высокопрофессионального врача-офтальмолога, которого можно было бы пригласить на службу в Олонецкое земство. Л.Г. Беллярминов рекомендовал своего ассистента, заканчивающего службу в военном ведомстве, доктора медицины И.А.Шехмана⁵, который прибыл в Петрозаводск в 1902 г. в составе особого подвижного отряда для оказания офтальмологической помощи. С 1903 г. И.А. Шехман поступил на службу в Олонецкое земство и за несколько лет привел глазное отделение больницы в образцовое состояние. На собственные деньги он приобрел проект здания, сделанный по лучшим образцам клиник того времени, и доработал его. В 1909 г. новое здание губернской земской больницы начало функционировать. Газета «Олонецкие губернские ведомости», вышедшая 17 января 1909 г., сообщала: «14 января было освящено новое глазное отделение Олонецкой губернской земской больницы... Г-н губернатор подробно осмотрел все помещения отделения, причем объяснения давали председатель земской управы и доктор И.А. Шехман. Красивое двухэтажное каменное здание... Почти все палаты рассчитаны на две койки каждая. Операционная большая, светлая. Во всем отделении предусмотрено решительно все в больничном, окулистическом, пожарном и строительно-техническом отношении, так что строительная комиссия вышла с честью с возло-

М. Д. Иссерсон

И. А. Шехман

женной на нее многотрудной задачей. На всех приглашенных новая больница произвела наилучшее впечатление...»

Глазное отделение губернской земской больницы, рассчитанное на 15 коек, представляло собой одно из лучших медицинских учреждений того времени. Здесь И.А.Шехман стал проводить

сложные операции на глазах, в частности, оперировать катаракту. Благодаря появлению офталь-

⁵ Илья Александрович Шехман (1871 – 1939), родился в Петрозаводске, в 1894 г. окончил Петербургскую медико-хирургическую академию. В 1901 г. был направлен для повышения квалификации в Императорскую Военно-медицинскую академию, где в течение 1901 – 1902 гг. состоял ординатором Академической глазной клиники профессора Л.Г. Беллярминова. В 1902 г. защитил докторскую диссертацию «К вопросу о клинических и патологоанатомических изменениях сетчатки при перевязке зрительного нерва». С 1903 по 1914 г. И.А. Шехман возглавлял глазное отделение Олонецкой губернской земской больницы. С началом Первой мировой войны И.А.Шехман в числе других земских врачей был призван на действительную военную службу.

мологического отделения и деятельности И.А.Шехмана тысячам людей в Олонецкой губернии было возвращено зрение.

Среди врачей губернской земской больницы следует упомянуть имена старшего врача больницы терапевта А.И. Введенского, психиатра И.К.Мейера, акушеров-гинекологов И.М. Рясенцева и М.Ф. Леви, дантиста С.П. Прокофьева, бактериолога И.А. Шифа, который в 1908 г. организовал патологоанатомический кабинет и лабораторию.

Достижения земской медицины на Европейском Севере получили признание среди врачей других губерний. В регионе произошло снижение смертности населения, практически прекратились эпидемические вспышки, успешно развивалась сеть врачебных участков и фельдшерско-акушерских пунктов, развивалось санитарно-профилактическое направление работы земств. Северяне опережали в некоторых направлениях практической работы даже центральные губернии России. Если Вологодское земство добилось лучших результатов в деле оказания психиатрической помощи населению, то Олонецкое земство имело неоспоримый приоритет в области хирургии и офтальмологии. Вместе с тем, несмотря на значительные успехи, земская медицина не успела реализовать свой огромный потенциал, не смогла в полной мере раскрыть свои возможности до 1917 г. Земство заложило основы последующего развития медицины, определило основные направления и пути дальнейшего разрешения проблем общественного здравоохранения на

многие десятилетия вперед. Земская медицина стала уникальным явлением в истории не только отечественной медицины. Она обогатила практику охраны здоровья населения такими нововведениями, как участковое обслуживание сельского населения, бесплатность и общедоступность врачебной медицинской помощи, постановка и решение задач общественной санитарии.

Организационные формы, выработанные земской медициной, в значительной степени были восприняты городской и фабрично-заводской медициной, а затем подхвачены и продолжены в советский период. Исторический опыт развития земской медицины показывает огромную созидательную работу земских медиков. Врачебный участок, явившийся основной организационной формой земской медицины и ее крупнейшей заслугой, был рекомендован в 1934 г. Гигиенической комиссией Лиги Наций другим странам для организации медицинской помощи сельскому населению.

□

Вадим Георгиевич БАДАНОВ

родился в 1962 г. в Петрозаводске.

Доцент кафедры гуманитарных дисциплин КФ

Северо-Западной академии госслужбы,

кандидат исторических наук,

заслуженный деятель науки и образования,

профессор Российской Академии естествознания.

Автор более ста научных работ по истории Карелии,

опубликованных в научных изданиях Республики Карелия, Москвы,

С.-Петербурга, Вологды, Каргополя, Сыктывкара,

Тюмени и Финляндии,

автор ряда книг по истории Карелии.

В «Севере» публикуется с 1998 г.

Вениамин СЛЕПКОВ

г. Петрозаводск

Юрци Достинг

Повесть-сказка
(журнальный вариант)

Художник Владимир Левицкий

*Сыну Яше с благодарностью
за имя и образ
Донкранка Фира*

Глава шестая

Три шага в ширину, четыре шага в длину. Кольца цепи гремят при ходьбе. Бывший царь Ахора Баг Атем, а ныне узник подземелья потерял счет дням и месяцам, которые протекли в застенке. Исхудавшее тело постоянно болит от того, что приходится спать на тонком тюфяке, сквозь который выпирающие кости чувствуют холодный камень.

Кольцо цепи больно давит на лодыжку. Под

кольцом образовалась язва, которая не успеваает зажить. Баг Атему холодно, он зябко ежится.

Дважды в день ему приносят едва теплую похлебку, которая не помогает согреться. Конец цепи укреплен в кольце, вмурованном в каменную стену. В камере темно. Сквозь решетку, преграждающую выход в коридор, виден неясный отблеск света. Это у входа в подземелье чадит факел. Светлее становится, когда стражник приносит еду. Он освещает себе дорогу факелом, свет которого режет глаза, привыкшие к темноте.

Баг Атем уже не надеялся на спасение. Иногда он думал о том, как живет Ахор, как правит

Продолжение. Начало в журнале «Север» № 7-8, 2014 г.

его сын Джуга, горячий юноша. Хватает ли у него терпения довольствоваться тем, что есть, или же он развязал войну с Хостинпуром? Если это так, Ахору придется трудно в этой войне.

Сначала Баг Атем пытался считать дни, но потерял им счет, когда лихорадка свалила его. Добрые руки девушки выходили его. Кто эта девушка? Она приходила три раза, столько же, сколько Хадм, мучивший его. Когда это было?

Шаги зазвучали в коридоре, загремел открываемый замок, и перед Баг Атемом оказалась миска с похлебкой...

Стражник удалился, но царь недолго оставался в одиночестве. В камеру вошел воин в прочной и дорогой одежде, вооруженный мечом и кинжалом. Перо украшает его шапочку. Видно, что это не обычный мечник, это начальник, привыкший отдавать приказания.

— Ну что, Баг Атем? Ты еще жив?

Царь с трудом приподнялся со своего ложа. Он сощурил глаза, болящие от света факела, который кажется ему ярким, словно солнце.

— Зачем ты мучаешь меня, Хадм? Где я? Долго ли мне здесь быть?

Хадм злобно расхохотался.

— Ты сам не захотел, царь, чтобы я служил тебе! Я нашел себе другого господина, который ценит мои достоинства. Ты в замке великого мага Кнохта, главы ордена Возрождения. Сколько ты здесь пробудешь — решает он. По мне, будь подольше! Мне приятно видеть, как ты умираешь и не можешь умереть. Именно так должны мучиться мои враги, люди, когда-то презревшие меня!

— Что с моим сыном? — простонал Баг Атем.

— А сын, я надеюсь, будет умнее тебя! Он разгромит зажавшихся хостинпурцев, и мы ему в этом поможем.

Слезы выступили на глазах старика:

— Почему же он не ищет меня?

— Ему не нужен глупый старый отец! — смеется воин.

Он наклонился над стариком, сверля его глазами:

— Ты не нужен тем, для кого старался, Баг Атем! Ты сделал ошибочный выбор, теперь плати за него!

Хадм с размаху пнул старика в живот, отчего старик сжался в хрипящий комок на своем тюфяке.

— Я еще вернусь! — бросил Хадм, выходя из камеры и запирая решетку.

Баг Атем скорчившись лежит на тюфяке, прислушиваясь к тому, как постепенно затихает боль от удара. Он не знает, верить ли Хадму, но больше верить некому, стражник, приносящий похлебку, молчит. Может быть, он немой. Девушка, навещавшая царя, мало что знала.

Царь чувствует, как его сознание мутится, и пытается подняться. Резкая боль в боку заставляет его вскрикнуть. За этим криком он не слышит легкие шаги по коридору. Только когда ключ в замке начинает поворачиваться, Баг Атем бросил взгляд на решетку.

К нему спешит девушка в легкой белой накидке. Она устроилась рядом с царем, укрепив небольшой факел в кольцо, вбитом в стену, достала плоску с бальзамом и осмотрела тело царя.

— Кто ты? — прошептал Баг Атем. — Я помню, ты уже приходила.

— Да, — ответила девушка. — Меня зовут Юлия, я служу в этом дворце, а когда получается, прибегаю к вам. Сейчас хозяин занят разговором с каким-то страшным пришельцем, у нас есть время.

Она приподняла руки царя, увидела набухающий синяк на ребрах. Ловкими движениями сняла тряпку, прикрывающую плоску, и принялась накладывать бальзам на тело царя. Баг Атем почувствовал приятную прохладу, несущую здоровье измученному телу.

— Зачем ты это делаешь? — спросил он. — Если тебя поймают, то ты можешь потерять жизнь. А я за свою жизнь не держусь, может, будет лучше умереть поскорее...

— Не надо так говорить! — прервала его Юлия. Не обращая внимания на слова царя, она перешла к язве, натертой кольцом на ноге узника, и принялась заталкивать бальзам под кольцо.

Царь застонал то ли от боли, то ли от осознания бессилия.

— Ты не знаешь, зачем Хадм держит меня здесь? — спросил Баг Атем.

— Это не Хадм вас держит! — завершив накладывать бальзам, девушка откинула нависшую на глаза прядь густых каштановых волос. — Вас заточили по приказу мага Кнохта, хозяина здешнего замка. Я не знаю, как долго будут длиться ваши мучения, но подслушала, как Хадм просил разрешения умертвить вас, а Кнохт не позволил.

Царь слушал молча. Девушка продолжала:

— И еще я вчера подслушала их разговор. Может, вам будет интересно. Они обманули вашего сына. Теперь я знаю, что кто-то из друзей Кнохта всыпал вам парализующий яд в пищу. Тогда все подумали, что вы умерли, Хадм со своими головорезами выкрал тело, а на его место подложил тело другого человека, внешность которого изменили с помощью магии. Ваши подданные считают вас умершим, они же сами участвовали в похоронах.

Царь облегченно вздохнул:

— Спасибо тебе, дитя мое! Теперь я понимаю, почему сын не разыскивает меня. Теперь даже если мне придется умереть, я умру спокойно.

Где-то в глубинах подземелья, куда вел далекий темный коридор, раздался вой, от которого царю стало жутко. Девушка, казалось, не обратила на вой никакого внимания:

— Не бойтесь! Я часто слышу эти голоса, но Кнохт держит каких-то страшилищ в горном проходе, чтобы в замок никто не мог войти.

— А выйти через этот проход можно? — спросил царь, лицо которого озарила надежда.

Юлия покачала головой:

— Нас быстро догонят. Кроме того, я не смогу снять с вас цепь. Но вы не отчаивайтесь, может, еще представится какой-нибудь шанс. Кнохт пока не хочет вашей смерти. Я знаю, что сначала вас похитили по просьбе Хадма. Маг будто бы оказал услугу своему приближенному. Но на самом деле вы нужны самому волшебнику. Если я узнаю что-нибудь еще, я постараюсь рассказать.

— Спасибо тебе, милая! — поблагодарил царь. — А почему ты сама не хочешь бежать?

— А мне некуда идти! — просто ответила девушка. — Родителей у меня нет, я жила у дяди. Дядя занимался торговлей, однажды мы пошли с караваном из Лахи в Хостинпур. Обычно туда ходили по морю, но дядя решил рискнуть, надеясь сэкономить. На нас напали страшные существа, наверное, это были пустынные колдуны. На моих глазах погибли дядя и многие другие. Не знаю, каким чудом мне удалось бежать, добраться до ручья в скалах и не погибнуть там. А потом меня нашли люди Кнохта и привели сюда.

— Так ты тоже пленница? — грустно спросил царь.

— Да, но со мной обращаются как со служанкой. А вы почему здесь? Почему Хадм вас так ненавидит?

Бальзам, наложенный девушкой, уже оказывал свое благотворное действие. Боль утихла, кожа, стертая кольцом цепи, затягивалась на глазах.

— Однажды я сам повелел схватить Хадма и бросить в тюрьму. Ему удалось бежать. Видишь ли, Юлия, Ахор, царем которого я был, некогда гордился своей воинской славой. Но те времена ушли, был заключен мир. Теперь мы не нападаем на соседние страны, но многие жители Ахора, наслушавшись рассказов своих дедов, хотят вновь превратить государство в орду грабителей. Из-за этого у нас часто возникают споры, но мне удавалось удерживать горячие головы, пока споры шли во дворце.

Хадм был простым солдатом, но не очень хорошим. Солдат должен уметь подчиняться, а Хадм не умел. Однажды, обидевшись на что-то, он убил начальника своей сотни и поднял бунт. К Хадму стали стекаться люди, в одной из провинций ему удалось собрать небольшую армию, которая начала с того, что стала грабить самих ахорцев. Я отправил войска, мы легко разметали сборище Хадма, а его самого упрятали в тюрьму. Был назначен день казни, но накануне ему удалось бежать. Я не знаю, как ему это удалось. Возможно, измена притаилась в моем дворце, ведь многие, хоть и не высказывали эти мысли очень громко, считали, что нам нужна война.

В день несостоявшейся казни я потерял сознание, а потом оказался здесь. Теперь благодаря твоему рассказу я понял, как это случилось. Первым, кого я здесь увидел, был Хадм.

Долгий рассказ утомил царя. Юлия тоже то-ропилась:

— Не падайте духом. Может быть, боги еще помогут нам! — сказала она на прощание, легко выскользнув из камеры и вновь запирая решетку.

Царь слабо помахал ей рукой.

— Я еще вернусь! — повторила она слова, которыми с узником попрощался Хадм. Но сейчас эти слова звучали для царя не зловещим обещанием, а сладкой музыкой.

В столицу Хостинпура съехались гости из

окрестных царств и княжеств. Улицы были украшены вымпелами и гирляндами цветов, опутывавшими квартал за кварталом. Нежный цветочный запах плыл над городом, наполняя головы сладким предчувствием счастья. Повсюду царило веселье. Народ с интересом встречал знатных гостей, прибывших из других государств, рассматривая богатые одежды, упряжь коней, украшенных к празднику, носилки сановников, слишком знатных, чтобы ходить пешком.

К празднику готовились и в царском дворце. Царь Падаси, принимая гостей, умело скрывал недомогание, хотя вынужден был ограничивать время общения с посланцами иных государств. Предлог у него для этого был — все понимали, что у царя много времени отнимает подготовка к женитьбе сына. На самом деле заботы об устройстве праздника взяла на себя Дурга, без усталости рассылавшая слуг и служанок. Царицу и саму видели то в кухнях, то в помещениях, где с утра до вечера трудились изготовители цветочных гирлянд, то в подвалах винодельни, то в мастерских, где работали ткачи и швеи.

Залы дворца сияли чистотой, стены — белизной и позолотой.

В день свадьбы Хостинпур проснулся рано. Вдоль улиц цитадели по дороге, ведущей от дворца к храму, выстроились гости, приготовившие цветы и рисовые зерна, чтобы осыпать ими молодую чету. По традиции, Ашура должен был прилюдно проехать к храму на своем коне, украшенном пышным султаном. Шитый золотом кафтан был перепоясан кушаком так туго, что принцу нелегко было дышать. На перевязи висел меч в красивых кожаных ножнах, испещренных символами защиты и благородства.

Принц, гарцуя на своем скакуне, приближался к храму, где его ждали Девдас, Падаси, Дурга и высшие чины хостинпурской иерархии. Дурга, не стирая с лица благосклонной улыбки, время от времени с беспокойством бросала взгляды на царя, но тот, выученный за долгие годы делать хорошее лицо при плохой игре даже в буквальном смысле, казался совершенно здоровым. Девдас, не одобрявший свадьбу, и тот сумел взять себя в руки, держал себя соответственно торжеству и намеревался выполнить обряд в полном соответствии с традицией.

Солнце стало припекать, но собравшихся вы-

ручил легкий ветерок, шедший со стороны реки. Он тихонько играл одеждами из ярких, но легких тканей, в которые нарядились царь и его приближенные. За принцем, отставая на два лошадиных корпуса, следовала его свита, товарищи по охотничьим и воинским забавам.

Среди почетных гостей Ашура увидел царя Ахора Джугу, который за два дня успел побывать в каждом закоулке цитадели. Джуга был едва ли старше принца, но хитрость и злость, запечатлевшиеся на лице, старили его, таясь в ранних поперечных морщинах, уже бороздивших лоб, в глубине темно-карих глаз, в недоброй усмешке, в которую часто растягивались тонкие губы, в превосходстве, с которым он смотрел на окружающих. Не нужно быть провидцем, чтобы понять — Джуга изучал крепость, в которую намеревался когда-нибудь войти не другом, но врагом. Падаси докладывали о каждом шаге Джуги, но царь Хостинпура не беспокоился, поскольку был уверен в непреступности цитадели.

Принц не спешил, считалось, что путь к храму должен быть пройден степенно. Невеста же совершала путь к храму самостоятельно и по другой дороге в сопровождении лишь ближайших подруг и служанок. Вдоль ее пути стояли воины, призванные охранять особу княжеской крови. Но в силу традиции считалось, что девушка может отказаться выходить замуж. Отсутствие толпы зрителей указывало на ее свободный выбор.

Когда Ашура оказался возле храма, его появление было встречено ликованием. Музыканты заиграли торжественный мотив. Замелькали кисти и пальцы музыкантов, игравших на барабанах, обтянутых кожей или пергаментом, зазвенели струны вин и саранги, флейты вели мелодию свадебного гимна. Принц легко соскочил с коня и преклонил колено перед родителями и верховным жрецом. До того как предстать перед их лицами с невестой, юноша должен был получить прилюдное благословение на брак.

Падаси, воздев руки, возложил их на голову принца и произнес освященную столетиями формулу:

— Сын мой, будь достойным мужем под защитой Идры и по моему благословию!

Царь, которого одолевала слабость, слегка покачнулся. Его незаметно поддержала Дурга,

шагнувшая вслед. Когда царь справился с приступом слабости, его жена также возложила руки на голову сына и произнесла те же слова, поцеловав Ашуру в лоб.

В это время с левой стороны к храму приближалась Девика. Теперь наступала ее очередь. Ашура должен был взять ее за руку и представить родителям. Девдас уже готовился ввести молодых в храм, но тут произошло неожиданное.

В цитадели, переполненной людьми, было много вооруженных воинов. Некоторые отряды несли охрану, другие готовились к праздничному шествию. Перемещения отрядов, происходившие за спинами гостей, не вызывали беспокойства, поскольку никто не ожидал, что в самом сердце Хостинпура, в городской цитадели, может произойти нечто, не предусмотренное обрядом.

Девика уже стояла в трех шагах от Ашуры, когда неожиданно из-за угла выскочили всадники, направившие коней прямо к ней. Первый всадник, оказавшийся рядом с невестой, наклонился, схватил ее одной рукой, перекинул через коня и помчался к северным воротам. Другой отряд воинов в таких же коричнево-серых одеждах уже был около ворот. Охрана ворот была смята в две секунды. Когда всадник, державший кричавшую Девиду, оказался возле ворот, путь уже был свободен.

Воины выскользнули за ворота и помчались прочь, увозя невесту принца в неизвестном направлении.

Что тут началось! Резко оборвалась музыка. Послышались вопли удивления и ужаса. Всадники внесли смятение среди тех, кто собрался в этот час перед храмом. Большинство бесполо-

во бросались из стороны в сторону, увеличивая сумятицу. Дамаянти бросилась спасать воспитанницу, но один из всадников хлестнул ее плеткой и пинком откинул в сторону. Зажимая рану на лице, она билась в слезах на мостовой, испуская душераздирающие крики.

Падаси, увидев происходящее, даже не сделал попытку предотвратить похищение. Решение праздновать свадьбу было продиктовано необходимостью, но беспокойство все же поселилось в душе после того, как Девдас рассказал о предсказании бахмачари. Царь был болен, и в момент, когда он понял, что все его планы пошли прахом, что вместо демонстрации процвета-

ния и мощи Хостинпура его страну покрыл позор, Падаси едва не потерял сознание, рухнув на вовремя подставленные руки Дурги.

Девдас упал на колени, закрыл лицо руками и раскачивался из стороны в сторону. Все его молитвы оказались напрасными, Идра не обратил на них милостивого взгляда.

Со злобной радостью за происходящим наблюдал молодой царь Ахора. Ноздри Джуги хищно раздувались, он неосознанно повторил движения всадников, поражавших своими длинными мечами стражников у входа. Казалось, Джуга сам был готов оказаться на их месте, чтобы унижить государство, которому вынуждена была покоряться его родина.

Одним из первых пришел в себя Дараям. Он быстро подвел коня Ашуры к его хозяину. Принц вскочил в седло, за ним в седла вскочили спешившиеся товарищи. С трудом пробравшись сквозь огромную толпу людей в цитадели и за ее стенами, они помчались по той же дороге, на которой так недавно повстречали бахмачари.

Дорога была пустынной, все, кто мог ходить и находился в этот день в столице, собрались у стен крепости. Принц и его товарищи были прекрасными наездниками, не раз выигрывавшими призы на скачках. Но, судя по всему, и похитители не были новичками в верховой езде. Даже пыль, поднятая копытами их коней, успела осесть, пока Ашура со спутниками пробивались сквозь толпу у стен крепости.

Через продолжительное время бешеной скачки принц увидел, что настигает растянувшийся отряд врагов. Однако он не был готов к тому, что произошло.

Последний из коричнево-серых всадников, слышавший топот коня принца, вдруг обернулся и, увидев, что погоня близка, вытащил из седельной сумки горсть семян. Повернувшись в седле, он бросил эту горсть чуть ли не в лицо Ашуре, и принц почувствовал, как жалящие иглы впились в его щеки. Он успел закрыть глаза, и странные длинные семена с острыми концами с обеих сторон впились в кожу.

Семена, встречая препятствие, разлетались на десятки таких же семян, вскоре они заполнили всю дорогу, превратившись в жалящее облако. Впиваясь в кожу, они причиняли боль не только людям, но и лошадям, лезли в глаза и уши. Конь принца закружился на месте, мотая головой, стараясь избавиться от незнакомой напасти.

Принц, стараясь удержать скакуна, увидел, что и его товарищи так же мучаются. Их кони, не обращая внимания на шпоры и удары плетей, смешались, образовав на дороге какой-то шевелящийся клубок. Ничто не могло спасти от жалящих семян.

Ашура в бессильной ярости закричал, но в этот момент семена исчезли, будто их никогда и не было. Также пропала боль, причиненная ими.

— Колдовство пропало! — прокричал поравнявшийся с принцем Дараям, давая шпоры своему коню.

Ашура, не задавая вопросов, вновь пустился в погоню, за ним поспешили и другие всадники.

Принц не знал, сколько времени прошло, когда он снова увидел впереди похитителей. И так же как в прошлый раз, слышав погоню, обернулся всадник, скакавший последним.

Дорогу в этом месте пересекал маленький ру-

чей, на который никто из похитителей не обратил внимания. Их кони легко перескакивали препятствие. Всадник вытащил из седельной сумы флягу, на скаку открыл ее и плеснул содержимое в ручей. Он едва и сам успел спастись, когда ручей вдруг резко разлился, омочив волной копыта его коня. Перед принцем мгновенно выросла широкая мутная река, которую конь не мог перескочить. Принц поднял коня на дыбы, ему показалось, что ручей стал не только шире, но и глубже, и, сделав конь еще шаг, принц окажется по горло в воде.

Товарищи принца последовали его примеру, остановившись у воды. Они с тоской в глазах проводили удиравших похитителей. Дараям, отставший от их группы, догнал их. Издалека увидев реку, он прокричал что-то, но Ашура не сумел разобрать слов. Дараям, в отличие от остальных, пришпорил лошадь, и всадники увидели, как он понесся прямо в воду. Но, странное дело, копыта его коня не проваливались вопреки ожиданиям, а отталкивались от воды, будто от земли. Поняв, что ручей — лишь мираж, Ашура последовал за Дараямом.

Когда они стали настигать похитителей опять, последний всадник выстроил еще одно препятствие. На этот раз из сумы был извлечен камень, который, ударившись о землю, превратился в огромную стену, сложенную из гигантских булыжников. Стена производила впечатление совершенно реальной. Меж булыжниками кое-где виднелась даже трава, уцепившаяся цепкими корнями за горстки земли. Увидев эту стену, можно было подумать, что она возведена столетия назад.

Дараям вновь попытался первым преодолеть препятствие, но его конь, испугавшись стены, поднялся на дыбы и сбросил всадника на землю. Догонявший его Ашура к тому времени успел на скаку вытащить меч и ослабить мешавший кушак. Теперь принц разматал кушак полностью и накинуд на глаза своего коня. Конь, не видя препятствия, легко пронесся сквозь стену, оказавшуюся таким же миражом, как прежде ручей. Принц, ожидавший ощутить хоть что-либо в момент прохождения стены, ничего не почувствовал. Обернувшись, он увидел, что его товарищи также успешно преодолевают препятствие. Странно было видеть, как прямо из камня появляются воины. Принц заметил

Дараяма, которому падение не причинило видимого вреда, и пустился догонять невесту.

Но ему не суждено было увидеть Девуку и наказать похитителей. Дорога круто поворачивала вправо. Сразу за поворотом принц увидел сотню шедших ему навстречу бахмачари. Все они были одеты в рваные одежды, все были на одно лицо. Ашура узнал сбитого им с ног старца. Все старики с точностью повторяли движения друг друга, шагая, будто кто-то невидимый задавал им ритм.

Разумом принц понимал, что перед ним видение, скорее всего, такое же эфемерное, как ручей и стена, но не мог преодолеть себя и проскакать сквозь толпу бахмачари. Вдали на дороге раздался хохот, это смеялись те, кто лишил его невесты.

Принц опустил голову. Соскочив с коня, он бросился в толпу бахмачари, сначала пытаясь обходить их, но потом понял, что, касаясь встречных старцев, просто рассекает воздух. Их лица ничего не выражали, старцы были призраками. Товарищи принца также соскочили с коней и повели их в поводу, пока не миновали призрачную группу.

Обернувшись, Ашура увидел, как бахмачари растаяли, будто фантомы. Дорога позади всадников была пуста. Принц вскочил на коня, но тот зашатался под его тяжестью. Принц едва успел соскочить, захрипевший конь мог бы уронить его на землю.

Принц посмотрел вокруг, желая выбрать самого сильного коня из оставшихся. Дараям подошел к нему:

— Принц, мы не настигнем их.

— Почему? — спросил Ашура. — Их кони тоже должны устать.

— Нет, — покачал головой Дараям. — Возможно, на их коней наложено магическое заклинание, увеличивающее их силу. Мы оставили на дороге уже не меньше семи коней, твой тоже не может продолжать скачку, но не увидел ни одного скакуна похитителей.

Ашура стоял, опустив глаза.

— Я должен спасти Девуку! — упрямо сказал он.

— Конечно, — согласился Дараям. — Но для этого надо узнать, где она, кто и зачем ее похитил, люди это или демоны. Если захочешь, мы вместе отправимся на поиски.

Принц, казалось, не слышал этих слов. Он подошел к одному из товарищей, державшему коня под уздцы. Тот без слов уступил скакуна принцу.

Ашура вскочил в седло и дал коню шпоры. Но едва оставшиеся всадники успели сесть в седла, как увидели, что у коня принца, успевшего ускакать весьма недалеко, подкосились ноги. Принц вылетел из седла и остался лежать на дороге.

Дараям подбежал и склонился над ним. Принц потерял сознание.

Тяжелые свинцовые тучи закрывали небо над Ахором, они грозили пролиться ливнем, но пока лишь набухали, словно бычьи пузыри, в ожидании минуты, когда их бока прорвутся и потоки воды устремятся на замерший в душном ожидании город.

Первый визирь, поджарый пожилой Шанги, сидел один в своем кабинете, пытаясь сосредоточиться на цифрах доклада, предоставленного накануне его посланцем. Доклад отражал положение дел в армии, которая подспудно и негласно создавалась на юге страны. На юге строились дороги, конюшни, военные склады, но все это приходилось маскировать под крестьянские постройки. Шанги давно занимался этими вопросами, стараясь все делать очень осторожно. Еще царь Баг Атем, неожиданно скончавшийся несколько месяцев назад, начал кропотливо готовиться к возможной войне. Он решился на это, идя на поводу у горячих голов, стремившихся к завоеваниям. Баг Атем не спешил, считая, что Ахору еще много лет нужно будет постепенно наращивать военную мощь. Вообще обходиться без войска было невозможно. В Оллии, граничившей с Ахором на юге, было неспокойно. Царю нужна была армия, чтобы в крайнем случае суметь защититься. Конечно, предполагалось, что защиту Ахора в случае нужды возьмет на себя Падаси с хостинпурской армией, но Баг Атем понимал, что тогда его царство превратится в арену борьбы между двумя соседними государствами, а значит, будет вытоптано и ограблено сразу двумя армиями.

Баг Атому удавалось сдерживать противоречивые устремления советников, но сейчас положение изменилось. Шанги, угадывая воин-

ственные настроения молодого Джуги, постарался представить дело так, что войско в достаточной мере подготовлено, однако нужно еще время на его обучение. Джуга разозлился и обрушил на лысеющую голову первого визиря поток ругательств, обвинив того в затягивании важнейшего дела. Второй визирь Магам частенько беседовал с царем наедине и, как докладывали шпионы первому визирю, вливал тому в уши сладкие сказки о военных победах.

Шанги оторвался от цифр, которые понравились бы молодому царю, но беспокоили самого старика. Армия росла так быстро, что скоро ее наличие невозможно будет скрывать. Значит, необходимо было думать об укреплении северных границ. А как их укрепишь, если крепости скрыты, если Хостинпур игнорирует то, что делается на юге Ахора, но зорко следит за своей южной границей!

С другой стороны, выхода не было. Государство полным ходом шло к войне. Если в Хостинпуре перестанут терпеть усиление Ахора, нужно ожидать прибытия вражеских войск. На кого тогда надеяться?

До Шанги дошли слухи, что Магам советовал царю отказаться от поклонения Идре и призвать на помощь демонов. Судя по всему, Джуга загорелся этой мыслью. В последний раз, когда царь посещал храм Идры, первый визирь обратил внимание на его вызывающее поведение. Но говорить что-либо царю по этому поводу не стал, поскольку не видел смысла. Сам же он считал эту мысль чрезвычайно опасной. Демоны имеют весьма самостоятельный характер и испытывают ненависть к людям независимо от их государственной принадлежности. Раксасу все равно, кого жрать, хостинпурца или ахорца, лишь бы принести побольше вреда людям. Магам не понимает, что творит!

Шанги подумал, что сейчас самое лучшее время, чтобы поговорить с ним начистоту. Царь отсутствует, значит, Магам не сможет пожаловаться Джуге сразу, и, может быть, первому визирю удастся переубедить неразумного сановника. Он поднялся, твердой, несмотря на возраст, походкой подошел к двери и кликнул слугу.

— Пригласи ко мне второго визиря!

Слуга поклонился и поспешил к покоям Магама.

В это время второй визирь удалился в самую дальнюю из своих комнат, запретив кому-либо из слуг его беспокоить. Комната была наполнена дымом из курильницы, в которую Магам бросал кусочки сухих корешков, сыпал истертые в порошок травы. Дым окутывал голову Магама, его толстое обрюзгшее лицо, жирные волосы, черную бороду, заплетенную в косицу.

В комнате стоял резкий запах, но Магам не обращал на это внимания. Он произносил заклинания, держа над курильницей блестящий металлический поднос. Второй визирь держал его под углом, так, чтобы дым, поднимаясь, касался поверхности подноса, но при этом можно было видеть саму поверхность.

Постепенно на полированной зеркальной поверхности подноса Магам увидел множество людей, храм Идры, у входа которого стояли царь Хостинпура и его приближенные. Магам чуть повернул поднос, чтобы изменить угол зрения. Среди людей он увидел царя Джугу, презрительно смотревшего в сторону Падаси. Лицо царя заслонило лошадиный бок. Приподняв поднос, Магам разглядел Ашуру, подъезжавшего к храму. Еще раз изменив угол зрения, визирь увидел и Девуку. Магам судорожно сглотнул, поняв, что девушка, однажды отвергшая его притязания, сейчас станет женой другого человека.

Магам больше не мог шептать заклинания. Не в силах справиться с собой, он зашептал:

— Ты умрешь, ты умрешь, ты умрешь...

Изображение начало таять, затягиваться серой дымкой. Визирь попытался взять себя в руки, снова зашептал слова заклинания, но в этот момент услышал, как его позвал слуга. От неожиданности Магам уронил поднос на курильницу и злобно обернулся.

Из соседней комнаты донесся голос:

— Ваша мудрость! Ваша мудрость! Вас желает видеть его мудрость Шанги!

Усилием воли Магам стер с лица злобную гримасу:

— Передай его мудрости, я прибуду сейчас же.

Слуга поспешно удалился.

Магам вернулся в комнату, где только что творил заклинания, и взял из шкатулок, стоящих на столе, крупные крупички вещества, напоминающего соль. Губы второго визиря складываются в ухмылку. Он видел достаточно, он видел

взгляды, которые Джуга бросал на хостинпурцев. Молодой царь не расстроится, если его слишком осторожный первый визирь освобождает свое место.

...Второй визирь находился в покоях Шанги всего несколько минут. Слуги были предупреждены, что разговору мешать не следует. Они стояли у входа в покои, ожидая, когда Шанги призовет их, когда услышали вопли Магама:

— Скорее, скорее! Первому визирю плохо!

Слуги, толкая друг друга, вбежали в комнату первого визиря и остановились, пораженные увиденным. Первый визирь, скрючившись, лежал на полу, а над его телом склонился Магам. Лицо второго визиря выражало скорбь.

Магам взглянул в стекленеющие глаза Шанги и прошептал:

— Ваше место теперь станет моим, ваша мудрость!

Но слова эти были произнесены так тихо, что никто из слуг их не услышал.

Вскоре по дворцу суетливо забегали слуги. Царские лекари, похватав свои склянки и инструменты, подобрав халаты, мчались в покои первого визиря. Магам в очередной раз рассказывал свою историю:

— Его мудрость отдавал мне свои распоряжения, как вдруг замолк, будто пронзенный стрелой, схватился за сердце и упал! Я бросился к нему, но было поздно. О, видно сердце этого великого человека не выдержало постоянной заботы о благе Ахора! Мы его потеряли! Нет больше величайшего из мудрецов, нет больше Шанги, он покинул нас!

Вопли Магама усиливались плачем и стенаниями слуг и лекарей. Когда в покои сбежалось три десятка человек, Магам решил, что его дело сделано. Рыдая, он покинул комнату и направился к себе. Шаги его были неверны, руками он прикрывал лицо, будто пытаясь унять рыдания, сотрясавшие тело.

В этот момент он почувствовал жжение под кольцом, украшавшем мизинец визиря. Магам резко ускорил шаги. Он получил вызов, которому обязан был подчиниться. Сборы были недолгими. Поручив заботы о похоронах Шанги другим визирям и слугам, Магам отправился в путь, сообщив, что обязан выполнить последние распоряжения почившего первого визиря.

Он отказался от сопровождения, сказав, что это путешествие будет недолгим и совершится без помпезности в знак скорби о потере, которую понес Ахор.

Магам был озабочен. Он боялся, что его внезапный отъезд дурно истолкуют, но не явиться к человеку, пославшему тайный знак, не мог. Иначе жжение, пока легко ощущавшееся под кольцом, охватит весь палец, затем кисть, всю руку целиком и визирь сгорит изнутри в жестоких мучениях, хотя ни один лекарь, ни один знахарь не сумеют определить, отчего же он умер. Снять кольцо тоже было невозможно. Некогда надетое в юные годы с его добровольного согласия, теперь оно делало Магама в определенном смысле рабом.

Визиря утешало только то, что этот вызов мог быть послан лишь в случае, когда можно было жертвовать всем ради того, что ожидало его впереди.

Магам лишь успел отправить гонцов к Джуге с сообщением о внезапной смерти первого визиря. Дорога вела его на юг, в дистрикты Олли, подступавшие вплотную к скалам.

Глава седьмая

Нерадостным было возвращение принца и его товарищей после погони, не увенчавшейся успехом. На без того смуглое лицо Ашурры, едва пришедшего в себя, легла черная тень. Глядя на него, можно было сразу понять, что принца постигло тяжкое горе, мрачные мысли наполнили голову.

Гости еще не разъезжались, как прежде наполняя дворец, только теперь предвкушение праздника сменилось тягостным ожиданием. Но далеко не все переживали за принца. Были и такие, кто ждал вестей со злорадством. Царь Ахора Джуга даже не скрывал этого, кривил рот в ухмылке, когда думал о горе, постигшем Хостинпур. Каждый удар по Хостинпуру был на руку Ахору, в этом Джуга был твердо убежден.

Когда дозорные на башнях завидели принца и Дараяма, они тут же сообщили об этом Дурге.

— Девки с ними нет? — спросила царица, хотя и сама знала ответ.

Воин, сообщивший новость, грустно покачал головой.

Дурга дождалась, когда сын показался у дворца, и спустилась к нему навстречу.

— Эти люди больше похожи на демонов, — сказал Дараям. — Мы почти настигли их, но они применили колдовство, которое не позволило продолжать погоню.

Дурга обняла сына.

— Что же теперь будет? — прошептала она. Этот вопрос выражал растерянность, которая овладела многими хостинпурцами.

Новость о возвращении принца быстро облетела дворец и город, и люди повторяли вслед за царицей: «Что же теперь будет?»

— Посоветуемся с Девдасом, — ответил Дараям.

Дараям оставил коней на попечение слуг и пошел к храму, вокруг которого, как и прежде, толпился народ. У храмовой арки, куда вход ему был заказан, он попросил одного из жрецов сообщить Девдасу о том, что они вернулись одни. Через некоторое время Девдас вышел, и вместе с учеником они зашагали в царский дворец.

Люди молча расступались перед ними. Девдас завел ученика в одну из комнат дворца, вышколенный слуга, находившийся там, тут же покинул помещение.

— Рассказывай! — распорядился верховный жрец.

Узнав о подробностях бешеной скачки, Девдас спросил:

— Как ты считаешь, это дело рук Черного Палача?

Дараям пожал плечами:

— Не мне судить об этом, учитель. Но то, что я знаю по вашим рассказам о Черном Палаче, вряд ли подтверждает это предположение. Палачу нужны людские жизни, но не одна, а тысячи. Ими он кормит своих демонов. Зачем ему одна Девика? Скорее, если бы Палач был в полной силе, он поубивал бы всех, кто собрался здесь.

— А если он не в полной силе? Если ему нужно время после столетий бездействия?

— Если он слаб, то как он может распоряжаться минимум отрядом всадников? Боюсь, что мы можем только гадать, кто отправил похитителей.

Девдас согласился:

— Да, только гадать. Может быть, это Джуга?

— Вряд ли. Если бы серо-коричневым всадникам не удалось схватить принцессу Девиду,

Джуга мог попасть в наши руки. Ведь здесь его сопровождает очень небольшое количество воинов, у него не было бы шанса спастись.

— Тогда кто?

— Учитель, об этом надо спрашивать не меня. Я могу сказать только то, что хозяин всадников, если у них есть хозяин, владеет магией. Благодаря магическим заклинаниям и веществам нас останавливали жалеющие семена, ручей превращался в широкую реку, дорогу преграждала стена. Я уверен, что и на коней похитителей было наложено заклинание, позволявшее им скакать без усталости.

— Это не самые сложные заклинания, — задумчиво проговорил верховный жрец. — В дни, когда я был молод, их умел накладывать любой опытный деревенский колдун. Эти колдуны могли ненадолго сотворить защиту от дождя, могли поставить стену у селения в случае необходимости, но так же на короткий срок, могли наказывать жалеющими семенами воришек, которые тогда еще не повывелись в Хостинпуре. После того как был восстановлен культ Идры, нам пришлось вести борьбу с этими колдунами. Все дело в том, что любое колдовство изменяет природу мира. Его проявление говорит о том, что человек в своих интересах пытается устроить свои дела и отказывается принять волю богов. Боги отворачиваются от таких людей. Зато к ним спешат демоны. На краткий отрезок времени можно получить то, что ты хочешь, но за это придется в будущем платить несчастьями. Человек, обращающийся к колдуну, сам выстраивает стену, отделяющую его от богов, от Идры в первую очередь.

— Учитель, ты хочешь сказать, что в Хостинпуре остались такие колдуны?

— Помимо Хостинпура, есть Ахор, за ним — Оллия. В Ахоре официально поклоняются Идре, но нельзя наверняка утверждать, что где-нибудь на их территории не находится человек, знакомый с магией. Тем более, трудно быть уверенным в отсутствии магов в Оллии.

— А бахмачари сумеет почувствовать магию на таком далеком расстоянии?

— Этого я не знаю, — признал Девдас. — Но мы должны спросить, если состояние здоровья позволит ему говорить. И еще один вопрос меня мучает — почему они украли Девиду?

— Это удар по Хостинпуру, — предположил Дараям. — Возможно, кто-то в Ахоре хотел пока-

зять, что настало время изменить положение, что Хостинпура уже не представляет грозной силы.

— Возможно. И тогда Джуга хотел просто своими глазами посмотреть на то, как осуществится его замысел...

— Или не его замысел?..

Ни Девдас, ни Дараям не знали ответа на эти вопросы, как не знали его и другие жители Хостинпура.

Завершив беседу, верховный жрец направил ученика к царю Падаси, поручив передать, что сам будет пытаться узнать что-либо у бахмачари.

Когда Девдас вошел в комнату, старец лежал на кровати, закрыв глаза. Его дыхание улавливалось едва заметно. Девдас присел у постели бахмачари. Он не хотел будить старика, но понимал, что иного выхода нет. Помочь Ашуре, спасти Хостинпура способен только этот святой, больше никто не мог указать направление поисков.

Верховный жрец положил ладонь на руку святого. Тот почувствовал прикосновение и начал говорить, не открывая глаз:

— Вижу скалы, вижу колдуна, творящего магию, это он велел похитить девушку.

— Где эти скалы? — поспешно спросил Девдас, не удивившись, что бахмачари уже знает о происшествии. Этим святым боги открывали многое из того, чего никогда не суждено было узнать обычным людям. — В Хозреме? В Ахоре? В Оллии? Еще южнее?

— Это земля рядом с Ахором и Оллией, туда ведет след колдовства. Вижу море, волны, камни. Колдун хочет забрать кровь девушки.

— Зачем? Когда? — сыпал вопросами Девдас.

— Как только в его руках будут трое, — ответил бахмачари.

— Я скажу Падаси, и мы пошлем войска! — воскликнул верховный жрец. — Воины перевернут все скалы на границе Ахора и Оллии...

— Нет, — слабо возразил бахмачари. — Скалы воздвигнуты Идрой, их не перевернуть людям. Войска не помогут найти девушку. Я вижу будущее, я вижу рядом с ней ее мужа и человека, который должен был стать жрецом...

Бахмачари замолчал и открыл глаза. Девдас потряс его за руку:

— Учитель, скажите что-нибудь еще! Мужем Девики должен стать Ашура. Человек, который должен стать жрецом, — Дараям. Они должны ехать на поиски?

— Я больше ничего не смог разглядеть, — прошептал бахмачари. — Чувствую только, что кровь девушки нужна Черному Палачу.

— Так все же это он подослал похитителей? — воскликнул Девдас.

— Нет, — ответил бахмачари. — Он еще спит. Но кровь нужна ему. Не спрашивай меня больше ни о чем, я устал и не знаю ответов на твои вопросы. Все, что угодно было Идре, я тебе сказал.

Царство Оллия раскинулось на равнинах между Ахором и пустынными землями, от которых его отделяла тихоструйная Ганга, берега которой со стороны царства были покрыты высокими лесами, а со стороны пустыни были песчаными. Некогда и Хостинпура, и Ахор, и Оллия, и земли, ныне покрытые песком, а тогда наполненные жизнью, и даже южный прибрежный Лахи принадлежали одной великой империи, но эти времена давно канули в прошлое. Уже тысячи лет в столицах государств правили свои царственные династии. Если Ахор и Хостинпура постоянно то сражались друг с другом, то мирились, были связаны дорогами и торговлей, Оллия находилась в стороне от их общения. Оллия на протяжении многих лет сохраняла покой, но он был очень хрупким и мог в любой момент перейти в войну. Чего стоило, например, поддерживать хоть какой-то порядок на северо-востоке государства, где в лесах издавна поселилось многочисленное племя женщин-воительниц, называвшее себя ганги по имени реки, от берегов которой они находились довольно далеко. Считалось, что ганги появились от тех немногих женщин, которые смогли избежать когтей и зубов злобного демона Сангаджа. В племени существовала легенда, рассказывающая о чудесном спасении. Когда несколькими женщинам удалось переправиться через тихую Гангу, Сангадж гнался за ними. Демон хотел перепрыгнуть реку и настичь беглянок, но женщины, упав на колени, воззвали к богам о спасении. И боги услышали их, тихоструйная Ганга забурилась и вдруг будто поднялась на дыбы, из волн вырос сияющий воин с копьем, устремленным прямо в грудь злобного демона. Сангадж отказался от схватки, отпрыгнул от реки и ускакал в свои владения, а река вновь вошла в свои берега. Тогда спасенные женщины стали называть себя гангами в честь чудесного спасе-

ния от страшной гибели. Так ли было на самом деле, никто не знал. Но за племенем воительниц осталось это название.

Женщины не избегали общения с оллийскими мужчинами, иногда они совершали набеги на селения, лежащие неподалеку, хотя до любого из них добираться нужно было не менее трех дней, а то и больше. Ганги не терпели сопротивления, жестоко расправляясь с теми, кто мог его оказывать. Если встречи проходили мирно и требования лесных воительниц удовлетворялись без споров, жители селения оставались живы. Если же оказывалось сопротивление, то ганги старались сохранить в живых только самых сильных, самых ловких противников. И то на время.

После того как воительницы проводили ночь с оллийскими мужчинами, племя ганг пополнялось. Девочек воспитывали они сами, мальчиков подбрасывали в те же селения, где жили их отцы.

Много раз правители Оллии пытались уничтожить это племя, воспринимая его как нарыв на теле государства, но их усилия не увенчались успехом. Женщины чувствовали себя в густых лесах дома, условия войны на деревьях им были привычны, и отряды царей Оллии только теряли своих воинов.

Но сейчас не ганги представляли главную опасность для Оллии. Страна находилась в состоянии гражданской войны. После смерти царя Пала престол унаследовал его сын Синта, но брат умершего царя Банга не пожелал подчиниться племяннику. И в день, когда в славном Хостинпуре должна была состояться свадьба Ашуры и Девики, в столице Оллии происходило другое торжество.

На огромной утоптанной площади перед царским дворцом был воздвигнут алтарь с изображением скалящихся демонов. Банга одержал победу в кровопролитной схватке с войсками молодого царя и теперь намеревался водрузить на себя корону. Синту же ждал огонь жертвенного костра.

Не прошло и года после смерти Пала, как Банга, удалившийся из столицы в свои владения, собрал в них всех мужчин, способных носить оружие, и двинул войско на столичный город. Синта не ожидал измены и не был готов к войне. Его военачальники, служившие еще Палу, знали Бангу как смелого и опытного во-

ина, и некоторые из них подумали, что он будет не худшим царем. В царской армии начался разброд. Основная часть войска готова была защищать законного владыку, но были и те, кто не хотел терять жизнь в этой битве, не видя для себя разницы в том, кто будет царствовать в Оллии.

Синта не сумел выиграть сражения, среди его военачальников нашлись предатели, которые, подстроив ловушку царю, привели его прямо в руки Банги.

Тем, кто это сделал, уже пришлось горько пожалеть о своем поступке. Ведь никто из них не догадывался, что Банга служит темным демонам, а не светлым богам. Демоны же нуждаются в одном приношении — в человеческих жизнях. Казни начались сразу после того, как Банга стал хозяином царского дворца. Немало придворных, служивших Синте, уже пролили свою кровь на камни темниц, куда они были отправлены. Погибли и многие из предателей, выдавших Синту.

Весть о казнях быстро разнеслась по Оллии, люди стали бояться за свои жизни. Они поняли, что царством завладел злой человек. В селениях страны стали возводиться алтари, посвященные демонам. Такой алтарь был возведен на главной площади столицы.

Первой жертвой, которую Банга хотел принести на нем, должен был стать свергнутый царь Синта, до той поры сидевший на цепи в темнице.

...Сквозь узкое окошко Синта видел кусок ласкового голубого неба, молодой царь слышал звуки труб, сзывавшие народ на площадь. Тяжелая дверь отворилась, и в темницу вошли стражник и слуга, который должен был спилить оковы.

— Что там происходит? — спросил Синта.

Стражник отвел глаза, слуга ответил:

— Готовятся к коронации нового царя.

— Значит, я уже не царь Оллии? — грустно улыбнулся Синта.

Стражник кашлянул и, переглянувшись со слугой, опустил на корточки и зашептал:

— Вас хотят казнить. Банга велел поставить алтарь для демонов, и первым на нем должны погибнуть вы. Но вы должны знать, что не все люди в Оллии хотят служить Банге.

Слуга тем временем снял оковы с царя. Стражник продолжал:

— Мне велено связать вас, но смотрите, узел

будет простым. Старайтесь идти так, чтобы веревка, на которой вас поведут, провисала, потому что стоит потянуть за нее, узел развяжется!

Синта оживился и внимательно посмотрел на стражника:

— Спасибо, друг! — сказал он.

— Рано благодарить, — возразил стражник, достал из складок одежды кинжал в кожаных ножнах и протянул царю.

Трубы на площади издали резкий звук.

— Пора! Да поможет вам Идра!

Народ, собравшийся на площади, встретил царя скорбным молчанием. На балконе дворца, выходящем на площадь, был установлен трон, на котором восседал Банга. Глядя в молчаливую толпу оллийцев, он тихо сказал:

— Ничего, я еще услышу ваши крики, когда вы сами будете корчиться в жертвенных кострах.

Советник, слышавший эти слова, испуганно побледнел. Только страх за свою жизнь

заставлял его служить узурпатору.

Повинуясь знаку, поданному Бангой, вперед выступил один из придворных. Зычным голосом он прокричал:

— Жители славной Оллии! Сейчас произойдет предначертанное событие! Милостивый Банга будет коронован, а нечестивый Синта, обманом занимавший трон, простится со своей никчемной жизнью! Ликуйте, жители Оллии!

Тяжелое молчание висело над площадью. Но Банга не отступал от принятого решения. Он сошел с трона, к нему приблизился советник с короной в руках. Банга наклонил голову, и советник поднял дрожащие руки.

— Не урони корону, дурак! — злобно про-

шептал Банга, но это только еще больше испугало советника. Золотой обруч едва не выскользнул из его пальцев.

Банга резко наклонился, чтобы головой поймать корону, если она упадет, и это спасло его от неминуемой гибели. Длинная стрела пронеслась над его головой и вонзилась в горло одного из придворных, немедленно рухнувшего на камни балкона. Вторая стрела вонзилась в руку советника, и золотой обруч, и без того слабо удерживаемый, коснулся головы Банги, но, не удержавшись на ней, упал и со звоном покатился к краю балкона.

Ни один из приближенных Банги не бросился за короной, все стремились спасти свои жизни, кинувшись в спасительные покои царского

дворца. Сам Банга упал на камни, прикрывая руками голову. При этом он яростно кричал:

— Я царь Оллии! Корона коснулась моей головы! Скорее зажигайте костер!

Но костер не пылал. Царь Синта был возведен

на алтарь, однако воин, державший факел в руке, не спешил зажечь костер.

— Скорее, царь! — услышал Синта голос из толпы. Он отпрыгнул в сторону, отчего натянулась и развязалась веревка, которой царь был связан.

Воплем ликования ответили на это жители Оллии, стоявшие на площади. Воины, окружавшие костер, были растеряны, но, повинуясь грозному окрику своего начальника, они направили копья на толпу. Увидев, что царь спрыгнул с алтаря, воин, державший факел, поднес его к дровам, и на алтаре запылал костер, скрывший от глаз Банги то, что происходило на площади.

Синта, оттолкнув двух копейщиков, стоявших к нему спиной, быстрее оленя понесся через расступавшуюся толпу. Люди, мимо которых он пробежал, хлопали в ладоши и улыбались. Кто-то из воинов попытался преследовать его, но был смят людьми, желавшими спасти молодого царя.

Там, где начинались дома горожан, Синту ждали два воина с оседланными лошадьми. Завидев бегущего юношу, они вскочили в седла. Синта, подбежав к ним, вскочил на выносливого серого конька, и отряд помчался по городским улицам прочь из столицы.

Банга, потрясая кулаками, смотрел с балкона на то, как отправленные им воины теснят разбегавшуюся толпу, и думал о страшной мести, которой он намеревался отплатить жителям Олли. Неожиданно перстень на его мизинце будто бы стал нагреваться. Почувствовав жжение, Банга понял, что ему придется оставить страну.

Жизненные силы Баг Атема таяли с каждым часом. Бальзам, наложенный Юлией, оказывал благотворное действие, но ненадолго. Даже язва, натертая железным кольцом на ноге, заживленная было волшебным снадобьем, снова открылась, стоило сделать несколько шагов.

Сырой воздух подземелья был слишком тяжелым для дыхания. У Баг Атема начался кашель, приходивший изматывающими приступами. Когда он болезненно сжимался от кашля, разрывавшего грудь, ему казалось, что конец близок.

Кашель утихал, и обессилевший Баг Атем проваливался в дремоту. В этом состоянии ему казалось, что в углах темной камеры появляются тени демонов, тянущих когтистые лапы к царю. Он вскрикивал, открывал глаза, до боли всматривался в темноту, но это не помогало. Когда Баг Атем смотрел в один угол, тени таились в другом, стоило перевести взгляд, таинственным образом перемещались и тени.

Царь пробовал молиться, призывая Идру и других богов себе на помощь, просил утешения, но молитва не шла, разум затуманивался, в голове появлялись картины прошлой жизни царя. Вспоминались люди, которые потеряли жизни по царскому приказу. Тогда, когда осуществлялись казни, хоть и не так уж

много их было в царствование Баг Атема, царю казалось, что его приговоры были оправданны. Жизни теряли преступники, сами убивавшие людей. Сейчас Баг Атем начинал задумываться о том, что толкало людей на преступления. Ему пришла в голову мысль, что ни один человек, в том числе и царь, не вправе отнимать жизни у другого. Хотя бы потому, что положение может измениться, боги перевернут песочные часы, и тот, кто осуждал, сам станет осужденным, а тот, кто казнил, сам будет казнен.

Царь не знал, много ли времени прошло, пока он боролся со сном и слабостью, когда слышались легкие шаги. Стены коридора за дверной решеткой закачались в желтом свете факела.

Чем ближе был источник света, тем сильнее болели глаза Баг Атема. Наконец, когда человек, несущий факел, оказался у решетки, свет стал совершенно невыносим, будто кто-то полоснул острым лезвием по глазам узника.

Со звоном открылся замок, царь узнал вошедшую девушку по шагам.

— Это ты, Юлия?

— Да, я вновь смогла вас навестить.

Царь облегченно вздохнул, но тут же схватился за грудь, разрываемую очередным приступом кашля. Юлия укрепила факел во вмурованном в стену кольце, к которому крепились цепь, державшая царя. Девушка присела рядом с мучившимся узником, положила руку на его спутанные седые волосы, и царю показалось, что это прикосновение уже само по себе несет исцеление.

Приступ кашля затих. Девушка протянула царю небольшой кувшинчик:

— Выпейте это! Отвар поддержит ваши силы.

— Юлия, я не знаю, как благодарить тебя за заботу, — сказал царь. Девушка пыталась перебить его, но Баг Атем остановил ее. — Ты подвергаешь опасности свою жизнь ради моей, а мне моя жизнь уже не нужна. Конечно, страшно погибнуть, будучи съеденным крысами в этой темнице, но я уже готов перенести любые муки, лишь бы скорее прекратить земное существование. Не возражай мне, я знаю, что говорю. Я слаб, и эта болезнь уже не пройдет. Твои бальзамы и мази делают свое дело, но они лишь продлевают мои муки. Мне трудно

это говорить, но я хочу, чтобы ты больше не приходила.

Царю было очень тяжело произносить эти слова, он боялся не увидеть больше девушку, благодаря заботам которой еще оставался жить. Но он знал, что долго не продержится, и не хотел, чтобы добрая красавица пострадала ради него.

По лицу царя полились слезы, Юлия вытирала их своими ладонями и не хотела оставить старика.

— Я же не смогу спокойно жить во дворце, зная, что вы умираете в темнице, — ответила Юлия и сама заплакала.

Баг Атем хотел прогнать девушку, но не мог найти сил, чтобы сделать это. Он позволил себе еще несколько минут насладиться последней человеческой лаской.

Голос, прозвучавший за решеткой, заставил их обоих вздрогнуть:

— Так, так, так! Какая умилительная сцена!

Кнохт отворил решетку и вошел в темницу.

— Я сам чуть не расплакался, глядя на вас! — заявил хозяин замка, но глаза его были при этом холодны. Алмазы, украшавшие ножны кинжалов, и медальон, висевший на шее колдуна, зловеще сверкнули в свете факела.

Юлия испуганно вскочила и отбежала в угол, оттуда глядя на низенького человека в черной одежде. Баг Атем спросил:

— Зачем ты пришел, мучитель?

Кнохт рассмеялся:

— Представь себе, чтобы облегчить твои страдания! По крайней мере, на время.

— Ты хочешь отпустить меня? — спросил Баг Атем, сам не веря этому.

Колдун закивал головой:

— В каком-то смысле да, но не сразу! — он растянул губы в улыбке. — Сначала вашему величеству нужно набраться сил. Не так ли? Будет обидно, если ты отдашь концы до того, как я... отпущу тебя.

Баг Атем чувствовал подвох в словах колдуна и молчал, ожидая продолжения.

— Но сначала я бы хотел разобраться с изменой в моем замке! — заявил Кнохт и посмотрел в угол, где стояла Юлия. — Девчонка, спасенная мною от смерти, так ты отвечаешь на мою доброту? Разве я велел тебе приходиться в темницу? Может, ты останешься здесь, прикован-

ная к сырой стене, раз сама решила прийти сюда?

— Сжальтесь, господин, — прошептала Юлия.

— А почему я должен сжалиться? — спросил Кнохт. — Если я решил держать своего врага в темнице, то мои слуги не должны облегчать его страдания. Не так ли?

— Возьми лучше мою жизнь, колдун! — обратился к нему Баг Атем, надеявшийся отвести гнев волшебника от девушки.

— Хорошо-хорошо, как скажешь! — паясничая, обернулся к нему Кнохт.

— Я тебя не понимаю, — сказал Баг Атем.

— Что тут непонятно? — всплеснул руками Кнохт. — Моя служанка, девчонка, спасенная мной, позволяет себе нарушать мои распоряжения!

— Господин, вы не приказывали мне не помогать узнику, — робко возразила Юлия.

— Я не приказывал помогать ему! — оборвал ее волшебник. — За такую самостоятельность я могу тебя жестоко наказать! Хочешь превратиться в лягушку?

— Нет, господин, — прошептала девушка.

— А почему? Будешь квакать, весело скакать по коридорам... Нет, лучше я превращу тебя в змею!

Юлия упала на колени перед колдуном. Тот продолжал:

— Ой, нет! У меня есть идея получше! Я превращу тебя в крысу! Представляешь, твой старый друг останется гнить здесь и тут же поселишься ты. Сначала он будет гладить тебя и жалеть, а ты будешь жалеть его, совсем как тогда, когда я застал вас. А потом ты захочешь жрать!

— Сжальтесь, господин!

— Ты захочешь жрать и сожрешь своего друга! Вот потеха!

Кнохт схватился своими короткими ручками за колымавший от смеха живот. Юлия стояла на коленях, опустив голову, Баг Атем молча наблюдал за колдуном. Отсмеявшись, тот снова принял серьезный вид:

— Ладно, я еще раз докажу свою доброту! Девчонка, теперь я приказываю тебе ухаживать за нашим гостем. Его переведут в комнату с мягкой постелью, его будут кормить, чтобы он не помер какое-то время, до того как... до того, как его отпустят. Правда, чтобы он не ушел раньше времени, у дверей комнаты будет поставлена

стража. Тебе, девчонка, вменяется в обязанность холить старика. Если он умрет, я действительно превращу тебя в крысу!

— Спасибо, господин! — отозвалась Юлия.

— Так я остаюсь пленником? — спросил Баг Атем.

— Только на время, только на время, — почти пропел Кнохт. — И потом, не стоит огорчаться! Разве не приятно поменять тонкий грязный тюфяк на теплую постель, сырость подземелья на огонь в камине, темницу на приличную комнату? Надо быть благодарным судьбе!

Кнохт наставительно покачал толстым пальчиком перед лицом Баг Атема.

— Мне хотелось бы умереть дома, — проговорил Баг Атем.

— А мне хотелось бы стать господином вселенной! — отозвался колдун. — Но не все наши желания исполняются сразу! Давай будем проявлять терпение, без сомнения, это величайшая добродетель!

Кнохт высунулся в коридор и позвал стражников.

Вскоре Баг Атема, освободив от оков, перенесли в светлую комнату. Царь был так слаб, что не мог двигаться сам. От света, проникавшего в комнату через окно, у него болели глаза, и Юлия занавесила окно плотной шторой. Выглянув из окна, девушка поняла, что оно находится на большой высоте над морем. Внизу волны с ревом разбивались о скалы.

Возле дверей были поставлены стражники, без слов позволявшие девушке входить и выходить. Но Баг Атему выход был запрещен, царь оставался пленником, и только условия его содержания изменились.

Глава восьмая

Гости, надеявшиеся погулять на свадьбе принца Хостинпура, начали разъезжаться. Иные из них отпраивались по своим владениям тихо, понимая, что царской чете сейчас трудно будет смотреть людям в глаза. Падаси слег, и это не вызвало удивления, слишком велик был удар, нанесенный ему.

Наконец среди пришедших попрощаться оказался и Джуга, не скрывавший радости от того, что враждебное государство погрузилось

в траур. Падаси встретил его полулежа в постели, укрытый малиновым покрывалом с золотым шитьем.

— Позволь высказать сочувствие твоему великому горю, государь! — поклонился Джуга. — Поистине, в славный Хостинпур пришла беда, от которой он вряд ли оправится!

— Добрый сосед не станет надеяться на это! — сердито ответил Падаси. — Случались такие беды и в древности, но сильные государства, которыми управляли настоящие воины, переживали их и только укрепляли свою славу!

— Мы все молим Идру об этом, — согласился Джуга, хотя выражение его лица говорило об обратном. — Я думаю, все же в таком положении даже сильное государство нуждается в добрых союзниках! Как знать, откуда может прийти беда!

Падаси понимал, что молодой царь Ахора хочет извлечь для себя выгоду из ситуации, в которой оказался Хостинпур. Он промолчал, ожидая продолжения. Джуга, не дождавшись реакции царя, присел без приглашения на кресло, стоявшее возле постели, развалился в нем с удобством, закинув ногу на ногу. Всем своим видом он показывал, что в эту минуту не Падаси ему, а он может ставить условия хостинпурскому царю.

— Ты болен, царь! — твердо сказал Джуга. — Твой сын сейчас не сможет взять на себя бразды правления, мало кто склонит голову перед человеком, позволившим увезти свою невесту прямо со свадьбы.

Даже сквозь сумрак, постепенно окутавший комнату, было видно, как гневно исказилось лицо Падаси.

— Царь, давай посмотрим на вещи в их истинном свете! — горячо проговорил Джуга. — Мы знаем, что Хостинпур — богатая страна и у тебя есть сильная армия. Но эту армию, в случае необходимости, некому будет вести.

— У меня есть военачальники! — ответил Падаси.

— Ни один из них не сравнится с тобой! — возразил Джуга.

— Но я еще жив!

— Пусть Идра продлит твои годы! — поспешно сказал Джуга. — Но пойми и меня, я беспокоюсь об Ахоре. Хостинпур запрещает мне строить крепости на границе, запрещает иметь большую

армию. Мой сильный народ, народ воинов, превращается в землепашцев.

— Ахор это заслужил! — твердо сказал Падаси.

— Может быть, — согласился Джуга. — Но это было давно. Давай посмотрим на то, что есть сейчас! Хостинпур силен, в этом никто не сомневается, но силу некому возглавить. Кулак без головы может принести много бед, но вряд ли принесет пользу. Что ты будешь делать, если на тебя нападут враги?

— Воины Хостинпура способны заставить каждого врага пожалеть о том, что он не удержал меч в ножнах!

Падаси тяготил этот разговор. Он прекрасно понимал, что Джуга ведет себя как враг. Царю были известны взгляды и намерения соседа, но он не мог не признать его правоту хотя бы только для себя. Эти вопросы тревожили и самого Падаси, он пока не знал ответов на них и надеялся только на милость богов.

— Падаси, это слова смелого воина, но не царя! Ты же понимаешь, что в моих словах — истина, — Джуга наклонился к постели Падаси. — Хорошо, допустим, Хостинпур сможет защитить свои земли. А мои?

— А на тебя кто-то нападает? — усмехнулся Падаси.

Джуга нарочито заботливо поправил покрывало, которым был укрыт царь, и, когда тот недовольно поморщился, вновь откинулся на кресле:

— Пока нет, но я не могу удовлетворяться нынешним призрачным спокойствием. Я могу допустить, что некое государство, желая испытать твою крепость, сначала нападет на меня. Кто-нибудь может возжелать просто прощупать ситуацию и начнет с Ахора. Почему бы и нет? Я сам бы так и сделал на месте, скажем, царя Олли.

— С царем Олли нас связывает дружеский договор, — сказал Падаси, хотя для него не было секретом, что любой договор хорош только тогда, когда он поддержан мечами.

— А с каким именно царем? С Синтой, не так ли? Но там уже правит его дядя — царь Банга. Синта еще жив, но долго ли он будет жить, мне не известно. Наверняка Банга поспешит избавиться от племянничка.

Эти сведения были уже известны Падаси.

— Синта будет казнен, Банга утвердится на

троне и может воспользоваться благоприятным моментом, — с напором сказал Джуга. — Почему бы ему не напасть на меня?

— Он знает, что на защиту Ахора встанет Хостинпур, — сказал Падаси.

— И две армии столкнутся на моей территории! — зло засмеялся юноша. — Не проще ли мне будет самому отразить удары Банги? Мне нужна армия, способная хотя бы сдержать удар, если он последует, и дожидаться воинов Хостинпура. Позволь мне начать вооружать своих людей!

— Нет! — твердо сказал Падаси и даже в темноте увидел, как злобно сверкнули глаза молодого царя.

— Хорошо, государь, — поднялся Джуга. — Я тебя предупредил о том, что может вскоре последовать. Если Ахор и Хостинпур постигнут беды, вина за это падет на твою голову!

Джуга быстрым шагом вышел из комнаты. Пройдя в отведенные ему покои, он приказал седлать лошадей и выехал в путь, не дожидаясь утра.

Падаси не пришлось отдохнуть, хотя царь нуждался в целительном отдыхе. К нему вошел Девдас, слуги зажгли свечи и удалились.

— Девдас, мы можем ожидать восстания Ахора, — тихо сказал Падаси верховному жрецу.

— Я слышал последние слова вашего разговора, — ответил Девдас. — Джуга так орал, что трудно было его не слышать. Но ведь мы не можем сейчас помешать ему?

— Нет, — покачал головой Падаси. — Завтра я отдам распоряжение укреплять границы, усилить посты. Но не это сейчас меня тревожит больше всего. Ты не знаешь, кто похитил Деввику?

Верховный жрец понимал, что каждое его слово только усиливает муки царя, но не мог ничего поделать. В комнату вошла Дурга, простившаяся с последними гостями. Она села в головах у царя и слушала жреца, поглаживая волосы Падаси.

Девдас пересказал разговор с бахмачари. Оставалось много неясного в словах святого старца, но приходилось полагаться на то, что было известно.

— Позовите Ашуру! — приказал царь.

— Он целый день провел в седле и очень измучился! — Дурга вступила на защиту сына. — Может быть, принц спит, ему нужно отдохнуть.

— Ты плохо думаешь о нашем сыне, — сказал Падаси. — Он не может спать, потеряв невесту.

Дурга вышла из покоев царя и отправила слугу за принцем. Через несколько минут Ашура вошел в царские покои. Действительно, несмотря на усталость, сон не шел к юноше. Темные круги залегли у него под глазами, лицо приняло серый оттенок, но он готовился к дальнему походу. По приказу принца его товарищи также готовились утром отправиться в путь, чистили и проверяли оружие, собирали в дорогу вещи.

Слова Девдаса о том, что он должен отправиться на поиски только в сопровождении Дараяма, не обескуражили принца. Он без возражений принял волю, высказанную бахмачари, и даже обрадовался, что стало известно, по крайней мере, направление поисков.

Дараям же за несколько дней, проведенных с принцем, стал очень близок к нему, и Ашура был рад, что именно ученик жреца станет его спутником. На рассвете они должны были покинуть крепость.

Первым в замок на скалах прибыл Магам. По мере приближения к замку жжение под кольцом становилось все слабее.

Кнохт, наблюдая за гостем в свое зеркало, отражавшее происходящее в пещере, ведущей из леса в замок, побеспокоился о том, чтобы существо, обитающее в пещере, не повредило гостю. Однако заставить существо молчать Кнохт не торопился, и потому подпрыгивания испуганного Магама, слышавшего зловещий рык пещерного жителя, доставили хозяину замка немало веселых минут.

— Достопочтенный второй визирь, благодарю тебя за то, что ты любезно принял мое приглашение! — провозгласил Кнохт, когда его гость наконец явился.

— Я уже стал бы первым визирем, если б ты не вызвал меня сюда, — проворчал Магам. — Сейчас в Ахор вернется Джуга, а меня нет. Как я буду ему объяснять свое отсутствие? А что касается любезного предложения, так я не хотел остаться без мизинца.

— А что с Шанги? — спросил Кнохт.

Магам закатил глаза и помахал руками, изображая то ли птичку, то ли отлетающую душу.

— Ай, молодец! — захлопал в ладоши Кнохт. —

Я никогда не сомневался в твоих способностях! Ничего, покажешь Джуге пару фокусов, и он решит, что умнее тебя в Ахоре нет человека, и заметь, это будет совершенно справедливо!

Кнохт наставительно поднял вверх указательный палец.

— Ничего, ты правильно сделал, что поспешил на вызов, — успокоил он Магама. — У меня есть чем вас порадовать, только дождемся Банги.

— Он тоже спешит сюда? Ты собрал всех нас?

— А как же! — воскликнул Кнохт. — Но пока он спешит, пройди в комнату, приготовленную для тебя. Да, тебе надо помыться с дороги.

Он хлопнул в ладоши, вызывая молчаливого низенького слугу, который пригласил Магама следовать за собой. Хозяин замка вернулся к зеркалу в ожидании третьего колдуна.

Поверхность зеркала, отражавшая темные стены пещеры, покрылась туманом. Кнохт понял, что в пещере находится кто-то, кто не желает, чтобы его видели. Он узнал стиль своего давнего товарища.

Не успела отвориться дверь, которая отделяла внутренние помещения замка от пещеры, как хозяин принялся весело кричать:

— Я чуть было не спустил на тебя своего подвального монстрика, старина Банга! Добрые люди не ходят так, как ты!

— Не люблю, когда за мной подсматривают, — проворчал Банга, входя в замок. — Я знал, что ты придержишь свою собачку, поскольку ожидаешь меня.

Кнохт покачал головой:

— Видали, он не любит, когда его рассматривают! А еще особа царских кровей, принц...

— Великий царь Олли!

— Ого! — удивился Кнохт и согнул спину в шутовом поклоне. — Добро пожаловать, ваше величество, в сей недостойный замок. Визит ваш — праздник для нас, сирых...

— Не паясничай! — прервал его Банга. — Царь-то я царь, но Синта еще жив. Ускользнул, паршивец, прямо из рук! Надо найти и прикончить.

— Отличная идея! — пропел Кнохт. — Представь себе, для того я тебя и позвал.

— Прикончить Синту? — воскликнул гость.

— Найти и прикончить, — уточнил Кнохт. — Отдыхай пока, пообедаем вместе, я все расскажу.

Слуга проводил Бангу в комнату, отведен-

ную царственной особе. Впрочем, здесь, в скалистом замке, титулы гостей не играли большой роли. И первый визирь, и царь должны были подчиняться хозяину замка Кнохту, ибо на это подчинение согласились они много лет назад, когда Кнохт выбрал их мальчишками и предложил научить великому мастерству магии. Обучение часто велось в тайне и кружило головы мальчишкам, вдруг получившим возможность управлять людьми и животными, творить то, что обычному человеку не под силу. Они вступили в Орден Луны, который возрождал Кнохт.

Колдуны Луны, по рассказам Кнохта, были некогда одним из самых сильных магических орденов, существовавших на территориях нынешнего Хостинпура, Ахора, Лахи, Хозрема, Оллиии, пустынных земель. Их могущество простиралось далеко, но погибло вместе с господством демонов. И все же остались крупицы знаний, которые посвященные подбирали, изучали, развивали.

Одним из таких людей был Кнохт, в свое время пришедший в скалистый замок юнцом и ставший в итоге его хозяином. Кнохта не устраивала работа в одиночку. В своих мечтах он видел себя главой могущественной организации, в которую входили бы колдуны, добившиеся больших успехов на ниве магии или политики, а то и во всех областях. Возрождение Ордена Луны стало целью жизни Кнохта, этому он посвящал все свое время. Роясь в древних манускриптах, оставленных прежними владельцами скалистого замка, Кнохт обнаружил описание того, как был побежден великий маг прежних времен Вала, прозванный людьми Черным Палачом. Кнохт потратил годы на раскрытие тайны его освобождения и сейчас был близок к тому, чтобы поиски дали, наконец, нужный результат. Колдун рассчитывал на большую награду от великого мага, надеялся с его помощью стать, может быть, даже правителем мира. Для этого нужны были помощники, и у него оказались под рукой Магам и Банга. Случай дал ему власть над пустынным колдуном Хуллой, доставшим волшебный перстень. Оставалось предпринять последние усилия.

— Сейчас я расскажу вам древнюю историю, — сказал Кнохт, когда, насытившись плотным

ужином, первый визирь Ахора и царь Оллиии откинулись на своих креслах.

Разговор происходил в центральном зале замка, стены и пол которого были украшены коврами. Хозяин и гости восседали за огромным столом, где некогда принимали пищу колдуны Ордена Луны. В открытые окна, вырубленные в скале, влетал морской соленый ветер, вдыхая который, маги дышали полной грудью.

— Никогда не было на свете магов сильнее, чем маги Ордена Луны, — начал Кнохт свой рассказ. — Они не трубили о своей принадлежности к Ордену, но можно было быть уверенным в том, что любой маг, который способен на нечто большее, чем призывать дождь и заклинать тучи, носил на мизинце такое кольцо, какие есть у вас. Правил Орденем великий Вала, которому подвластны были тайны неба и земли, который мог управлять демонами по своему разумению, а не просто открывать пути на землю раксасам, как умеем пока мы.

Люди прозвали Валу Черным Палачом, но это прозвище неверно. Вала не был кровожаден, просто его искусство должно было подпитываться людскими жизнями, иначе демоны не служили бы ему. Как собака будет служить хозяину, кормящему ее мясом, так демоны служили Вале, а он кормил их, убивая людей. Но людей много, царства не скудели от того, что малая толика жителей служила пищей демонам. Вы понимаете меня, друзья мои. Любое знание, тем более тайное, требует жертв.

Однажды, когда Вала выпустил в мир слишком много демонов, люди восстали. Глупцы, в битвах с магами Ордена Луны они потеряли гораздо больше, чем могли бы потерять, спокойно отдавая на заклятие некоторых из своей среды.

В то время люди возненавидели тайное знание и сами приняли решение отказаться от него. Они забыли, сколько раз это знание выручало их. Люди решили, что Идра возьмет на себя все их горести, сами повыгнали колдунов из селений, сами отказались от знания. Была война, Орден Луны во главе с Валой сопротивлялся, демоны выступали на его стороне, и не вмешайся Идра, Вала сумел бы вразумить глупцов. Но боги не любят, когда кто-то идет наперекор их воле. Идра, которому угодны яблочки и цветочки, ненавидел демонов, питав-

шихся человеческими жизнями. Вала оказался лишен своей силы и заточен.

Кнохт замолчал, переводя дыхание. Он не спеша нацедил вина в свой кубок. Магам, ожидавший продолжения истории, спросил:

– Ты хотел сказать, убит?

– Нет, – хитро улыбнулся Кнохт. – Им не под силу было лишиться его жизни, слишком много нитей связывало его с более сильными существами. Они заточили великого мага в перстень. Их было трое, тех, кто своей кровью скрепил заточение. В глубине одного перстня, что выглядит на первый взгляд обычной стекляшкой, можно разглядеть три пурпурных капли. Это кровь тех, кто принял участие в пленении главы Ордена Луны.

– Кто это был? – спросил Банга.

– Цари Олли и Ахора и князь Хозрема. Они отдали по капле своей крови, которая теперь будто магнитом держит Валу в перстне, не давая ему вырваться на свободу. Но мы можем помочь ему...

– Этот перстень у тебя? – Банга, судорожно сглотнув, вытянул длинную шею.

Кнохт не спеша достал перстень из складок одежды и положил его на стол перед своими гостями. Магам протянул было руку, но испуганно ее отдернул, не рискуя прикоснуться к украшению, ставшему тюрьмой для великого мага.

Банга был не столь пуглив, он повертел перстень в пальцах, внимательно всмотрелся в камень, стараясь разглядеть капли крови:

– А ты уверен, что Вала может вернуться к жизни? И что это именно тот перстень, который нам нужен?

– И что он не убьет нас самих, как только мы его освободим? – подхватил Магам.

– Тихо, тихо! – остановил поток вопросов Кнохт. – Вала жив, и мы можем его освободить, правда, для этого нужно выполнить несколько условий. Не думаю, что он убьет нас, он был главой Ордена Луны, а мы – члены этого Ордена. Я с удовольствием уступлю ему первенство. Если Вала прежде имел помощников, то они потребуются ему и сейчас.

Магам, осененный внезапной мыслью, вдруг приложил ладонь к губам:

– А сейчас великий Вала нас слышит?

– Думаю, да! – серьезно сказал Кнохт, чтобы избежать дискуссий с трусоватым Магамом.

– Что нам нужно сделать? Полить перстень своей кровью? – спросил Банга.

Кнохт всплеснул руками, выражая восхищение догадливостью колдуна.

– Почти так, – пояснил он. – Только не своей кровью нужно его поливать. Понимаете, те капли крови, что есть в перстне, будто магнит держат Валу. Чтобы его освободить, нужен более мощный магнит. Но им может стать только та же кровь, что его заперла.

– Но ведь эти люди давно умерли! – воскликнул Магам.

– Да, – согласился Кнохт, – но их кровь пропала ли с ними? У них были дети, у детей свои дети...

Банга побледнел, но пересилил себя:

– Ты хочешь сказать, что нам нужно пролить на перстень кровь князя Хозрема и царей Олли и Ахора?

– Да! – согласился Кнохт. – Именно так! Только князя Хозрема больше нет, осталась его дочь, принцесса Девика, и ее уже везут сюда!

– Но Девика вышла замуж! – воскликнул Магам.

– Не успела! – хихикнул Кнохт.

– Остаются цари Ахора и Олли, – сказал оллиийский колдун.

– Царь Ахора у нас тоже есть! – торжествующе заявил хозяин замка.

– Как, Джуга здесь? – спросил удивленный Банга.

– Нет, здесь Баг Атем.

Приезжие колдуны едва сдержали удивленные возгласы.

– Он мешал Хадму. Вы же помните этого ахорского воина, который служит мне? И мы нашли возможность переместить этого царя из дворца в Ахоре в подвал скалистого замка. Нужен только царь Олли. Что скажешь, Банга?

Колдун вытер выступивший на лбу пот:

– Ты хочешь убить меня?

– Ну что ты! Ты нам нужен! Стоило мне тратить силы на твоё обучение, если б я собрался пролить твою кровь!

Помедлив, Банга вновь уселся.

– Я привезу вам Синту! – сказал он. – Вала вновь выйдет на свободу.

Еще затемно Ашура и Дараям выехали из цитадели. Не перебросившись и десятком

слов, они миновали место, где колдовство похитителей в первый раз остановило погоню. Время перевалило за полдень, солнце пекло, но привычные к испытаниям юноши не оставались. Изредка какой-нибудь крестьянин, разогнув спину и вытерев пот со лба, провожал их взглядом. Вечером, когда сгустились тени, всадники решили сделать остановку. Нужно было дать отдых коням, которым предстоял еще не близкий путь, да и самим им отдохнуть не мешало.

Подъехав к деревьям, возле которых журчал ручеек, они расседлали лошадей и, стреножив, пустили их пастись. Сами же, расстелив плотные покрывала, расположились на земле.

Принц собрался укрыться свободным концом покрывала, но Дараям остановил его:

— Ашура, ты целый день не ел. Воину не годится наедаться перед битвой, но путь еще не близкий. Мне бы не хотелось, чтоб ты встретился с врагами, качаясь от голода.

Принц улыбнулся в ответ.

— Прости, но я не хотел останавливаться в селениях, а сейчас у нас есть только фрукты, холодное мясо и хлеб. Будем ужинать?

— Конечно! — Дараям ненадолго отлучился и вернулся с охапкой хвороста.

— Зачем тебе хворост? — спросил принц. — Ты взял огниво и трут?

— Нет, это ни к чему, — ответил Дараям. Он присел на корточки, собрал горсть сухой травы и прикрыл ее ладонями. Затем закрыл глаза и вполголоса запел.

Принц с любопытством наблюдал за товарищем. Ученик жреца резко оборвал песню, хлопнул ладонями по траве и резко приподнял руки. Под его ладонями забился маленький яркий огонек, от которого зашлась сухая трава. Пока она не успела прогореть, Дараям стал подкладывать сухие веточки, и вскоре на месте стоянки горел костер.

Ученик жреца извлек из запылившейся дорожной сумы небольшой котел, наполнил водой из ручья и повесил его над костром.

— Я не знал, что жрецы умеют так делать, — сказал принц.

— А жрецы и не умеют так делать, — ответил Дараям. — Я подумал, что раз уж Идре было угодно отлучить меня от служения ему на какой-то срок, значит, я могу использовать те зна-

ния, которые приобрел еще до того, как прийти в храм к Девдасу.

Говоря эти слова, Дараям вытащил из сумы рис и специи, острый запах которых распространился над местом стоянки еще до того, как они были положены в котел.

Вскоре в котелке бурлило сытное варево, которым Дараям собирался накормить принца.

— До того как стать учеником Девдаса, я был учеником деревенского колдуна, — начал рассказывать Дараям. — Я жил в селении почти на границе с Ахором. Родителей своих я не помню, сельчане говорили, что отец был охотником и погиб в схватке с тигром-людоедом. А мама умерла от горя. Меня взял на воспитание деревенский колдун.

— Разве в Хостинпуре остались колдуны? — удивился принц.

— Ну как тебе сказать... Сейчас, наверное, уже нет. Но тогда один колдун был жив, это точно, ведь он меня и растил.

— Почему тебя не привезли ко двору? Если селение не могло тебя кормить и воспитывать, нужно было привезти тебя в столицу. Ведь всегда так и делается!

— Обычно так. Но сельчане вполне могли меня содержать, то есть меня кормил и обучал колдун. Видишь ли, умение колдовать имеет и свои оборотные стороны. Например, если колдун умирает, не воспитав ученика, не передав свои знания, то смерть его мучительна и, говорят, после смерти он не может обрести покой.

— Выходит, все колдуны имеют учеников?

— Нет, что ты! Колдуны берегут свои знания и делятся ими неохотно. А кроме того, умение изменять реальность дает им иллюзию власти. Им часто кажется, что они смогут поспорить и со смертью. Но мой колдун был не таким. Этого умного человека сельчане берегли, потому он по-прежнему жил и колдовал потихоньку, когда об этом люди сильно просили. Сельчане берегли эту тайну, и потому колдуна никто не трогал...

— Он умер?

Дараям пожал плечами.

— Я не знаю. Падаси и Девдас боролись с оставшимися колдунами и, вероятно, правильно делали. Человек, а колдун все-таки человек, не всегда может определить границу дозволенно-

го. В общем, однажды пришли солдаты и отняли у меня учителя.

— Они убили его? — нерешительно спросил Ашура.

— Его заперли на ночь в хижине, чтобы поутру вести в столицу, а утром хижина была пуста.

— Может, он сбежал? Воины плохо охраняли выход?

— Воины охраняли хорошо, да я и сам сидел всю ночь на улице возле дверей и плакал. Я бы увидел, если бы учитель как-то выбрался. В общем, он просто растворился в воздухе, как соль растворяется в воде. Больше я его никогда не видел. Воины отвели меня в крепость, а Девдас взял в ученики.

Дараям рассказывал о своей потере просто, но Ашура с болью выслушал эту историю. Сам испытал горечь потери, он с сочувствием отнесся к рассказу товарища.

— Ты скучал по своему учителю? — спросил принц.

— Сначала — да, очень. А потом успокоился. Я же понимаю, что колдунам не место ни в Хостинпуре, ни в мире вообще... Правда, я рад, что мой учитель не погиб тогда. Я не знаю, что с ним, но хочется надеяться, что он все еще жив и что с ним все хорошо.

Дараям замолчал. Ашура, видя, что эти воспоминания немного расстроили товарища, какое-то время удерживал любопытство. Тем временем ужин был готов. Над котлом витал такой пряный запах, что Ашура, вроде бы не испытывавший приступа голода, почувствовал, что рот его наполнился слюной. Принц и Дараям принялись за еду, запивая рис водой из ручья.

Когда котел опустел, Дараям вымыл его в ручье и вновь убрал в суму. Костер догорел. Пока Ашура рубил ветви с ближайших деревьев, Дараям освободил место кострища от углей. Ветви были положены на горячую землю и покрыты плотными покрывалами. Теперь юношам не грозила ночная прохлада.

Уже улегшись, Ашура продолжил разговор:

— И многому ли научил тебя твой колдун?

— Нет, не очень. Деревенские колдуны многого не умеют и сами. Да и чему можно научить пятилетнего мальчишку! Он просто заменил мне родителей, кормил, одевал, приучал к домашнему труду, ну и чуть-чуть колдовать обучил.

— А как Девдас относится к твоим умениям?

— Наверное, он верит в меня, если сделал своим учеником. Он не запрещал мне колдовать, а просто рассказывал, почему этого не надо делать.

— А почему? — встрепенулся Ашура.

— Я же говорил тебе, принц, изменение реальности ведет к большим соблазнам. Думаю, Девдас уверен, что я могу контролировать себя и свои желания.

— А сам Девдас умеет колдовать? — не мог успокоиться принц. — А бахмачари умеют?

— Ни разу не видел, чтобы Девдас колдовал, — ответил Дараям, укладываясь. — А бахмачари не колдуют, им боги дают их удивительные умения. Давай спать, принц, радостного утра тебе!

Утром, умывшись, юноши отправились дальше. Ближе к вечеру они подъехали к границе с Ахором, на которой их остановили хостинпурские воины, стерегущие дорогу. Узнав принца, начальник стражи предложил ему ночлег и ужин. Выспавшись, они простились с гостеприимным начальником пограничной стражи и въехали в Ахор.

Глава девятая

Не успели прозвучать последние слова Банги, обещавшего привезти Синту, как хозяин замка услышал безмолвный призыв отправленного им за принцессой Хадма.

— Ага, похоже, у нашего дорогого Баг Атема появилась компания! — захихикал Кнохт, потирая толстые ладошки. Он так обрадовался, что не заметил, как побледнел Магам.

— Наверное, нам не надо пока встречаться с принцессой? — спросил Банга.

— Конечно, нет! — замахал руками Кнохт. — Идите отдыхайте.

Банга и Магам вышли из зала и отправились в свои комнаты. Но визирь Ахора не вошел в отведенные ему покои. Дождавшись, когда за Бангой закроется дверь, он быстро посеменил обратно. Магам пересек пустой зал и направился в сторону комнаты, служившей своеобразной прихожей. Голоса, звучавшие там, он услышал издали.

— Нас чуть не остановили эти лесные фурии ганги! — говорил Хадм. — Благо, твои заклинания помогают без сучка и задоринки, все стрелы

пролетели мимо и в погоню за нами лесные де-
вы не пустились.

— Все хорошо, что хорошо кончается, Хадм, —
протянул Кнохт. — А твоя миссия закончена,
бери девочку и пойдем со мной.

Магам едва успел спрятаться за портьерой,
когда мимо него прошествовал Кнохт, а за ним,
широко шагая, прошел Хадм, несший на плече
Девуку. Руки и ноги принцессы беспомощно
свисали с широкого плеча воина.

Следуя за хозяином замка и его слугой, Магам
добрался до коридора, в котором располагались
комнаты, предназначенные для пленников.
Возле одной из дверей на страже стоял воин,
Магам понял, что именно там содержится Баг
Атем. В соседнюю комнату Хадм внес спящую
принцессу. Магам, узнав все, что ему нужно,
быстро удалился, никем не замеченный.

В своей комнате он еле дождался вечера, за
ужином почти не принимал участия в разгово-
ре, налегая на вино и пьянея на глазах. Банга
презрительно косился на него, а Кнохт, словно
добрый дядюшка, приговаривал:

— Пей-пей, Магамчик, нам предстоят труд-
ные дела, поэтому сейчас-то можно отдохнуть!

Вскоре визирь, сославшись на усталость,
отправился в свою комнату. При этом он стар-
ательно изображал из себя пьяного, на самом
же деле был абсолютно трезв. Заблаговремен-
но принятые снадобья помогли пить без ме-
ры и при этом оставаться в здравом уме. Ухо-
дя, он услышал, как Банга сказал, обращаясь к
Кнохту:

— Он так набрался, что раньше завтрашнего
полудня не встанет!

Часа два Магам выжидал, ворочаясь на своей
кровати. Когда он поднялся, вся постель была
сбита, будто на ней резвились десяток марты-
шек, но колдун не утруждался приведением ее в
порядок. Он подошел к зеркалу, отражение,
увиденное в лунном свете, лившемся в комнату
из окна, вполне удовлетворило его. Магам по-
правил свою заплетенную в косицу бороду, при-
гладил волосы, также заплетенные на затылке в
косу, и двинулся к двери.

Он шел по темным коридорам замка, почти
вплотную прижимаясь к каменным стенам.
Отойдя от своей комнаты десятка на два ша-
гов, он почувствовал, как липкий страх впол-
зает в душу. Кожу покрыв выступивший хо-

лодный пот, но колдун заставлял себя двигать-
ся все дальше. Он сам не смог бы объяснить,
чего боялся.

Стук сердца усилился, когда колдун достиг
нужного коридора, освещенного факелом,
воткнутым в стену. Магам постоял, стараясь
унять предательскую дрожь. Когда ему уда-
лось более или менее справиться с собой, он
энергичным шагом вошел в коридор. Видя
смело шагающего колдуна, стражник, сонно
привалившийся к стене у двери в комнату Баг
Атема, выпрямился, но не стал поднимать
тревогу. Он знал приказ хозяина не впускать в
комнаты никого, но приближавшийся колдун
пока не изъявлял желания общаться с плен-
никами.

Магам остановился в трех шагах от стражни-
ка, сверлившего его глазами. Ловким, почти
неуловимым движением он вытащил из скла-
док одежды нечто, зажатое в кулак. Стражник
установился на руку колдуна. Тот разжал кулак,
и стражник увидел на ладони легкое малень-
кое облачко, будто кусочек тумана. Заподоз-
рив неладное, он захотел было поднять шум,
но не успел. Магам дунул на облачко, и оно,
повинуясь воздушному потоку, быстро проле-
тело расстояние от ладони до лица стражника.
Почти против воли стражник вдохнул в себя
этот кусочек тумана и тут же словно окаменел.
Со стороны казалось, что воин, выполняя
приказ, строго охраняет свой пост, но, при-
глядевшись, можно было понять, что этот
стражник не реагирует на то, что происходит
вокруг.

Девика, очевидно, не приходившая в созна-
ние с того момента, как оказалась в замке,
спала, мирно посапывая. Колдун присел на
край кровати и начал гладить ее волосы и ли-
цо, любясь юной красотой принцессы. Де-
вушка открыла глаза и увидела склонившегося
над ней колдуна. Некоторое время она не мог-
ла понять, что с ней происходит, но вдруг ужас
отразился в ее глазах. Принцесса хотела
вскрикнуть, но Магам зажал ей ладонью рот.
Девика попыталась высвободиться, но тело,
еще не освободившееся от колдовского сна,
плохо слушалось ее.

— Не кричи, принцесса! — зашептал Магам. —
Тебя могут услышать стражники, и нам обоим
придется плохо! Я пришел спасти тебя!

Смысл сказанных слов с трудом доходил до сознания возмущенной девушки, и она успела крепко сжать зубы, прикусив кожу на ладони колдуна. Он отдернул ладонь и затряс ею в воздухе, продолжая увещания:

– Тихо-тихо, ты все погубишь!

– Так это ты отправил воинов, которые похитили меня! – девушка крикнула не так громко, как намеревалась, поскольку постепенно осознала то, что говорил ей дерзкий колдун.

– Нет! Я же говорю, тебя похитил могущественный колдун. Он прикажет убить тебя, а я хочу помочь моей принцессе! Любовь к тебе помогла мне проникнуть в этот замок. Я смогу тебя выручить, если ты согласишься стать моей!

Магам выжидательно посмотрел в лицо Девике. Та старалась оттянуть время.

– О чем ты говоришь? Зачем какому-то колдуну убивать меня?

Опуская подробности, Магам рассказал ей о планах Кнохта.

– Почему я должна верить тебе? – спросила она, когда колдун закончил рассказ.

– Ты можешь мне не верить, но потом, когда ты окажешься связанной и над тобой будет занесен нож, не раскаешься ли ты в своем неверии? Девика, краса моя, у тебя нет выхода. Либо ты принимаешь мое предложение и мы пытаемся бежать отсюда, либо тебя ждет гибель!

Девика молчала, по испуганному тону, когда речь шла о Кнохте, девушка поняла, что колдун ей не врет. Но согласиться стать женой этого человека принцесса не могла. Все в нем вызывало отвращение: свисающий жирный живот, сальные волосы и борода, заплетенные в косы, круглые большие глаза навывкате, в которых отражались то страх, то похоть...

– Сначала помоги мне выбраться, а там посмотрим, смогу ли я стать твоей, – предложила она.

– Ну, нет! – резко возразил Магам. – Я не хочу рисковать жизнью, не зная, что получу в случае удачи. Ты уже однажды отказала мне, кто даст гарантию, что не откажешь еще раз?

Девика покачала головой:

– Я не могу выйти за тебя, я должна стать женой принца Ашуры!

Магам усмехнулся:

– Тогда, может быть, ты позовешь Ашуру и он поможет тебе вырваться?

– Я уверена, что он уже ищет меня.

Магам не стал возражать:

– Конечно, ищет! Только вопрос, найдет ли! Думаешь, Кнохт не обезопасил свой замок от незваных гостей?

Девушка промолчала.

– Решай скорее, действие сна, который я наслал на стражника, скоро кончится! – поторопил ее колдун.

Девика опустила голову. Решив, что она просто стесняется произнести слова согласия, сам не веря своему счастью, Магам взял ее голову в свои ладони, приподнял и, дрожа от возбуждения, вознамерился поцеловать алые губки. Но Девика, почувствовав мерзкий запах пота, шедший от колдуна, не смогла противостоять чувству отвращения и резко оттолкнула от себя Магама так, что тот чуть не упал с кровати, на которой сидел рядом с принцессой.

Оскорбленный колдун поднялся:

– Ты вновь отказала мне! – сказал он сурово.

– Один раз я простил тебя и даже готов был рисковать жизнью ради твоего спасения. Но теперь ты будешь жестоко наказана!

Он вновь достал из-за пазухи кусочек тумана и, дунув, усыпил девушку.

– Проснувшись через час, ты даже не вспомнишь о моем визите, – шепнул колдун, уходя.

До полудня Ашура и его спутник успели проделать половину пути через Ахор. После того как встречный крестьянин, погонявший волов, тащивших телегу с горшками, узрев всадников, загнал волов прямо в грязную канаву, отчего телега накренилась и горшки полетели в черную жижу, принц, обращаясь к Дараяму, заметил:

– Похоже, воинов в этой стране не очень-то любят.

– Здесь боятся вооруженных людей, – ответил тот. – Люди не знают, чего от нас ждать. По дорогам Ахора еще бродят шайки тех, кто не сложил оружие. Баг Атем умирал разбойников, желавших развязать войну с Хостинпуром, но не слишком успешно делал это. А Джуга, похоже, наоборот, будет заигрывать с ними, собирая под свои знамена.

– Но если люди шарахаются от нас в сторону, значит, они не хотят войны? – спросил Ашура.

— А кто ее может хотеть, кроме воинов, царей и оружейников?

Почувствовав в словах Дараяма укол в свой адрес, принц на некоторое время замолчал. Не прошло и часа, как впереди на дороге показалась группа всадников. Их было человек десять, хорошо вооруженных мечами и короткими копьями мужчин на сытых гладких лошадях. Всадники заняли всю дорогу и явно не намеревались пропускать хостинпурцев.

Подскакав к ним, Ашура и Дараям были вынуждены осадить своих коней.

— Дозор его светоносного величества Джуги! — крикнул им один из всадников, одетый побогаче, чем остальные. — Кто вы такие и куда направляетесь?

Всадник держался уверенно, по голосу было ясно, что он привык командовать.

— Проверка пограничных постов! — поспешил крикнуть в ответ Дараям.

Ашура удивленно взглянул на него, но всадники, услышав ответ, тронули своих лошадей, давая дорогу. Их начальник не спешил поверить на слово:

— Кем посланы? Куда конкретно?

Принц и Дараям уже проезжали мимо, и Ашура не удержался:

— Я сам себя посылаю в дорогу туда, куда хочу! С каких пор хостинпурские воины должны давать отчет своим действиям ахорцам?

Услышав эти слова, всадники загалдели и выхватили мечи!

— Вперед! — крикнул Дараям, но сам повернул коня так, чтобы задержать воинов и дать возможность Ашуре оторваться.

Принц же, увидев это, тоже схватился за меч.

— Девика! — крикнул ему Дараям.

Это слово заставило Ашуру вспомнить о цели путешествия, он пришпорил коня, ухватившись рукой за узду лошади своего товарища. Та послушалась и, развернувшись, тронулась. Через минуту хостинпурцы гнали коней по дороге, спасаясь от орущих воинов Ахора.

Они не смогли бы спастись, если бы не умения Дараяма. Ученик жреца, отправившись в это путешествие, решил, что бахмачари Шиа не зря указал на него. Он позволил себе вспомнить те умения, которые когда-то в детские годы приобрел. Нужно было лишь чуть-чуть оторваться от нагонявших всадни-

ков. Когда ему это удалось, он достал из седельной сумы камень и бросил его на дорогу. В этом месте тут же выросла стена, заведя которую, ахорцы осадили своих лошадей. Воины не знали, что стена была лишь миражом. Ашура, переставший слышать крики за спиной, обернулся. Он узнал колдовство, которое остановило его самого, когда похитители увозили его невесту.

Но медлить было нельзя. В сторону от дороги уходила тропинка. Ашура свернул на нее, Дараям последовал за ним.

Вскоре тропинка привела их в лесную чащу, где и пропала. Благо, деревья здесь росли не так густо, чтоб невозможно было двигаться вместе с лошадьми. Юноши поняли, что спаслись от погони.

Они шли около двух часов, когда принц предложил вернуться на дорогу.

— Это вряд ли разумно, — возразил Дараям. — Наверняка ахорцы уже проскакали вперед и сообщили о двух хостинпурских всадниках. Нам не дадут продолжать путь. Придется идти лесом.

— Но мы теряем время!

— Хорошо ли будет выиграть время, но потерять в лучшем случае свободу, а в худшем — жизнь?

Возразить что-либо было трудно. Будто помогая всадникам, лес стал реже. Они поняли, что вступили в ахорский сосняк. Кое-где в этих местах встречались сосновые леса. Идти по ним было легко, стволы вековых сосен стояли на большом расстоянии друг от друга. Здесь легко дышалось, а ноги легко пружинили на мягкой подушке из сухих иголок. Но в этих лесах было заметно темнее, кроны сосен высоко вверх разрастались и почти закрывали небо.

В лесных сумерках юноши поднялись на холм, а когда оказались на вершине, перед их глазами открылась удивительная картина. Внизу начинались дремучие заросли, но на самой границе сосняка среди стволов виднелись серые развалины величественных зданий.

— О, Идра! Что это? — воскликнул пораженный Ашура.

Дараям внимательно смотрел на огромные камни, воздвигнутые, казалось, не людьми, а древними богами.

— Это один из храмов великой империи, — наконец ответил он.

— Как? — переспросил Ашура. — Эти строения существовали еще до Хостинпура? И до появления Великой Пустыни?

— Возможно, — кивнул Дараям. — Посмотрим, не дремлют ли в них забытые боги.

Ашура боязливо покосился на товарища. Готовый сразиться с сотней вооруженных до зубов воинов, он опасался навлечь на себя немилость прежних божеств.

Юноши спустились и прошли вдоль строений, поставленных из камней, каждый из которых был выше человеческого роста. По-видимому, они набрали на остатки здания, занимавшего площадь, сравнимую с площадью хостинпурской крепости. Ашура с удивлением озирался по сторонам, доверив Дараяму идти первым. При этом принц не испытывал страха, едва оказавшись рядом с развалинами, он ощутил, как невиданный покой воцарился в его душе. Казалось, в этом месте можно было не бояться вообще ничего.

Дараям шел к алтарю. Постамент возвышался в центре периметра. Но он был пуст.

— Мы, наверное, никогда не узнаем, что за божество здесь восседало, — проговорил Дараям.

— И что с ним стало?

— Трудно сказать. Некоторые считают, что в момент гибели империи боги поднялись со своих мест. Может быть, и тот, кто сидел здесь, принимая подношения и прислушиваясь к людским просьбам, поднялся на грозную битву. Теперь он где-то рядом с Идрой.

Дараям подошел к самому алтарю. В каменной глыбе видно было углубление, в которое, по-видимому, складывались дары. Юноша увидел в этой нише камешек, напоминавший по форме глаз. Он взял его и потер, очищая от пыли. Камешек, вопреки ожиданиям, не рассыпался в его руках, засверкал мягким желто-зеленым светом. Увидев в камне маленькое высверленное отверстие, Дараям обрадовался. Ашура, следивший за действиями товарища, заинтересованно спросил:

— Что ты нашел?

— Это один из амулетов, по преданиям, подаренный Идрой людям еще до великой битвы. Их мало, этих амулетов, они путешествуют по миру, попадая в руки тех, кому необходимы. Я встречал их описания в книгах Девдаса.

— И что дают эти амулеты? Счастье? Удачу? Богатство?

— Нет, — остановил принца Дараям. — Эти амулеты сейчас почти нигде использовать.

— Тогда зачем он тебе?

Дараям помолчал, а потом произнес:

— А ты не думаешь, что все происшедшее с нами случилось не зря? Шиа не знал, что именно случится, но был уверен в том, что сопровождать тебя должен был именно я. Причем один. Смотри, если бы нас был целый отряд, мы вряд ли прорвались бы через Ахор.

Дараям вытащил из сумки тонкий кожаный ремешок и продел в отверстие амулета. Завязав узел, повесил амулет себе на шею.

— Не обижайся, принц, что не даю амулет тебе, — сказал он. — Его должен носить тот, кому он попался в руки. Все равно служить будет нам обоим.

— А хозяин этого храма не обидится на нас? — спросил Ашура.

— Нет, принц. Это добрый бог, разве ты не чувствуешь?

Юноши решили заночевать прямо на территории храма, только отошли подальше от алтаря и устроились возле стены, защищавшей их от ветерка. На следующий день они надеялись добраться до Оллии.

Утро принесло отрезвление. Открыв глаза, Магам с ужасом вспомнил свой ночной поход к Девике. Ему вдруг представилось, что Кнохт узнал о визите к девушке, о его нелепых обещаниях разрушить планы мага, и Магам похолодел от ужаса. А что, если сейчас его ждет суровое наказание?

Плеснув водой в лицо, Магам вышел из комнаты и дрожа направился в зал, где уже был накрыт завтрак.

Кнохт и Банга сидели за столом.

— О, смотри-ка! Магам совсем как живой! — захихикал Кнохт. — Головка не болит?

Магам перевел дух. Кажется, его вчерашняя игра оказалась удачной, хозяин замка и Банга поверили в то, что он был пьян. Колдун помотал головой, изображая, что отгоняет утреннее похмелье.

— Садись-садись, Магамчик! — Кнохт пригласил его к столу. — Вот, Банга уже отправляется в путь. А ты останешься со мной? А то я могу тебе предоставить краткосрочный отпуск, только очень краткосрочный, на пару дней. Мы тут вечером поколдовали и выяс-

нили, что Синта находится неподалеку. Может, хочешь помочь его изловить?

— Сам обойдусь! — сурово сказал Банга. — Мой племянник — это мое дело!

— Кто ж против! — воскликнул Кнохт. — Тогда мы с Магамчиком пока здесь тебя подождем.

Магам подумал, что настал удобный момент:

— Я бы тоже отлучился, — сказал он.

— Боишься, что Джуга возьмет другого в первые визири?

— Нет. Я бы хотел остановить Ашуру.

— А-а, — протянул Кнохт. — Это несостоявшийся муженек нашей девочки? А чем он тебе мешает? Побегает-побегает, да и сгинет. Тем более что когда мы разбудим Валу, людишки вроде хостинпурского принца вообще не посмеют стоять на нашем пути. Или у тебя есть личный интерес?

Магам заподозрил недоброе, услышав этот вопрос. Но не признаваться же вот так сразу, не зная, какие козыри на руках у Кнохта!

— Есть, — согласился он и принялся лгать. — Однажды он грубо обошелся со мной, когда хоронили князя Хозрема.

— Ну что ж, надо так надо! — широко улыбнулся Кнохт. — Два дня, не более. Кстати, если тебе интересно... Пока ты отдыхал вчера, мы с Бангой посмотрели и за Ашурой. Вскоре он въедет в Ахор.

Глаза Магама загорелись мстительным блеском.

— Отлично! — воскликнул он. — Пока он едет через Ахор, я подготовлю ему встречу перед границей с Оллией!

— Тогда собирайтесь, — сказал хозяин замка. — И поторопитесь, я не хочу, чтобы Вала ждал долго, ему уже и так надоело быть заточенным в перстне.

Закончив завтрак, колдуны поднялись из-за стола.

— Может, ты усмиришь девочек, которые появились на подходах к порталу? — спросил Банга у Кнохта, имея в виду ганг, чьи стрелы прервали до срока жизни многих оллийских воинов.

Хозяин замка расхохотался:

— Нет, дорогой! Девочки — твои, ты ими и занимайся! В конце концов, ганги не появились бы здесь, если бы ты не расшевелил их осиное гнездо и не согнал с насиженного места.

Кнохт был прав. Банга, едва воцарившись,

решил выкурить воинственное женское племя из Оллии и потому отправил охотиться на них сразу несколько отрядов. Больших успехов войска не добились, но ганги стали искать более безопасные места для себя. Так отряды женщин появились на тропах, которые вели через лес к проходу в скалах, ведущему в замок Кнохта.

— Опять же, мне не нужно теперь тратиться на охрану! — продолжал веселиться Кнохт. — Девочки наготово охраняют проход и не требуют денег за это! Так сказать, по любви!

Колдун затрясся в приступе смеха. Банга, видя его веселье, поморщился:

— Зато и выйти из твоего убежища теперь непросто.

— Ну, ты же знаешь, я домосед! — воскликнул Кнохт, но поняв, что шутка заходит далеко, продолжил серьезным тоном. — Ладно-ладно, я позабочусь о вас.

Несколько пассов руками над головами Банги и Магама, казалось, не произвели какого-либо заметного действия.

— Если в вас будут целиться, — пояснил Кнохт, — у стрелка начнут слезиться глаза, а ваши фигуры будут расплываться и множиться. Ну, а скорость, с которой вы можете передвигаться, поможет стать вам практически недостижимыми для стрел девочек.

Сборы были недолгими, вскоре Банга и Магам выехали из прохода в скалах в оллийский лес.

Некоторое время оба колдуна ехали вместе след в след. Они миновали опасные места, где могли встретить вооруженных женщин, без приключений. Должно быть, ганги на какое-то время отвлеклись на более важные цели. Тропа постепенно стала расширяться. Коротко кивнув на прощанье, Банга пришпорил коня и поскакал в сторону столицы Оллии, надеясь, что войска, посланные вдогонку за Синтой, уже поймали беглеца. Магам же, миновав оллийские земли, въехал на территорию Ахора, где собирался подстроить ловушку Ашуре.

Время перевалило за полдень, когда Магам пересек небольшую реку, на берегу которой стоял рыбацкий дом, крытый соломой. Судя по всему, здесь было крепкое хозяйство. Перед домом к берегу реки, на котором был установлен пустой сейчас причал, сбегал большой огород с многочисленными грядками. За до-

мом виднелись хозяйственные постройки для скота, для хранения зерна.

Магам подъехал к воротам, и огромная собака, сидевшая на цепи, завидела колдуна и зашлась в диком хриплом лае. Магам, не обращая внимания на лай, сполз с коня и направился прямо к собаке. При этом колдун смотрел на нее и шептал какие-то слова. На собаку эти слова произвели волшебное действие, она поджала хвост и стала пятиться от колдуна, искательно заглядывая ему в глаза, будто моля о милости. Колдун наклонился и положил ладонь на собачий загривок, жесткая шерсть на котором встала дыбом. Пес жалобно заскулил.

— Молчи, цуцик! — прикрикнул на собаку Магам, и пес замолчал.

Колдун отошел от него, и собака заползла в свою конуру, чтобы не встречаться больше с опасным человеком.

Но ее лай успел привлечь внимание хозяйки. Из дома вышла женщина в яркой накидке, раскрашенной в красные и желтые цвета.

— Кого послал Идра? — спросила она приветливо.

— Путешественника, надеющегося найти под твоей крышей обед и место для отдыха, — ответил Магам тоном, не предполагавшим возражений.

Поняв, что перед ней человек, привыкший повелевать, женщина поклонилась и приглашающе повела рукой:

— Прошу вас, господин! Этот дом небогат, но путешественник найдет здесь накрытый стол и постель.

— Постель мне ни к чему, — буркнул Магам. — Я так только, посижу немного. Но мне нужна будет комната.

— Я велю дочерям приготовить для вас комнату, — сказала женщина, провожая гостя в дом.

Колдун расположился в просторной горнице, посреди которой стоял большой стол. Из кухни навстречу ему выбежали две девчужки лет шестнадцати, но, увидев предупреждающий взгляд матери, остановились у стены и поклонились гостю.

— Дочки? — спросил Магам, проходя и усаживаясь на лавку, стоявшую у стены.

— Да, господин, — подтвердила женщина.

— Красавицы! — похвалил девочек Магам. — А где хозяин?

— Уехал с сыновьями за рыбой, — пояснила женщина. — Мой муж рыбак, сыновья помогают ему. Ловим рыбу, продаем в деревнях в округе, тем и живем.

— Неплохо живете! — усмехнулся Магам. — Никак, золотая рыбка водится в этой речке?

Женщина смутилась:

— Нет, господин, рыба обыкновенная. Просто работаем много, и мы с мужем, и дети. Девочки вот только закончили огород полоть.

— Да ладно-ладно, — Магам оборвал ее слова. — Разговорами гостей не кормят. Неси вино, давай обед, некогда мне долго лясы точить.

Девочки переглянулись, удивленные грубостью колдуна, но не посмели что-либо сказать. Повинуясь матери, они побежали на кухню...

Ел Магам неопрятно, громко чавкая, крошки сыпались на стол и на пол. Женщина и ее дочери стояли за спиной гостя. Девочки едва удерживались от смеха, глядя, как свинствует за столом колдун, но строгий взгляд матери не давал им расхохотаться. Мать, не желая, чтоб дочки проявили неуважение к гостю, отправила их готовить для него комнату. Конечно, Магам мог бы есть как царедворец, аккуратно и красиво, но он не считал нужным стараться перед деревенскими жителями.

Насытившись, колдун сыто рыгнул.

— Теперь я хочу отдохнуть, — сказал он, и женщина проводила гостя в соседнюю комнату, отделенную от горницы циновкой. В комнате стояли расстеленная кровать, небольшой стол и табуреты.

— Отдыхайте, господин, здесь вам никто не помешает.

— Иди-иди, — отправил ее прочь колдун. — Принеси мне углей и уходи. Я позову, когда ты мне будешь нужна.

Женщина вышла из комнаты, а Магам вытащил из своей сумы маленькую жаровню. Вскоре принесенные хозяйкой угли затеплились в ней, колдун, оставшийся один, продолжал вытаскивать из сумы порошки и травы, бросая малое их количество на жаровню. Последним он извлек зеленоватый камень величиной с кулак и добавил к травам. Камень не горел, но вдруг, нагревшись, стал испускать из себя пар такого же серо-зеленого цвета, каким был сам.

Дождавшись, пока пара станет больше, Ма-

гам сосредоточился и начал произносить заклинания. Лицо его приняло отрешенное выражение.

— Духи без тел, по земле скитающиеся, демоны зла, лишенные дома, услышьте меня, придите ко мне. Пусть дым камня паркаста достигнет вас, пронижет вас, почувствуйте его и слетайтесь к источнику. Трое из вас получают тела, самые сильные, самые быстрые, те, кто повинуется дыму паркаста и мне. Нет у вас рук, чтоб душировать, нет ног, чтоб топтать, нет глаз, чтоб видеть врага, нет ушей, чтоб слышать врага. Дам вам руки и ноги, глаза и уши. Дам вам сердца, чтоб наполнили вы их своей злобой, чтоб нашла она выход в мир. Демоны зла, услышьте меня, придите ко мне.

Казалось, ничего не изменилось вокруг, но, почувствовав нечто, Магам удовлетворенно улыбнулся. Он прекратил произносить заклинания и крикнул:

— Хозяйка!

Женщина, уже завидевшая серо-зеленый дым, проникавший сквозь циновку в горницу, поспешила к нему:

— Господин, что вы здесь творите?!

Войдя в комнату, она испуганно замерла на пороге. Магам с неожиданной для его толстого тела прытью схватил ее за руку, подтянул к жаровне и заставил наклониться над камнем, все еще испускавшим странный дым, в котором таялись стены комнаты.

Женщина попыталась крикнуть, но едва открыла рот, как невольно вдохнула дым, и тут же тело ее расслабилось, а затем мышцы вдруг налились невиданной силой. Магам почувствовал это и отпустил женщину, точнее, то существо, которое находилось теперь в женском теле.

Глаза хозяйки засветились нехорошим блеском, обращаясь к Магам, она сказала:

— Чего ты хочешь за то, что подарил мне это тело?

— Позови дочерей, — приказал ей Магам. Хоть в его тоне и слышались повелительные нотки, все же говорил он гораздо спокойнее, чем до того с хозяйкой. Магам знал, что ракас не причинит ему зла, поскольку не мог повредить человеку, возвратившему его в мир людей, но считал, что безопаснее будет не нарываться на неприятности.

Ракас выскользнул за порог комнаты и тот-

час появился, таща за руки девочек. Те сопротивлялись и кричали:

— Мама, мама! Зачем ты ведешь нас к этому человеку?

Они были напуганы необычным поведением матери, злобным выражением ее лица, искажившегося от того, что ее телом завладела демоническая сущность. Магам не пожелал долго слушать девичий визг, он схватил девочку за волосы и, как прежде их маму, заставил нагнуться над жаровней. С ними произошла та же метаморфоза, что и с женщиной.

Три демона, посмотрев друг на друга, расхохотались. Магам любовался ими, как добрый папочка расшалившимися детишками.

— Говори! — обратился к нему первый ракас.

Колдун не заставил себя долго упрашивать:

— Сегодня ближе к вечеру возле вашего дома проедут два юноши. Один из них — принц Хостинпура Ашура, второй — его помощник. Убейте их!

— Кровки хочется! — жалобно протянула одна из девочек.

— Вскоре сюда вернутся хозяин дома и его сыновья, — сказал ей колдун. — Получишь кровки. Но главное — убить принца. Он может не захотеть зайти в ваш дом. Подумайте, как его сюда заманить.

— Не волнуйся, — успокоил волшебника старший ракас. — Мы все продумаем. Можешь считать, что принц уже мертв.

Больше Магама ничто не задерживало в этом доме. Он вывел из конюшни коня, которого хозяйка успела накормить и вытереть, пока колдун призывал демонов. Собака, усмиренная колдуном, теперь крутилась возле конуры, принюхиваясь к запахам, долетавшим из дома. Двинувшись в дорогу, Магам услышал позади себя протяжный, надрывающий душу собачий вой.

Глава десятая

Будь ты самым опытным колдуном, работать тряпкой и веником все равно придется, если в лаборатории царит бардак, а новый слуга в доме пока не появился. Донкранк Фир устал, приводя в порядок свой рабочий кабинет.

Попивая восстанавливающий силы отвар из

блюдечка, украшенного каймой из голубых мелких цветочков, Донкранк вдыхал свежий морской воздух, долетавший из раскрытого окна.

Славным, ярким, солнечным выдалось это утро в Лахи. Допив ароматный отвар, Донкранк встал из-за стола, потянулся, довольный собой, и подошел к окну. Во двор слетелась стайка голубей, важно вышагивавших неподалеку, выскивая невесть откуда взявшиеся зернышки. Маг подумал было, что стоило бы отогнать птиц, чтоб они не смутили его воробья, но счел это излишним. Маленькая птичка, некогда извлеченная из сопредельного мира, могла легко справиться с голубем и даже более крупной птицей. Донкранк, изучавший поведение воробья, пришел к выводу, что дома птичке приходилось постоянно бороться за свою жизнь. Здесь же для нее оказались вполне комфортные условия.

Птичка большей частью безмятежно спала, пробуждаясь только для того, чтобы выполнять поручения мага.

Колдун посмотрел в небо и сразу заметил малюсенькую черную точку, постепенно увеличивавшуюся. Скорость передвижения воробья была просто фантастической. Вскоре Фир убедился, что не ошибся. Его птица подлетала к дому волшебника.

Голуби, гулявшие по двору, лениво посмотрели на собрата. Они не проявляли агрессии, зато воробей, обидевшись, что на его территорию и его зернышки посягнули, камнем упал с неба на одного из голубей, врезавшись клювом в тело птицы. Другие голуби тут же взлетели и понеслись прочь, а воробей вырвал клювом кусок мяса с перьями из тела своей жертвы. Голубь вырвался из-под страшного клюва и попытался взмахнуть крыльями, но уже не смог этого сделать. Воробей вновь налетел на врага и продолжал буквально рвать его. Донкранк спокойно наблюдал за расправой. Когда голубь испустил дух, воробей, перемазанный в крови, уселся на подоконник перед волшебником.

— Добро пожаловать! — сказал тот птичке. — Отдохни с дорожки. Кушать хочешь?

Воробей кивнул головкой.

— Ну, давай, умничка моя, сейчас покормлю.

Донкранк подошел к кухонному столу, на котором лежали гроздь винограда, яблоки, хлеб, и

начал нарезать все это кусочками. Птица резво перелетела за ним и принялась поедать все это с ужасающей скоростью.

— Проголодался, мой маленький, проголодался, хорошенький, — приговаривал Фир, скармливая прожорливой птичке кусок за куском, — кушай, зайка, кушай!

Когда виноград, яблоко и хлеб были съедены, Донкранк внимательно посмотрел на воробья.

— Ну, рассказывай, где был, что видел!

Глаза мага встретились с черными бусинами глаз воробья, птица зачирикала. Донкранк сам не очень четко осознавал, каким образом ему удастся понимать птицу. Просто в его голове возникал рассказ птицы, невидимая связь, возникшая между глазами колдуна и воробья, давала ему возможность видеть то, что видела птица, а ее чириканье трансформировалось в слова.

Волшебник заметно обеспокоился, когда узнал, что перстень попал в руки колдуна Кнохта, на лицо его легла серая тень.

— Вероятно, он хочет разбудить Валу, — проговорил Фир. — Жалкий безумец!

Волшебник посмотрел на свою раскрытую ладонь. На его руке не хватало мизинца.

— Да, придется собираться в путь. Спасибо, лапушка, ты мне очень помогла, — обратился он к птице. — А теперь — баиньки?

Птица вновь кивнула. Донкранк поместил ее в клетку, накрыл покрывалом и унес в комнату, где птица проводила большую часть жизни.

Колдун взял дорожную суму и поднялся в лабораторию, чтоб собраться в дорогу...

Пока колдун шел по городу, он ничем не отличался от обычного старика, отправившегося куда-то по своим делам. Но когда городские улицы остались позади и вокруг не стало видно других людей, началось нечто неожиданное. Волшебник, только что находившийся на одном месте, вдруг исчез и возник в другом, а именно там, куда мог дотянуться взглядом. Поскольку вокруг Лахи простирались равнины, его путешествие было очень скорым.

Не переставая передвигать ноги, колдун в один момент оказывался так далеко, как только мог видеть. Путешествуя таким образом, он очень скоро достиг мест, где цветущая равнина смешивалась с песком пустыни. Какое-то время у него под ногами еще была трава, затем — лишь ее редкие кустики, выбивавшиеся из

песка, наконец Донкранк стал шагать по песку. Насколько хватало глаз, впереди простирались пески Великой Пустыни, отделявшей Лахи от Оллиии.

Волшебник шел не останавливаясь. Уже часа три он шагал по пустыне, песок набился в мягкие сапоги и колол подошвы, но Фир умел не обращать внимания на такие мелочи. Солнце немилосердно палило, и колдуну было жарко в черном плаще, накинутом на плечи. Пот, выступавший на лбу, закрытом капюшоном, попадал в глаза. Вытирая лоб, волшебник упорно шагал дальше.

Неожиданно он остановился и принял. Он уловил ветер раньше, чем тот прилетел. Песок вокруг закружился, поднятый резким порывом.

— Тут как тут! — недовольно сказал Фир. — Не обойтись без них.

Огромные серые грифы показались на горизонте. Фир вновь зашагал, еще надеясь, что сможет от них уйти. Грифы вдали закружились, столкнувшись с необычным способом передвижения. Донкранк менял направление, смотря в разные стороны. В пустыне его взор мог покрыть значительное пространство, и, соответственно, Донкранк оказывался то здесь, то там.

Однако ему мешал ветер, поднятый пустынными колдунами. Песок, взметенный ветром, окружил колдуна будто глухой непрозрачной стеной. Поэтому сильно ограничили и расстояния, на которые мог передвигаться Фир.

Серые грифы окружили его и опустились на землю, превратившись в людей. Фир увидел перед собой высоких худощавых пустынных колдунов, чьи лица были изборождены морщинами, а в глазах стального цвета полыхало желание убивать.

— Добрый день! — поздоровался с ними Фир. — Заметьте, что лишать меня жизни не в ваших интересах.

Колдуны сжимали круг, не обратив внимания на его слова.

— Зря вы так, ребята! — укоризненно сказал волшебник. Ветер, поднятый колдунами, уже стих, и Донкранк снова мог видеть далеко. Он сделал шаг и исчез из сжимавшегося круга, оказавшись в полтора сотнях шагов от колдунов.

Двое из них высоко подпрыгнули и взлетели в небо, обернувшись грифами. Остальные направились к поджидавшему их волшебнику. Донкранк спокойно стоял на месте, над его головой кружились два грифа, вновь поднимаемая ветер.

Волшебник дождался, пока колдуны приблизились к нему. Они двигались молча и неотвратимо.

— Не скажу, что мечтал о встрече с вами, но раз уж мы все-таки встретились, у меня есть для вас интересное предложение! — закричал Фир.

Уподобляясь плохому бродячему актеру, что зарабатывают кусок хлеба, путешествуя по городам и весям, и выступают на площадях, окруженные нетребовательными зрителями, Донкранк выдержал паузу.

— Говори! — распорядился один колдун.

— Сдается мне, что вы хотели бы повидаться с вашим другом Хуллой.

Это имя произвело на колдунов ожидаемое Фиром действие. Раздались крики:

— Хулла жив?!

— Где этот предатель?

— Отдай нам его!

— Смерть Хулле!

Донкранк покивал и спросил:

— А чем он вам так насолил?

Колдун, начавший разговор с магом, пояснил:

— Этот отщепенец захотел власти над всеми нами. Пустынного колдуна может убить только другой пустынный колдун, если отберет у него нечто. Хулла отнял жизни троих из нас, но не смог победить всех. Он был наказан. Мы полагаем, что его нет в живых.

Донкранк Фир предложил:

— Почему бы вам не прогуляться вместе со мной? Я вам — Хуллу, а вы мне поможете прикончить его нового хозяина Кнохта.

Колдуны переглянулись.

— Ты не ошибся? У Хуллы есть хозяин? Как низко можно пасть, когда идешь против своих! — покачал головой человек-птица.

Вскоре Фир вновь шагал по пустыне, с каждым шагом приближаясь к горной гряде, где располагался замок Кнохта. За ним в отдалении, чтоб не мешать волшебнику поднимаемым ими ветром, летели грифы.

Синта очнулся в лесной хижине. Он попытался подвигать руками и ногами, но понял, что связан. Поерзав, он добрался до стены хижины и оперся на нее спиной, усевшись лицом ко входу. Юноше хотелось пить, но в хижине не было ни воды, ни еды. Он не знал, как очутился здесь. Спутники его были убиты еще в столице, когда беглецы пытались перескочить через дозор, поставленный Бангой на дороге. Синте чудом удалось спастись. Люди, которые ему помогли, приняли на себя удары копий, предназначавшиеся его царственной особе, благодаря этому сам Синта получил возможность проскочить дозор невредимым.

Затем последовал утомительный путь на северо-восток. Синта не знал, куда он должен был приехать. Заговорщики, освободившие его из темницы и спасшие от казни, должно быть, имели план спасения, держали наготове место укрытия, но не успели поставить об этом в известность самого Синту. Молодой царь счел, что лучше всего будет обратиться к царю Хостинпура Падаси, известному своей справедливостью.

Но жизнь сломала его планы. Юноша не смог миновать чащи, стоявшие на границе Оллии и Ахора. Еще до того как он достиг границы, Синта оказался пленником, причем ему не было известно, кто его пленил. Он помнил только, что, когда ехал по лесной тропе, откуда-то сверху на него спрыгнул человек. Вместе они свалились на землю, а потом Синта получил мощный удар по голове и потерял сознание.

На улице слышались женские голоса. Синта не знал, где он находится, и раздумывал, стоит ли позвать кого-либо, подав голос. Так или иначе, люди, поместившие его в хижину, обнаружат, что пленник проснулся. Подумав об этом, юноша решил, что не будет вреда, если это случится раньше. Если его захотят убить, то все равно сделают это, а если нет, то хоть позволят утолить жажду.

Он попытался закричать, но пересохшее горло выдало какой-то визгливый звук. Откашлявшись, он предпринял еще одну попытку подать голос, и на этот раз получилось лучше. Юноша услышал легкие шаги, дверь отворилась, и в хижину вошли две девушки. Синта был поражен их красотой. Девушки были стройны и улыбки. Черные длинные

прямые волосы удерживались плетеными обручами. Войдя, они посмотрели на Синту и рассмеялись, до того забавным показался им вид юноши, растерявшегося от неожиданности. Он не мог предполагать, что его пленили девушки.

— Смотри-ка, Риска, он пришел в себя! — сказала одна из них. — А ничего, симпатичный нам попался парнишка. Как думаешь, Воительница отдаст его нам или наконец-то решит воспользоваться случаем сама?

Синта понял, что находится в плену у ганг. Девушка назвала титул женщины, которая была вождем племени.

— Не знаю, Наска, — улыбнулась вторая девушка. — Ей не нравились прежние, вряд ли понравится этот. Ну, тебе не кажется, что пора проявить вежливость и поздороваться?

Ее вопрос был адресован Синте.

Юноша кивнул головой, что означало приветствие. Его пересохшие голосовые связки от пережитого удивления совсем перестали слушаться хозяина.

Девушки рассмеялись.

— А ты немногословен! — прокомментировала его кивок Наска. — Глядя на тебя, я понимаю, почему мужчине нельзя доверять воспитание детей. Чему может научить такой молчун! А может, ты немой?

Синта счел излишним отвечать на этот вопрос. Он неловко себя чувствовал, будучи беспомощным перед двумя особами женского пола, которые насмеялись над ним. Юноша, повернувшись, встал на колени, а затем поднялся на ноги. Он почувствовал легкое головокружение и, переведя дух, повернулся к девушкам. Теперь, стоя на ногах, он ощутил уверенность в себе. Перемена благоприятно сказалась и на пересохшем горле. Ему удалось выдать несколько слов:

— Я вежлив с теми, кто проявляет вежливость при встрече со мной. Вас в этом обвинить трудно.

— Посмотри, Наска, как он смешно говорит! — воскликнула одна из девушек. — Это не голос, а скрип какой-то!

— Риска, он просто хочет пить. Принеси ему воды, хотя такого грубияна поить не стоило бы. Связан, находится в полной нашей власти и нас же учит вежливости.

— Вы ганги? — спросил Синта оставшуюся девушку, чтобы заполнить повисшую паузу.

— Да, — просто ответила она. — Мы взяли тебя в плен, когда ты въехал на нашу территорию.

Синта вспыхнул:

— Я находился и нахожусь на своей территории!

Девушка посмотрела на него словно на таракана, непрошено выбежавшего на стол во время обеда.

— Тогда почему ты связан? — спросила она.

— На меня напали не по правилам! — попытался оправдаться Синта.

— Ну, если ты такой правильный, то вряд ли стал бы сражаться с девушками! — расхохоталась Наска, продемонстрировав красивые ровные белые зубы. — Что же нам, бедным слабым существам, оставалось? Драться с тобой — не по правилам. По доброй воле ты вряд ли захотел бы пойти с нами. Не так ли? Пришлось пригласить тебя тем способом, каким мы обычно приглашаем мужчин в наши селения.

Синта понял, что спор продолжать бесполезно.

— Я хочу говорить с вашей правительницей, — сказал он приказным тоном.

— Конечно, гости! Если только Воительница захочет говорить с тобой.

Девушка то ли дразнила пленника, то ли пыталась поставить его на место, издеваясь над мужской гордостью.

Вернулась Риска, неся в руках кувшин. Она приложила его край к губам юноши, и Синта ощутил вкус холодной воды, от которой стало ломить зубы. Риска сильно наклонила кувшин, и струйки воды потекли по подбородку юноши. Увидев это, Наска тыльной стороной ладони вытерла его лицо. Синта подумал, что даже жизнь в самых трудных условиях, жизнь без мужчин все равно не вытравит инстинкт заботы, присущий женщине.

Наска поймала его взгляд и смущенно опустила глаза.

— Ну, хватит его поить, а то еще обделается прямо сейчас от неожиданности! — сказала она.

Риска рассмеялась, отнимая кувшин от губ пленника. Синта сделал вид, что не услышал грубоватой шутки. Этой грубостью Наска явно хотела прикрыть смущение.

— Все? Больше ничего не хочешь? — спросила Наска.

— Я хочу говорить с вашей правительницей! — повторил Синта.

— Это я уже слышала и ответила тебе! — оборвала его Наска. — Мы расскажем ей, что ты очнулся, и, если она захочет тебя видеть, отведем тебя к ней.

Девушки вышли, прикрыв дверь хижины. Синта, выждав несколько минут, хотел было выйти за ними. Он в несколько прыжков на связанных ногах достиг двери и толкнул ее плечом. Дверь оказалась запертой. Синта подумал, что это к лучшему. Ему не хотелось передвигаться по лагерю на глазах у женщин прыжками, словно кузнечик.

Ожидание юноши длилось недолго, вскоре его смешливые знакомые появились вновь. Наска, вытащив из-за пояса нож, ловким движением перерезала веревки, связывавшие ноги пленника.

Синта шагнул на улицу, ведомый гангами, и зажмурился от света. Привыкнув, он стал с любопытством осматриваться. Девушки вели его вдоль ряда хижин, в некоторых из них раздавались детские голоса. Синта увидел в поселке десятка два ганг, занятых своими делами. У одной из хижин сидели, собравшись в кружок, сразу пять ганг, занимавшиеся подготовкой оружия. Наконечники стрел и копий насаживались на дровяки. Пожилая женщина остряла о камень металлические наконечники. Она недобрым взглядом окинула Синту и вернулась к своей работе. Юноша обратил внимание на то, как наливались мускулы на ее сильных руках при каждом движении. Молодые девушки, напротив, смотрели на Синту заинтересованно, но он не отвечал на их улыбки. Юноша еще не знал, чего ему ожидать от суровых воительниц.

Поселок ганг был достаточно хорошо укреплен. За хижинами Синта разглядел частокол из заостренных кольев. Кое-где по периметру поселка юноша увидел ганг, стоявших на страже. Наверняка этими постами защита поселения не ограничивалась. Вероятно, на лесных тропинках были и другие посты и ганги могли быстро передавать информацию об опасности, если в округе появятся неожиданные гости.

Вдалеке юноша увидел группу девочек, играющих, накидывая обруч на стоящий в отдалении колышек. После каждого промаха бросавшая

издавала огорченный крик, а ее подружки смеялись, спеша показать свою ловкость. Но колышек был вбит довольно далеко и попасть оказывалось трудно. Синта так увлекся этой картинкой, что не заметил, что Наска остановилась, и натолкнулся прямо на нее.

— Ты не только говорить не умеешь, но и смотреть не научился! — воскликнула девушка.

— До чего ты неловок!

— Ведите дальше! — сказал он.

— А вести-то и некуда! — заявила Риска. — Мы пришли. Вот дом Воительницы.

Наска подтолкнула юношу, и он шагнул в хижину, ничем не отличавшуюся от других.

* * *

Лесная тропа, на которую вышли Ашура и Дараям, использовалась время от времени людьми. Возможно, крестьяне переходили здесь границу между Оллией и Ахором, а может быть, тропу натоптали охотники в погоне за не знающим людских ограничений зверьем.

До вечера они не встречали препятствий на своем пути, а вечером... Ашура первый услышал жалобные стоны и плач. Где-то впереди на тропе плакала девушка. Принц поспешил вперед, он не видел происходящего, поскольку в этом месте деревья росли густо, а молодая листва разрослась уже так сильно, что сквозь нее не было ничего видно в нескольких шагах. Тропинка круто сворачивала влево. Ашура почти бежал на звуки плача и стонов, бросив повод своего коня. Принц решил, что его скакуну ничто не угрожает, тем более что следом поспешал ученик жреца.

Наконец, обогнув широкие ветви дерева, преграждавшие тропу, Ашура увидел на тропе стоящую на коленках девушку, содрогавшуюся в горьких рыданиях. Ее лицо и руки были в крови. Ашура кинулся к ней, встал рядом на колени и обхватил рукой, стараясь успокоить. На ее щеке багровела глубокая кровавая борозда.

— Ты ранена? — спросил он обеспокоенно.

— Да-а! — протянула девушка и опять забилась в рыданиях.

— Кто это сделал? — спросил Ашура, начав тормозить девушку. Ему казалось необходимым заставить ее говорить, чтобы успокоить истерику.

— Тигр! — ответила девушка.

Ашура посмотрел на нее недоверчиво.

— Куда же он пропал?

— Убежал в лес, — ответила девушка, всхлипывая.

Тем временем приблизился Дараям. Ашура поднялся ему навстречу, но девушка, увидев это, обхватила руками его колени:

— Не-ет! — закричала она. — Не оставляй меня, господин! Мне страшно оставаться одной. Тигр может вернуться!

Взгляд Дараяма упал на руки девушки, сжимавшие колени Ашуры. Ее длинные ногти были красны от крови. Дараям потряс головой, отгоняя нелепую мысль.

— Не волнуйся, мы не уходим! — сказал Ашура девушке. — Давай я помогу тебе. Ты можешь идти сама?

— Не-ет! — вновь протянула девушка.

— Тогда я помогу тебе взобраться на коня.

Ашура стал приподнимать ее, взяв за руки, и девушка при этом даже не сделала попытки самой подняться. На помощь принцу поспешил Дараям, но девушка, едва он приблизился, рванулась в другую сторону от него.

— Чего ты боишься? — ласково обратился к ней Ашура. — Это мой друг, он не причинит тебе вреда.

Девушка, будто не слыша его, отползала дальше по тропинке. Казалось, она делала это против своей воли, будто что-то в ней сопротивлялось прикосновению к ученику жреца. Дараям в растерянности остановился.

— Хорошо, я сам подниму тебя в седло, — сказал принц.

Он отошел на несколько шагов и тут же вернулся, ведя за уздечку своего скакуна. Но на этот раз конь уперся и заржал. Ашура потянул за узду, но конь, проявляя ослиное упрямство, отказался повиноваться.

— Ничего не понимаю, — сказал Ашура. — Может, его пугает запах тигра?

Принц поднял девушку на руки, при этом она показалась принцу невероятно тяжелой. Эта тяжесть была странной при ее невысоком росте и худощавой фигуре. Принц понес ее к коню, но тот бросился в сторону.

— Веди его за нами! — распорядился принц и пошел вперед по тропинке. Дараям последовал за принцем, ведя за узду обеих коней.

Дорога заняла около часа, и Ашура изрядно устал. Девушка, казалось, комфортно устроилась на его руках. Принца удивляло ее равнодушное лицо, с которым она принимала помощь. Принц подумал, что это равнодушие было следствием пережитого ужаса от нападения лесного хищника.

За деревьями показался ухоженный двор с хозяйственными постройками. Миновав сарай и хлев, Ашура очутился перед высоким крыльцом ладного дома. Ему показалось странным, что из хлева, где должны были находиться домашние животные, не доносилось ни звука. Не выскочила навстречу и собака, хотя у ворот стояла конура.

Когда принц ступил на крыльцо, дверь открылась. На пороге стояла женщина, несколько не удивившаяся при виде дочери, которую нес на руках незнакомец. Она посторонилась, давая им дорогу. Ашура почувствовал беспокойство. Ему показался странным такой равнодушный прием, и он обернулся назад, ища Дараяма. Его товарищ отстал, но принц услышал, как конские копыта ступают на сухую землю, и успокоился.

Сумерки погружали двор во мрак, а когда Ашура вошел в дом со своей ношей на руках, ему потребовалось время, чтобы глаза привыкли к темноте. Света в доме не было. Остановившись на пороге, юноша почувствовал сильный толчок в спину.

— Проходи скорее, — сказала женщина.

— Вашей дочери нужна помощь, — проговорил принц, делая шаг вперед. — На нее в лесу напал тигр.

За спиной Ашура услышал смешок. Он обернулся, в этот момент девушка соскочила с его рук. Принц растерялся. Женщина вновь толкнула его с такой силой, что он едва удержался на ногах.

— Как ты смеешь! — воскликнул юноша.

— Запри дверь! — прохрипела девушка, обращаясь к матери.

Ашура услышал шаги в глубине комнаты. К этому времени глаза его стали различать то, что происходило вокруг. К ним, тяжело ступая, приближалась еще одна девушка.

— А это точно — принц? — спросила мать первую девушку и повернулась к Ашуре. — Ты вправду — принц Ашура?

На лбу Ашуры выступила испарина. Он понял, что попал в нехорошее место.

— Нет! — попытался схитрить он. — Принц идет следом, а я его помощник.

— Он врет! — громко сказала девушка. — Я слышала, как он приказывал второму вести коней!

— Надо было привести сюда и второго, — проворчала мать.

— Нет, у него есть оберег, он отталкивает нас, — возразила девушка.

— Что ты болтаешь? Откуда у него оберег?

Пока они разговаривали, вторая девушка приблизилась к принцу и, резко взмахнув рукой, рассекла ему кожу на шее своими длинными ногтями. Не дернись принц в сторону, он, возможно, погиб бы от этого удара, настолько сильной оказалась казавшаяся хрупкой девчонка. Ашура резко бросился вперед, сильно толкнув женщину, преграждавшую ему путь к выходу, но та даже не шевельнулась от толчка. Она рассмеялась и легко ударила принца левой рукой, отчего Ашура отлетел в сторону и упал. Быстро вскочив, он отступил в угол. Женщина и девушки наступали на него.

— Дараям! — закричал принц так громко, как только мог. — Это демоны! Беги и спаси Девуку!

Принцу очень хотелось позвать своего друга на помощь, но он подумал, что с этими существами им и вдвоем не справиться. Если они оба погибнут, кто тогда сможет вырвать его невесту из рук похитителей?

Принц выхватил меч и сделал глубокий выпад, целя в женщину. Та лишь чуть отступила. Меч вошел в ее тело неглубоко, но это не принесло никакого видимого вреда. Та ее дочь, которую Ашура принес из леса, распалая себя, резко ударила ногтями по щеке. Рядом с царапиной, которую якобы оставили тигриные когти, появилась вторая.

Принц понял, что эти демоны не чувствуют боли. Он занес меч над головой и уже собрался снести голову девушке, подошедшей слишком близко, но в этот момент от мощного удара распахнулась дверь, которую мать плохо заперла. В комнату одним прыжком влетел Дараям. Троица демонов с визгом раскатилась по углам. Меч принца рассек воздух в том месте, где только что стояла девушка.

— Не убивай их, Ашура! — закричал Дараям.

Принц держал меч наготове. Увидев друга, он облегченно перевел дух, но все же сказал:

— Они убьют нас, если мы не покончим с ними.

— Нет, — возразил Дараям. — Видишь, они боятся меня.

С этими словами он шагнул ближе к демонам, те задрожали и стали вжиматься в стены, будто стараясь сквозь них просочиться наружу.

— Уйди! — хрипло сказала женщина Дараяму.

— Не мучь нас! Нам больно!

Дараям отступил, но так, чтобы в случае необходимости вновь приблизиться. Он тут же пожалел об этом, поскольку одна из девиц, рванувшись сквозь невидимую преграду, попыталась достать своими пальцами принца. Дараям вновь шагнул вперед, и демоны завyli, словно из них тянули жилы. Ашура тут же встал рядом со своим другом.

Убедившись, что существа не могут больше причинить вреда, а лишь корчатся в муках, Дараям осторожно отступил на полшажка. Видимо, демонам тут же стало легче. Они дышали спокойнее, хотя видно было, что им все равно тяжело.

— Почему ты не хочешь убить этих демонов? — спросил Ашура.

— Утром они станут людьми, — коротко пояснил Дараям.

Ашура кивнул. Он подтащил скамью, стоявшую у стены, на которую оба уселись в ожидании рассвета. Принц не убрал меч в ножны, так ему было спокойнее. Демоны тихонько постанывали в своих углах.

За ночь Дараям успел рассказать Ашуре, что его задержало. Еще в лесу, увидев, как девушка отползала, когда он подходил, юноша понял, что дело нечисто. Испуг коня, отказавшегося приблизиться к ней, подтвердил догадку. Животные, привыкшие жить с людьми, боятся расасов. Уже тогда Дараям подумал, что телом девушки мог завладеть демон, о таких случаях ему приходилось слышать в детстве.

Дараям ступал за принцем, несущим девушку, и так же удивился, не услышав никаких звуков из хлева. Он бросил взгляд на плохо прикрытую дверь и увидел, что двери не дает закрыться чья-то прищемленная рука. Юноша дождался, пока принц с девушкой скроются из виду и, оставив лошадей, подошел к хлеву. Когда он открыл дверь пошире, его глазам

предстала жуткая картина. Вся солома, покрывавшая земляной пол, была залита кровью. В загоне лежали убитые коровы, их шеи были разорваны словно когтями. А за ними юноша увидел тела мужчины и двух мальчиков, убитых таким же жестоким способом. Дараям на секунду закрыл глаза, когда к горлу подступила тошнота, но справился с собой. Зайдя внутрь, он убедился, что мужчине и мальчикам было уже не помочь. В этот момент он услышал крик Ашуры и побежал на выручку принцу. Благо, дверь в дом была лишь прикрыта, а не заперта на засов.

Текли часы, утомленный Ашура, едва избежавший смерти, начинал клевать носом, но, едва голова его клонилась, встряхивался и открывал глаза. Демоны издавали легкие стоны, а перед рассветом совсем замолкли. Обманутая неподвижностью Дараяма, женщина попыталась было отползти от стены, но юноша так глянул на нее, что она вновь вжалась в дощатую перегородку.

Едва первый солнечный луч осветил комнату, проникнув сквозь узкое окно, женщина и девушки встрепенулись. Они непонимающе уставились на принца и Дараяма. Узрев меч в руках Ашуры, женщина вскрикнула и бросилась к дочерям:

— Не убивайте нас, добрые люди! — быстро заговорила она. — Мы не сделали вам ничего плохого.

— Не волнуйся, мы только защищали ваш сон, — сказал ей Дараям.

— Защищали? — переспросила женщина. — От кого?

Она обернулась и, увидев глубокие царапины на лице дочки, кинулась вытирать кровь, запричитала. Тут же от резкого движения, видимо, раскрылась рана на ее животе, нанесенная мечом Ашуры. Она схватилась за живот, но рана была неглубокой, и женщина вновь переключила внимание на девочек.

— А где папа? — заплакали дочки. — А где братики?

— Ты сможешь им все объяснить? — тихо спросил принц Дараяма. — Я не в силах вынести этого.

Принц поднялся и вышел из дома. Ученику жреца пришлось самому объясняться с женщиной и девочками. Он не сказал им всей правды,

а объяснил, что в дом ночью приходили демоны, которые околдовали их и убили мужчин.

Женщина и ее дочери вышли во двор, где ждал Ашура. Теперь, при свете дня, он увидел за конурой убитую собаку. Ее голова была неестественно задрана, а густая шерсть перемазана в крови из рваной раны на горле.

Женщина не пустила дочерей к хлеву, а сначала пошла туда одна. Отстав на несколько шагов, за ней следовал Дараям, чтобы в случае необходимости оказать помощь...

Юноши покидали дом, погруженный в траур. Девочки тихо плакали, прижавшись друг к другу. Горе их матери было столь глубоким, что она не могла даже облегчить его слезами. Ее бледное осунувшееся лицо, изборожденное морщинами, которых не было еще вечером, застыло, словно скорбная маска. Деревянным голосом в нескольких словах она рассказала принцу и его товарищу о том, что вечером в ее доме был гость — толстый невысокий человек, с бородой и волосами, заплетенными в косы. Как приехал этот господин, державшийся словно человек, привыкший повелевать, она помнила, а его отъезд начисто стерся из памяти.

— Что ты теперь будешь делать? — спросил ее Дараям. — Есть кто-нибудь, кто будет заботиться о тебе и твоих дочерях?

Женщина покачала головой.

— Тогда похорони своих мужчин, которые уже на дороге к Идре, и отправляйся в Хостинпур, — предложил ей Ашура. — Иди прямо во дворец к царю Падаси. Если тебя не будут пропускать, покажи вот это.

Он снял со своей руки браслет. Это было золотое украшение, очень дорогое. Продав его, можно было бы купить такой же дом с хозяйственными постройками, садом и огородом, в котором жила несчастная семья. Но принца это не остановило. Он очень хотел помочь женщине и девочкам.

— Если покажешь браслет, тебя пропустят к царю. Скажи ему, что Ашура еще не добрался до цели. Расскажи ему, что произошло сегодняшней ночью, и передай мою просьбу позаботиться о тебе. Да смотри, будь осторожна в пути. На ахорских дорогах много солдат, они могут причинить вред твоим дочерям. Храни вас Идра!..

(Окончание в следующем номере)

Вениамин Алексеевич СЛЕПКОВ

родился в 1969 году в Петрозаводске.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Член Союза журналистов с 1991 года.

Работал корреспондентом, заведомом, редактором в газетах Карелии.

В настоящее время — редактор отдела публицистики журнала «Север».

Автор шести книг прозы, поэзии, публицистики.

В журнале «Север» публикуется с 2009 г.

**Геннадий
МИХЛИН**

Финляндия,
Хельсинки

Геннадий МИХЛИН

окончил ЛВИМУ.

Работал в Ленинграде в Балтийском пароходстве,
в Мурманске в рыболовецких организациях.

С 1990 года живет и работает в Хельсинки.

Стихи публиковались в журналах «Крокодил», «Аврора»,
«Иные берега», «Ямальский меридиан», «Обложка»,
в альманахе «Русский мир».

Дипломант трех международных поэтических конкурсов.

Редактор литературной интернет-газеты

Финляндии «Северная широта».

В журнале «Север» публикуется впервые.

В ХЕЛЬСИНКИ ОСЕНЬ

В хельсинкских парках — эквилибристика,
осень жонглирует, это не мистика!
Буря играет последними листьями,
напоминая исконную истину:

юность со старостью кружатся парами,
радости в жизни вальсируют с драмами.
Ветер осенний сердитыми шквалами
всех награждает шальными ударами.

Листья упавшие — это уставшая
желтая бывшая зелень вчерашняя...
Утки, призывы природы проспавшие,
ориентиры на юг потерявшие...

Дождь ручейками, извилистой линией...
А в магазинах огни, изобилие...
Песни поют телефоны мобильные...
Просит прохожий кого-то: «Пойми меня...»

Мечутся души в путях и распутицах,
где же та печка, к которой притулиться?
Судьбы людские, как карты тасуются,
пересекаются так же, как улицы.

Время уходит — природой так велено,
Русь как империя, Русью потеряна...
Звездами падает тихо, растерянно
первый снежок на погон Маннергейма.

«Прозрачно лето по утрам...»

ВОСКРЕСНОЕ УТРО

Прозрачно лето по утрам,
грядет воскресный день.
Как будто тише птичий гам
и спит листва везде.

Пригорок, кирха, хуторок —
неброская краса,
и шпиль, как острый коготок,
вцепился в небеса.

И, дополняя антураж,
рекою без борьбы
поделен надвое пейзаж
как бы на две судьбы.

Нежны цветущие поля,
и много раз подряд
далекие колокола
задумчиво звонят.

БЫВШИЙ ХУТОР

Пустынный сад
застыл, забытый богом,
ни говора, ни смеха детворы.
Поникший дом с заросшим огородом
отвык уже от радостной поры.

Забор устал, калитка отвалилась,
печалится разбитое окно...
«Как покидали дом судьбе на милость,
хоть в памяти недавно, но давно, —

сказал мне друг. — Малец я был в те годы.
(Мы в пабе пьем с ним пиво иногда.)
Я помню лес, колодец, сад, восходы
и помню, как вкусна была вода...

Скидал отец пожитки на подводу,
слезу смахнул, утерся рукавом,
стояла мать в печали всенародной* —
не поднялась рука спалить свой дом.

Корову — за рога, прочь от порога,
надрывным скрипом пело колесо.
Все поплелись. Кто с богом, кто без бога
в путь на закат, за поле и лесок...»

Тут я припомнил сад, такой же вроде.
Не тот ли хутор и не тот ли огород?
Не та ли тихая карельская природа,
что потеряла мирный свой народ?

Узнать бы точно, кабы, эх, да кабы!
Что видел, не идет из головы:
там яблони,
беременные яблоками,
рожали средь некошеной травы.

* В результате Зимней войны и Второй мировой войны около полумиллиона финнов были выселены из завоеванных СССР территорий.

Я ПРОЙДУ

Я пройду твое мертвое море, разлука!
Пусть упругая кровь гулко бьется в виски.
Не дождешься мольбы, не дождешься ни звука,
Не пугай меня, черное море тоски.

Не впервой мне по белому морю печали
Колесить и святую надежду беречь,
Снова звезды полярные мне обещают
Море красное жарких и радостных встреч.

Моря желтого осень подарит удачу,
Обернется простором прекрасной мечты,
Океан ледяной скоро станет горячим,
Если также как я будешь думать и ты.

**Ольга GERMANOVA,
Елена PIETILAINEN**

г. Петрозаводск

ЗОНА профессионального доверия

– Ольга Леонидовна, Карельская региональная общественная педагогическая организация «Учитель Республики Карелия» – что это?

– В 1995 году в Республике Карелия был организован и проведен первый конкурс профессионального мастерства «Учитель года Карелии». Конкурс стал доброй традицией, и за эти годы в нем приняли участие более 400 педагогов со всей Карелии. Конкурс – это труд, волнение, испытание, вдохновение, учеба, познание самого себя, радость открытия, встреча с интересными людьми в образовании. Те, кто прошел конкурс, не лучше и не хуже тех, кто не участвовал в конкурсе, но ОНИ другие. В 2000 году лауреаты и победители конкурсов «Учитель года» приняли решение о создании ассоциации «Учитель года Карелии», которую возглавила лауреат Российского конкурса «Учитель года-1996» Елена Пиетилляйнен. Символом ассоциации была выбрана пчела – трудолюбивое и жизнелюбивое насекомое, а девизом стали слова «Без гнева и пристрастия». С 2008 года организацию возглавила

Германова Ольга Леонидовна, лауреат республиканского конкурса «Учитель года-2000». Деятельность ассоциации – это открытые уроки и мастер-классы в школах республики, семинары и конференции по актуальным проблемам образования, встречи с педагогами. За эти годы ассоциация побывала во многих уголках Карелии: Лахденпохья, Олонец и Тукса, Кемь и Беломорск, Рабочееостровск, Костомукша, Боровое и Калевала, Сегежа и Надвоицы, Пудож, Питкяранта и Салми, Сортавала, Прионежье, Пряжа, Кондопога, Медвежьегорск и, конечно, Петрозаводск. Сколько прекрасных учителей, педагогических коллективов мы встретили в поездках по Карелии! Такие встречи дают возможность педагогам не только обменяться опытом, получить новые знания, но в будущем педагогическим коллективам школ республики стать равноправными и эффективно взаимодействующими партнерами, успешно решать актуальные задачи образования.

Сейчас в КРОПО «Учитель Республики Карелия» зарегистрировано уже более 200 лучших представителей образования Республики Карелия. Наше движение объединяет творческих,

инициативных, современных педагогов всей Карелии. Среди членов организации – руководители муниципальных и региональных органов управления образованием, специалисты методических служб, социальные партнеры. Каждый год организация КРОПО «Учитель Республики Карелия» пополняется новыми представителями, а вместе с новыми людьми появляются новые идеи, строятся планы. За 15 лет мы обрели сторонников и друзей во многих городах и районах Карелии, нашли единомышленников в Москве и Ульяновске, а также за рубежом.

– Образовательная среда – очень уплотненное, многолюдное пространство. Учителя, дети, родители...

Зачем ещё нужна и ассоциация учителей?

– Ассоциация сегодня – это зона профессионального доверия. Мы не заметили, как перешли (в силу определенных политических и управленческих шагов) от органичного доверия к учителю к доверию контрактному. Учителю доверяют только тогда, когда он дает результаты ЕГЭ и олимпиад. Это главные гаранты его, учителя, профессиональной безопасности. Остальное перестает интересовать – директора, учредителей, государство и многих родителей. Ассоциация остается площадкой для множества вызовов в профессии. Как сделать свою школу СО-временной? Как сделать свой урок СО-бытийным?(Что ох как трудно для гаджетового поколения.) Как сделать себя – интересным мудрецом, знающим секреты бытия? Школа, как организация, сегодня не дает ответов на эти вопросы для тех, кто их ищет. Профессионалы ищут на них ответы в сотрудничестве, благодаря которому каждый не просто обогащается. Это уже вчерашний день. Ассоциация нужна для того, чтобы мы вместе нашли ответы на вызовы, которые мы не можем найти в рамках своих школ. В этом ее глубинный смысл и ценность.

– В ассоциацию входят учителя разных поколений. Естественно, у них разные взгляды на образование и воспитание. Но ведь все познается в сравнении...

Как Вам кажется, чем отличается современное молодое поколение от своих предшественников?

– Разные поколения в одном объединении – это замечательно! Вспомните выражение «Если бы молодость знала, если бы старость могла». Да,

именно так, знаем и можем. Учимся и помогаем друг другу во всем. Правда, о возрасте речь никогда не идет. Молодые, как известно, смелее, мобильнее, свободнее, а люди с опытом живут, наслаждаясь каждой минутой, помогая не пропустить главное и значимое в жизни. То, что мы разные, помогает любой вопрос рассмотреть со всех сторон, услышать мнение поколений, найти правильное решение. Но стоит помнить, что всех нас объединяет одна профессия – учитель, а это значит, что все мы учимся всю жизнь. Учителю действительно необходимо много знать и уметь, чтобы всему этому учить своих учеников, дать совет родителям, помочь коллеге. Каждый из нас знает, что ни возраст, ни одежда, ни красота, а именно умение быть интересным и профессиональным всегда привлекает тех, с кем работает или общается учитель. Как быть интересным – вопрос всей жизни для любого учителя!

– Сейчас в Госдуме обсуждается закон об уголовной ответственности за оскорбление учителя не только детьми, но и родителями.

Насколько созрела необходимость принятия такого закона?

– Есть общий закон для граждан РФ о наказании за оскорбления, и учитель, как гражданин, в случае инцидента может защититься как личность. Принятие дублирующего закона поделит людей на учителей и других граждан РФ. Кроме того, он будет противопоставлять учителей, детей и родителей, а этот тройственный союз и так создается не без усилий.

Закон ГОСУДАРСТВА должен быть ЕДИНЫМ для всех, выделять категорию учителей – расписываться в своей беспомощности... А вот в Уставе ШКОЛЫ можно предусмотреть и включить раздел на эту тему с обязательным ознакомлением ВСЕХ УЧАЩИХСЯ и РОДИТЕЛЕЙ...

– Любая общественная организация останется живой только в случае саморазвития, какого-то внутреннего движения, которое привлекает новых союзников.

Ассоциация «Учитель Карелии» чем привлекает?

– Деятельность КРОПО «Учитель Республики Карелия» постоянно развивается. Наши поездки мы называем «педагогическими гастролями» и помимо любимой Карелии осваиваем зарубежные страны: Финляндия, Швеция, Норвегия, Эстония, Германия, Франция, Великобритания,

Турция. Наши гастроли – это не только увлекательные и познавательные семинары по изучению системы образования стран, но и культурно-образовательные поездки, в рамках еще одного направления КРОПО «Учитель Республики Карелия» – «Каникулы педагога». Это направление пользуется у всех представителей организации особой любовью, и это не случайно, ведь в эти поездки вместе с нами едут наши друзья, родственники, члены семьи. Совместные семинары, поездки, праздники – это возможность искупаться в атмосфере дружбы, взаимопонимания, участия. Наши встречи выходят за рамки профессионального общения. Возможность увидеть знакомые, улыбающиеся тебе лица, испытать радость от встречи, почувствовать поддержку, надёжное плечо, быть понятым и принятым – это то, что делает организацию такой необходимой не только конкурсантам, но и всем творческим людям, посвятившим свою жизнь обучению и воспитанию детей.

В рамках форума 28 января 2011 года в Музее изобразительных искусств Республики Карелия состоялась презентация выставки профессиональных фотохудожников республики на тему «Если бы не учителем, то тогда, наверное...». Основные цели организации выставки – популяризация образа учителя в общественном сознании и поднятие престижа учительской профессии. Выставка стала своеобразным продолжением разговора на одной из дискуссионных площадок форума «Престиж учителя. Кто и как должен его поднимать?». Тема выставки выбрана не случайно. Учителя Карелии предстали на фотографиях в самых необычных профессиональных образах, тем самым подчёркивая мысль о том, что учитель – профессия многогранная, и что если ты хочешь воспитать настоящего маляра, врача, артиста, то важно самому попытаться почувствовать эту профессию. Результат превзошел все ожидания. Ведь к созданию выставки были приглашены лучшие специалисты – фотографы, стилисты, визажисты и парикмахеры. Такой необычный творческий союз обогатил всех, подарив незабываемые часы творчества, счастья и, конечно, радости и восхищения для всех, кто стал свидетелем этого чуда! Идея фотовыставки понравилась всем. И 29 апреля 2013 года в Петрозаводске в рамках республиканского конкурса «Учитель года» прошла презентация фотовыставки «Учитель в истории». Участники проекта – учителя Петрозаводска, Пряжи, Питкяранты, Сегежи, Надвоиц, Рабочееостровска. С лучшими учителями Карелии, участниками и победителями городского и

республиканского конкурса «Учитель года» разных лет вновь работала талантливая команда профессионалов. Они нашли нужные декорации, костюмы и интерьеры – от обмундирования голландского шкипера XV века до фантастических интерьеров будущего. Для участников проекта задача по перевоплощению превратилась в источник хорошего настроения и драйва. В планах у Карельской региональной общественной организации «Учитель Республики Карелия», которая все это придумала, показать выставку в других городах и даже странах.

– Счастливое время – каникулы! Можно загорать, купаться, ездить в лагеря, гостить у бабушки в деревне. Но это всё о школьниках. А как же проводит лето российский учитель? Чаще всего на дачных грядках, в сельскохозяйственных проблемах, в заботах о своих детях и внуках. Иногда успеет прочитать книгу-другую, отремонтировать квартиру, написать пару-тройку рабочих программ. Но это всё об обычном педагоге. А как же проводят лето участники ассоциации учителей Карелии?

– Сделав всё вышеперечисленное за первую неделю отпуска, не успев получить отпускных или уже потратив их, они начинают скучать – друг без друга, без новых впечатлений, знакомств и открытий. Вооружившись картами (географической, банковской, другими), зубной щеткой, пледом, удобными кроссовками, фотоаппаратом, получив благословение родных и близких, карельские учителя отправляются в путешествие по свету.

За четыре года «пчелы» (члены ассоциации учителей Карелии) побывали в Скандинавии, Прибалтике, Франции, Англии, Турции. Летом 2013 года был проложен десятидневный маршрут по шести странам Европы: Финляндии, Швеции, Дании, Германии, Чехии, Австрии. Скажете: галопом по европам? Судите сами.

Из окна автобуса мы видели шведские скалы, ухоженные австрийские луга, утопающие в зелени лесов чешские замки, современные немецкие ветряки, а параллельно слушали лекции о системах образования этих стран. Мы истерли подошвы о брусок узких улочек Праги, многолюдных площадей Вены. Сидели на газонах перед Рейхстагом, а потом безуспешно искали надписи советских солдат на его стенах. Проплывая на речном трамвайчике под Карловым мостом, вдыхали свежесть Влатвы. Любуясь уютными маленькими двориками, прошли по следам бременских музыкантов.

Знакомство с новыми странами происходило и через вкус баварских сосисок и мюнхенского пива, пражской рульки, венского кофе и пирожного, немецкого штруделя и чешского домашнего лимонада. По мостовым жаркой Вены звонко цокали копыта лошадей, на Староместской площади отсчитывали время музыкальные часы, из колодца сказочного Бремена за умеренную плату доносились голоса животных – бродячих музыкантов, раскаленный европейский воздух освежало прохладой журчание многочисленных фонтанов.

Мы привезли с собой перегруженные карты памяти фотоаппаратов, переполненные новыми контактами телефонные «симки» и пустые банковские карты. После этой поездки в наших домах нашлось место для картин, часов, кружек, коллекции футболок и, конечно же, магнитов, от которых изнемогают дверцы холодильников. Наши души были переполнены эмоциями и впечатлениями от увиденного, услышанного и прочувствованного. Но самое главное – мы стали ближе, роднее, появилось желание встретиться на новых маршрутах.

– **Ольга Леонидовна, есть ли подобные ассоциации в других регионах России?**

– В других регионах тоже существуют объединения учителей, но в виде клубов. Такая масштабная организация, как ассоциация, есть только в Карелии, и в этом заключается особая ментальность наших учителей, «изюминка» образования Карелии. Есть актив, который является оплотом нашей организации, например, Ирина Велеславова, Анна Лесковец, Людмила Пархомук, Эдуард Алёхин, Ирина Груничева, Виталий Мельников и другие неравнодушные люди. Можно считать, что в сегодняшнем разговоре в моем лице приняли участие и они.

– **Спасибо, Ольга Леонидовна, за обстоятельный разговор. Поздравляем Вас и Ваших коллег с наступающим Днем учителя, желаем новых успехов и творческого вдохновения!**

**Беседовала
Елена Пиетилияйнен**

Ольга Леонидовна ГЕРМАНОВА –

председатель Ассоциации «Учитель Карелии»,

заместитель директора школы № 3 г. Петрозаводска,

лауреат республиканского конкурса «Учитель года Карелии» – 2000 г.

Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН –

главный редактор журнала «Север»,

председатель Карельского регионального отделения Союза писателей России,

секретарь правления Союза писателей России,

кандидат педагогических наук,

заслуженный учитель Республики Карелия,

лауреат премии Президента РФ

в области образования и науки,

лауреат Всероссийского конкурса

«Учитель года России-1996».

Лауреат международных поэтических конкурсов

«Золотое перо» (2009), «Звезда полей»

имени Н. Рубцова (2010), «Душа и слово» (2011).

Автор нескольких поэтических книг и книг для детей.

Свекровь и невестка

ПОВЕСТЬ

Виталий МОРОЗОВ

г. Петрозаводск

Накануне первого сентября в нашей деревне появилась новая учительница. Её прислали из облоно в школу-семилетку. Сразу после войны ещё жили сельские школы и потому жили деревни. Но настоящих учителей не было. Преподавали в семилетке недавние десятиклассницы – выпускницы средней школы, которую они окончили в райцентре перед самой войной. После того как прогнали немцев, райком комсомола призвал этих девушек на трёхмесячные педагогические курсы, которые существовали при учительском институте. Окончив их, девушки вернулись в родную деревню и стали преподавать. И всё равно учителей не хватало. Одной и той же учительнице приходилось вести уроки географии и немецкого языка, химии и Конституции СССР, математики и физкультуры. Они сами плоховато знали эти предметы, особенно математику. Часто путались на уроках, и тут возникали недоразумения. К примеру, учительница не могла решить какую-то задачу по арифметике. Тогда поднимал руку мой одноклассник Иван Беляев. Он выходил к доске, четко и в нужной последовательности делал необходимые вычисления и в итоге выводил мелом верный ответ. Учительница, как всегда, ставила ему оценку «отлично», а в это время в коридоре уже слышался спасительный звонок, извещавший

об окончании урока. Попавшая в неловкое положение, вся раскрасневшаяся от конфуза математичка убежала в учительскую и, говорят, там долго беззвучно рыдала. Бывало такое нечасто, но бывало.

И вот наконец-то в школе стала преподавать литературу и русский язык учительница с дипломом педучилища.

Мы, из-за войны, все в классе были переростками и уже поглядывали на девочек. А тут мальчишки нашего седьмого класса сразу обратили внимание на молоденькую учительницу – миловидную, с роскошными каштановыми волосами до плеч и большими карими глазами. Но особенно привлекли нас её формы. При среднем росте она отличалась тонкой талией, пышными бёдрами и чуть полноватым бюстом. Это всё подчеркивалось простыми недорогими нарядами, удачно сшитыми и подобранными со вкусом. Когда она надевала белоснежную батистовую кофточку и тёмно-синюю юбку покроя «солнце-клёш», то, говоря по-современному, её можно было снимать на обложку любого глянцевого журнала.

Звали учительницу Мария Прокопьевна. Председатель сельсовета определил её на постой в самую чистую просторную избу рядом со школой. Хозяйка дома – добрая, по-деревенски интеллигентная женщина, которую все звали тётя Наташа, – приняла её радушно и скоро полюбила как родную дочь.

И надо же было такому случиться, что той же осенью вернулся домой бравый парень Мишка Афоничев, отслужив в военно-морском флоте положенные четыре года. Высокий, стройный, в мундире из тонкого сукна, полосатой тельняшке с голубым матросским воротником и в широченных форменных брюках. Да ещё со множеством значков и знаков на груди и при погонах старшины второй статьи. Значками любовались все мальчишки, а сам он привлёк внимание деревенских девок на выданье. Да как тут не привлечь. И раньше, до действительной службы, он на гулянках да посиделках слыл лучшим гармонистом: неутомимым и особенно лихо, с переборами, исполнявшим любимый молодежный танец – «цыганочку с выходом». Мишка Афоничев

уже тогда считался первым парнем на деревне. А уж что стало после... Тут и говорить нечего.

На первой после армии гулянке он не произнёс ни звука, хотя пришёл заметно подшофе. И не уделял никакого внимания деревенским девочкам. На своей тальянке играл мало и не так залихватски, как раньше. Даже говорили, что, наверное, все четыре года не брал в руки гармони и вот, мол, разучился.

Однако дело было в другом. Как-то на улице, пару дней назад, он невзначай встретил новенькую учительницу и с первого взгляда был поражён, словно электрическим током. Надеялся, что она придёт на гульбище, а она не пришла.

Тут следует заметить, что в армию Мишку провожала другая учительница. Тоже Мария, но по отчеству Ильинична. Она сильно нравилась матери отбывающего на действительную службу солдата – тёте Оле (так звали её все в деревне). Как судачили деревенские кумушки, – будущей свекрови, которую девушка опекала все четыре года. А Мишку обещала ждать. И ждала, считая себя его невестой. Только теперь всё расстроилось – моряк каждый вечер проводил в доме новенькой.

В первые же дни начался раздор между ним и матерью.

– Чего это ты не заглядываешь к суженой, не зовешь нас навестить. Без тебя она чуть ли не каждый день ко мне приходила. То воды принесёт, то дров. А если занедужу, печку истопит. И корову не раз доила. Иногда у меня поясницу схватит прострел так, что ни согнуться, ни разогнуться. Маша всегда подсобит по хозяйству. Она всё умеет. Девка что надо. А ты морду в сторону городской воротить. Не к добру это.

– Она совсем не городская. Училась только в городе, а выросла в деревне. Что тут поделаешь, если полюбилась она мне. А эта Машка ещё до армии прилепилась да так и не отлипнет. Ты ж сама говорила, что насильно мил не будешь. А с Прокопьевной у нас любовь. Я её замуж звал, и она дала понять, что не против.

– Ишь какой шустрый! Всё успел обстригать тихой сапой. Даже мамке не сказал.

– Не сказал раньше, говорю сейчас. Я с братом Ванькой договорился: пока не работаю,

отделаем вторую половину нашей пятистенки. Он отпуск в леспромхозе возьмёт. До Рождества, говорит, успеем. А там после Крещения и свадьбу сыграем.

— Ловко у тебя выходит. Всё маракуешь сам, а мне говоришь теперь как уже о решённом деле. Даже не подумал, что я могу не согласиться, что не будет тебе моего материнского благословения.

— Я надеялся, что ты поймёшь и правильно рассудишь. Не пожелаешь зла родному сыну.

— Зла никогда никому не желала. А ты теперь меня опозорил на всю деревню. Люди считали Машу моей невесткой. Как теперь буду им в глаза глядеть?

— Я тут не виноватый. Это она вздумала меня захомутать и теперь по деревне разносит сплетни. Ничего я ей не обещал. А с Машенькой моей мы, кажется, обо всём договорились.

— Так, глядишь, она и меня из дому выживет.

— Никто тебя не тронет. Как жила в этой половине, так и будешь жить. А мы поселимся в другой, которую отделаем с Ванькой. Как наступят холода, надо будет подморозить мелкой картошки и к Рождеству нагнать побольше самогонки. Так, чтобы и на свадьбу хватило.

— Делай как знаешь. Мешать не буду. Только я тебе в этом не помощница и не советчица.

* * *

Дальше события разворачивались совсем не так, как хотелось бы Мишке. По старинной традиции он думал на свадьбу позвать всю деревню. Вторую половину дома привели полностью в жилой вид, так что места вполне хватало. Загвоздка оказалась в другом. Мать не соглашалась на звонкую свадьбу в собственном доме.

— Ты соберёшь тут всех людей, а я буду как оплётанная. Со стыда сгорю. Мне скажут: хорош сын — невесткой все считали одну, свою, деревенскую, а жениться вздумал на другой, пришлой. Не могу я этого пережить. Так что не обессудь. В сельсовете вас распишут, а дальше как знаешь.

— Будем думать с Машей. Что-нибудь придумаем.

— Думайте. Но я по-другому свадьбу представляла. Как у батьки твоего покойного — Марка Алексеевича. Когда он меня брал, вся деревня пила-ела целую неделю. Самогонки было целых три ведра. Большого борова зарезали к свадьбе. Пока всё ни съели и ни выпили, не остановились. Бригадир колхозный гнал на работу палкой, грозился всех в тюрьму посадить за саботаж. А ему ковшик самогонки налили, выпил до последнего глотка и смилостивился. Только матюгнулся во всю глотку. С тех пор пошла гулять прибаутка: «Раз Марка женить!» Потом, если в каком доме устраивался большой пир по любому поводу, там обязательно приговаривали лихо: «Раз Марка женить!» Мол, пейте, гуляйте, люди добрые, пока стол не опустеет. Вот и я так хотела. Но — не судьба.

Молодые пришли в сельсовет одетые строго, но по-праздничному. Невеста — в новеньком «учительском» костюме, жених во флотском мундире с погонами и при всех значках. Председатель выдал им свидетельство о браке, куда красивым почерком секретаря были вписаны их имена и одинаковая теперь фамилия — Афоничевы. Тут же свидетельство было заверено собственноручной подписью должностного лица и гербовой печатью. Потом председатель и секретарь поздравили молодоженов и пожелали им благополучной жизни.

Не было тут ни белоснежного платья с фатой, ни вальса Мендельсона, ни шампанского. Никаких бюрократических проволочек и никаких атрибутов современного бракосочетания. Это была первая после войны свадьба в деревне, первая официальная церемония бракосочетания. Секретарю сельсовета пришлось завести специальную тетрадь регистрации браков. Тоненькую школьную тетрадку, которая потом почти вся так и осталась чистой.

А молодые супруги в тот же вечер договорились с тётёй Наташей, где квартировала учительница, что в ближайшее воскресенье отметят это событие скромным свадебным обедом.

В доме тётёи Наташи собрались учительницы, и пришёл брат Иван с женой Шурой. А другая Мария, Мария Ильинична, на свадьбу

не пришла, хотя тогда не думала, что затаённая боль и обида останутся на долгие годы.

К свадьбе особенно не готовились. Правда, Мишка по такому случаю зарезал молодую овцу-ярочку. Тётя Наташа накануне приготовила отменный холодец, а назавтра в русской печке — ведерный чугунок тушёной баранины с картошкой, обильно приправив всё это репчатым луком. Закуска получилась — лучше не придумаешь. И самогонки было припасено больше чем надо. Поэтому к концу затянувшейся трапезы братья изрядно перебрали. Особенно старший. Но и молодожёны — младший — выпивал до дна стопку за стопкой. Глядя на это, юная жена сперва насторожилась, а потом сильно растревожилась. Хотя тогда она не знала, что эта пагубная страсть мужа станет причиной постоянных семейных ссор.

Молодые поселились во второй половине дома, только что приведенной в жилой вид. Там сияли недавно застеклённые окна, медовым цветом блестел потолок, обитый сосновой вагонкой, стены радовали глаз светлыми обоями солнечного цвета с неброским рисунком в зеленоватых тонах, зеркальной чистотой поражал пол, только что выкрашенный светло-коричневой краской.

Но не было никакой мебели. Первое время спали на полу. Вместо супружеского ложа — холщовые матрасы, набитые соломой.

Постепенно на учительскую зарплату приобрели самое необходимое: стол, стулья, широкую двуспальную кровать. Маша, с присущим ей вкусом, сумела удобно и вполне погородскому обставить своё жилище. Всё приходило в норму. По старинной деревенской традиции невестка с первого дня стала называть свекровь мамой. Однако ладу в доме не было.

* * *

Год спустя, во время летних каникул, свекровь и невестка косили траву. Надо было обеспечить сеном корову — главную кормилицу селян. Для частных подворий колхоз не вы-

делял сенокосных угодий. Поэтому женщины косили по косограм и буеракам. Вблизи дома обкашивали любой прогалак между кустов. Иногда попадались хоть небольшие, но вполне пригодные площадки. На одной из таких площадок свекровь обратила внимание, как ловко и размашисто косит невестка.

— Где и когда ты так хорошо научилась косить?

— Дома, в деревне, всегда держали корову и к заготовке сена ребянтю привлекали с детства. У нас в Витебской области были хорошие гладкие пожни. Отец вернулся с войны весь израненный, но на ногах. Он, бывало, косу отобьёт и направит, чтобы резала как бритва, покажет, какой ширины надо гнать прокос, как держать косовьё. Я ещё девчонкой нормально косила.

— А мне казалось, что ты белоручка, как все городские.

— Зря ты так думала. Я всё умею делать. Жизнь заставила.

Маша только недавно, на учительском совещании по итогам года, узнала, что приказом по району назначена директором школы. Тогда же ей настойчиво порекомендовали поступить на заочное отделение учительского института. Получив за лето уже директорскую зарплату, она готовилась во второй половине августа поехать в областной центр, чтобы сдать вступительные экзамены на литературный факультет. И вряд ли ей могло прийти в голову, что ещё до этого придётся выдержать несколько экзаменов дома.

Они со свекровью не только косили, но и на своих плечах таскали ещё влажное сено домой. В обширном дворе его досушивали и потом складывали в сарай.

После очередной ходки свекровь скинула с плеч ношу и вдруг на весь двор заохала-запричитала:

— Боженька мой! Спаси и сохрани! Всю спину свело, скрючило. Корова теперь останется неподоенная. Молоко пропадёт.

— Не причитай ты, пожалуйста. Иди ложись. Подою я корову. И всё остальное, что надо, сделаю.

Поднявшись с рассветом, Маша подоила корову и проводила её до общего стада, наносила вёдрами воды из колодца, набрала сухих дров, разожгла огонь в русской печке, а потом топила её, пока не сварится суп в большом чугуне и перловая каша в чугунке поменьше.

Получилось работы на целый день. Когда это всё делала свекровь, вроде и не было заметно, сколько тут забот и хлопот. У самой первое время так ловко не выходило. Однако скоро втянулась, стало немного легче, и, главное, она почувствовала себя увереннее. Ощущения, что она хозяйка в доме, не пришло, зато исчезла робость.

А свекровь, как оказалось, внимательно следила за каждым её движением, за каждым действием. Когда Маша это поняла, у неё возникло сомнение: а не прикидывается ли свекровь больной? Она стыдилась такого своего подозрения, не хотела брать грех на душу, но ничего не могла с собой поделать. Особенно после того, как, неожиданно вернувшись с покоса, увидела свекровь с двумя вёдрами воды на коромысле. «Слава богу,— подумала Маша, — значит, не так всё страшно. Теперь можно спокойно ехать в институт». А свекрови сказала:

— Чего ты надрываешься? Я немного отдохну, натаскаю воды и затоплю баню. Сегодня, небось, Мишка пораньше придёт. Надо будет его отмыть и выстирать заскорузлую от пота рабочую одежду.

— Воды я уже наносила целый котёл. Ты теперь возьми сухих березовых дров и сразу затопи. Мишка любит попариться с устатку.

Работал Мишка вальщиком леса. После войны лес нужен был и стройкам — на восстановление разрушенных городов, и шахтам в разных районах страны. В города шла строевая древесина — мачтовые сосны, которые еще водились на обширных борах недалеко от лесовозных дорог. В шахты шла другая древесина — так называемая рудстойка, обычно еловый мелкомер.

Тогда ещё не было бензопил. Но и двуручные пилы отошли в прошлое. Главным орудием производства в лесу после войны стали пилы-

лучковки, пришедшие к нам из Канады. Они рассчитаны на одного человека. Тонким лезвием пила быстро вгрызалась в древесину. Она меньше давала опилок, и работать такой пилой при хорошем умении было гораздо легче. Мишка скоро освоил новый инструмент. Научился не только хорошо пилить, но и при отсутствии пилостава сам точил новеньким ромбическим напильником сдвоенные и одинарные стальные зубья. Конечно, уставал. Зато хорошо платили. Кроме того, в магазине ОРСа леспромхоза рабочим-лесорубам давали без карточек все необходимые продукты: черный и белый хлеб, сахар, чай, конфеты, разные крупы и папиросы «Звёздочка». Там же можно было заказать велосипед с никелированными ободами, шевиотовый костюм или хромовые ботинки на толстой микропористой резине.

Молодая семья стала жить в достатке, но доброго мира в доме по-прежнему не хватало. Свекровь недолюбливала невестку, а когда та уезжала в район по какой-либо школьной надобности, тётю Олю приходила навещать другая Мария. Они подолгу сидели вместе — разговаривали о несбывшихся мечтах и планах. Иногда разговор прерывался всхлипыванием то одной, то другой. Поплачут — и вроде становится легче. Расставались долго и тяжело. Опять со слезами.

Маша, узнав об этих встречах, поначалу всерьёз расстраивалась. Хотя не теряла надежды, что со временем свекровь сменит гнев на милость. Однако время шло, а ничего не менялось. Вдобавок Мишка стал пить ещё больше. Заработок позволял. И на складах орсовского магазина появилась бочковая водка, которую продавали в розлив. Маша не на шутку обеспокоилась. Она тогда не подозревала, что так придётся прожить до самой старости.

* * *

Пшли и шли годы. Ольга Евстигнеевна и представить не могла, что ей доведётся пережить деревню. Но судьба распорядилась именно так. Сперва ликвидировали школу-семилетку, а следом постепенно сгнуло всё ос-

тальное. Наиболее опытных учителей перевели на работу в районный центр. Перед началом очередного учебного года Маша получила квартиру, и они приехали на школьной машине, чтобы перевезти мать. Ей была выделена вполне приличная комната.

— Давай будем потихоньку собираться, чтобы не томить водителя в ожидании, — спокойно начала разговор Маша.

— Куда это ты меня? Неужто в богадельню? — с возмущением и вызовом спросила свекровь.

— Нам дали квартиру. У тебя будет отдельная комната. И мы рядом. Коли занедужишь, всегда присмотрим и доктора позовём, если понадобится. А тут, считай, никого не осталось. Случись что, помочь некому. Так что давай собирайся. Машина долго ждать не может, — это уже сын строго, но заботливо говорит матери.

— Не надо мне никакой машины. Никуда я из своего дома не поеду. Тут родилась, тут и помирать буду.

Сказала как отрезала.

Так Ольга Евстигнеевна осталась в своём доме. И зиму пережила, и лето. Но к осени стала часто хворать. Она и не заметила, как к ней подкралась старость. Почувствовала это, когда перевалило за восемь десятков. Стала плохо ходить, плохо видеть.

Сын пытался объяснить матери, что придёт время, когда она ничего не сумеет делать по дому. Тогда всё равно придётся переезжать. Однако мать и слушать не хотела.

— Пока мало-мальски ползаю тут, никуда не поеду. Когда совсем занедужу да слягу, тогда ваша воля. Делайте как знаете. А пока на ногах, буду жить в своём доме. Только посмотрите, чтобы дров сухих хватило на зиму. Еды сварю. Мне немного и надо. Если что понадобится, докуплю в автолавке. Вы поезжайте с богом. Небось по выходным появитесь проведать. Тогда, коли что потребуется, я скажу.

Время шло. Свекрови становилось хуже. Когда сын с невесткой приехали в очередной раз, она уже не могла подняться с постели.

Теперь её не стали уговаривать. Невестка малость схитрила. На вопрос про новую квартиру она ответила просто:

— Живём мы в доме на две половины. В каждую отдельный вход с высоким крыльцом. За стенкой у нас тоже учителя. Обожаемая тобой Мария Ильинична со своей семьёй.

— Машенька там! — свекровь вся встрепенулась, даже улыбка мелькнула на сморщенном старческом лице. Как будто среди хмурых тяжёлых туч на небе неожиданно выглянуло солнце.

На новом месте Ольга Евстигнеевна приживалась с трудом. Но как только вспоминала, что за стенкой Машенька, — становилось легче. У неё появилась радость в жизни.

Понимая, что радоваться осталось недолго, пользовалась каждым подходящим случаем. Как только невестка уходила на работу, она стучала в стенку. И, притаившись, ждала. Старалась не пропустить ни единого шороха. Скоро распахивалась дверь и в комнату старой женщины вбегала улыбающаяся Мария Ильинична, Машенька. Всегда с каким-нибудь вкусным гостинцем. То принесёт ещё горячих оладышков, то стакан тёплого молока с мёдом, то брусничного либо клюквенного морса. Но не гостинцев ждала от неё тётя Оля, чувствуя, что доживает, может, свои последние дни. Она хотела от души поговорить с человеком, которому доверяла, которого обожала всю жизнь.

— Сядь ко мне на кровать и расскажи про свою жизнь на новом месте. Домой в деревню не хочется вернуться?

— Там теперь и возвращаться некуда. Считай от деревни ничего не осталось. Как школу закрыли, так всё пошло в тартарары. В деревне живут несколько старушек пенсионерок и больше никого нет. А тут у меня работа, заработок вполне приличный, есть где жить. Бога гневить не надо, пока всё идёт ладно. А тебе, видно, тяжело привыкать тут.

— Я не хотела ехать. Помирать в своём доме собиралась. Когда невестка сказала, что ты будешь тут рядом, — согласилась.

Тётя Оля вздрогнула как в лихорадке и тихонечко заплакала. Мария Ильинична взяла её

за руку, другой ласково погладила по лицу, по прядям редких седых волос на голове и, растерявшись, сама прослезилась.

Так они просидели долго, не замечая времени. Напоследок любимая соседка накормила болящую манной кашей с домашним черничным вареньем, напоила свежим чаем с мятой, и тётя Оля задремала. Гостя, глянув на маленькие наручные часики, осторожно поднялась. Ей оставалось времени только на то, чтобы торопливо собраться и успеть на уроки во вторую смену.

Потом такие посещения стали постоянными. Привычными. Прикованная к постели женщина ждала не невестку с работы, а свою давнюю любовь — соседку. И так до самой кончины. Хотя невестка добросовестно обихаживала почти недвижимую свекровь, мыла её теплой водой, убирала горшки, переодевала в чистое бельё. Но всё это вроде бы не замечалось. Умиравшая женщина душой и сердцем была с другой.

Воистину неведомы людские судьбы.

Тот скорбный день пришёлся на воскресенье. Маша с утра, как обычно, пыталась напоить свекровь чаем. Та сделала несколько глотков и опять рухнула в постель. За последние два дня ни разу не поела, а теперь отказалась пить.

Забывшись на несколько минут в тяжёлом сне, свекровь очнулась вроде как от испуга.

— Мм-а-ша, — простонала она, — позови Мишку, сына моего позови!

Мишка во дворе готовился затопить баню. Когда услышал, что его зовёт мать, сразу подумал неладное. Как был в сапогах и рабочей куртке, усыпанной опилками, так и поспешил к её постели.

— Миша, сынок мой, помираю я. Позови соседку. Надо попрощаться.

Мария Ильинична бросила все дела и без стука вошла в квартиру. На секунду остановившись в нерешительности, она без единого слова прошла в комнату умирающей и, как обычно, села к ней на крайчик кровати. Тётя Оля открыла глаза, и слабая горестная улыбка промелькнула на её лице.

— Машенька! Помираю я...

После таких слов она осторожно взяла руку женщины, о которой всю жизнь мечтала как о своей невестке. Из последних сил сжала эту руку и затихла. Мария Ильинична тут же заметила, что рука постепенно обмякла и повисла недвижимо. Поняв, что всё кончилось, соседка встала с кровати, прикрыла усопшей глаза, положила её руки, скрестив на груди, и неслышно вышла во двор. Там увидела Михаила. Сообщила ему о постигшей беде и пообещала помощь в похоронных делах.

Прошли похороны и поминальные дни, положенные по традициям русской православной церкви. Стала забываться тягостная обстановка ритуальных событий. И только невестка, оставшись теперь одна, без свекрови, изо дня в день мысленно перебирала их долгую совместную жизнь. Она вспоминала, что со свекровью научилась ладить. Что у них никогда не было ни одного крупного скандала. Невестка шадилла пожилую женщину. Не спорила с ней по мелочам. Даже если чувствовала, что та не права. Со временем она научилась молчать, когда надо было резко ответить на очередную обиду. Только её терпение, такт и, наверное, врожденная привычка почитать старших позволили двум глубоко чуждым друг другу людям мирно прожить вместе многие годы.

Невестка отличалась твердым характером. А ещё здравым умом, который помог ей всю силу воли употребить на то, чтобы в доме не было скандалов. Если в школе, на заседаниях педсовета, Мария Прокопьевна, как говорили, резала правду-матку в глаза, невзирая на лица, иногда запальчиво, всегда страстно, то дома она старалась быть тише воды ниже травы. Даже с мужем бранилась полупшепотом где-нибудь в закутке, чтобы этого не видела и не слышала свекровь. Она всё сделала для того, чтобы отношения со свекровью были если не добросердечными, то добрыми. Свекровь, видимо, это чувствовала и к глубокой старости стала гораздо покладистой.

Анализируя свои взаимоотношения со свекровью, невестка так и не могла найти ответа на главный вопрос.

Маша знала, что её никто не упрекнёт за плохое отношение к свекрови. Ведь благодаря и её стараниям та прожила больше девяноста лет. Невестка понимала природу давней взаимной неприязни и если не оправдывала это, то относилась терпимо. Но был один вопрос, одна загвоздка, которая осталась непостижима её уму.

Возвращаясь к давним временам, Маша вполне осознала, что тёплых, душевных, матерински-дочерних отношений между ею и свекровью быть не могло. С годами невестка стала к этому относиться спокойно и не переживать, как на первых порах. Так бы, может, она спокойно и проводила свекровь в последний путь. Даже узнав о частых посещениях соседки, Маша не особенно расстроилась.

Однако она думала, что каждый человек, почуввав скорую кончину, зовёт к себе самых близких людей. И кается перед ними, просит прощения за доставленные обиды. Но тут умирающая, понимая, что приходит конец, позвала соседку. Не сына, не невестку, а соседку – Марию Ильиничну. По сути, чужую женщину. Неужели она была для умирающей самым близким человеком?

Эта загадка так и осталась для всех неразгаданной. Понять последнюю волю усопшей не смогли ни невестка, ни сын.

Минули годы. Успела состариться сама невестка. Однако, рассказывая эту историю, она так и не нашла ответа на главный вопрос: почему даже в предсмертный час не случилось покаяния; почему, прожив больше девяноста лет, свекровь так и ушла на вечный покой с неприязнью к родным и близким. Неужели это гордыня возобладала над разумом?

А может, и правду говорили про неё в деревне: «Хоть молилась перед иконами, но в душе жила без Бога».

Виталий Васильевич МОРОЗОВ –

прозаик, поэт.

Родился в 1932 г.

на хуторе Алешня Торопецкого р-на Тверской области.

Окончил Карело-Финский государственный университет,

по специальности «инженер-геолог-разведчик»,

более 45 лет проработал в геологических экспедициях.

Автор четырех книг: «Так и было» (2006),

«Мой университет» (2008), «Мои экспедиции» (2011),

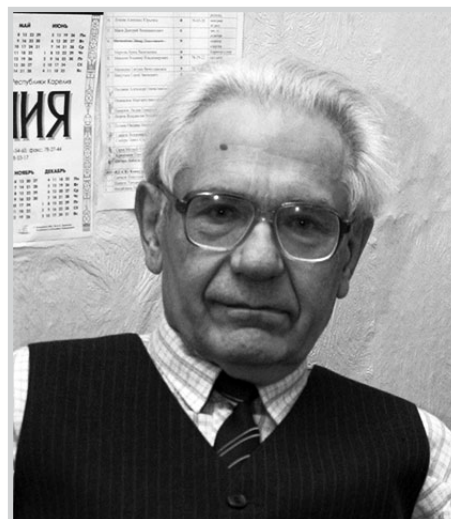
«Житейские истории» (2013).

Печатался в карельских и российских периодических изданиях.

В «Севере» публикуется с 1995 года.

Член Союза российских писателей.

Живет в Петрозаводске.

**Панко
АНЧЕВ**
Болгария

Современный сложный и противоречивый мир не имеет аналогов в прошлом. Поэтому перед философией встают новые проблемы, ранее никем не решавшиеся. Философам надлежит проанализировать противоречивые события в жизни народов всех континентов, с тем чтобы представить полное и правдивое знание обо всех процессах, возникших в XXI столетии и создающих тот мир, который мы называем эпохой XXI века. Народы и государства хотят осознать эти процессы во всей их сложности и в полном объеме, чтобы затем найти способы и средства для достойного существования и взаимодействия друг с другом. Этноты никогда не жили полностью изолированными друг от друга. Если кому-то приходилось некоторое время жить обособленно, то рано или поздно наступал момент, когда нужно было покончить с изоляцией. Начиналась мучительная борьба – обычно это были войны или столкновения. Люди живут вместе по единому для всех божьему промыслу. При этом следует учитывать, что все люди разные. Они объединены в том смысле, что у них есть общие черты, они действуют одинаковыми способами. Так было даже тогда, когда люди находились на огромных расстояниях друг от друга и не знали ничего друг о друге, так как между ними не было прямых контактов. Но современный новый мир практически уничтожил расстояния при помощи высоких скоростей и информационных технологий, а также благодаря стиранию различий путем внедрения единых стандартов в культуре и способах существования. Сейчас о народах на земле скорее можно говорить, что они вместе, а не разделены. Народы унифицируются, стираются различия, больше открываются друг другу, обмениваются опытом с далекими и близкими соседями. Эти процессы очевидны, и они проявляются разными способами. Действительно,

народы находятся на разных стадиях своего развития, одни богаты, а другие бедны, но все же различий между ними становится меньше. Могут ли философы уловить эти процессы сближения и понять их?

Как известно, познанием мировых процессов занимаются разные науки. Познание начинается с описания процессов и закрепления терминологии. Ничего нельзя познать, если не обозначишь, не покажешь границы и объемы объекта изучения. Мы представляем себе мир по божьему образу и подобию – таким, каким его задумал Творец, Создатель. Для описания этого мира мы подбираем слова, термины, всякий раз уточняем их, расширяем свои знания, обогащая собственный опыт. Наша речь пополняется одними метафорами, освобождается от других метафор – мы стремимся стать более конкретными и точными. Трудности научного познания, особенно гуманитарного, заключаются именно в обозначении предмета исследования, в создании терминов и затем в описании предмета познания. У нас нет готовых формул, мы подбираем слова, которые из-за нашей духовной немощи не всегда правильно находим и не совсем точно используем. Гуманитарное знание остается приблизительным, оно не совсем истинно, так как не может представить абсолютную истину. Именно из-за человеческой духовной немощи гуманитарные науки не могут найти точного обозначения явлений и процессов. И, как правило, неоднозначно формулируют проблематику, которую хотят изучать. Эта духовная немощь есть и доказательство того, что мы люди, она придает научному процессу характер бесконечности. В принципе, мы обозначаем явление и факт таким образом, чтобы стала ясна предметность, чтобы сделать их зримыми и конкретными, то есть приравниваем их к конкретным и уже знакомым фактам. Сравнивая новое с привычным, мы делаем факты более доступны-

ми для изучения. Дефиниция по своей сущности есть концентрация видимых особенностей явления в одно целое. Они должны занять свое законное место в зависимости от главных признаков, которые мы увидели в предмете, или в зависимости от явлений, которые мы постигли, наблюдая изучаемый объект. Речь идет о том, является ли достаточно ясным и точным понятие «диалог культур», чтобы на его базе мы могли изучать сегодняшнее состояние культуры вообще и ее место в так называемой «глобализации». Глобализация влияет на культуру, а культура остро откликается на глобализацию. Культура отражает все последствия мирового экономического слияния и унификации. Потому что культура – это прежде всего разнообразие и своеобразие. И не случайно сегодня так велик интерес к состоянию и проблемам культуры в их разнообразных аспектах. Именно поэтому в последние годы получила активное развитие культурология. Одна из главных проблем, которые она ставит, – так называемый «диалог культур» или «столкновение цивилизаций». Очевидно, что мир, народы, государства и их культуры взаимодействуют по-новому, трансформируются под воздействием новых процессов, приобретают новые состояния. Вопрос в том, как все это обозначить точно и ясно, чтобы люди могли изучить происходящее во всей полноте с максимально возможной точностью. Наши попытки обозначить протекающие в современной культуре процессы терминами «диалог», «столкновение» или «взаимодействие» выражают скорее механические процессы, а не сущностные. Они демонстрируют внешнее, наружное, то, что сведено до уровня конкретного, знакомого в других сферах деятельности. Диалог культур требует напряжения усилий двух сторон. Иначе ничего не получится. Для диалога необходимо желание двух участвующих сторон, которые выражали бы что-то различное или близкое, но требующее уточнений при помощи знакомых понятий и терминов. Надо говорить на одном языке. То же относится и к противоборству или взаимодействию, при котором необходимо проявить волю, с одной стороны, и отклик, усилие – с другой. Нужны терпение и такт для преодоления разногласий. Тот, кто сильнее, говорит больше и «одолевает» слабейшего, устанавливает правила дальнейшего существования субъектов. Я не говорю, что культуры не ведут диалога или между ними нет столкновений, но все же между ними больше взаимодействия. Это необходимо и крайне продуктивно для их развития, а также для развития всего человечества. Однако это состояние нестабильно, жизнь культур в условиях глобализации протекает не только в удобных формах. В диалоге с «большими» культурами находятся все «малые» культуры, независимо от того, где они находятся. Возможности общения сокращают расстояния и открывают доступ к сокровищницам культур. Современные

коммуникационные средства сближают и даже объединяют малые культуры с большими, особенно с американской. И поскольку малые культуры по своей природе подражательные, то они быстро американизируются, или вестернизируются. (Если для кого-то термин «подражательный» звучит оскорбительно, то мы предлагаем называть этот процесс «общающимися сосудами».) Американская культура (как и все большие культуры) благодаря огромным ресурсам, которыми она располагает, и способности быстро и легко развиваться в новой среде «переливается» в малые культуры, постепенно делает из них похожую на себя. Я считаю, что характер существования культур в глобальном мире можно назвать симфонией, другими словами – созвучием, а уже потом диалогом. Это их изначальное состояние, которое характеризует их бытие в глобальном мире. Каждая из культур отправляет свои послания в разных формах, они говорят слабым или сильным голосом, проявляют себя в традиционных особенностях и сообразно месту, которое народы занимают в геополитике. И не имеет никакого значения, ведут они между собой активный или пассивный диалог, влияют ли они друг на друга прямым или косвенным образом – они находятся на своих местах, живут своей жизнью. «Малые» культуры абсолютно равноправны со всеми остальными. Когда я говорю, что каждая культура находится на своем месте, я подчеркиваю, что это место условно и его трудно идентифицировать, поскольку нет чистой, то есть однородной, культуры. Культура – сложное образование, состоящее из разнородных национальных элементов, носители которых входят в состав нации. Это особенно характерно для сегодняшней ситуации, когда смешение народов стало неконтролируемым и невозможным для строгой селекции. В одном государстве, в одном городе, в одной деревне живут представители разных наций, каждый из которых распространяет свою культуру и вместе с ней включается в культуру большой нации и в глобальную культуру. Поэтому трудно локализовать голос национальной культуры и очистить ее от чуждых звучаний и диссонансов. Это возможно лишь в рамках конкретного анализа конкретной культуры или культур одного отдельного региона. Но в целом культуры относительно индивидуальны – как звук отдельного инструмента в оркестре. Но инструмент звучит по-разному в руках разных исполнителей (отдельные инструменты различаются настройкой, тембром и спецификой звука). Различия в общем оркестре незначительны, но они существуют, их управляют только специалисты в определенных условиях. Симфония культур в мире возможна, потому что каждая из них исполняет одни и те же функции, служит одним и тем же целям и развивается по одним и тем же законам, как инструменты в оркестре, которые играют по одним нотам одно произведение. Они

самостоятельные, автономные и равнозначные по своей сущности. Ни у кого из них нет власти над другой, хотя каждая культура может стремиться приобрести такую власть, а большие культуры вообще считают, что малые должны следовать за ними и равняться на них. В жизни так и происходит, но это следствие объективных условий. Это не только не нивелирует своеобразие, но и подчеркивает его. В разные времена как основная движущая сила или как главный аналитический принцип на первый план выходят разные доминирующие факторы, которые объявляются важнейшими и даже единственными. Они играют роль руководящего элемента (дирижера) в общем звучании мировых культур – в их симфонии. «Дирижер» – важная фигура, хотя и без него иногда можно обойтись, но он необходим, чтобы задавать темп, внести оригинальность в интерпретацию и звучание, отмечать такт, подавать сольные партии, то есть отчетливо очерчивать ведущие культуры. Это не исключает конфликтов, противоречий, даже войн, потому что «дирижеры» меняются. Но даже когда появляется диссонанс, симфония не нарушена. Иногда в ней звучит фальшивый тон, но это продолжается недолго. Глобальная культура не может быть механическим собранием всех культур в мире или какой-то квинтэссенцией отобранных культур. Она такая лишь в представлении материалистов и прогрессистов, для которых важны история линейного развития и надстройка одного явления над другим. Лучше ее представлять как новое образование (какое оно, мы еще не знаем, но пристально его изучаем). Оно может быть воспринято в том же духе, как Гете сформулировал понятие «мировая литература». Но так как сегодня культуры в гораздо большей степени взаимосвязаны и находятся в непосредственном контакте, то вполне возможно создать нечто, что не будет ни первым, ни вторым, ни

собранием всех вместе. Глобальная культура – плод культур народов, она приобретает свое бытие и дух. Она – симфония, созвучие, общее творение всех участвующих, новое бытие. Независимо от того, как мы рассматриваем культуру, в каких проявлениях ее изучаем, она включает в каждый свой национальный вариант общее, одинаковое, родственное для всех остальных культур, хотя это «общее, одинаковое, родственное» трудно и даже невозможно отделить, изолировать в «лабораторных условиях» и описать формулами и словами. Но такое «общее» существует, так как в конечном счете люди созданы одним прародителем, живут на одной земле, дышат одним воздухом. Экономические, политические, национальные, религиозные, расовые и другие различия не разделяют и не отчуждают людей, а только приспособливают их к разным условиям. Пристальный анализ этих различий поможет установить, что культуры отличаются только тем, что характеристики им даны на разных языках, – и ничего больше. Национальные культуры как инструменты в большом оркестре, называемом «глобальная культура», который под управлением «дирижера» исполняет одну партитуру, то есть грандиозную симфонию. Наш долг – уметь слышать и понимать эту симфонию, а не твердить, что в этом оркестре играют только некоторые инструменты, ведущие между собой диалог, на фоне которого остальные пытаются настроиться как послушные исполнители уже «сыгранной музыки». Если мы обратимся к определению Гете «мировой литературы», постараемся увидеть величие проходящего процесса глобализации, согласовать его специфику со спецификой разных культур, участвующих в этом процессе самостоятельно и равноправно, то осознаем, что глобальная, или мировая, культура – это симфония, созвучие всех культур в мире. □

Панко АНЧЕВ –

критик, историк литературы,

публицист, философ.

Родился в 1946 г. в Варне.

Член Союза болгарских писателей.

Почётный доктор Литературного института им. А.М. Горького.

Ответственный редактор

литературно-художественного журнала «Просторы».

Живёт в Варне.

В журнале «Север» публикуется впервые.

**Алексей
КУЗЬМИН**
г. Петрозаводск

Не приходится удивляться, когда выходят книги, посвященные известным политикам, писателям, ученым – такая биографическая литература давно пользуется прочной популярностью. Но книгу, вышедшую недавно в карельском издательстве «Периодика», можно, пожалуй, назвать уникальной. Она посвящена строителю. «Дело жизни Л.Д. Катанандова» – так она называется и вмещает в себя воспоминания многих коллег и друзей известного карельского строителя, воспоминания его сына – С.Л. Катанандова, долгое время возглавлявшего Республику Карелия, выдержки из газетных и книжных публикаций разных лет.

Памятником строителю обычно служат те здания, те промышленные и жилые объекты, которые он возвел. Пусть в большинстве случаев на этих зданиях нет табличек с именами людей, построивших их, но именно строения – лучший памятник. В этом смысле памятником Леониду Дмитриевичу Катанандову являются целые города, огромные предприятия, большие районы.

Книга рассказывает о жизни человека, благодаря усилиям которого были построены целые города в Карелии. Выпускником института приехал он в северную республику. Сергей Леонидович Катанандов, сын героя книги, вспоминает: «Сохранилось письмо, которое мне попало в руки уже после смерти родителей. В нем отец почти сразу после приезда в 1953 году в Карелию пишет матери, которая еще училась в Ленинграде: «...Люся, ты знаешь, у меня сегодня большой праздник: я первый раз за неделю поел горячей пищи...» Это чтобы иметь представление о том, как жилось в те времена. Я так понимаю, что не на что было – причем уже у работающего человека, после института».

Леонид Дмитриевич начал с работы в проектной организации. Первым его объектом стал мостик между клубом ОТЗ и Онежским тракторным заводом. Кстати, мостик этот до сих пор стоит и исправно служит.

Вообще, в карельском строительстве тогда шли большие перемены. «Характерной чертой застройки конца 1940-1950-х гг. в Петрозаводске, Кондопоге, Сегеже стал переход от деревянного домостроения к каменному. Постановлением правительства республики, начиная с 1952 г., в центре Петрозаводска было запрещено строительство деревянных жилых зданий без специального разрешения Совета Министров КФССР. Герой Социалистического Труда, бригадир Жилстройтреста К.П. Петушкова вспоминала: «Начальник управления предложил нам переучиваться на каменщиков... Работали, не жалея ни сил, ни времени, в любую погоду – и в дождь, и в стужу. Все время под открытым небом... в две, а то и в три смены... Помню, как радовалась своей первой награде. За хорошую работу мне вручили 5 кусков хозяйственного мыла. Кусок или два я отослала маме, а остальные поделила между подружками». Это еще одна иллюстрация того, в каких условиях жила страна, и, в частности, строители.

В 1960 году герой книги стал главным инженером, а затем возглавил петрозаводский Жилстройтрест, в 1965 году стал заместителем начальника Главного управления по строительству в Карельской АССР, а через три года – начальником этой структуры. Крупнейший на Северо-Западе России строительный комплекс Карелии Л.Д. Катанандов возглавлял 17 лет. Он стал руководителем Главсевзапстроя, когда эта структура только формировалась. По сути, именно Катанандов со своими коллегами формировал весь строительный комплекс республики. В те годы в столице республики строились новые жилые микрорайоны, заводы: «Петрозаводскмаш», «Авангард», «Онего», радиозавод. В Кондопоге шло мощнейшее строительство комбината и города. В Сегеже также строился ЦБК и городские кварталы. В Надвоицах шла модернизация алюминиевого завода. Была построена Костомукша.

Та Карелия, которую знали нынешние поколения, была построена Леонидом Дмитриевичем Катанандовым и его товарищами. Во многом это и сегодняшняя Карелия, поскольку в последние десятилетия такого масштабного строительства, какое велось во время Катанандова, республика не знала.

Можно было бы сказать, что, в определенном смысле, книга – это история успеха. Мы видим Леонида Дмитриевича юношей, только приступившим к работе, который и горячей еды-то каждый день не пробует. И вот перед нами – успешный руководитель огромной структуры, человек, в подчинении которого работают десятки тысяч человек. Но история успеха – лишь часть книги.

На ее страницах оживает фигура руководителя: мудрого, спокойного, но дотошного и скрупулезного. В этой связи хочется процитировать воспоминания Павла Викторовича Чернова, долгое время работавшего с Л.Д. Ка-

танандовым: «В 1980 году меня, в 30 лет, назначают главным инженером Сегежстроя. Помню, меня вызвали к Л.Д. Катанандову... Леонид Дмитриевич и говорит:

– Вот мы подумали и решили назначить тебя главным инженером треста. Помни, что трест самый большой, работает на территории пяти районов.

А я отвечаю:

– Леонид Дмитриевич, я подумал хорошо и считаю, что я не созрел для такой работы, молод, в общем, не согласен на эту должность.

Он в упор поглядывал на меня и спрашивает:

– Почему?

– Не справлюсь.

А Леонид Дмитриевич отвечает просто и спокойно:

– Не справишься – выгоним. Ты-то что потеряешь?

Ну что ответишь? Раз так, давайте попробуем...»

В один голос люди, работавшие с героем книги, рассказывают о том, как сам он не жалел времени на то, чтобы войти во все детали строительства. Так, совещания проводились по субботам с 9 утра по несколько часов. «Сам детально, скрупулезно разбирался по всем крупным объектам, вникал в суть дела детально и полностью владел ситуацией», «На чем основывались его успехи? Он дело знал. Многие, знаете, по верхам ситуацией владеют, а он глубоко вникал, понимал свою работу досконально. И аппарат подбирал себе толковый, работоспособный».

Впрочем, когда требовалось, мог и характер проявить: «Отмечу еще одну черту. Леонид Дмитриевич любил сам приехать на объект, познакомиться, провернуть, как идут дела, отметить как положительные моменты, так и недостатки. И если требовалось, мог и разнос учинить... Руководитель он был жесткий, деловой», «Сейчас вспоминаю работу Главсевзапстроя и понимаю, как много было сделано Леонидом Дмитриевичем, как много от него зависело. Не боялся он и ответственность брать на себя. Иногда возникали ситуации, когда надо было идти на конфликт, стукнуть кулаком по столу. Многие начальники в такой ситуации, чтобы не портить отношений с руководством, предпочитали своего зама отправить. А он шел сам, не подставлял зама...»

Таких характеристик, показывающих деловой подход и ответственность Л.Д. Катанандова, в книге множество. И, что хочется отметить, в воспоминаниях мы видим не только руководителя, но и человека: «В Надвоицах много работали, частенько и ночевать приходилось. И как-то допоздна задержались на объекте, потом заехали в поселок и отправили водителя за продуктами в магазин. Тот сходил, купил и выносит. И вдруг мы видим: шпана, человек пять, из условно-освобожденных, которые тогда привлекались на строительство, устремились к водителю, который был довольно хлипкого телосложения, с целью сетку с продуктами отобрать (а тогда были такие сетки-авоськи с крупной ячейкой). Леонид Дмитриевич не раздумывая, тут же выскочил на них, защищая водителя. А он был крупного телосложения, да еще в ярости – те сразу отскочили...»

О периоде середины 80-х годов в Карелии в послед-

нее время появилось несколько публикаций. Да и памяты эти годы многим. Памятны, в частности, тем, что партийным руководителем, а по сути, во главе республики стоял тогда человек властный, с нелегким характером, не терпевший возражений. Соответственно, и люди, имевшие свой взгляд и смелость этот взгляд высказывать и отстаивать, не находили с ним общего языка. Леонид Дмитриевич Катанандов покинул на несколько лет Карелию, уехал в Монголию, где, благодаря его усилиям, появился, в частности, Эрдэнетский молибденовый комбинат.

Последние годы Леонид Дмитриевич вновь провел в Карелии. Вышло так, что уезжал он из одной страны, а вернулся в другую. Он не смог безоговорочно принять новые условия жизни, как не смогли этого сделать миллионы россиян. Рассказ об этом времени тоже занимает немало страниц в книге. Сейчас задуматься о том времени весьма полезно, чтобы не упустить то важное, человеческое, что было в нашем обществе в прежние годы.

С одной стороны, время, о котором рассказывает книга «Дело жизни Л.Д. Катанандова», было совсем недавно и памятно нам. С другой – это уже история. Эти годы как бы отодвинулись от нас еще и потому, что жили мы в совершенно иных социально-экономических условиях. От опыта тех условий нельзя отказываться, хотя бы для того, чтобы не отказываться от дел, совершенных поколением наших родителей.

Остается добавить, что автором-составителем книги стал известный карельский журналист Алексей Макаров. В последние годы он выступил составителем, редактором, автором нескольких книг о новейшей истории Карелии, о людях, внесших большой вклад в развитие республики. Книга «Дело жизни Л.Д. Катанандова», созданная с большим уважением к герою и его деятельности, что и отличает работы Алексея Макарова, достойно продолжает этот ряд.

Завершить рассказ о книге хотелось бы цитатой из воспоминаний Сергея Леонидовича Катанандова: «Сейчас, когда страна пережила огромный экономический спад, обвал и распад советской системы, когда экономика республики находится в тяжелейшем положении, понятно, оценка работы отца и всех строителей, которые поднимали Карелию в условиях послевоенной разрухи, может быть только положительной. А если еще вспомнить, что в 50-е годы из себя представляла Карелия и какой она стала, когда она закончила свою работу и уехал в Монголию, то следует уже говорить о его персональных заслугах. Строители не только восстановили после войны республику, они фактически создали новую Карелию... Я думаю, что люди, которые с ним работали, совершили, с моей точки зрения, подвиг».

**Дело жизни Л.Д. Катанандова/
А. А. Макаров – Петрозаводск :
Периодика, 2014. – 304 с.**

**Александр
ВОРОНИН**
г. Петрозаводск

Перекликаясь с великими

Новый сборник стихов Георгия Чернобровкина «Осенние письма» заслуживает самого пристального внимания. Как простых любителей поэзии, так и специалистов. Это умная, тонкая, полная поэзии книга. Той поэзии, которой нас учат большие поэты всех времен и народов. С некоторыми из них автор постоянно перекликается. При этом наибольшее внимание традиционно для себя уделяет Осипу Мандельштаму. Например, всем известный «список кораблей» встречается в книге дважды:

*Что в мире этом времени сильней?
Любовь и свет. Вычитывая небо
по облакам, как список кораблей,
плыви в него и большего не требуй...*

и

*был одинок, и список кораблей
над виноцветным морем не читали
мне ласточки...*

В книжке даже есть соответствующие этой перекличке главы – «Палимпсест» и Антологическая песнь «Орешник». Антологический, значит, в духе античной лирики.

А палимпсест – это рукопись на пергаменте поверх смытого или соскобленного текста. Следовательно, таким названием Чернобровкин предупреждает чи-

тателя, что как бы какие-то слова прежних текстов не стерлись в процессе чистки и стали неотъемлемой частью текстов нынешних. А какие слова? Чьё авторство? Интересный ребус ожидает читателя.

*...я никогда не слышал аонид,
не находил потерянной подковы,
не видел «Федры», но зачем висит
пчела тягуче над струей медовой.*

или

*Здравствуй, Иосиф. Мне странно,
что я все живу,
тку свою глупую пряжу, тебя вспоминаю.
Комната, рукопись, книги... Вчера тишину
прялкой пугала. Ты знаешь, я стала иная:
время, дружок мой. Опять это чёртово время...*

«Опять это чёртово время». Действительно, опять. Потому что время – вольно или невольно оказалось сквозной темой книги Георгия Чернобровкина. И непосредственно как форма существования материи, то есть прямой объект, на котором сосредоточено внимание автора («Бег времени, увя, неумолим...»). И атрибуты времени, скажем так, локального, меняющегося эпохи, времена года, вечер на ночь, а ночь – на утро («Наносит время нам на лица грим...», «В этом времени все перемолото...»).

Склонен считать, что «время» стало если не главным героем, то серым кардиналом книги не по задумке автора, а неволью – по органичной логике его поэтического мироощущения. А оно – созерцательное, мудрое, философское. Не оттого ли всё, чего касается перо поэта, подается читателю в мягкой, доверительной, завораживающей манере? Что-то вроде волшебного бормотания.

*Что мне рассказать о зиме, что сегодня пришла?
О белой, хрустящей, звенящей, такой настоящей,
на всех языках и со всеми людьми говорящей?
О милой подруге, не узнанной мною пока?*

*По первому снегу
(по первому! можешь представить?!)
иду невесомо, почти не касаясь земли.
И хочется небо в багетную рамочку вставить,
хотя бы кусочек, вон тот, где летят снегири.*

**Чернобровкин Георгий
Осенние письма: стихи
Петрозаводск: Издательство ПетрГУ,
2013. – 152 с.
ISBN 978-5-8021-1901-3**

Елена Пиетияйнен
главный редактор

Елена Бермус
редактор отдела прозы

Евгений Кудрявцев
дизайн, верстка

Вениамин Слепков
редактор отдела очерка и публицистики

Александр Воронин
редактор отдела поэзии и сайта журнала

Людмила Шананина
корректор

Ирина Боякова
секретарь

Редакционный Совет

Большакова Надежда (Мурманская обл.)

Васильева Надежда (Петрозаводск)

Востряков Игорь (Петрозаводск)

Гнетнев Константин (Петрозаводск)

Крапивин Владислав (Тюмень)

Ковалев Александр (Санкт-Петербург)

Лемесов Валерий (Швеция)

Маркова Елена (Петрозаводск)

Миккола Мария-Леена (Финляндия)

Минеева Инна (Петрозаводск)

Мустонен Раиса (Петрозаводск)

Неёлов Евгений (Петрозаводск)

Переяслов Николай (Москва)

Пиетияйнен Елена (Петрозаводск)

Попов Андрей (Сыктывкар)

Пронин Сергей (Петрозаводск)

Соломещ Илья (Петрозаводск)

Журнал зарегистрирован Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-3570 от 31.05.2000 г.

Цена договорная